НА ПУТИ ВЪ ПЕРСІЮ И ПРИКАСПІЙСКІЯ ПРОВИНЦІИ ЕЯ

П. ОГОРОДНИКОВА

I. На-лету и астраханскіе Калмыки.—II. Астрахань.—III. Прикаспійскіе порты: Петровскъ и Дербентъ.—IV. Баку и Астара.—V. Персы и тюркмены.—VI. Гилянъ и Мазандеранъ. VII. О—въ Ашуръ-Аде и Серебряный бугоръ.—VIII. На Гязскомъ берегу и въ лѣсу. — IX. Въ Астерабадѣ.—X. Перевалъ черезъ Кузлукъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

М. И. Попова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. И. Попова, Поварской пер., д. № 2
1878

НА ПУТИ
ВЪ ПЕРСІЮ
и
ПРИКАСПІЙСКІЯ ПРОВИНЦІИ ЕЯ

П. ОГОРОДНИКОВА

I. На-лету и астраханскіе Калмыки.—II. Астрахань.—III. Прикаспійскіе порты: Петровскъ и Дербентъ.—IV. Баку и Астара.—V. Персы и тюркмены.—VI. Гилянъ и Мазандеранъ. VII. О—въ Ашуръ-Аде и Серебряный бугоръ.—VIII. На Гязскомъ берегу и въ лѣсу. — IX. Въ Астерабадѣ.—X. Перевалъ черезъ Кузлукъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
М. И. Попова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. И. Попова, Поварской пер., д. № 2
1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
42	1 снизу	ему!	нему!
69	11 „	а не „*не тринадцать*	а „*не тринадцать*
79	20 „	выраженію—(„вну-	выраженію—„вну-
85	12 сверху	невозмутимы	невозмутимы;
„	2 снизу	откуда не-	откуда нес-
92	4 „	отъ насо-	отъ зано-
99	19 сверху	Вспрыгнувъ	Спрыгнувъ
100	13 „	запасса-таки	запасся-таки
103	11 снизу	полосится	покрыть
105	7 сверху	навѣсомъ больше	навѣсомъ, больше
„	13 „	пошли въ узенькія	пошли узенькія
112	12 „	пѣ;—химикъ	пѣ—химикъ
„	21 „	выгодно	выгодномъ
123	7 „	мозглую	мозглою
125	17 „	порядки въ коранѣ„	порядки въ краѣ„
130	1 снизу	зеленью.	зеленью. Это
138	3 сверху	Ккорева	Кокорева
144	1 снизу (выноска)	(Дивы духи)	Дивы—духи
145	15 „	разногласія ихъ	разногласія населенія ихъ
161	16 „	фактивнаго	фиктивнаго
„	19 „	царю". Другими	царю", другими
163	1 „	цвѣтовъ на персидскую	цвѣтовъ, на персидскую
„	10 „	сбываютъ, произведенія свои, рыбу, какъ и въ Александровскій	сбываютъ рыбу, какъ и произведенія свои, въ Александровскій
175	4 сверху	шапки, круглыя—	шапки,—круглыя
„	5 „	изъ матерій низенькія,	изъ матерій,—низенькія
182	13 „	Разыгрался бурунъ	—Разыгрался бурунъ
185	16 „	выступало	выступила
204	1 „	ермолкахъ какъ и дѣвчонки	ермолкахъ и, какъ и дѣвченки
„	13 снизу	глинисто-солончаковой	солончаково-глинистой
206	12 сверху	глинисто-солончаковою	солончаково-глинистою
„	23 „	до 30 р.	до 3000 р.
210	9 снизу	кабы-бы	какъ-бы
219	3 „	ребятушки	ребятишки
223	15 сверху	людимъ	людямъ
247	20 „	напримѣръ,	Напримѣръ, съ
248	12 „	—Мы, конечно,	Мы, конечно,

I.

НА-ЛЕТУ И АСТРАХАНСКІЕ КАЛМЫКИ.

Въ одинъ изъ ненастныхъ вечеровъ начала апрѣля — это было въ 1874 г.,—когда петербуржецъ желчно томится безъисходною хандрой, насморкомъ и т. п., а воображеніе уноситъ его куда-то вдаль, гдѣ ласкающее дыханіе весны уже вызвало къ жизни и траву на лугахъ, и душистые цвѣты на деревьяхъ, и пѣсню соловья,—я получилъ письменное предложеніе принять участіе въ трудахъ торговой экспедиціи, снаряжаемой миллионеромъ А. И. Глуховскимъ въ Персію, Авганистанъ и далѣе вглубь Азіи. Спустя двѣ-три недѣли послѣ того вопросъ о моей роли въ ней уже выяснился. Русское географическое общество, при посредничествѣ котораго я отправлялся въ эти отдаленные, еще туманные для Европы края, для научныхъ наблюденій, снабдило меня возможнымъ матеріальнымъ пособіемъ; предприниматель же *грандіозной экспедиціи* обязался доставить мнѣ всѣ удобства во время пути, снабжать меня деньгами по мѣрѣ надобности и предложилъ въ помощь переводчика, топографа и фельдшера.

Но въ короткое время подыскать себѣ сподручныхъ помощниковъ довольно трудно, и мнѣ оставалось самому изучить практическіе пріемы леченія господствующихъ въ тѣхъ странахъ болѣзней, къ чему и было приступлено, при содѣйствіи достопочтеннаго доктора Борейши, уважаемаго всею Коломною и прославляемаго бѣднякам и, ибо онъ, сдѣлавшись извѣстнымъ докторомъ, остался прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Потративши свое здоровье на служеніе ближнему, онъ уже умеръ, но память объ немъ на долго сохранится...

Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ, несмотря на мучительную болѣзнь, принялъ меня, незнакомаго ему, какъ близкаго себѣ человѣка, - какъ, впрочемъ, онъ принималъ всю Коломну. Отъ его высохшаго тѣла уже вѣяло смертью, но въ тихихъ, умныхъ глазахъ глубоко свѣтилась жизнь и любовь къ человѣку. Бесѣдуя о трудностяхъ предстоящаго мнѣ путешествія по дикимъ странамъ Азіи, о господствующихъ тамъ болѣзняхъ и способахъ ихъ леченія, онъ составилъ для меня краткій дорожный лечебникъ, и при его-же участіи знакомый ему аптекарь приготовилъ мнѣ дорожную аптеку. То и другое принесло въ свое время не мало пользы.

Вотъ еще контрастъ. Ни одинъ изъ фотографовъ, слитыхъ душою съ вновь народившеюся «великою нѣмецкою націей», не соглашался взять съ меня за урокъ менѣе десяти рублей, а англичанинъ Каррикъ, безвозмездно потратившій на то 15 часовъ, былъ еще сердечно радъ успѣхамъ ученика, снявшаго удачно портретъ съ учителя!..

Остальное время, съ 1-го по 15-е мая — день моего выѣзда изъ Петербурга,—незамѣтно улетѣло на знакомство съ литературою о Востокѣ и приготовленіе двухъ объемистыхъ сундуковъ съ инструментами и разными матеріялами для себя и бездѣлками да механическими игрушками для подарковъ большимъ дѣтямъ, держащимъ въ своихъ рукахъ тощія судьбы Персіи, Авганистана, Туркменіи, Хивы и Бухары.

Всѣ эти вещи пойдутъ съ товарами до г. Астерабада, — условнаго пункта моего соединенія съ повѣреннымъ при торговомъ караванѣ, Грошевымъ, а теперь я ѣду одинъ и налегкѣ, потому что по просьбѣ Г-го приходится свернуть съ прямого пути въ Уфу по его личнымъ дѣламъ.

— Не покупайте себѣ дорогихъ халатовъ; чѣмъ бѣднѣе костюмъ, тѣмъ безопаснѣе, напутствовалъ онъ меня послѣднимъ словомъ въ петербургско-московскомъ вокзалѣ, сообщивъ при этомъ, что экспедиціи придется ограничиться только предѣлами сѣверо восточной Персіи... Вотъ и первое разочарованіе!

Раздался третій звонокъ, поѣздъ тронулся.

Въ полдень другого дня въ открытое окно вагона дунуло ладаномъ, дегтемъ и овчиной,—это Москва!

Запрыгали дрожки по ухабамъ длиннаго-длиннаго переѣзда, стоющаго отъ московско-петербургскаго до московско-нижегородскаго вокзала рубль, а соединительная вѣтвь тутъ-же, и въ бездѣйствіи. Но говорятъ, будто-бы она построена не для одного только украшенія первопрестольной столицы, а и для удобства пассажировъ, ѣдущихъ съ Питера прямо въ Нижній? Можетъ быть, это правда,—не испыталъ.

На нижегородской станціи толпится много народу. Этотъ суетится, тотъ спрашиваетъ, а третій проситъ высокаго господина въ погончикахъ полковничьяго ранга, вѣроятно начальника станціи:

— Позвольте мнѣ взять вотъ этотъ маленькій сакъ съ книгами съ собою въ вагонъ... Сторожъ не пропускаетъ...

— Никакъ-съ нельзя. Желѣзнодорожныя правила и моя обязанность... вы понимаете?

— Но сакъ не займетъ лишняго мѣста, да притомъ мнѣ крайне нужно просмотрѣть книги дорогою.

— Обязанность...

— Ахъ, m-г... Я разсчитываю на вашу любезность, перебиваетъ дама въ кружевныхъ оборкахъ, заплывающая отъ носу и до пятокъ сал мъ.—Я увѣрена, что вы не разлучите меня съ милою Амишкой и вотъ этою шалуньей Биби.

М-г военнаго покроя, изгибаясь, прищелкнулъ шпорами, и двѣ собачки съ барыней отправились въ вагонъ, а маленькій сакъ съ книгами швырнули въ багажъ.

Но сцена этимъ не кончилась. Когда пассажиры усѣлись по мѣстамъ, къ начальнику станціи приблизился злосчастный любитель книгъ и, приподнявъ шляпу, тихо проговорилъ:

— Благодарю, очень, очень благодарю...

Тотъ, не понявъ ироніи, сіялъ, любезно раскланиваясь въ отвѣтъ.

— Вы собакъ предпочитаете книгамъ?! вспыхнулъ пассажиръ.—Это тоже входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей?...

— Труби, милый, сколько влѣзетъ,—не поможетъ; за таковой фундаментъ онъ еще благоволеніе получитъ отъ начальства, съострилъ кто-то изъ толпы, но сконфуженный полков-

никъ не устоялъ: на этотъ разъ онъ отправилъ поѣздъ цѣлою минутою раньше.

Съ Нижняго до Казани и оттуда дальше на 6 дней пути по широко—разлившейся Камѣ и Бѣлой, до г. Уфы, пришлось мнѣ ѣхать на пароходѣ общества «Самолетъ». Несмотря на 17-е мая, вѣтеръ дулъ такой зимній, что многіе палубные пассажиры схватили «жабы», а въ каютѣ 2 класса — давка и облака дыму. Народъ здѣсь больше коммерческій и прикащики; пробавлялись сперва чайкомъ да селянками, даже одурь ихъ взяла, и вотъ одни сѣли за карты, прочіе—глазѣютъ на нихъ.

— Не въ Бирскъ-ли изволите ѣхать? справилась одна бородка у другой, а тамъ—завязалась общая бесѣда.

Городъ Бирскъ, красиво расположенный по легкому скату рѣки Бѣлой, пріобрѣлъ историческую извѣстность на нашей памяти. Въ началѣ текущаго десятилѣтія мѣстный исправникъ окровавилъ мѣстнаго именитаго купца, — вотъ и все тутъ, за что этотъ до сихъ поръ незамѣтный городишка былъ сопричисленъ къ замѣчательнымъ городамъ россійской имперіи. Теперь идутъ толки между пассажирами о деталяхъ этой кровавой расправы. . . . .

. . . .

Съ исправника разсказы перешли къ другимъ властямъ уфимской губерніи, къ башкирскимъ землямъ и ловкимъ людямъ:

— ...Много богатятся теперь отъ башкирскихъ земель... Знаешь Данилку-то?.. Ну, Данило Пет...—Чуйка въ картузѣ съ ушками шепнула что-то на ухо сосѣду.

— Какъ не знать! Еще по пятаку-то купилъ сколько тысячъ десятинъ! отвѣтилъ тотъ, глубоко вздохнувъ.

— Онъ, онъ и есть! Ну, вотъ онъ и говоритъ: мое дѣло чистое и новыхъ тамъ порядковъ не боюсь, потому—у меня душа невозмутимая и я человѣкъ съ облицовкою... Вотъ только эти канальи башкиры, говоритъ, дорого мнѣ обошлись! Пріѣзжаю, говоритъ, въ степь къ самому важнѣющему,—а мы съ нимъ уже давно дѣлаваживали. Прежде всего—насчетъ клоповъ, потому что башкиръ безъ клоповъ не можетъ... Злющіе такіе!.. «Кандала баръ?» (есть-ли клопы?) спрашиваю.—«Мала, мала есть, самой смирный». Ну, думаю, смирные, это ничего. Сейчасъ п слали къ подручнымъ людямъ,—все пріятели. Ну, кому головку сахару, кому плитку чаю или тамъ что другое, и всѣмъ—угощеніе на нашъ счетъ... Больно эта татарва чай любитъ—двѣ недѣли поилъ, деньжищъ пропасть ушло, да не задаромъ!

— Значитъ, кругомъ по пятаку за десятину?

— По пятаку. А теперь вонъ за полтину не купишь, давай цѣлковый.

— Слышалъ я, вмѣшался почтенный старикъ,—что конѣ и рубля мало будетъ, потому у башкиръ земель хоть и много, да они, какъ малыя дѣти, больно не разумны; говорятъ, указъ такой вышелъ, чтобы въ обиду ихъ не давать.

— Указъ-то есть, а онъ, башкиръ-то, вотъ что говоритъ: моя тюбетейка (ермолка)! Дарю, кому хочу!..

Пока длилась бесѣда, облака табачнаго дыма и разнородныхъ испареній успѣли раствориться въ каютной сырости и отравить атмосферу ѣдкимъ зловоніемъ, что прогнало меня въ каюту 1-го класса. Здѣсь воздухъ былъ почище, но отъ рѣчей сильно несло...

Плотный атлетъ съ рыжею, окладистою бородой и рѣшительными манерами, разжигался передъ маленькимъ господиномъ суровой наружности:

— Да-съ, я піонеръ здѣсь, какъ американцы на дальнемъ западѣ!.. Я пришелъ сюда съ пустыми руками, а теперь обладаю землями и лѣсами, завелъ фермы, примѣнилъ къ земледѣлію всѣ усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія... Я прокладываю здѣсь дорогу цивилизаціи!.. Вы говорите, что къ этимъ скотамъ, башкирамъ, нужно относиться гуманнѣе и водворять цивилизацію не слѣдуетъ кулакомъ? Попробуйте! Тогда они васъ не пощадятъ: обворуютъ-съ, убьютъ!... Здѣсь нужна физическая сила.

И массивный ораторъ потрясъ въ воздухѣ объемистымъ кулачищемъ.

— А если вашъ кулакъ выставятъ въ печати? перебилъ его слушатель.

— Тому морду побью! Честное слово благороднаго человѣ-

ка—изможжу!.... Здѣсь нуженъ практическій умъ—продолжалъ цивилизаторъ, щелкнувъ себя по усѣянному веснушками лбу,—умъ, чтобы дѣйствовать на воображеніе дикаря въ свою пользу и заставить его видѣть въ васъ преимущество надъ собою во всѣхъ отношеніяхъ; тогда онъ смирится и будетъ вашимъ покорнымъ рабомъ! Меня боятся они, считая чуть не за пророка, и я гарантированъ: ни одна пылинка изъ моего добра не пропадетъ!..

Долго съ пафосомъ изрыгалъ сей уфимецъ передъ удивленнымъ слушателемъ свою систему водворенія цивилизаціи въ башкирскихъ дебряхъ и степяхъ, т. е. средства къ легкой наживѣ на счетъ непроглядной тьмы дикаго кочевника. Чего-чего только не было тутъ! И переодѣванья при электрическомъ освѣщеніи, и «вызываніе тѣней умершихъ», и фугасы, ошеломляющіе башкира, плети, полосующія ему спину, револьверъ, кулакъ и даже микроскопъ!.. Да, микроскопъ!

Какъ ни интересенъ этотъ пріуральскій «піонеръ» въ уголовномъ и психологическомъ отношеніяхъ, однакожъ, показалась У—а, и мы оставимъ его.

Губернскій городъ У—а, до котораго съ пристани нужно тащиться по довольно крутому подъему добрыхъ три версты на какомъ-то длинномъ и опасномъ инструментѣ, называемомъ здѣсь линейкою, достопримѣчателенъ, какъ плавающій городъ. Дѣйствительно, онъ по временамъ буквально плаваетъ, однакожъ, никакихъ мѣръ къ устраненію сего не предпринимается, а стоитъ только прорыть простыя водоотводныя канавки, чему самая мѣстность благопріятствуетъ, и неудобство будетъ устранено; тогда и обыватели путешествовали-бы по улицамъ прилично, а не пробирались бы, какъ лунатики, по стѣнамъ домовъ въ наклонномъ положеніи.

Иные подумаютъ: коли городъ плаваетъ, то обыватели его занимаются преимущественно уженіемъ.—Заблужденіе. Заправскихъ удильщиковъ, вылавливающихъ однимъ неводомъ по сотнямъ десятинъ башкирскаго чернозема, немного, а прочіе—или милюзга, довольствующаяся снѣтками, либо подначальный,

какъ извѣстно, завистливый людъ. «Нашъ-то опять тыщу десятинъ благопріобрѣлъ!» шепчетъ мелкая сошка другой, и обѣ начинаютъ мечтать: «Богъ продлитъ вѣку—и на насъ хватитъ»... Остальное же населеніе сплошь лапти плететъ и только объ одномъ молитъ: «Лишь-бы на хлѣбушко хватило, а тамъ благодареніе Создателю!» Впрочемъ, еще не все: на базарной площади единственный башкиръ продаетъ, по поясъ въ грязи, кумысъ, а въ какомъ-то учебномъ заведеніи есть даже микроскопъ.....

На обратномъ пути моемъ изъ «плавающаго города» въ Казань, не смотря на послѣдніе дни мая, сѣверо-восточный вѣтеръ мѣшалъ «добряку-капитану» парохода справить маевку,—дѣйствительно досадно!

— Батюшка, прими насъ на пароходъ по четвертаку съ души—пятьдесятъ слишкомъ будетъ, просятъ его бурлаки на одной пристани.—Мѣстовъ-то у тебя свободныхъ больно много.

— По полтинѣ съ рыла—садись всѣ!

Тѣ загалдѣли, замахали руками,—пароходъ удалился.

— По пятаку накинемъ, право возьми! кричатъ съ пристани.

— По полтинѣ! отвѣчаютъ имъ.

Долго шелъ торгъ, а пароходъ заманчиво лавируетъ вдали. Наконецъ сошлись на 49 копейкахъ, и мокрые лапти сумрачныхъ бурлаковъ въ изодранныхъ зипунишкахъ зашлепали по палубѣ. Пароходъ идетъ противъ вѣтра, а вѣтеръ — студеный; то-то раздолье ему между ними!

На другой день май явился въ первый разъ въ этомъ году во всей своей дѣвственной прелести. Въ воздухѣ тишь и нѣга, запахъ луговъ, лѣсовъ и легкая свѣжесть рѣки. Подъѣзжаемъ къ богородской пристани — живописный видъ! Одинъ берегъ круто возвышается въ гору, сплошь — въ зелени деревьевъ и кустовъ, другой-же, низменный, затопленъ до самыхъ лѣсовъ, что темнѣются на синемъ горизонтѣ; тамъ и сямъ отражаются въ водѣ купы деревьевъ, и — то искрилось ясное солнышко, то широко ложилось нестерпимымъ

для глазъ блескомъ между темными-темными, непривѣтливыми полосами ея, гдѣ, какъ казалось, и холодно было и глубоко...

Пассажиры 1-го класса уже давно любуются съ рубки картиною весенней природы.

— Славную маевку мы справимъ во-нъ на той горкѣ, обращается мировой судья къ статной дамѣ, выразительное лицо которой оттѣнялось грустью, что еще болѣе возвышало ея красоту.

— Господа, не распорядиться-ли мнѣ насчетъ коньяку и... какъ бишь называется?.. Да, да, газесъ! широко улыбнулся капитанъ парохода въ сторону къ молчаливому пассажиру, не отымавшему отъ глазъ подзорной трубы.

— Что жъ, коньякъ съ лимонадомъ замѣнитъ намъ шампанское, проговорилъ тотъ.

— Бѣгу распорядиться.

— Стойте! крикнулъ вслѣдъ ему мировой. — Долго-ль простоимъ тутъ?

— По положенію — два часа, а мы можемъ съ удовольствіемъ—четыре. Ха, ха, ха! Эдакая прекрасная погода — погуляемъ!..

Пароходъ остановился.

Пассажирка, въ сопровожденіи всѣхъ трехъ спутниковъ (въ томъ числѣ и меня), вышла на берегъ. Было жарко; она сняла шляпку, и черныя косы тяжело упали ей на плечи.

Всѣ поднялись на самый верхъ горы и усѣлись на лужайкѣ, скрытой кустами.

— Пусть поищетъ насъ капитанъ, проговорила она.

А тотъ съ бутылками въ рукахъ и по карманамъ, тяжело поднимался въ гору,—потѣлъ, пыхтѣлъ и кряхтѣлъ, отыскивая насъ глазами, и пошелъ-пошелъ путаться по сторонамъ.

— А-у!!. А-у, капитанъ! Сюда, сюда! высовываясь изъ-за куста, махалъ ему руками мировой, мучимый жаждою.

— Ага! Браво, браво!.. Вижу таинственный гротъ!..

И помахивая бутылкою надъ головою капитанъ затянулъ: «Многія лѣта!».

— Кому?

— Бѣльскимъ пароходамъ. Хозяева—больно хорошіе люди; многія имъ лѣта, многія...

— Слышалъ, банкроты, объявившіе себя несостоятельными, а между тѣмъ...

— Почтенные люди! Давно у нихъ служу, и слава Богу.

— А коли слава Богу, наливайте себѣ коньяку, а намъ того-же съ лимонадомъ.

— Коньякъ—питье моряковъ, уважаю его... Многія лѣта!.. воодушевлялся красный капитанъ, между тѣмъ какъ сумрачное лицо пассажирки подергивалось легкими судорогами. Мировой, подмѣтивъ въ ней внутреннюю борьбу, задушить которую она не была въ силахъ, перемѣнилъ разговоръ.

— Какое здѣсь раздолье! Луга, лѣса, горы, вода...

— Только людей не видно, отрѣзалъ молчаливый пассажиръ съ подзорною трубой.

— Потому, что намъ недостаетъ... заговорила пассажирка.

— Коньяку и стерлядки! перебилъ ее капитанъ.—Сейчасъ бѣгу, прикажу... и, спотыкаясь, направился къ пароходу.

— Коньяку и стерледей для этихъ служителей злостныхъ банкротовъ хватитъ, сверкнула та глазами.—Но намъ недостаетъ того, что ежегодно привлекаетъ изъ Европы въ Америку сотни тысячъ эмигрантовъ; того, что оживляетъ въ ней даже каменистыя пустыни!.. Дайте намъ это, дайте! И мы будемъ счастливы, умны и богаты,—мы разовьемъ счастье далеко вокругъ себя!.. Дайте намъ это, и...

Приходъ бурно разгулявшагося капитана прервалъ эту освѣжающую струю рѣдко раздающагося у насъ слова. Мы впились въ прекрасную незнакомку глазами и думали: «если не перевелись еще на Руси подобныя женщины, есть и надежда». Но кто же она? Иногда пассажиры сближаются быстро, и я могу разсказать вамъ исторію ея, сообщенную мнѣ молчаливымъ участникомъ маевки. Родилась она на дальнемъ востокѣ Россіи,—полюбила природу и еще болѣе полюбила бесѣды хорошихъ, умныхъ людей. Мать и отецъ тревожно слѣдили за симпатіями дочки, и увезли ее въ Оренбургъ на излеченіе къ теткамъ, бабушкамъ и дядямъ.

«Боже мой, какая здѣсь пустота, какое омерзеніе кругомъ! Вырвусь на свободу и буду жить разумною жизнью...» думала 18-ти-лѣтняя дѣвушка, тоскуя въ обществѣ родственной своры, солидно бесѣдующей объ Амишкахъ и Биби, акціяхъ, облигаціяхъ и о «нашемъ» прогрессѣ... Но какъ осуществить страст-

ные порывы къ добру? Хватитъ ли наличныхъ средствъ идти по слѣдамъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя сразу разорвавъ связь съ прошлыми и современными нелѣпостями, избираютъ себѣ тернистый путь прокладывать широкую дорогу другимъ? Посмотримъ...

Между тѣмъ ее полюбилъ одинъ изъ лучшихъ, какъ казалось ей, людей, посѣщавшихъ общество, съуживавшее ея жизнь желѣзнымъ кольцомъ. Онъ клялся ей, что, выходя за мужъ за него, она разбиваетъ оковы, связывающія ея волю и честныя стремленія,—что богатства его послужатъ могущественнымъ орудіемъ для достиженія ею цѣлей своихъ...

Молодость довѣрчиво вступаетъ въ полный романическихъ грезъ невѣдомый ей міръ житейской грязи, и вотъ—она жена,—жена черстваго эгоиста, пресмыкающагося передъ золотомъ и силою!

Ея чувства оскорблены имъ, но жизнь еще не разбита: она ищетъ выхода и рвется теперь въ Москву съ надеждою добиться тамъ полезной дѣятельности,—вотъ тутъ-то и точка!.. И намъ понятенъ вырвавшійся изъ груди ея крикъ: «дайте намъ то что оживляетъ даже скалы!..»

— Возьмите съ бою, иначе не уступлю! Буфетчикъ клянется—послѣдняя! Ха, ха, ха! ревѣлъ запыхавшійся капитанъ, размахивая бутылкою коньяку. Всѣ молчали.

— Что пріуныли? Затянемъ пѣсенку, и все будетъ ладно... Я крикну помощника—прекраснѣйшій запѣвало.

И онъ, изобразивъ ладонями рупоръ, заоралъ по направленію парохода: «Михайло Ильичъ! Михайлушко, скорѣе къ намъ!»

Михайлушко явился, но «по застѣнчивости» пѣть отказался. Этотъ пробѣлъ маевки пополнили двое мальчугановъ, пришедшихъ сюда изъ ближайшей деревни понабрать хворосту.

— Давай, баринъ, на орѣхи,—пропоемъ!

— Катай!

Ребятишки, приплясывая, заголосили о томъ, сколько горя и печали достается на долю человѣка.

Зажгли костры. Пассажирка тревожно смотрѣла вдаль, а мировой сталъ разсказывать молчаливому пассажиру о разныхъ приволжскихъ исторіяхъ...

— Пора въ путь, господа,—нагулялись! закончилъ маевку посоловѣвшій капитанъ, и мы вернулись на пароходъ.

Тутъ буфетчикъ подалъ намъ счетъ. Одинъ изъ пассажировъ читаетъ вслухъ:

— Мм-мм... пробка—рубль, рюмка коньяку — 50 к. Какая пробка? обращается онъ къ развязному слугѣ.

— Изволили въ обѣдъ свое вино кушать, по положенію—рупъ, а коньякъ-съ подан *Го*—полтина за рюмку.

— Въ бутылкѣ оставалась съ города всего рюмка рублеваго сотерну, и никакой тамъ пробки не было—я ее бумажкою заткнулъ, протестуетъ пассажиръ.—Да гдѣ у васъ такса? Ее не видно... Вездѣ на пароходахъ за пробку 25—30 к., а здѣсь—рубль! сердится онъ, требуя у буфетчика таксу. Тотъ суетливо зашарилъ сперва у себя въ карманѣ, потомъ подъ тюфякомъ, откуда и вытащилъ «правила», никѣмъ неподписанныя, но въ которыхъ дѣйствительно значилось: «съ каждой бутылки своего вина взимается по рублю». Анонимное правило еще болѣе взорвало пассажира и окончательно смутило буфетчика, который отказался отъ платы и за пробку, и за «*Го*», но на лицѣ развязнаго слуги играла самая ядовитая иронія: «Какой-же ты есть теперича баринъ, коли, примѣрно сказать, провѣряешь счеты и споришь за рупъ? Э-э-эхъ ты!..»

Простившись въ Казани съ «бѣльскимъ» капитаномъ, мировой съ молчаливымъ пассажиромъ пересѣли на «самолетскій» пароходъ, идущій внизъ по Волгѣ, а дама поѣхала въ Москву. Въ добрый часъ!..

Виды весенней Волги здѣсь скучны. Погода опять вѣтряная. Впереди насъ летятъ два парохода чуть-ли не на всѣхъ парахъ, что̀ возбуждаетъ любопытство и замѣчанія палубныхъ пассажировъ:

— Ишь какъ улепетываетъ «Капказъ»! Гдѣ самолетскому догнать его!

— Промежъ нихъ всегда идетъ гонка.

— Гонка—имъ шалость, а упаси Богъ—машину разорветъ, тогды...

— Эво-о?!

— Чего эво?.. Дѣло мастера боится, а не то подбавишь па-

ру—угоришь. Глянь-ко сюды!—(Старикъ показалъ на своемъ лицѣ и рукахъ слѣды сильнаго обжога.)—Вотъ те гонка чѣмъ закончилась!

— Отчего у тебя это, дядя?

— Говорю, отъ гонки... Вотъ такъ-то ѣхали мы, какъ теперь, а хозяинъ парохода, сильно подвыпившій, захотѣлъ летѣть шибче вѣтра. «Валяй пару!» — оретъ. Машиниста опаска взяла: «Больше, говоритъ, не могу, потому—котелъ лопнетъ». «А ты моему нраву не препятствуй, потому — кто здѣсь голова?—Все я-же!..» И ну валять дрова въ печь... Котелъ-то и впрямъ лопнулъ!.. Насъ шарахнуло—попадали, и-и-и стра а-сти, что было!.. Всѣмъ досталось: кто убитъ, кто искалѣченъ,—вонъ какъ паромъ обдало многихъ,—а самого-то хозяина, почитай, и слѣдовъ не нашли. Вотъ те и гонка!..

— Тутъ видѣнъ перстъ Божій... со вздохомъ замѣтила старушонка:—хозяинъ-то больно крутенекъ былъ...

— Эво-о?!

— Чего ты, парнишко, эво?.. Говорю тебѣ—перстъ..

— А дядю за что-жь опалило?

— Мимоходомъ, паренекъ, мимоходомъ...

На другомъ концѣ парохода сидѣли на узлахъ двѣ женщины не первой молодости, въ платьяхъ городского покроя, и, какъ видно, давнишнія пріятельницы. Та изъ нихъ, которая все плачетъ и сморкается, разсказываетъ другой, съ участіемъ покачивающей головою:

— ...Онъ былъ судебнымъ слѣдователемъ, а теперь его смотрителемъ сдѣлали въ департаментѣ.

— Это, значитъ, въ чиновники произвели?

— Съ судебнаго да въ чиновники, что ты, глупая? Онъ смотритель, а чиновникъ будетъ ниже чиномъ смотрителя.. осерчала та.

— Чего бранишься-то? Видно не-задаромъ вытурилъ.

— Врешь ты, ехидна! Не вытурилъ,—отъ начальства указъ вышелъ ему жениться, я и осталась безъ дѣловъ,—вотъ что!..

Двѣ собесѣдницы, повздоривъ не на шутку, разошлись по разнымъ угламъ, и уже не сходились вплоть до самаго Спасскаго затона, что въ 90 верстахъ отъ Казани. Общество «Кавказъ и Меркурій» располагаетъ тутъ 502 десятинами земли, съ пристанью на сваяхъ, плотинами и мостами, жилыми зданіями и механическимъ заводомъ...

Подъѣзжаемъ къ Самарѣ. Судя по бесѣдѣ сельчанъ на рубкѣ, здѣсь ждутъ обильнаго урожая, но большая часть изъ нихъ ждетъ его съ безотраднымъ чувствомъ.

— Урожай?! съ горечью говоритъ сквозной зипунъ;—знамо дѣло цѣна на хлѣбъ упадетъ,—на чорта-жь намъ урожай!

На это размашистая чуйка въ лакированныхъ сапогахъ и съ серебряною цѣпочкою толково замѣтила, что можно сдѣлать запасъ на три года.

— Эв-во, запасъ! Долговъ по горло съ голодныхъ годовъ, а онъ про запасъ толкуетъ! Не запасать, продавать нужно, а кулаки тоже знаютъ свое дѣло,—во-отъ что-о!

. . . .

Въ Саратовѣ пыль стоитъ облакомъ: вездѣ строится, бѣлится, красится; по главной улицѣ ходить невозможно...

Направляемся къ Царицыну.

Въ каютъ-компаніи 2-го класса откормленный и тщательно одѣтый господинъ съ бѣленькимъ значкомъ «путейца» сіяетъ самодовольствіемъ и полнымъ счастіемъ передъ тремя пассажирами, изъ коихъ одинъ слушаетъ его съ сладострастіемъ, даже—облизывается, другой—съ тонкою ироніею, зѣваетъ, а третій полудремалъ на диванѣ.

— На послѣднемъ экзаменѣ, разсказывалъ маленькій бѣленькій значекъ, — онъ взялъ меня подъ руку и представилъ двумъ важнымъ генераламъ: «Вотъ столпъ нашъ!» Такъ и сказалъ: «Капитанъ Ф—ій—украшеніе наше, столпъ нашъ!» Генералы пожали мою руку съ «высокимъ чувствомъ»... Билетъ попался мнѣ счастливый,—очень, очень интересный!—Тамъ разныя вычисленія... Напримѣръ, солнце... Да, я вамъ скажу, высшая геодезія—это все!.. это... «это корона, это щитъ!».

Пассажиръ съ ироніею взглянулъ на разсказщика вопросительно, а другой отъ наслажденія даже высморкался со слезами.

— Не знакомы-ли вы съ Семисовымъ? спросилъ послѣдній у «столпа».—Хотѣлось-бы къ нему на работы попасть.

— Вѣроятно, знакомъ; ему весь Петербургъ знакомъ, замѣтилъ лежавшій на диванѣ съ легкою улыбкой.

— Съ нимъ я въ короткихъ отношеніяхъ. Славный господинъ!.. Хорошо, хорошо, напишу объ васъ...

— Не о томъ-ли Семисовѣ рѣчь идетъ, о которомъ всѣ говорятъ, что онъ какъ человѣкъ — дрянь, а какъ инженеръ — ничего не смыслитъ? заинтересовался ироничный господинъ.

— Что вы?! Между моими знакомыми такихъ не бываетъ... Это—порядочный господинъ: одѣтъ всегда отлично, очень любезный и необыкновенно уменъ!.. Онъ строитъ теперь желѣзную дорогу, кажется на Кавказѣ...

— Тотъ тоже одѣтъ всегда съ иголки, и когда выгодно ему—любезенъ до подлости, но непоколебимо глупъ—всегда!

— Ибо въ головѣ у него гнѣздо *семи совъ*, промямлилъ полусонный пассажиръ.

— Слышь, говорятъ, у анженера въ башкѣ семь совъ,—страсти! Чугунку строитъ,—бяда!.. послышался шопотъ въ углу каюты, гдѣ четверо не изъ «благородныхъ» баловались чайкомъ и рыбой.

— А вы хорошо знакомы съ техникою желѣзныхъ дорогъ? обратился «ироничный» господинъ къ желающему познакомиться съ Семисовымъ.

— Да-съ, у меня есть атестатъ отъ инженера Мализона,—отлично-хорошій человѣкъ!

— Слышалъ, слышалъ объ немъ и знакомъ съ его братомъ. Замѣчательная противоположность: одинъ честный человѣкъ и полезный земскій дѣятель, а другой, вашъ-то патронъ, хоть съ виду джентльменъ, но на душу больно грязенъ. Онъ тратится на кокотокъ и летаетъ на рысакахъ, купленныхъ цѣною чужого горя, несчастій. Читайте въ газетахъ рубрику «происшествія на желѣзныхъ дорогахъ»—и вы увидите, что самый значительный процентъ ихъ выпадаетъ на долю вашей дороги, потому что Мализонъ наполняетъ свой карманъ въ ущербъ доброкачественности постройки ея съ рѣдкимъ тактомъ и остался въ мнѣніи простаковъ и такихъ-же плутовъ, какъ самъ, «отлично-хорошимъ человѣкомъ». Въ нашихъ мѣстахъ онъ былъ управляющимъ дорогою и прослылъ, кромѣ того, сокрушителемъ женскихъ сердецъ...

— А тебѣ небойсь завидно! перебилъ его сонный пріятель.— Нужно братъ родиться въ сорочкѣ и нижнихъ, какъ Мализонъ, чтобы безъ мозговъ благообрѣсть девизъ: «сокрушителя костей пассажировъ, кармановъ акціонеровъ и сердецъ легкомысленнаго пола».

У «столпа» съ серебряннымъ значкомъ даже глаза закатились отъ сладострастной мечты упрочиться на таковомъ-же фундаментѣ,—и онъ упрочится, непремѣнно упрочится...

Пароходъ остановился у Царицына—желѣзники вышли; въ каютѣ остался одинъ длинный, блѣдно-лицый господинъ съ подвязанною рукою и въ измятомъ, мѣшковатомъ костюмѣ.

— Чудеее-ее-сная! проговорилъ онъ, хлебнувъ изъ стклянки очищенной, и закусывая московской колбасой, мурлыкалъ подъ носъ себѣ пѣсенку:

. . . .
„И этотъ инженерикъ,
Какъ Грека подкузьмилъ.

(А не выпить-ли еще?)

Предъ всѣми лицемѣрилъ,
Что вѣчно нищимъ былъ,
А самъ-то втихомолку
Карманы набивалъ...
. . . .
. . . .

— Фу-ты, куда дѣвался рубль? зашарилъ онъ въ карманахъ у себя. — Тутъ, тутъ... Вотъ! А то, пожалуй, не доѣдешь... Да, самъ-то втихомолку 300 тысячъ въ банкъ положилъ, при морскомъ каналѣ упрочился, молодыхъ инженеровъ ругаетъ — не хотятъ молъ, вынимать изъ жару каштаны для него!? И насъ, техниковъ цѣнитъ—вотъ и я остался безъ рукъ!.

Но оставимъ его и выйдемъ на рубку освѣжиться.

На берегу идетъ споръ между матросами изъ сельчанъ, окружившими какого-то бульдога нѣмецкаго склада, съ запахомъ пива и брильянтовымъ колечкомъ на жирномъ мизинцѣ.

Я вамъ говорю, друзья мои, что всѣхъ васъ слѣдуетъ засадить въ Сибирку... А пашпортовъ не получите, потому что вы—должники наши.

— Будутъ деньги — отдадимъ, а пашпорты подай, потому куда дѣваться безъ нихъ...

— Вы нанимались на всю навигацію: управляющій прочелъ вамъ условіе и печать приложилъ,—правду я говорю?

— Мы не понимаемъ что онъ такое читалъ; не могимъ работать — больны, вотъ те и сказъ, а пашпорты подай, потому законъ повелѣваетъ...

Долго спорилъ капиталъ съ оборваннымъ трудомъ, между тѣмъ на пристани нескладно суетился господинъ іерусалимскаго происхожденія, въ бѣлой фуражкѣ военнаго покроя, въ мѣшковатой визиткѣ, съ болтающимися руками, пенсне и двумя массивными цѣпочками, украшенными дудочками, печатками и многими другими полезными вещицами изъ галантерейнаго магазина. Отъ всей его фигуры несло безотчетнымъ счастьемъ вновь почуянной власти: его тускло-черные глаза шныряли, горбатый носъ, съ сплюснутыми ноздрями, обнюхивалъ, тонкія губы ловили невидимую добычу въ воздухѣ, а жидкими баками и усами его игралъ вѣтеръ... То здоровался онъ, улыбался, разговаривалъ со всѣми встрѣчными, то закуривалъ, тушилъ и снова закуривалъ папиросу, а за полчаса до нашего отъѣзда торопливо вошелъ съ бѣлобрысымъ нѣмецкимъ толстячкомъ, капитаномъ парохода, въ каюту 2-го класса, расшаркался и надѣлъ пенсне.

— Вотъ здѣсь можно занавѣсить, а господина пассажира я покорнѣйше попрошу потѣсниться...

— Для кого? спросилъ угрюмо тотъ, мѣсто котораго затѣвали загородить.

— Честь имѣю рекомендоваться: я агентъ общества «С.» Изволите видѣть: дамская переполнена, и мы хотимъ помѣстить здѣсь одно почтенное семейство. Вы, безъ сомнѣнія, не откажете мнѣ въ просьбѣ уступить свое мѣсто дамѣ и ея супругу,— очень прекрасные люди. — И онъ фамильярно протянулъ руку пассажиру, не возражавшему только потому, что три-четыре свободныхъ мѣста въ углубленіи каюты представляли еще болѣе удобствъ.

— А все-таки, г. агентъ, рисковано помѣщать къ намъ хотя бы и старухъ. Если контроль слабъ, то вонъ на того перса положиться нельзя, шепнулъ пассажиръ ему передъ отходомъ парохода, на что тотъ съ младенческой улыбкой устремился ловить его руку для пожатій. «Почтенное семейство»,—какъ оказывается отецъ и мать агента, — ѣхало въ Астрахань съ намѣреніемъ открыть тамъ кассу ссудъ.

Съ Царицына Волга ширится болѣе и болѣе множествомъ островковъ, то песчаныхъ и низменныхъ, какъ мель, то усѣянныхъ кустами и камышомъ; а съ Сарепты съ ея горчицею, бальзамами, и замѣчательною колекціею древнихъ сосудовъ и черепа мамонта, принадлежащею одному нѣмецкому обывателю, оба ея берега затоплены на далекомъ пространствѣ весенними водами, превышавшими обыкновенный уровень на 10 футовъ, несмотря на начало іюня; за этою водною гладью желтѣются волны сыпучихъ песковъ и только изрѣдка попадается деревцо, рощица, затопленная зимовка рыбопромышленника или двѣ-три калмыцкихъ кибитки. Далѣе въ глубь пойдутъ ихъ безжизненные улусы съ тощими пастбищами, солончаково-глинистою почвой, изобилующей полынью, сплошными массами переноснаго песку и соляными озерами. Этими естественными условіями мѣстности опредѣляется общее экономическое положеніе астраханской губерніи, занимающей площадь въ 163,000 кв. верстъ, съ 349,000 осѣдлаго и около 70,000 кочевого населенія. Земледѣліе здѣсь ограничено скромными размѣрами; среднимъ числомъ ежегодно засѣвается хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ: озимыхъ 28,000 четвертей, яровыхъ— 76,000, картофелю—12,000 четв.; а калмыками—до 200 четв. озимаго и до 400 четвер. яроваго, при урожаѣ около самъ 4. Кромѣ того, красноярскій уѣздъ производитъ до 400 пуд. махорки (простой табакъ), астраханскій уѣздъ занимается огородничествомъ, садоводствомъ и разведеніемъ виноградниковъ, и только посѣвы горчицы на нѣкоторыхъ мѣстахъ Эргени и въ царевскомъ съ красноярскимъ уѣздахъ даютъ баснословные урожаи, нерѣдко доходящіе до полутораста пудовъ на одинъ пудъ посѣянныхъ сѣмянъ.

Вы замѣчаете, что изъ 163,000 квадратныхъ верстъ извлекается немного.

— Но, перебиваетъ моего почтеннаго собесѣдника упитанный джентльменъ съ физіономіею въ дамскомъ вкусѣ, съ порывами римскихъ меценатовъ и тщеславіемъ модной камеліи съ Невскаго проспекта. Въ его карманѣ болтается милліонъ, въ черепѣ—пустота,—

увы, фортуна своенравна!..—Но, говоритъ сей мужъ,—если изъ земли извлекается мало, какъ выражаетесь вы, по недостатку знанія, энергіи и рукъ, какъ слѣдствія злокачественныхъ условій жизни,—условій, предрасполагающихъ гражданъ—повторяю ваше неумѣстное выраженіе—къ выпивкѣ и апатіи,—то какъ-же вы объясните отрадное явленіе того, что по водамъ нашей Волги плаваютъ теперь до 1,600 парусныхъ судовъ и баржъ, ходятъ слишкомъ 80 пароходовъ? Неужели вы не порадуетесь 12 милліонамъ пудовъ соли, извлекаемой изъ нашихъ неисчерпаемыхъ озеръ, только потому, что акцизъ — для народнаго-же блага — нѣсколько великъ на нее, или, говоря вашимъ языкомъ, скотинѣ не удается даже понюхать ея, а скупо просоленная рыба портится и отравляетъ желудки людей, блюдущихъ посты?.. Неужели ваше черствое сердце не согрѣется высокимъ чувствомъ истиннаго патріота, глядя на обширныя наши пастбища, съ 2.300,000 головъ разнаго скота, изъ которыхъ до 816,000 приходятся на долю калмыковъ, этихъ «дикихъ сыновъ раздольныхъ степей», этихъ монголовъ, уже почувствовавшихъ «вѣяніе» нашей цивилизаціи?! Неужели...

— Стойте, стойте!.. Бога ради остановитесь... умоляетъ подогрѣтаго оратора прошибленный потомъ строптивый пассажиръ; — ваше краснорѣчіе въ силахъ выжать слезы умиленія въ мертвецахъ и испарину — въ живыхъ. Завидная доля! Но вы не упомянули о томъ, что скотина этихъ сыновъ, — какъ вы назвали то ихъ?—да, этихъ «дикихъ сыновъ полыннаго раздолья» быстро исчезаетъ по карманамъ разныхъ блюстителей и насадителей, и сильно мретъ отъ непогоды, недостатка воды и корма; да и сами-то сыны замѣтно вымираютъ... ибо «вѣяніемъ» то снесло у нихъ все, чѣмъ пользовались они при Чингисъ-Ханѣ, а принесло имъ только горе: сифилисъ и нищету.

— Ха, ха, ха! Да вѣдь тутъ дѣйствуетъ общій неизбѣжный законъ: дикарь отъ прикосновенія цивилизаціи гибнетъ...

— Піонеръ! процѣдилъ желчный господинъ, отходя къ группѣ пассажировъ, бесѣдовавшихъ на рубкѣ съ изжелта-смуглымъ калмыкомъ, изысканно одѣтымъ въ европейскій костюмъ. Нѣсколько выдающіяся скулы, плосковатый носъ и узкіе глаза далеко не безобразили добродушныя черты его выразительнаго лица, а рядъ бѣлыхъ зубовъ, черные, густые волосы и мускульная сила его коренастой фигуры могли-бы зародить

грѣховные помыслы даже въ такой разборчивой и добродѣтельной особѣ, какъ Амалія Карловна.

Онъ учился въ гимназіи — рѣдкая случайность! — и сынъ нойона или владѣльца, — слѣдовательно, при опредѣленіи на службу пользуется правами дворянина, а его папаша взимаетъ въ свою пользу по 7 р. 14 к. съ каждой кибитки подвластныхъ ему калмыковъ.

Съ необыкновеннымъ спокойствіемъ духа—врожденною чертою безпечнаго калмыка — разсказывалъ онъ о горемыканьѣ своихъ земляковъ по астраханской губерніи, а такъ-какъ его разсказы достаточно характеризуютъ прошлое и настоящее положеніе этихъ бродячихъ язычниковъ, то мы, приправивъ ихъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ трудовъ астраханскаго статистическаго комитета и другихъ источниковъ, даемъ имъ мѣсто здѣсь.

Монгольскія поколѣнія: Чоросъ, Хойтъ, Хошотъ и Торгоутъ, кочевавшія на равнинахъ Алтая, въ мѣстности, составляющей нынѣ китайскую провинцію Зюнгарію, образовали между собою въ XV столѣтіи сильный союзъ «Дербенъ-Ойратовъ» (четырехъсоюзіе), управляемый *тайшами* и находившимися къ нимъ въ вассальныхъ отношеніяхъ *нойонами*.

Вслѣдствіе недовольства стѣснительными нововведеніями тайши Хара-Хула, нѣсколько нойоновъ, съ частью подвластнаго имъ народа, отпали отъ союза и въ началѣ XVII столѣтія откочевали, съ позволенія русскаго правительства, къ азіятскимъ предѣламъ Россіи, къ берегамъ Оби, Иртыша и Тобола; но тѣснимые здѣсь киргизъ-кайсаками, давшими имъ прозвище *калманъ* («отдѣлившійся», отсюда—калмыкъ), и прежними своими союзниками, они ринулись въ 1630 г. въ безплодныя тогда степи между Ураломъ, Волгою и Дономъ. Не прекращая своихъ сношеній съ Зюнгаріею, они неоднократно нарушали торжественную клятву быть въ подданствѣ русскому царю, грабили и разоряли русскіе села и города, что, безъ сомнѣнія, влекло за собой возмездіе съ нашей стороны. Тайша Аюка, получившій отъ Далай-Ламы въ 1696 г. титулъ хана, подтвердилъ присягу своихъ предмѣстниковъ въ вѣрности царю, съ тѣми-же церемоніями: облизывая и прикладывая свой ножъ къ горлу, онъ призывалъ, за нарушеніе клятвы, гнѣвъ небесъ и огненный мечъ. По смерти его начались смуты между претен-

дентами на ханскій титулъ, который доставался обыкновенно искателямъ, поддерживаемымъ со стороны русскаго правительства; въ свою очередь, благодарные ханы содѣйствовали ему стѣснять права ихъ намѣстниковъ, что вмѣстѣ съ распространившимся по кочевьямъ слухамъ о намѣреніи русскаго правительства принудить калмыковъ къ осѣдлой жизни, побудило послѣднихъ составить планъ общаго бѣгства въ Зюнгарію, который и былъ выполненъ въ 1771 г. Изъ 80,000 кибитокъ остались въ предѣлахъ Россіи только 13,000 к., лишенныхъ возможности своевременно присоединиться къ бѣжавшимъ по отдаленности кочевья и неимѣнію переправъ на лѣвый берегъ Волги. Русское правительство, подѣливъ ихъ между оставшимися нойонами, повелѣло послѣднимъ управлять каждому своимъ улусомъ отдѣльно, а званіе хановъ и ихъ намѣстниковъ было уничтожено, мѣста кочевокъ опредѣлены и надзоръ усиленъ.

Въ настоящее время опека надъ калмыками астраханской губерніи возложена на управляющаго государственными имуществами въ Астрахани, съ званіемъ: *главнаго попечителя ихъ*, а административными единицами служатъ семь *улусовъ*, на которые разбита отведенная для кочевья имъ степь, въ размѣрѣ 7.732,451 десятины.

Образовавшись изъ *родовъ* и *аймаковъ*, состоящихъ изъ *хотоновъ* или группъ близко родственныхъ и нераздѣльно кочующихъ семей, каждый улусъ имѣетъ свое мѣстное управленіе, называемое *ставкою улуса*, которое кочуетъ вмѣстѣ съ народомъ и состоитъ изъ *попечителя*—русскаго чиновника, и *правителя*, избираемаго въ казенныхъ улусахъ изъ *зайсанговъ*, а во владѣльческихъ—изъ *нойоновъ*. Тутъ-же находится канцелярія, улусный *зарго-судъ*, школа, команда казаковъ и другія служащія лица, а по близости его кочуетъ базаръ, т. е. торгующіе разными товарами, и главный *хурулъ* (походное капище) съ духовенствомъ.

Калмыки принадлежатъ къ сектѣ ламайской вѣры *желтошапошниковъ* (ужъ не по цвѣту ли верховъ ихъ шапокъ, напоминающихъ своею формою конфедератки? Этотъ головной уборъ, оттопыривая съ дѣтства уши, служитъ причиною вислоухости калмыка), основанной въ концѣ XIV столѣтія реформаторомъ въ Тибетѣ Тсунъ-Хова.

Лама завѣдуетъ ихъ духовными дѣлами, подъ наблюденіемъ

главнаго попечителя, а духовенство, доходившее въ 1867 году до полуторы тысячи человѣкъ, кромѣ своихъ церковныхъ требъ и издѣлій разныхъ принадлежностей хурула, какъ-то: изображеній бурхановъ, картинъ священнаго содержанія, и т. п., занимается еще медициною, въ которой лучшими средствами отъ всѣхъ болѣзней считается растопленное курдючье сало или коровье масло, по нѣскольку большихъ чашекъ въ день,—теплая вода и сыворотка въ неменьшихъ пріемахъ, но при этомъ пищи вовсе не полагается. Самое-же видное мѣсто между «новѣйшими» лекарствами занимаетъ *сулема*, какъ отъ сифилиса, пустившаго глубокіе корни въ степи, такъ и отъ многихъ другихъ болѣзней. Въ каждомъ хурулѣ найдется такихъ докторовъ (эмчи) 1—2 человѣка; впрочемъ, кромѣ нихъ до 30 человѣкъ изъ низшаго духовенства (манджинъ) знакомы и съ оспопрививаніемъ.

Недѣльный отдыхъ или воскресный день калмыками празднуется по четвергамъ разными играми: въ бабки, чехарду, фанты, единоборствомъ и т. п. Побѣдители прославляются по всѣмъ улусамъ.

Духовныя лица назначаютъ браки, избирая для того счастливые дни, но бѣдняки избѣгаютъ брачныхъ формальностей, ограничиваясь похищеніемъ дѣвъ, иногда съ согласія родителей послѣднихъ, съ которыми и живутъ. Совершеннолѣтіе юноши составляетъ самый торжественный день въ семьѣ, причемъ герою семейнаго праздника вручается съ особенною обрядностью нагайка. Не вдаваясь въ подробности домашняго быта ихъ, перейдемъ къ остальнымъ тремъ сословіямъ, изъ коихъ:

1) *Нойоны* или владѣльцы пользуются 7 р. 14 к. съ каждой кибитки подвластныхъ имъ калмыковъ, а на государственной службѣ—правами дворянъ. По переписи 1867 г. считалось ихъ съ семействами: 18 мужск. и 23 женск. пола.

2) *Зайсанги* съ правами почетныхъ потомственныхъ гражданъ, если они управляютъ наслѣдственными аймаками по первородству; въ противномъ случаѣ они признаются только личными почетными гражданами. Тѣхъ и другихъ по переписи 1867 г. считалось: 1,693 муж. и 1,420 жен. пола.

3) *Простолюдины*, которые, кромѣ натуральной повинности, въ родѣ доставки дровъ и кибитокъ служащимъ и т. д., обложены еще податью въ размѣрѣ 8 р. 15 к. съ каждой семьи

или кибитки. Изъ этой цифры во владѣльческихъ улусахъ поступаетъ албанъ (подать) — 7 р. 14 к. въ пользу нойоновъ, а 44 к., точно также, какъ въ казенныхъ улусахъ 7 р. 58 к., идутъ на содержаніе управленій, учебныя, хозяйственныя и проч. потребности народа. Затѣмъ во всѣхъ безъ исключенія улусахъ, остальныя 57 коп. поступаютъ въ пользу аймачныхъ зайсанговъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—въ общественный капиталъ калмыцкаго народа.

По переписи 1867 г., простолюдиновъ значилось: 63,778 чел. муж. и 51,645 ч. женск. пола, т. е. послѣднихъ слишкомъ на 12,000 меньше первыхъ. Это несоразмѣрное численное отношеніе половъ, составляющее одну изъ причинъ уменьшенія съ году на годъ нашихъ калмыковъ, объясняется большою смертностью между ихъ женщинами.

Жизнь подъ открытымъ небомъ, привычка съ малыхъ лѣтъ быть на конѣ, страсть къ охотѣ за сайгаками и вообще къ играмъ, развивающимъ мускульную силу, какъ напр., въ борьбѣ,—выработали въ кочевомъ калмыкѣ атлетическое тѣлосложеніе, а взглядъ его на жену, какъ на рабыню, обязанную безъ устали работать на семью, развилъ въ немъ безпечность. Такимъ образомъ на долю женщины выпала большая часть труда: она шьетъ тулупы, обувь, платья, кожаныя ведра и бутылки, дѣлаетъ войлоки (кошмы), плететъ тесьму для кибитокъ; она должна накормить всю семью, питающуюся исключительно молокомъ, кирпичнымъ чаемъ и изрѣдка мясомъ и мукою, служащею только приправою къ кушаньямъ; она заготовляетъ топливо и даже присматриваетъ за скотомъ въ то время, какъ мужъ праздно шатается по гостямъ. Придетъ ненасытная осень и зимнія вьюги—въ кибиткѣ холодно и сквозитъ, и болѣе слабое здоровье калмычки окончательно разрушается; настанетъ время родовъ—и мѣстная повитуха звѣрски вытряхиваетъ бѣднаго калмыченка на свѣтъ Божій, а мать, въ ужасныхъ страданіяхъ, нерѣдко прощается съ нимъ навсегда.

Кромѣ изложенныхъ здѣсь и тому подобныхъ причинъ ненормальности численнаго отношенія половъ, нужно сказать, что общія условія жизни нашихъ калмыковъ благопріятствуютъ развѣ только превышенію смертности между ними надъ рожденіемъ, т. е. *вымиранію* ихъ.

Этотъ грустный фактъ, служащій краснорѣчивымъ укоромъ намъ, нѣсколько выяснится при знакомствѣ съ ихъ безпомощною, бродячею жизнью по безплоднымъ степямъ съ своими стадами или по цѣлой губерніи, съ цѣлью наняться въ батраки къ другимъ. Къ первому разряду принадлежатъ люди, сколько-нибудь состоятельные, но ко второму—перекатная голь, цифра которой въ настоящее время доходитъ до 20,000 человѣкъ, что составитъ двѣ трети всего количества рабочей силы. Разсмотримъ бѣгло бытъ тѣхъ и другихъ.

Для кочевьевъ калмыковъ отмежевано 7,008,346 десятинъ на нагорной и 724,105 десятинъ на луговой сторонѣ Волги, омывающей астраханскую губернію.

Нагорная степь разбита на шесть улусовъ; на луговой расположенъ одинъ только хошоутовскій, на которомъ, однако, предоставлено право первымъ пользоваться очереднымъ кочевьемъ. На этихъ земляхъ они, дикари, незнакомые даже съ употребленіемъ мыла, «могутъ возводить фабрики, разводить сады и заниматься хлѣбопашествомъ», но относительно рыбной ловли, лѣсовъ и соляныхъ промысловъ—стѣснены. Ограничившись постройкою на мѣстахъ зимнихъ кочевокъ нѣсколькихъ капищъ (молитвенныхъ домовъ), загоновъ и домовъ для себя и своихъ нойоновъ и зайсанговъ, имъ остается только одно—или идти въ батраки къ осѣдлому населенію губерніи, или, если есть скотъ, бродить съ нимъ по песчанымъ степямъ. Лучшую часть изъ нихъ по правую сторону Волги, безъ сомнѣнія, составляетъ возвышенная степь *Эргени*, по ложбинамъ и балкамъ которой есть вода, а слѣдовательно и кормовыя травы, что благопріятствуетъ разведенію скота. Кромѣ того, калмыки занимаются здѣсь въ скромныхъ размѣрахъ земледѣліемъ, разводятъ для собственнаго употребленія махорку и сѣютъ горчицу, которую везутъ для продажи въ Сарепту на заводы Глича и Кноблоха, обработывающіе ежегодно слишкомъ 40,000 пудовъ горчичнаго сѣмени.

Прочія мѣста Эргени, какъ и остальная калмыцкая степь, не представляютъ никакихъ удобствъ даже для кочевой жизни. Такъ, въ южной ея окраинѣ травъ нѣтъ, вода для питья непригодная, а потому сюда рѣдко кто заглядываетъ. Далѣе, съ подножія Эргени и отъ сѣверо-западнаго прибрежья Каспійскаго моря, прибрежья называемаго «Мочагами», вплоть до праваго бе-

рега Волги идетъ низменная площадь, составлявшая въ поздній геологическій періодъ дно моря. Она покрыта множествомъ соляныхъ озеръ, болотъ, и усѣяна песчаными буграми и солончаками; растительный слой земли здѣсь, производящій исключительно полынь и пропитанную солью тощую растительность, до того еще не окрѣпъ, что при малѣйшемъ разрыхленіи его скотомъ — обращается въ бугры сыпучаго песку, переносимаго вѣтромъ съ одного мѣста на другое.

На западной и южной частяхъ этой степи разбросаны коегдѣ котловины, наполняемыя при сильныхъ снѣгахъ водою, получающей отъ солонцеватой почвы, отъ камыша и въ особенности растенія чакана или куга, горьковато-соленый вкусъ; при всемъ томъ эти котловины, если только засуха не уничтожаетъ воды и растительности ихъ, представляютъ для бѣднаго кочевника громадный интересъ; лѣтомъ онъ находитъ здѣсь кормъ для своего скота, зимою — скрываетъ свои войлочныя кибитки отъ стужи и вьюгъ.

Остальное же пространство этой низменности совершенно безводно, и этотъ ощутительный для кочевника недостатокъ нѣсколько устраняется вырываемыми ими воронкообразными колодцами, называемыми худуками или копанями, которые наполняются почвенною водою, нерѣдко дурного качества. Такіе колодцы разсыпаны по безплодной степи группами, на 10—70-верстномъ разстояніи одна отъ другой, что позволяетъ калмыкамъ дѣлать перекочевки, необходимыя для прокормленія скота; но зимою, когда вода въ нихъ и въ озерахъ замерзаетъ, безпомощный кочевникъ вынужденъ употреблять снѣгъ, а въ осеннее время—дождевую лужу, настоянную всевозможными нечистотами, что развиваетъ между ними разнаго рода болѣзни и преимущественно накожную сыпь и тифъ.

Третью часть калмыцкихъ кочевьевъ по правую сторону Волги составляетъ «Мочаги», мѣстность которой изрѣзана широкими заливами и покрыта порослями камыша и буграми сыпучаго песку.

Происхожденіе названія «Мочаги» толкуется двояко: отъ русскаго слова *мочажина*, т. е. сырое мѣсто, и отъ калмыцкаго: *моцанъ*, что значитъ — постъ. То и другое вѣрно, ибо «воды много, а ѣсть нечего». Здѣсь-то горемыкаютъ слишкомъ 2,000 кибитокъ обнищалыхъ калмыковъ со всѣхъ улусовъ!

Разъ калмыкъ обѣднѣлъ, т. е. остался безъ скота, онъ идетъ въ Мочаги, и уже не въ силахъ подняться на ноги, чтобы вернуться въ свой улусъ, а нанимается въ батраки къ разнымъ промышленникамъ за ничтожную плату.

По изобилію своихъ густыхъ камышей Мочаги служатъ также убѣжищемъ отъ зимнихъ непогодъ кибиткамъ и скоту почти со всѣхъ улусовъ, лѣтомъ-же остаются здѣсь нищіе да семейства батраковъ.

Калмыцкая степь на лѣвой, луговой сторонѣ Волги такъ-же непригляднa, такъ-же безплодна, какъ и по правую ея сторону, только-что охарактеризованную нами; почва тамъ, при первомъ прикосновеніи къ ней, такъ-же быстро обращается въ сыпучіе пески, какъ и здѣсь, и только по займищамъ, т. е. по мѣстамъ, покрываемымъ весенними разливами рѣки, изрѣдка попадаются клочки годной земли.

Но если общій характеръ калмыцкаго кочевья безжизненъ, за то полоса земли, сопутствующая правому берегу Волги, представляетъ не мало удобствъ ея осѣдлому населенію. По ней расположились города Черный Яръ и Енотаевскъ, многолюдныя деревни и 10 станицъ астраханскаго казачьяго войска, которымъ предоставлено еще право пользоваться калмыцкими землями на 10—15-верстномъ разстояніи отъ границъ ихъ дачъ, для хлѣбопашества и выгона скота. Взамѣнъ того кочевникамъ разрѣшено гонять свои стада и табуны на водопой черезъ ихъ земли и даже кочевать зимою въ нѣкоторыхъ береговыхъ мѣстахъ.

Мы еще не успѣли развить въ калмыкахъ потребностей осѣдлой жизни, а недостатокъ кормовъ, воды и зимнія непогоды заставляютъ ихъ перекочевывать съ своими стадами съ мѣста на мѣсто.

Для зимнихъ и лѣтнихъ кочевокъ всѣ улусы имѣютъ свои постоянныя мѣста, распредѣленіе которыхъ между ними зависитъ отъ главнаго попечителя.

Придетъ суровая зима съ бурею и мятелью (шурганъ), съ глубокими снѣгами или гололедицею—и большая часть кочевниковъ уходитъ въ Мочаги, къ берегамъ озеръ или по займищамъ, гдѣ камыши укрываютъ ихъ отъ стужи; немногіе-же владѣльцы большихъ стадъ остаются въ открытой степи для прокормленія ихъ на подножномъ корму. Но налетитъ стреми-

тельный шурганъ—и гонитъ онъ вихремъ стада и табуны по снѣжной глади до тѣхъ поръ, пока они въ изнеможеніи силъ не падутъ за-мертво; или выпадетъ глубокій снѣгъ, случится гололедица, скотъ не въ силахъ пробить копытомъ снѣжный пластъ или ледяную кору, и, оставаясь безъ корма, гибнетъ цѣлыми стадами.

Такъ погибло у калмыковъ въ суровую зиму 1798 г. до полумилліона головъ, а въ тридцатыхъ годахъ они снова потеряли на половину своихъ стадъ; вообще рѣдко проходитъ зима безъ того, чтобы нѣсколько зажиточныхъ скотоводовъ не сдѣлались-бы нищими. Въ 1867 г. числилось у калмыковъ 1.008,821 головъ разнаго скота, а въ 1872 г. число его уменьшилось до 816,000 головъ; вмѣстѣ съ тѣмъ вымираетъ и населеніе, составлявшее по переписи 67 года—120 т. душъ, а теперь—всего 70 т.

Но вотъ прошла зима, въ концѣ февраля или въ началѣ марта настаетъ весна, и калмыки готовятся съ зимнихъ кочевьевъ на лѣтнія; отпраздновавъ начало весны, цаганъ-саръ (бѣлый мѣсяцъ), они складываютъ свои кибитки и хурду-мурду (домашній скарбъ) на лошадей, быковъ и верблюдовъ и переходятъ къ ближайшему пастбищу или худуку, гдѣ остаются до окончательнаго вытравленія скотомъ окрестностей его; затѣмъ, переходя съ мѣста на мѣсто, они къ началу мая уже находятся на своихъ лѣтнихъ кочевьяхъ, а въ концѣ августа или началѣ сентября возвращаются въ зимнія убѣжища, гдѣ снова находятъ кормъ на мѣстахъ, потравленныхъ весною. Однако, нерѣдко случается, что кормъ уже съѣденъ и песокъ обнажился; тогда, чтобы перекочевать, калмыку *приходится жертвовать*—понятно кому!—*частью своей скотинки для сохраненія другой*, иначе она вымретъ съ голоду, что разоритъ его и погонитъ въ «Мочаги».

При общинномъ владѣніи калмыками степью право сильнаго изъ нихъ чувствуется слабѣйшимъ на каждомъ шагу, что также вводитъ послѣдняго въ нищету; вообще скотоводство при вышеизложенныхъ условіяхъ далеко не обезпечиваетъ нашихъ «меньшихъ братьевъ монгольской крови, хотя мы ихъ отечески любимъ»...

Съ цѣлью улучшить степное хозяйство калмыковъ и пріучить ихъ мало-по-малу къ осѣдлой жизни, необходимо нужно

«измыслить мѣропріятіе», и, дѣйствительно, правительство разрѣшило отводить имъ участки земли, въ размѣрѣ: нойонамъ—по 1,500 десятинъ, аймачнымъ зайсангамъ—400 дес., безъаймачнымъ — 200 д. на семью, а простолюдинамъ на каждую мужскую душу—30—60 десят., смотря по удобству мѣстности; причемъ они обязываются находиться въ одномъ районѣ или мѣстѣ съ своими зайсангами и приступить къ устройству хозяйственныхъ заведеній, какъ-то базовъ или загоновъ втеченіи перваго-же года, а иначе участокъ отбирается и передается другимъ, но сами калмыки лишены права передавать или продавать его.

На этихъ условіяхъ было роздано до 1868 года: 6,680 простолюдинамъ—284,000 десят. удобной и 369,000 дес. неудобной земли, на которой уже построено изъ глины и дерева нѣсколько клѣтушекъ и загоновъ, на зиму заготовляется кормъ скоту и топливо, а худуки содержатся относительно чисто. Такимъ образомъ, шагъ сдѣланъ къ такой системѣ развитія у калмыковъ сознанія преимущества осѣдлой жизни надъ кочевою, примѣненіе которой въ широкихъ размѣрахъ и на раціональныхъ началахъ прямо лежитъ на обязанности ихъ дядекъ и нянекъ, но у послѣднихъ, кромѣ апетита, никакихъ иныхъ задачъ въ жизни не имѣется...

Вотъ почему характеристика кочевьевъ «меньшихъ братьевъ монгольской крови», какъ выражается одинъ изъ столповъ, вышла печальна, вотъ почему они вымираютъ, вотъ почему обучается скудной грамотѣ только одинъ изъ 4,000 калмыковъ.

На весь-же «калмыцкій народъ» приходится 18 школъ, съ 182 учениками и 111 ученицами. Въ улусныхъ мужскихъ школахъ — по 30 штатныхъ учениковъ, съ однимъ воспитателемъ, обучающимъ ихъ за 100 руб. въ годъ читать и писать по-русски и калмыцки и четыремъ правиламъ ариѳметики; нѣкоторые изъ окончившихъ тутъ азы, по выбору начальства, поступаютъ въ астраханское калмыцкое училище, откуда рѣдкіе баловни счастья попадаютъ въ гимназію и даже выше; содержаніе каждаго ученика въ улусной школѣ не превышаетъ въ 40 р. въ годъ.

Въ женскихъ улусныхъ школахъ дѣти учатся подъ руководствомъ дѣвушекъ, окончившихъ воспитаніе въ калмыц-

комъ женскомъ училищѣ въ Астрахани, гдѣ также находится школа на 10 человѣкъ, для приготовленія фельдшеровъ,— вотъ и все.

Для медицинскаго пособія калмыкамъ и ихъ скотинѣ, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, находились при нихъ: одинъ врачъ, 8 фельдшеровъ, 36 оспопрививателей изъ калмыковъ, 3 повивальныхъ бабки-калмычки и 1 ветеринарный врачъ съ помощникомъ и 3 калмыками, обученными этому искусству, а въ Мочагахъ устроена больница на 25 кроватей (18 мужскихъ и 7 женскихъ), съ врачемъ и фельдшеромъ при ней. Цифры убѣдительнѣе словъ, но все-таки не излишне будетъ упомянуть здѣсь, что калмыки, оставаясь безъ медицинской помощи, сильно мрутъ отъ разныхъ болѣзней, въ особенности отъ оспы, къ которой они питаютъ особенный ужасъ и заболѣвшаго ею бросаютъ въ степи на произволъ судьбы; одно слово: «оспа», производящее на калмыка безотчетную, потрясающую панику, можетъ свалить его съ ногъ; въ послѣднемъ случаѣ родные и пріятели стараются «развлечь» несчастнаго больнаго, т. е. немилосердно бьютъ его нагайками.

Калмыкъ честенъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, переимчивъ и вообще со способностями, но условія его жизни такъ неблагопріятны, что онъ не можетъ самъ удовлетворять даже своимъ очень ограниченнымъ потребностямъ; его знаніе, искусство и торговля ограничиваются продажею верблюжьей и овечьей шерсти, козьяго пуху, и издѣліями изъ нихъ войлоковъ, валяныхъ чулокъ, кожаныхъ ведеръ и бутылей; продажею скота на ярмаркахъ, базарахъ и пріѣзжающимъ въ степь гуртовщикамъ; но такъ-какъ между калмыками цѣнится количество, а не качество скота, то онъ плохъ и цѣны на него низкія, какъ-то: порядочная лошадь стоитъ 20 руб., верблюдъ—35 р., рогатый скотъ—10 р., простыя овцы—2 р., тонкорунныя—4 р., козы и свиньи—1 р. 50 к.

Для облегченія кредита имѣются нѣсколько вспомогательныхъ кассъ, по 1,000 рублей въ каждой, но калмыкамъ рѣдко приходится пользоваться сими благодѣтельными учрежденіями...

Мы уже говорили, что скотоводствомъ занимаются болѣе зажиточные изъ нихъ, но разъ обѣднѣвъ по вышеизложеннымъ причинамъ, калмыкъ уже навсегда остается батракомъ, контингентъ которыхъ возросъ въ настоящее время до 22,000

чел., что составитъ болѣе ²/₃ всего количества рабочихъ силъ калмыцкаго населенія астраханской губерніи. Эта безпомощная голытьба разбросана по селамъ и городамъ, станицамъ и рыбнымъ ватагамъ, солянымъ промысламъ и прочимъ уголкамъ губерніи, гдѣ только за 15—25 к. поденной платы и дрянной кормъ можно работать до отвалу. За «неоцѣненныя качества»,— по выраженію солиднаго піонера—калмыковъ, за смиреніе, неприхотливость и привычку ихъ ко всѣвозможнымъ лишеніямъ во время неутомимаго труда, астраханскіе дѣльцы всѣхъ оттѣнковъ и размѣровъ до того возлюбили „меньшихъ братьевъ монгольской крови“, что предпочитаютъ ихъ, даже старшимъ, русскимъ. Иначе и быть не можетъ, говорятъ они, — ибо русскій рабочій не простоитъ за пятакъ въ зной и стужу по поясъ въ водѣ, а калмыкъ, безотвѣтно идетъ туда и осенью, и весною, когда въ этомъ краѣ свирѣпствуютъ простудныя болѣзни, лихорадки; при выломкѣ соли на егоже долю выпадаетъ самая трудная работа: разбить соляной пластъ и промыть его, и т. д.

— Кучка дикарей, замкнутая пароходами, желѣзными дорогами и прочими атрибутами нашей цивилизаціи, остается до сихъ поръ безпомощною,—грустная аномалія!

— Вы говорите: аномалія? съ упрекомъ покачивалъ головой «піонеръ», подошедшій въ упоръ къ разсказчику; — не аномалія-съ, а неизбѣжный законъ борьбы за существованіе, — всѣмъ извѣстный законъ, по которому болѣе сильный тѣснитъ слабаго...

— Вы хотите сказать: пожираетъ? Въ такомъ случаѣ онъ относится къ хищникамъ, а мы съ вами вѣдь цивилизаторы, перебилъ его одинъ изъ слушателей.

— Да-съ, мы цивилизаторы, и я горжусь, трогательно ударялъ піонеръ по персямъ своимъ, — да-съ, горжусь, что имѣю честь принадлежать къ націи, на которую Провидѣнію угодно было возложить великую задачу «просвѣщать азіатскую сволочь!» Но вы своимъ умничаньемъ можете только повредить дѣлу!.. Впрочемъ, васъ и слушать никто не станетъ.

— Не потому-ли, что вамъ, цивилизаторамъ *горе отъ ума?* желчно проговорилъ тотъ, отходя въ сторону, а голосъ піонера еще долго разносился на палубѣ, только на болѣе насущный мотивъ.

— Какъ поживаетъ вашъ *чертенокъ?* справился у него какой-то неприступный господинъ съ пенсне поверхъ очковъ.

— Пом-ми-и-луйте, по-прежнему брыкается; на время укротилась-было, когда я подарилъ ей женину мастерскую и... Да, вы слышали о постигшемъ меня горѣ? Я только-что потерялъ своего друга — свою жену... Похороны обошлись въ 800 р. Рѣдкая жена, рѣдкая мать!.. Помилуйте, помилуйте, за что постигло меня это несчастіе? ломалъ «піонеръ» свои руки, съ искаженнымъ выраженіемъ на лицѣ... но только не отъ горя, а вдругъ схватившихъ его желудочныхъ спазмовъ.

— Чертенокъ утѣшитъ.

— Гдѣ тамъ? Настаиваетъ омеблировать ей квартиру а ля Бисмаркъ, и вотъ я ломаю-ломаю себѣ голову, у всѣхъ разспрашиваю, что и какъ; помилуйте, не могу добиться, какой вкусъ у Бисмарка насчетъ мебели.

— Доложу вамъ: самый разнообразный.

— Ей-богу, не понимаю.

— У дипломатовъ, какъ и у насъ съ вами, вкусы мѣняются сообразно обстоятельствамъ.

— Пон-нимаю, понимаю! Но, помилуйте, это накладно для кармана.

— Не вамъ-бы печалиться! Однакожь, спустимся въ буфетъ, потребуемъ *флаконъ* и справимъ тризну по добродѣтельной женѣ...

Прочіе пассажиры тоже разошлись по каютамъ: кто принялся за стерляжью уху, кто—за солянку, и на рубкѣ остался только сухой персъ съ неподвижно-устремленнымъ въ пространство обезсмысленнымъ взглядомъ и желтыми, жесткими руками съ темно-оранжевыми ногтями, да пассажиръ въ широкополой шляпѣ, только-что подошедшій къ нему съ вопросомъ: говоритъ-ли онъ по-русски?

— Мала-мала знаетъ! отвѣчалъ «ирани», знанія котораго въ этомъ отношеніи оказались гораздо ниже, чѣмъ «мала-мала», но все-же изъ его словъ можно было уразумѣть, что онъ одобряетъ Россію и Волгу, ибо «такой хорошей равнины, какъ Россія, и такой большой рѣки, какъ Волга, въ Иранѣ нѣтъ».

Прерывая бесѣду съ нимъ, пассажиръ поинтересовался знать какъ поживаютъ друзья персовъ—туркмены?

— Туркманъ?—у-у-у, каменное сердце! проговорилъ тотъ и ни одинъ мускулъ не шелохнулся на его безстрастномъ лицѣ...

Приближаемся къ Астрахани, до которой остается еще ровно семь верстъ. Говорятъ, что въ этомъ разстояніи отъ города, на обрывѣ праваго берега Волги, образовавшемся размытіемъ бугра, называемаго «жаренымъ», замѣтны слѣды существовавшихъ здѣсь въ V — VIII вѣкѣ хозарскихъ городовъ Ателя и Баланджіара; въ этихъ мѣстахъ нерѣдко находятъ древнія монеты татарскаго чекана и разные ископаемые предметы, а нѣсколько повыше отсюда два-три года тому назадъ найденъ на размытомъ водою берегу черепъ мамонта.

Миновавъ длинный островокъ, усѣянный камышемъ и кустами, пароходъ вошелъ въ открытое мѣсто рѣки, откуда виднѣется Астрахань съ своимъ бѣлѣющимъ кремлемъ на «Заячьемъ бугрѣ», а черезъ десять минутъ ѣзды уже можно разобрать въ подзорную трубу появленіе двухъ-трехъ дымившихся пароходовъ у пристани, расположенной въ „Селеніи",—такъ-называется та часть города, гдѣ помѣщаются пристани, принадлежащія обществамъ «Самолетъ», «Лебедь» и прочимъ, за исключеніемъ: «Кавказъ и Меркурій», расположенной на мѣстѣ бывшаго порта, переведеннаго въ 1868 г. въ Баку.

При приближеніи къ городу пассажиры обычно суетятся съ багажомъ или справляются о томъ, гдѣ лучше пріютиться.

— Елнева гостиница на губернаторской площади, превосходная-съ, а Касаткина на Косѣ—будетъ получше, обязательно объясняетъ каютный.

— На Косѣ, братъ, не хочу, моя баба заѣстъ! Вотъ какъ! А ты говори толкомъ, шутитъ брюхатенькій рыбопромышленникъ, покатываясь со смѣху отъ своей остроты.

— Мы-съ не объ дамской, защищается тотъ...

Пароходъ остановился у пристани, запруженной толпою азіятскихъ типовъ и костюмовъ, между которыми мелькали 2—3 наши дамскія шляпки, нѣсколько поношенныхъ сюртуковъ, цилиндровъ, и полицейскій съ озабоченнымъ видомъ.

— Какъ васъ зовутъ? грубо обратился онъ къ пассажиру въ широкополой шляпѣ, на котораго накинулись извощики, съ гвалтомъ предлагая свои услуги.

Тотъ отвѣтилъ и даже не удивился безцеремонности астраханской полиціи.

И я вслѣдъ за прочими, протискался съ своимъ дорожнымъ мѣшкомъ къ шумнымъ извощикамъ и распорядился везти себя въ лучшую гостиницу.

-- Значитъ къ Касаткину; осмѣлюсь доложить вашему сіятельству—первый сортъ!

Потянулись заборы и деревянные домишки; кругомъ безлюдно, хоть-бы курица попалась на глаза; но вотъ показались каменныя постройки, вырвалась разудалая пѣсня изъ кабака, а дальше замелькали бороды правовѣрныхъ и бляхи армянъ; вонъ зѣваютъ отставной воинъ и мѣщанка, куда-то торопится еврей.

Миновавъ губернаторскій домикъ съ двумя будками и часовымъ, маленькій скверъ и большой Кремль, извощикъ свернулъ на Косу,—такъ-называется юная часть города на образовавшейся отмели Волги, протекавшей еще въ концѣ прошлаго вѣка почти подъ самыми стѣнами Кремля; благодаря своему удобному положенію для пристаней, она быстро заселилась, людна и шумна; здѣсь собираются рабочіе для найма на рыбные промыслы, здѣсь сгруппированы кузницы, пекарни, трактиры,—это мѣсто широкаго разгула и центръ преступленій.

— Пріѣхали, ваше сіятельство; на чаекъ-бы... почесывалъ себѣ затылокъ извощикъ. На крыльцо гостиницы вышелъ заспанный нумерной.

— Вамъ въ рупъ?

— Рублевый номеръ и безъ клоповъ (Съ этимъ первымъ условіемъ я всегда нанимаю себѣ комнату въ Петербургѣ и останавливаюсь въ россійскихъ гостиницахъ).

— У насъ этого нельзя, даже въ заведеніи нѣтъ: *самъ*-съ наблюдаетъ за чистотой, обидчиво скривилъ онъ носъ и повелъ меня въ верхній этажъ по лѣстницѣ съ запахомъ солдатской казармы ночью, пополамъ съ ждановскою кислотою, и еще чего-то невыразимаго, безъ чего, однако, немыслимы наши провинціальные *отели*.

II.

АСТРАХАНЬ.

Составитель достопримѣчательностей г. Астрахани, занося въ лѣтописи гостинницу Касаткина, что на Косѣ, какъ лучшую въ городѣ, упустилъ изъ виду увѣковѣчить рублевый номеръ въ ней; дополнить этотъ пробѣлъ въ его замѣчательномъ произведеніи выпадаетъ на мою долю.

Единственное окно моего узенькаго номера выглядывало на крышу хозяйскаго сарая, куда собирались кошки съ сосѣднихъ домовъ,—вотъ только что на моихъ глазахъ лоснящійся черный котъ, въ порывѣ нѣжныхъ чувствъ, откусилъ полъуха тощей кошкѣ, но та не унимается...

Положимъ, это Касаткина не касается, но тутъ-же на крышѣ валялись сани, старый шкафъ и битая посуда, угрожая при сильномъ вѣтрѣ скатиться и разможжить голову прохожему; а въ мое окно, которое скрипитъ и не запирается, валитъ кухонный угаръ, удушливая вонь съ грязнѣйшаго дворика и длин-ная, невыносимо рѣзкая нота восточныхъ мотивовъ, подъ акомпаниментъ дудки. Въ комнаткѣ тоже неприглядно: маленькій столикъ въ липкихъ пятнахъ, плотно облѣпленныхъ мухами, два узенькихъ дивана, одинъ деревянный, другой кожаный, одна табуретка да зеркальце съ золоченными амурами по рамѣ, въ которое какъ ни смотрись — выходитъ пятно. По угламъ пыльная паутина, желтыя стѣны исцарапаны замѣтками, преимущественно эротическаго и медицинскаго содержанія, въ такомъ родѣ: «полынная отъ лихорадки—первый сортъ». Потомъ слѣдуетъ рецептъ или счетъ:

50 рюмокъ полыной
1 селедка
1 селедка
10 пор. чаю...

Или: «Распрекрасный предметъ Анна Федосѣвна, мечтаю тебѣ...» дальше шло гнусное выраженіе и подпись: «по гропъ нѣжный Миша». И тому подобное.

Время дорого. Нужно отдохнуть и за дѣло. Легъ... Ну, такъ и есть!.. Въ холодѣ не выношу, а здѣсь, при зноѣ... «Номерной, номерной!» Не слышитъ, варваръ.

Въ рублевомъ номерѣ лучшей гостинницы звонка не полагается, а потому мнѣ пришлось искать слугу по всѣмъ корридорамъ всѣхъ трехъ этажей.

— Номерной!..

— Чего вамъ?

— Скорѣй ко мнѣ!

— Вы насчетъ обѣда-съ?.. Уха, селянка а-ла-пур...

— Какая селянка?.. Клопы!..

— У насъ этого-съ ни-ни; *самъ* наблюдаетъ за чистотой...

— А это что?

— Откуда они, проклятые, раздуй ихъ горой? разсуждалъ номерной, съ полнымъ равнодушіемъ придавливая ногтями одного за другимъ всполошившихся по щелямъ тощихъ клоповъ.

Я просилъ крикнуть хозяина, убрать диванъ и постлать мнѣ сѣна на полу.

Явился *самъ* дородный Касаткинъ и покачалъ головою отъ удивленія.

— Откуда они паскуды?—Никакъ не убережешься,—вотъ поди-жь ты!

Онъ обѣщалъ мнѣ *ужотко* и *безпремѣнно, не сумлѣвайтесь,* купить новый диванъ и, дѣйствительно, купилъ канапе, отъ котораго сильно несло деревяннымъ масломъ, но безъ клоповъ.

Распорядившись прислать мнѣ черезъ часъ прачку и подать къ обѣду «отъ естественныхъ богатствъ Астрахани»: балыку, икры и отварной осетрины, я улегся.

— Опочивайте спокойно, будьте благонадежны, добродушно улыбался тучный хозяинъ лучшей гостинницы, уходя тоже опочить отъ заботъ по содержанію гостинницы «въ акуратѣ».

— Здра-авствуйте, наказывали придти мнѣ, проговорила вошедшая женщина, блѣдная, костлявая, съ синеватыми губами и краснымъ кончикомъ носа. Сложивъ руки спереди и вперивъ въ меня глаза, она рѣшительнымъ тономъ объявила существующія здѣсь цѣны за мытье бѣлья, несравненно выше петербургскихъ, напр. сорочка—25 к.

Я отказался отъ ея услугъ.

— А не хотите — никто не вымоетъ вамъ, потому что я прачка при эфтой гостиницѣ.

Монополія, но ея не избѣжишь: номерной подъ разными предлогами не приводитъ другой, да и только.

— Мыться.

— Сичасъ.

И дѣйствительно черезъ часъ онъ внесъ табуретку, на которую поставилъ чашку и разбитый кувшинъ съ грязною водою, грязною потому что во время весеннихъ розливовъ Волга мутится иломъ, а дистиляторовъ въ лучшей гостинницѣ не имѣется; но чѣмъ оправдать, что поданная икра оказалась горькой и сухой, балыкъ—съ душкомъ и тоже прогорклый, разварная осетрина—твердой и деревяннаго вкуса, стаканъ кофе безъ сухарей—40 коп.?

— Лучшее посылаемъ въ Россію; гнилого не пошлешь—не купятъ; стало-быть, себѣ оставляемъ сортъ похуже, объяснилъ тотъ же номерной. Но это вздоръ, ибо въ рыбныхъ лавкахъ продается отличный балыкъ по 60 к. за фунтъ; главную-же причину мерзостей грабежа въ здѣшнихъ гостиницахъ составляетъ обуявшая содержателей страсть къ быстрой наживѣ на счетъ невзыскательныхъ пріѣзжихъ, большею частью рыбопромышленниковъ и тому подобныхъ дѣльцовъ. «Потому, разсуждаетъ Касаткинъ,—пріѣзжій долженъ номеръ взять и терпѣть,— не ночевать-же ему на улицѣ: обворуютъ, либо въ участокъ возьмутъ». Ну, и грабитъ, нагло рветъ и разитъ зловоніемъ.

Астрахань, наполняемая лѣтомъ пріѣзжими дѣльцами, крайне нуждается въ хорошей гостиницѣ, которая, въ свою очередь, доставитъ и добросовѣстному содержателю ея громадныя выгоды, ибо каждый предпочтетъ заплатить ему дорого за удобства, чѣмъ Касаткину—не дешевле того—за гниль и вонь.

Въ 11 час. утра я отправился къ губернатору съ письмомъ отъ Г.; духота, зной и пыль невыносимыя, идти пѣшкомъ трудно; взялъ извощика.

Выѣздъ съ узенькой улицы, которою онъ повезъ меня, на Кремлевскую площадь, былъ буквально загороженъ глубокимъ болотомъ, посреди котораго виднѣлись барахтающіяся ноги злосчастнаго сѣдока и опрокинутые дрожки; кучеръ, стоя по поясъ въ грязи, въ отчаяніи размахивалъ руками...

— Бяда, проговорилъ мой извощикъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.—Ну-у-у шевелись, Катюха, ободрялъ онъ лошадь, но та не трогалась.

— Ну, какъ же намъ быть? спросилъ я его.

— Ухвати меня, твое сіятельство, за кушакъ; Богъ милостивъ, авось проѣдемъ, сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ и, снова перекрестившись, шарахнулъ Катюху кнутищемъ.

Проѣзжая болото, дрожки сильно колыхались изъ стороны въ сторону, обрызгивая меня вонючею грязью, однакожь мы выбрались на площадь благополучно.

У ближайшей къ намъ кремлевской стѣны пять-шесть отставныхъ солдатъ да три оборванныхъ еврейки раскинули на голой землѣ свои грошовые товары: пряники, тряпье, желѣзный ломъ, хлѣбъ и дрова.

Прохожихъ встрѣчается мало, да и тѣ большею частью черномазые, въ восточныхъ костюмахъ; вонъ перебѣжалъ нагишомъ улицу взрослый дѣтина, прикрытый грязною тряпицею только въ самомъ застѣнчивомъ мѣстѣ; это хлѣбникъ-татаринъ; въ открытую дверь пекарни видны еще двѣ-три подобныхъ фигуры...

Характеръ построекъ тоже имѣетъ много общаго съ Азіею: однообразенъ, безвкусенъ и безъ всякихъ архитектурныхъ затѣй; тутъ стоитъ деревянный домишко, покосившійся отъ ветхости на бокъ, а рядомъ съ нимъ высится каменный двухъэтажный ящикъ въ казарменномъ стилѣ.

Такова-же наружность и губернаторскаго дома, выходящаго однимъ фасадомъ на площадку съ маленькимъ круглымъ скверомъ посреди нея, откуда несетъ тоскою: жгучее солнце, тощая зелень въ пыли... Съ трехъ сторонъ площадки расположены лучшіе въ городѣ магазины и тутъ-же входъ во внутренній постоянный базаръ или, вѣрнѣе толкучку, наполняемую въ вечерніе часы исключительно евреями и ихъ сожительницами съ тряпьемъ, контрабандными товарами и воровскими вещами; теперь-же, днемъ, за прилавками торгуютъ разною всячиною русскіе торговцы, а торговки продаютъ подсолнечныя сѣмячки и пучки черешни. Другимъ своимъ фасадомъ, съ парадньмъ подъѣздомъ и часовыми, губернаторскій домъ выходитъ на грязные персидскіе ряды.

Въ обширной прихожей губернатора торчали два просителя-перса, а въ пріемной сидѣлъ одинъ только господинъ недовольной наружности. Вошелъ дежурный чиновникъ. Господинъ желчно высморкался:

— Доложите... Дѣло тянутъ, тянутъ... виляютъ, а дѣло вѣрное! Это грабежъ...

— Прошу васъ держать себя благопристойно! осерчалъ чиновникъ и даже поблѣднѣлъ. — Не забывайте, гдѣ вы! Вы въ пріемной господина губернатора! Знаете-ли, за это васъ...

Недовольный господинъ плюнулъ и умолкъ. Меня пригласили въ кабинетъ губернатора, который, выразивъ горячее сочувствіе цѣли моего путешествія, обѣщалъ по-возможности содѣйствовать ознакомленію моему съ Астраханью въ ея торговыхъ отношеніяхъ къ нашимъ азіятскимъ сосѣдямъ, и для этого послалъ за двумя обывателями, опытными въ этомъ дѣлѣ, которые и не замедлили явиться.

Одинъ изъ нихъ, богатый армянскій купецъ Ф—ъ, съ почтенными сѣдинами, почтительными пріемами и усами военнаго покроя, хорошо знакомъ съ азіятскою торговлей, въ которой еще недавно принималъ дѣятельное участіе; теперь-же его комерческія операціи ограничиваются складомъ суконъ, отпускаемыхъ преимущественно въ кредитъ мѣстнымъ персидскимъ торговцамъ. Другой вошедшій въ слѣдъ за нимъ, былъ персъ Хаджи-ага, агентъ и комисіонеръ персидскихъ купцовъ, съ выраженіемъ полнаго довольства во всей его маленькой, акуратной фигурѣ, облаченной въ бѣлый архалукъ и въ высокую мерлушечью шапку съ краснымъ верхомъ бакинскаго фасона. Не снимая ея съ головы, онъ привѣтствовалъ губернатора легкимъ наклоненіемъ головы и, прикладывая нѣсколько разъ правую руку къ сердцу, какъ-то особенно паточно улыбался; эта плутоватая улыбка не сходила съ его красиваго лица, окаймленнаго черною бородою и усами, втеченіи всей нашей

продолжительной бесѣды, въ которой онъ, впрочемъ, не принималъ участія, и только изрѣдка вставлялъ свое слово или кивалъ головою, перебирая свою серебряную цѣпочку, надѣтую черезъ шею.

Губернаторъ выразилъ надежду на возобновленіе въ широкихъ размѣрахъ нашей, угаснувшей въ тридцатыхъ годахъ, торговли съ центральною Азіей.

— Ко мнѣ часто обращаются—говорилъ онъ—астраханскіе и изъ другихъ мѣстностей Россіи торговцы съ просьбою сообщить о томъ, какой путь изъ восточнаго прибрежья Каспійскаго моря въ Хиву безопаснѣе и удобнѣе. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ начальникомъ закаспійскаго военнаго отдѣла Ламакинымъ, оказалось, что хотя путь въ Хиву изъ Александровскаго форта безопаснѣе, чѣмъ изъ Красноводска, но послѣдній значительно короче перваго и тѣмъ привлекаетъ большее число каравановъ; отправленные недавно отсюда два каравана дошли въ Хиву благополучно. При постепенномъ сближеніи русскихъ съ кочевниками означенныхъ мѣстностей и усиливающемся вліяніи на нихъ администраціи закаспійскаго края этотъ красноводскій путь дѣлается все болѣе и болѣе безопаснымъ...

Отсюда разговоръ перешелъ на наши безуспѣшныя, сравнительно съ заграничнымъ транзитомъ, торговыя сношенія съ Персіею и по по поводу посылаемой туда торговой экспедиціи, въ занятіяхъ которой я приму участіе.

— Причины преобладанія въ Персіи заграничнаго транзита надъ нашими произведеніями — говорилъ Ф. — кроются преимущественно въ насъ самихъ. Мы не только не умѣемъ высмотрѣть, какъ англичане и другіе европейцы, нужды и потребности нашей сосѣдки, а слѣдовательно и удовлетворить ихъ, мы не только не умѣемъ выбрать для того добросовѣстныхъ людей, но даже не понимаемъ такой очевидной истины, что при сношеніяхъ съ дикаремъ, какъ и съ просвѣщеннымъ человѣкомъ, необходимо быть гуманнымъ и добросовѣстнымъ, а иначе результатомъ будетъ потеря въ его глазахъ довѣрія и уваженія... Примѣры подъ рукой: «Закаспійское товарищество» обманывало персовъ на товарахъ, относилось къ нимъ крайне оскорбительно; агенты этого товарищества били нагайками персовъ, кутили, роскошничали; нѣкоторые изъ нихъ ѣздили не иначе, какъ окруженные десятками конвойныхъ; правда, между ними были и честные, и просвѣщенные люди, но неумѣлые, неопытные въ торговлѣ и довѣрчивые, такъ-что персы, въ свою очередь, ихъ ловко надували. Пришлось товариществу оставить по себѣ незавидную память въ глазахъ персовъ. Съ тѣхъ поръ русская торговля тамъ замѣтно уменьшилась... Барановскому торговому товариществу тоже не везло; наконецъ нѣкто Севастьяновъ недавно еще затѣвалъ торговлю съ Персіею желѣзомъ въ обширныхъ размѣрахъ, но на первыхъ же порахъ прикащикъ обворовалъ его на десятки тысячъ, и дѣло лопнуло... Не мало тормозитъ нашу мѣстную торговлю съ персами недобросовѣстное выполненіе нашихъ заказовъ нѣкоторыми московскими фабрикантами; положимъ, сегодня большое требованіе у персовъ на такой-то рисунокъ и цѣну ситцевъ и суконъ; спѣшишь сдѣлать заказъ, а при пріемкѣ товары оказываются нерѣдко совершенно иного рисунка и достоинства,—вотъ и потеря! Въ особенности въ этомъ отношеніи отличается громкая фирма въ Москвѣ «Морозова»... Хотя намъ невыгодно устраивать большія торговыя дѣла въ Персіи, потому что конкуррентами являются, кромѣ заграничнаго транзита, и сами персы, ѣздящіе по нашимъ ярмаркамъ для закупки товаровъ, но если мы устроимъ въ важныхъ торговыхъ пунктахъ складочные магазины съ товарами, соотвѣтствующими вкусу и нищенскому карману персовъ, если мы съумѣемъ выбрать повѣренныхъ по торговымъ дѣламъ и если увеличатся перевозочныя средства на Каспійскомъ морѣ, гдѣ теперь царствуетъ общество «Кавказъ и Меркурій», накидывающее, благодаря отсутствію конкурренціи, громадныя цѣны за перевозку товаровъ, въ особенности осенью, передъ концомъ рейсовъ, когда ихъ скопляется въ Астрахани для отправки въ Персію очень много,—то нѣтъ сомнѣнія, что наша торговля съ Персіею разростется и прочно укрѣпится тамъ.

— Что же касается до вашей торговой экспедиціи—продолжалъ Ф.,—то скажу, что ее ждутъ большія потери. Вы сильно промахнулись, ограничившись свѣдѣніями, собранными въ Москвѣ; вамъ нужно было предварительно послать повѣреннаго въ Астрахань или даже въ Персію, какъ то дѣлаютъ англичане для собранія свѣдѣній о ходкихъ тамъ товарахъ, какіе имѣли-бы вѣрный сбытъ.

Замѣчаніе Ф. очень мѣтко. Астрахань служитъ большими

воротами въ Азію; здѣсь можно собрать довольно точныя свѣдѣнія о потребностяхъ нашихъ азіятскихъ сосѣдей и найти свѣдущихъ, опытныхъ людей, необходимыхъ для успѣшнаго хода нашихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ Азіи...

Заговорили о переводчикѣ, котораго я имѣлъ право взять по условію съ Г. и безъ котораго путешествовать было-бы очень затруднительно.

Ф. ясно намекалъ, что армяне болѣе пригодны къ этой обязанности, чѣмъ персы, у которыхъ понятіе о чести весьма шаткое.

— Они по большей части, плуты; обмануть у нихъ считается достохвальнымъ дѣломъ, въ особенности христіанина: «если въ мѣшкѣ сто змѣй и одинъ угорь, то трудно вынуть послѣдняго»; точно также трудно найти между персами хорошаго человѣка. Притомъ они крайне невѣжественны и суевѣрны, что также окажетъ нѣкоторое вліяніе на ваше путешествіе; каждый персъ обзаводится оракуломъ (истихаръ), съ которымъ совѣтуется, бросая чобъ (зернышко), и по его указанію дѣйствуетъ во всѣхъ своихъ торговыхъ и прочихъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ. Если кто чихнетъ одинъ разъ, это считается дурнымъ предзнаменованіемъ и тогда дѣло бросается, останавливается (саборъ); два раза чихнулъ — значитъ дѣло пойдетъ на-ладъ; персы вѣрятъ въ хорошіе и дурные дни и часы и т. п.

— Вамъ необходимо взять переводчика — продолжалъ Ф.— изъ астраханскихъ обывателей, имѣющихъ собственность и семью, что̀ будетъ гарантировать васъ отъ его вѣроломства; на честность особенно не разсчитывайте... Я знаю одного изъ нашихъ шемахинскихъ армянъ, отлично знакомаго съ Персіею, по которой онъ шныряетъ круглый годъ; онъ владѣетъ изрядно русскимъ языкомъ, знаетъ *фарси* (персидскій, литературный) и *тюрки* (разговорный во многихъ персидскихъ провинціяхъ), но у него одинъ недостатокъ—сильно пьетъ... Впрочемъ, я и Хаджи-ага похлопочемъ для васъ...

Простившись съ губернаторомъ, мы вышли вмѣстѣ, и очень довольными, въ особенности Хаджи-ага: онъ былъ въ восторгѣ, какъ отъ губернаторскаго пріема, такъ и отъ радужной мечты насчетъ предполагаемой торговли русскихъ въ предѣлахъ Персіи...

— Завтра объ этомъ будетъ знать вся астраханская Персія, шепнулъ мнѣ на ухо Ф., у котораго на глазахъ навертывались слезы умиленія.—Это нашъ кумиръ!.. Мы будемъ чувствовать себя очень несчастными, когда лишимся его; какой привѣтливый, добрый и очень полезный человѣкъ! говорилъ онъ уже вслухъ.

Мы условились завтра осмотрѣть городъ и ознакомиться съ торговлею его; Хаджи-ага обѣщалъ собрать для меня статистическія свѣдѣнія о русской торговлѣ съ Персіею, что очень важно, потому что офиціальныя данныя въ этомъ отношеніи далеко не полны; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по предложенію Ф., охотно согласился снабдить меня письмами къ своимъ знакомымъ и роднымъ въ Персію.

— Хаджи-ага пользуется большимъ вліяніемъ между своими, или, какъ здѣсь говорятъ объ немъ: «онъ держитъ бороды всѣхъ персовъ въ своихъ рукахъ», пояснилъ мнѣ Ф., между тѣмъ какъ тотъ улыбался и прижималъ правую руку къ сердцу, въ знакъ удовольствія...

Послѣ обѣда я отправился, по приглашенію Ф., осмотрѣть его складъ суконъ и пр. мануфактурныхъ товаровъ; онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о своей торговлѣ съ персами и туркменами, сосѣдними съ нашею морскою станціею на островѣ Ашуръ-аде, служащемъ имъ пунктомъ торговыхъ сдѣлокъ съ нами, и снабдилъ меня образчиками ходкихъ между ними товаровъ.

Въ магазинъ вошло нѣсколько мѣстныхъ «ирани». Двое щегольски одѣтыхъ дѣтей его, отнятыхъ отъ школьной скамьи для того, «чтобы пріучить ихъ къ прилавку», показывали имъ штуки суконъ, сообразно ихъ вкусу.

— Здѣшніе персы — замѣтилъ Ф.—большею частью голыши, берутъ товары у меня и прочихъ торговцевъ на сроки, въ кредитъ; что будешь дѣлать? Иначе ничего не продашь. Свои-же товары оии стараются везти въ Нижній; тамъ для нихъ лакомая приманка—женщины, да и хвастнуть можно передъ своими: «моя была въ Нижнемъ, была въ Москвѣ».

— А отдаютъ-ли вамъ долги?

— Иногда — да, чаще — пропадаютъ; взгляните, сколько у меня долговыхъ росписокъ, да что проку въ нихъ? Уѣхали, скрылись,—ищи, справляйся, гдѣ они...

Я взглянулъ на кипу росписокъ съ чернильными печатями, замѣняющими у персовъ подпись; каждый изъ нихъ носитъ такія имянныя печати, большею частью сердоликовыя, въ кошелькѣ или пеналѣ съ письменными принадлежностями, который также найдется въ карманѣ у всякаго грамотнаго перса (моллы).

— Хивинцы и туркмены—продолжалъ Ф.,—съ которыми я имѣлъ торговыя сношенія прежде, далеко честнѣе персовъ; правда, ямуды остались мнѣ и до сихъ поръ въ долгу, но, вѣроятно, у нихъ теперь денегъ нѣтъ; подожду — отдадутъ... Они наѣзжаютъ ко мнѣ сюда довольно часто...

Въ магазинѣ душно. Намъ вынесли табуретки на крыльцо. Впереди запыленный скверъ, о которомъ уже упомянуто. Мимо проходятъ разноплеменные обыватели Астрахани. Сколько типичныхъ физіономій между ними! Жаль, что я не художникъ, а какъ хотѣлось-бы мнѣ изобразить вотъ этого татарина съ смѣлою, твердою походкою, отважно поднявшаго свое широкое, монгольскаго типа лицо, съ изрѣдка торчащими волосками вмѣсто бороды и усовъ, съ мохнатою шапкою на затылкѣ и въ короткомъ, грязненькомъ халатѣ, съ обнаженною шеею и густо поросшею волосомъ, мощною грудью, отъ которой, кажется, отскочило-бы ядро.

— Это — отаръ, сказалъ Ф. — Послѣ калмыковъ они самые лихіе наѣздники.

На углу улицы стояла группа: двѣ калмычки и малорослый, скуластый калмыкъ; лица ихъ загорѣлы до черноты. На калмычкахъ надѣты барашковыя шапки съ желтымъ суконнымъ верхомъ, напоминающія своею формою конфедератки, изъ-подъ которыхъ падали черныя, тяжелыя косы на грудь; а поверхъ длинной ситцевой рубахи какая-то накидка безъ рукавовъ, не то архалукъ, не то камзолъ; на ногахъ сафьяновые красные сапоги.

— Жизнь ихъ очень тяжела! проговорилъ Ф.—А всмотритесь въ этого коренастаго, съ выгнутыми отъ ѣзды ногами, калмыка — вотъ съ кого олицетворить-бы дикую силу, истязаемую плетью судьбы-мачихи!.. Онъ здѣсь, въ городѣ, ежится, не смѣлъ, а посмотрите на него въ степи, когда онъ вихремъ мчится на дикомъ конѣ, — вамъ кажется, что онъ приросъ къ ему! Взгляните-ка на ихъ борцовъ, когда они сбрасываютъ съ

себя всю одежду, оставаясь только въ короткихъ штанишкахъ: это атлеты, вылитые въ бронзу!.. И вмѣстѣ съ тѣмъ это «лошади труда»! Калмыки — трудящійся народъ, выносливый, честный, но разоренный своими попечителями; теперь они обнищали: кто имѣлъ прежде 1000 головъ скота, — пошелъ въ батраки, — почему? Опекуны слишкомъ ревностно ихъ опекаютъ. Напр., калмыкъ занялъ съ своею семьей кусокъ травы; скотъ съѣлъ ее черезъ недѣлю; калмыкъ хочетъ идти дальше... „Стой! кричитъ приставъ, — не смѣй тронуться съ мѣста или давай 50—100 рублей, нѣтъ—давай барановъ!» Голодный скотъ околѣваетъ, калмыкъ нищаетъ и идетъ въ батраки за 20 коп. въ сутки къ рыбопромышленнику, который восторгается дешевизною его труда: «Золотыя руки!»... Не меньше попечителей хлещутъ калмыка и свои-же братья, усвоившіе лоскъ и пороки цивилизаціи... Стойко перенося всѣ невзгоды тяжелаго труда, голодъ и холодъ, калмыки безропотно мрутъ, какъ мухи... Знаете-ли, чѣмъ они питаются? — однимъ чаемъ, и сыты. Калмыцкій чай — кирпичный, т. е. въ пресованныхъ плиткахъ, дрянного качества; онъ крошится въ котелъ съ водою и кипятится до тѣхъ поръ, пока не получится наваръ; тогда подбавляется къ нему соль, молоко, иногда масло, вотъ и все!.. Если калмыки и пристрастились къ нашей водкѣ, то благодаря тѣмъ же опекунамъ. Поневолѣ запьешь! говорятъ они. Теперь, кажется, запрещена продажа водки въ улусахъ, точно запрещеніемъ можно искоренить пьянство, если не уничтожатся причины, развивающія его... Они продолжаютъ пить и даже гонятъ свой аракъ изъ кумыса, изъ котораго приготовляютъ еще другой, лучшій напитокъ...

Между прохожими не мало встрѣчается калмыковатыхъ казаковъ—помѣсь русскаго съ крещеною калмычкою; попадаются турки, привезшіе сюда изъ Константинополя товаръ; вотъ прошелъ хивинецъ въ яркомъ халатѣ; за нимъ надменно выступаетъ носатый щеголь, нашъ горецъ съ Кавказа, въ своей воронкообразной бараньей шапкѣ, съ кинжаломъ за блестящимъ поясомъ (отдѣланномъ въ серебряныя бляхи), и налитыми кровью глазами.

Далѣе виднѣется группа черкесовъ; прошли два-три тощихъ киргиза въ остроконечныхъ шапкахъ и длинныхъ, до нельзя загаженныхъ рубахахъ изъ грубаго полотна.

Проѣхало нѣсколько телѣгъ, а за ними мѣрно прошагали ломовые изъ ногайцевъ, большею частью тоже въ длинныхъ, грязныхъ рубахахъ, съ рѣдкими бородками и нѣсколькими волосками вмѣсто усовъ. Ногайцы издавна поселились здѣсь. Нѣкогда незначительная татарская деревушка Гаджи-Тархани или Астрахань, благодаря естественнымъ богатствамъ—рыбѣ и соли, а также выгодному положенію своему при впаденіи Волги въ Каспійское море, стала быстро развиваться и сдѣлалась столицею ногайскихъ хановъ, междоусобица которыхъ помогла царю Ивану Грозному присоединить ее къ Россіи въ 1554 г. Теперь ногайцы проживаютъ и въ городѣ, и по окрестнымъ деревнямъ, гдѣ занимаются бахчами (арбузы и дыни), извозомъ, преимущественно рыбы и соли; между ними не мало отличныхъ шкиперовъ, но въ особенности они славятся своею мускульною силою и ловкостью при переноскѣ тяжестей.

— Подложивъ на спину подушечку—пояснилъ Ф.—ногаецъ взваливаетъ на себя 8 — 10 пудовъ и тащитъ этотъ грузъ съ пристани на пароходъ по крутизнѣ сходней съ удивительнымъ проворствомъ...

Шумъ за угломъ прервалъ нашу бесѣду.

— Взглянемъ, что тамъ такое?

— Видно, драка...

Но то была не драка, а расправа. Полицейскій солдатъ ударилъ какого то ногайца, и уже замахнулся на него въ другой разъ, какъ только-что проѣхавшіе мимо насъ ломовые обступили его.

— Ты меня бей! кричалъ одинъ изъ нихъ съ азартомъ, размахивая руками.—Бей меня сколько хочешь,—не бей его; онъ хозяинъ. А меня бей!—На, бей! А его—не бей!...

Сконфуженый нашимъ появленіемъ, «блюститель благочинія» поспѣшилъ стушеваться.

Между прохожими снуютъ и франтоватые, вылощенные армяне въ своихъ казакинчикахъ, опоясанныхъ ремнями, украшенными серебряными бляхами, въ низенькихъ мерлушечьихъ шапочкахъ и непремѣнно съ цѣпочкою черезъ шею и перстнями; не мало изъ нихъ безукоризненно одѣтыхъ по послѣдней модной картинкѣ: цилиндръ, визитка и непремѣнно толстая золотая цѣпь. Армянское населеніе Астрахани переходитъ за 5 тысячъ, но ихъ, какъ слышно, нельзя упрекнуть въ обра-

зованіи; во всемъ городѣ не найдется болѣе двухъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ, за то это первые щеголи въ городѣ, но не кладите имъ пальца въ ротъ: тонкіе кулаки, что я говорю!—комерсанты...

А вотъ торопливо идетъ съ опущенными въ землю глазами жидокъ; онъ что-то разсчитываетъ по пальцамъ... Всесвѣтные пройдохи являются въ настоящее время конкуррентами тонкимъ армянамъ, и, вѣроятно, вскорѣ займутъ ихъ мѣсто въ здѣшней торговлѣ.

Хотя изъ 49-ти-тысячнаго разноязычнаго городскаго населенія русскіе составляютъ не менѣе 37 тысячъ, но, по бьющимъ въ глаза типамъ, Астрахань несомнѣнно городъ восточный, въ особенности торговый центръ ея, гдѣ расположены лавки армянъ и персовъ. Послѣдніе степенно снуютъ изъ лавки въ лавку или группами стоятъ посреди улицы, въ своихъ высокихъ и низкихъ мерлушечьихъ шапкахъ, длиннополыхъ, разноцвѣтныхъ архалукахъ, и большею частью съ рыжими бородами и усами. Многіе изъ пріѣзжающихъ сюда персовъ принимаютъ русское подданство, ибо имъ здѣсь вольготнѣе, чѣмъ на родинѣ, или же просто изъ желанія избѣжать дѣла съ своими консулами, не стѣснявшимся не только ихъ грабить, но и сѣчь по пяткамъ, надѣвать на нихъ колодки при вымогательствѣ денегъ. Прежде это случалось зачастую, теперь рѣже, потому что имъ предоставляется право наблюдать только за торговыми интересами персидскихъ подданныхъ, подчиненныхъ въ настоящее время во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ нашимъ гражданскимъ законамъ.

— Хотя астраханскіе персы по-необходимости дѣлаютъ нѣкоторыя уступки намъ изъ своихъ обычаевъ—говорилъ Ф.,— но все-же считаютъ насъ, христіанъ, «погаными». Безъ сомнѣнія, имъ неудобно примѣнять здѣсь, напр., подобное требованіе религіозной брезгливости: если невѣрный дотронется до его одежды,—нужно вырѣзать кусокъ или бросить все платье... Обмануть, убить христіанина для него ничего не значитъ: стоитъ только совершить лишній разъ намазъ (молитву) — и ему все проститься, — конечно, не въ предѣлахъ Россіи. Когда вы будете путешествовать по Персіи — продолжалъ Ф., — избѣгайте непріязненныхъ столкновеній въ караванѣ: на чужіе тю-

ки не садитесь, не касайтесь пищи и одежды правовѣрныхъ, не проходите впереди нихъ во время намаза, путешествуйте въ европейскомъ костюмѣ.

При этомъ мнѣ вспомнился петербургскій совѣтъ Г—го: «надѣньте халатъ и чалму»,—со всѣхъ сторонъ совѣты! Читатель увидитъ ниже цѣнность ихъ.

— Объясните мнѣ, обратился я къ собесѣднику, — почему у всѣхъ этихъ персовъ такой изнуренный видъ, почему у нихъ такое скотское, отталкивающее выраженіе лицъ?

— Потому что нравственное чутье у перса затерто чуть-ли не съ колыбели, чувство чести отсутствуетъ въ немъ. Всмотритесь вотъ въ эту мумію, что стоитъ лицомъ къ намъ; въ его апатіи отражается вредное вліяніе опіума, который дается сперва младенцу, чтобы онъ не кричалъ, и къ которому тотъ, до того привыкаетъ, что уже не разстается съ нимъ до гроба, а скотское половое наслажденіе окончательно растлѣваетъ и истощаетъ его.. Завтра обойдемъ мы персидскіе ряды, и вы увидите за стойками блѣдныхъ, изнуренныхъ смазливенькихъ мальчишекъ, даже дылдъ — слугъ и прикащиковъ. Всѣ они служатъ *развлеченіемъ*, для своихъ хозяевъ!.

— Вы говорите: дылдъ?

— Мало того, я укажу вамъ на старцевъ, которыя занимаются тѣмъ же, испытывая по временамъ припадки, въ родѣ бѣшенства матки,—до того вкоренился въ нихъ порокъ съ дѣтства!?., Но, пусть бы персы ограничивались развратомъ между собою. Нѣтъ, этого мало. Они *растлѣваютъ еще нашихъ дѣтей, соблазняя ихъ гостинцами*. Много несчастныхъ, въ числѣ которыхъ не мало и *гимназистовъ*—дѣтей даже достаточныхъ обывателей, уже погрязли въ ужасномъ порокѣ,—позоръ!..

У Ф. навертывались слезы.

— Я отецъ, продолжалъ онъ.—У меня трое сыновей, и вы поймете мои опасенія, сѣтованія, мою горечь...

Въ это время раздался со стороны сквера крикъ—мы оглянулись. Какой-то персъ тянулъ за руку туда прилично-одѣтаго мальчишку лѣтъ двѣнадцати, но тотъ, горячо возражая что-то, упирался. Начала стекаться толпа, и блудный сынъ Ирана какъ ни въ чемъ не бывало, поплелся къ базару.

— Вѣрно одинъ надулъ другаго, замѣтилъ Ф., и продолжалъ: Вздумалось мнѣ вчера вечеркомъ прогуляться въ скверѣ, хоть показываться тамъ въ это время *просто стыдно*. Вхожу—*картина въ кустахъ*; подумалъ: пожалуй, и меня заподозрять, и...

— Малодушно бѣжали, не раздавивъ гадины?

— *Знаете—огласка, скандалъ*,—я же занимаю такое солидное положеніе въ обществѣ.

— Въ такомъ случаѣ и не сѣтуйте, если порокъ разрастется и коснется даже вашихъ дѣтей... На чемъ, бишь, мы остановились? Да, на скотствѣ персовъ. Конечно, проститутки пользуются ихъ вниманіемъ.

— Нерѣдко даже разоряютъ, не то женятъ ихъ на себя.

— И въ послѣднемъ случаѣ «Ирани» принимаютъ православіе?

— Конечно. Я лично знаю одного изъ такихъ, по прозванію въ св. крещеніи Никифоръ; поживъ съ женою, онъ заскучалъ и въ особенности не могъ выносить своего имени: «вотъ еслибы Иваномъ прозвали меня, а то Никифоръ—не люблю», сѣтовалъ онъ часто. Родилась у него дочь, которую онъ отдалъ за бакинскаго перса, послѣ чего и самъ скрылся изъ Астрахани,—говорятъ, опять принялъ исламъ.

Вообще у здѣшнихъ персовъ брачныя узы не прочны: разводъ—очень обыкновененъ. Въ качествѣ жениха персъ заключаетъ съ женою письменное условіе, скрепляемое моллою; въ немъ обозначается сумма въ 100—200 р. — смотря по условію, которую мужъ обязывается уплатить ей въ случаѣ развода. Въ медовый мѣсяцъ соловей любви такъ сладко поетъ, такъ поэтиченъ (на что персъ имѣетъ дарованіе отъ природы), что молодая жена, заслушавшись, охотно отрываетъ нужный ему кусочекъ росписки, и тогда при разводѣ онъ ей ни гроша не даетъ. Иногда родные и опытныя старухи предупреждаютъ невѣсту, чтобы та не слишкомъ поддавалась обаянію первой любви и брачный договоръ прятала-бы подальше; въ такомъ случаѣ при разводѣ у нея будутъ деньги и она выйдетъ за другаго, за третьяго и т. д., въ дѣвкахъ или вдовахъ не засидится, ибо персіяне дорожатъ женщинами.

Жара спадаетъ, и я, простившись съ Ф. до завтра, нанялъ извощика въ загородные сады: Лѣсникова, Давыдова, Гавеловскаго и Пермякова.

— Здѣсь вы нѣсколько ознакомились съ Азіею, а тамъ увидите сносный русскій театръ, итальянскую труппу и сливки нашего общества, проговорилъ тотъ вслѣдъ мнѣ и посовѣтовалъ пропустить осмотръ двухъ первыхъ садовъ, ничѣмъ невыдающихся, и прямо направиться къ послѣднимъ.

Безлюдными улицами и пустынною площадью, сплошь покрытою лужами, мы пріѣхали въ Гавеловскій садъ, гдѣ помѣщается на лѣто клубъ, въ театрѣ играетъ итальянская оперная труппа. Въ саду тощія алеи виноградниковъ, о насажденіи которыхъ такъ заботился Петръ I, желая развить въ этомъ краѣ садоводство и винодѣліе. Но если измѣнившійся здѣсь къ худшему климатъ не благопріятствуетъ достиженію этой цѣли, за то запыленные и истомленные дневнымъ зноемъ обыватели находятъ теперь въ этихъ садахъ по вечерамъ отдыхъ, свѣжій воздухъ и много иныхъ прелестей. Оказывается, что я пріѣхалъ сюда очень рано, ибо кромѣ желчнаго старичка, иронически посматривавшаго на извѣстнаго одесскаго балагура Ш — фа, окруженнаго двумя-тремя поклонниками его таланта, никого не было. Юные купеческіе сынки хохотали до упаду, упиваясь разсказами Ш — фа изъ еврейскаго быта.

Я разговорился съ старикомъ, оказавшимся словоохотливымъ, рѣзкимъ, т. е. довольно откровеннымъ и тонкимъ наблюдателемъ.

— Виноградныя алеи, говорилъ онъ, между прочимъ,—не даютъ тѣни, а потому днемъ въ нашихъ садахъ такъ же пусто, какъ и въ нашемъ городскомъ клубѣ въ зимніе вечера, гдѣ вы встрѣтите не больше десятка тоскующихъ барынь, двухъ-трехъ денди изъ армянъ, берегущихъ свои перчатки, пуще глаза, да нѣсколькихъ старичковъ за картами. Губернаторша — а она у насъ передовая — намѣрена расширить клубное дѣло; удастся-ли ей это—можно судить по тому обществу, которое вы встрѣтите въ саду у Пермякова,—одна сыворотка. Хотите туда?

— Поѣдемъ.

Дорогою попался намъ подвыпившій старецъ съ армянскимъ клювомъ, въ поношенномъ сюртукѣ военнаго покроя.

— Вотъ и предводитель... конечно не разбойниковъ, шепнулъ старецъ, брезгливо отворачиваясь отъ него. Недалекъ,

обжорливъ и, какъ видите, не пьющій... Видно, не было охотниковъ служить обществу, если выбрали этакое дрянцо..

Заплативъ за входный билетъ въ садъ 20 к., я отказался отъ предложеннаго мнѣ билета въ театръ. Это довольно обширное деревянное зданіе, расположенное по правую сторону площадки, напротивъ вокзала съ огромномъ буфетомъ, усѣяннымъ питіями и разнообразными закусками; а прямо возвышается эстрада для музыкантовъ. Отъ площадки тянутся виноградныя алеи, перемѣшанныя кое-гдѣ съ фруктовыми деревьями. Садъ былъ буквально запруженъ народомъ.

— У насъ постояннаго театра нѣтъ, говорилъ мой собесѣдникъ;—выпишутъ намъ порядочную труппу, вотъ какъ эта, что теперь увеселяетъ насъ, — хорошо; а нѣтъ — довольствуемся странствующими талантами съ приволжскихъ городовъ; вотъ ждемъ на зиму двухъ служанокъ... то-бишь, двухъ актрисъ, играющихъ служанокъ, да вѣчно пьянехонькаго комика, онъ-же и трагикъ.

Протиснувшись чрезъ густую толпу на площадкѣ, мы усѣлись въ полускрытой зеленью бесѣдкѣ. Физіономіи у нарядныхъ дамъ очень рѣшительны, точно собираются кого-то или что-то взять штурмомъ, но это только такъ кажется, а въ сущности онѣ «непринужденно» гуляютъ; многія курятъ.

— Наши дамы и въ театрѣ дымятъ; это здѣсь считается шикомъ, объясняетъ мой собесѣдникъ;—а вотъ прислушайтесь-ка — продолжалъ онъ — къ говору пріѣзжей изъ Полтавы парочки, что на скамью усѣлась о-бокъ бесѣдки; это добродѣтельныя жены благодѣтельныхъ мужей, готовыхъ на все, лишь бы принести пользу отчизнѣ, т. е. получить концесію или что-нибудь въ родѣ того.

Взглянулъ. Костлявая, истомленная на видъ барыня говорила съ скверною улыбкою другой, «огненной брюнеткѣ» съ тусклыми глазами:

— Къ ворожеѣ ѣздила; говоритъ—непремѣнно получимъ концесію. Ахъ, если бы такъ!.. Я, душечка, обѣщалась говѣть, если только получимъ эту противную концес...

— А мой-то Іона Петровичъ—перебиваетъ ее «огненная»—даже образъ поставилъ на письменномъ столѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде, помнишь, нимфа стояла... Такой богомольный сдѣлался!.. Вчера говоритъ мнѣ: Фофочка, если только «заступ-

ница всѣхъ скорбящихъ» не поможетъ, то хоть въ петлю полѣзай!.. Шурочка, ну что мы будемъ дѣлать, если не получимъ?

— Слышите, слышите: концесію!.. заволновался мой старикъ; — этотъ мошенникъ уже испортилъ одну дорогу, хочетъ портить другую!.. Не получитъ — Фофочка пропадетъ, практическая же Шурочка — пари держу — выпутается. Еще недавно она отыскала какую-то полоумную бабушку и такъ окрутила ее, что та, вмѣсто-то дворника, которому обѣщала, отказала ей тысячу руб.; можетъ быть, найдется таковой же дѣдушка, а не то выхлопочетъ опеку надъ маленькими братьями,—все-таки тысяча-другая въ годъ перепадетъ ей...

— Какъ-бы намъ получить ее? слышалось со скамьи, на что злой старикъ шипѣлъ себѣ подъ носъ: «Погрузитесь въ кипятокъ на трое сутокъ, можетъ быть, и получите; Шмульже получилъ нѣсколько дорогъ по сему рецепту».

— Бросимъ эту несносную концесію, неслось со скамьи; — скажи-ка лучше, Фофочка, какъ поживаетъ твой Миша?

— Всегда ослюнитъ всѣ руки; вчера попросилъ шейку поцѣловать—не отказала: онъ такой услужливый.

— А дальше?

— Это мой секретъ.

— Ну, а Мефистофель?

— Зачѣмъ ты оскорбляешь святое чувство любви? Мефистофель?! Не называй его такъ, — это божество, душка!

— Эта статская совѣтница влюбилась въ личнаго врага своего дряблаго мужа, въ желѣзнодорожнаго мазурика, такъ видите-ли, не оскорбляйте ея святого чувства къ воровству и грабежу! продолжалъ нашептывать мнѣ желчный старикъ.

— Ахъ, душечка, какъ Сержъ ухаживаетъ за мною! слышался голосъ той же Фофочки.

— Кажется и Никаноръ не равнодушенъ.

— Да, да, — вчера сижу я въ театрѣ, подходитъ онъ, поздоровался и говоритъ: «Богиня моя, дайте лапку», и такъ страстно засопѣлъ!

— Дрянь бабенки, проговорилъ мой старецъ, поднимаясь со скамьи.—Пойдемте-ка, вслушаемся въ разговоры представителей нашего астраханскаго общества.

— Почему русскій мужикъ нервный? говорилъ длинный

полковникъ съ отвислою нижней губою и достаточнымъ носомъ, согнувшись передъ маленькимъ статскимъ господиномъ съ бутербродомъ въ рукахъ, озирающимъ проходящихъ дамъ. —Почему, спрашиваю я васъ? А потому-съ, изволите видѣть, потому-съ, что къ чаю склонны, чаю-съ много пьютъ, а чай —горячій, горячитъ. Я-съ имѣлъ случай наблюдать...

Передъ столикомъ съ опустѣвшими бутылками сопятъ именитые граждане, тузы-рыбопромышленники.

— Долбанемъ еще?

— Можно.

— Федька! Федоръ, дуракъ, не слышишь, што-ли?

Пожилой лакей какъ изъ-подъ земли предсталъ передъ именитымъ и, согнувшись, умильно спросилъ:

— Чего-съ прикажете, ваше степенство?

— Ты намъ представь-ко сюды еще горькой да пивца, и перекусить чаго-нибудь..

— Сичасъ, ваше высочество.

— Вотъ возьми, Федя, на орѣхи, умилился именитый, подавая старцу-лакею пятакъ.

Перебывавъ во многомъ множествѣ россійскихъ градовъ, мнѣ не приходилось слышать отъ лакействующей братіи такого громкаго величанія толстыхъ кошелей, какъ «ваше высочество»....

Двое молодцовъ, какъ видно изъ купеческаго званія, съ цилиндрами на бекрень, вырвавшись на просторъ точно съ цѣпи, летѣли по алеямъ, взявшись подъ руки.

— Слышалъ, какъ Никашку отецъ оттузилъ? Го-р-рячо, братъ.

— За что?

— А за то!.. Далъ онъ ему дѣловую перебѣлить и спрашиваетъ: ну, какъ работа? Прелесть — говоритъ: — блондинка, черныя брови... Что-о-о? Какая блондинка? осерчалъ тотъ. Ошибся, молъ, папаша, хотѣлъ сказать — прелесть бумага, а чернила... Схватилъ его отецъ за чубъ и ну скользить по ребрамъ.

— Ха-ха-ха! Сегодня не придетъ!

— Говоритъ: лихорадка...

. . . .

— Посмотрите на эту представительную внѣшность, ука-

зываетъ мнѣ глазами старикъ на изящно одѣтаго господина съ глубокомысленно-административнымъ видомъ; — это нашъ ученый; вѣроятно онъ рѣшаетъ теперь какой-нибудь научный или государственный вопросъ.

Я, по наивности, началъ одобрять его...

— Ха-ха-ха! — Извѣстный игрокъ, и даже шулеръ; въ его головѣ всегда роится одна только мысль на тему: кого-бы обчистить?

Какая-то старушонка приплелась въ садъ. Шалунъ сѣлъ на колѣни къ ней; та плюнула, перекрестилась и вышла вонъ.

Къ 10 часамъ вечера посѣтители сдѣлались развязнѣе; слышенъ вездѣ громкій говоръ и смѣхъ, пошлости, а то и брань...

Какъ-то бокомъ и конфузясь, прошла въ темную алею толстая горничная въ платочкѣ вслѣдъ за сухою барыней съ подвязанною щекою.

— Вотъ, Параша, мучусь зубами.

— А вы-бы, барыня, выдернули и вставили-бы каменные; знакомый фельдшеръ говорилъ, продаются изъ... изъ... какъ его звать-то?.. Изъ...

— Малахита?

— Да-да, изъ эфтаго самаго ..

Франтоватые армяне разговариваютъ больше о грошахъ; камеліи рѣзво гуляютъ въ дальнихъ алеяхъ или задумчиво сидятъ по темнымъ бесѣдкамъ, куда такъ и тянетъ приказщиковъ и приказныхъ, горцевъ, татаръ, и кое-гдѣ встрѣтите шлепающихъ туфлями персовъ, съ крашеными пятками и бородами въ красный цвѣтъ...

Мы усѣлись около двухъ скромно бесѣдовавшихъ дѣвицъ, какъ видно — модистокъ.

— Глупое управленіе въ полиціи, говорила сухопарая другой, круглолицей, въ веснушкахъ, — что намъ изъ того, что полицмейстеръ устроилъ скверъ, когда онъ къ намъ несправедливъ! Мнѣ не позволяетъ открыть магазина, а его горничныя и фаворитки открываютъ ихъ безпрепятственно, дурно выполняютъ заказы и открыто принимаютъ его и гостей... Между тѣмъ, какъ я уже нѣсколько лѣтъ имѣю вывѣску и плачу за мастерскую въ управу...

— Объ этомъ полиціймейстерѣ можно сказать, обратился ко мнѣ спутникъ, — что онъ наводитъ ужасъ на безпаспортныхъ, въ особенности въ зимнее время, когда Волга замерзнетъ и много разнаго народу остается безъ работы; тутъ и калмыки, и татары, и наши русскіе; ѣсть имъ, какъ и намъ съ вами, хочется, а нечего; начинается грабежъ по Волгѣ и наплывъ ихъ въ Астрахань; тогда-то полиціймейстеръ, выбравъ денекъ, раннимъ утромъ дѣлаетъ облаву на базаръ, гдѣ толкается этотъ голодный людъ; у кого изъ нихъ нѣтъ вида — на съѣзжую и расправа. А пошаливаютъ у насъ частенько; наибольшій процентъ преступленій доставляетъ Коса, гдѣ вы живете теперь; вообще въ глухихъ мѣстахъ не безопасно ходить. Однажды, осеннимъ вечеромъ, знакомый мой, капитанъ съ парохода, проходилъ по порту. Баринъ, продаешь пальто? останавливаетъ его дѣтина съ дубиною. — Продаю. — Покажь, сколько у тебя въ карманѣ, столько и дамъ. — Капитанъ бѣжать по направленію ближайшаго жилья, тотъ—за нимъ, и уже схватилъ за шиворотъ. — Пожаръ, пожаръ! заоралъ капитанъ; на крикъ сбѣжались люди,—тѣмъ только и спасся.

— Зачѣмъ-же онъ кричалъ: пожаръ?

— Крикни караулъ—ни одна душа не показалась-бы... А съ его пароходнымъ прикащикомъ еще занимательнѣе случай былъ, продолжалъ старикъ:—тотъ, замѣтивъ на пристани статную дѣвушку, приволокнулся за нею, и она дозволила ему проводить себя домой; начало темнѣть, холодъ невыносимый; любезничаетъ онъ дорогою; подошли къ мостику въ глухомъ мѣстѣ, она и говоритъ: тутъ моя квартира, и принялась стучать ногами; изъ-подъ моста вышло трое мошенниковъ; дѣвушка, снявъ съ себя верхнее платье, оказалась кантонистомъ.—Мерси, баринъ, за проводы, а за то, что всю дорогу суслилъ меня и ощупывалъ, снимай съ себя все... Раздѣтый до-нага, бѣдняга пустился бѣжать къ первому жилью, и слегъ...

Было уже 12 ч. ночи; садъ на половину опустѣлъ; старикъ, опасаясь лихорадки, простился со мною; слѣдомъ за нимъ и я отправился на покой, а на другой день, раненько, поѣхалъ на извощикѣ отыскивать одного стараго знакомаго, проживающаго на Ипаціевской улицѣ.

Извощики здѣсь, большею частью, татары, и притомъ, вышколенные полиціймейстеромъ, никогда не торгуются. Каждой извощичьей биржѣ отведенъ участокъ, гдѣ ни одинъ

извощикъ изъ посторонней биржи не имѣетъ права ни останавливаться, ни брать сѣдока, если только тамъ на лицо свой извощикъ.

Такъ-какъ мой татаринъ не зналъ Ипаціевской улицы, а мнѣ было извѣстно только то, что она пересѣкаетъ большую, людную Полицейскую улицу,—прохожіе тоже не могли указать ея, а полицейскихъ не видать, то и пришлось намъ кружиться здѣсь около двухъ часовъ, пока не попался городовой.

— Гдѣ Ипаціевская? спрашиваю его я.

— Ипаціевская?.. Слышалъ, близко тутъ, но не могу знать, гдѣ...

— Вѣдь вы полицейскій!..

— Такъ-точно, со вчерашняго дня.

Поѣхали дальше; у будки стоитъ, какъ видно, только-что пришедшій городовой.

— Гдѣ Ипаціевская?

— Слышалъ, есть такая, никакъ въ моемъ участкѣ, только мы здѣсь всего третій день, такъ не знаемъ доподлинно, гдѣ она.

— Тотъ новичекъ, вы новичекъ, — вся полиція у васъ новая, что-ли?

— Вѣрно, потому – полицмейстеръ больно крутъ, почитай-что кажинный мѣсяцъ мѣняетъ насъ...

Такъ я и не отыскалъ на этотъ разъ Ипаціевской улицы, и только на третій день счастливый случай привелъ меня къ ней; послѣ утомительной ѣзды взадъ—впередъ и безплодныхъ разспросовъ я наткнулся на сѣденькаго, согбеннаго старца, грѣвшаго на солнцѣ свои старыя кости на углу одного переулка.

— Гдѣ Ипаціевская? спрашиваю его.

— Ипаціевская... Ипаціевская... какъ-бы въ раздумьѣ и удивленно поглядывая во всѣ стороны, шамкалъ беззубый старикъ.—Ипаціевская?.. Какъ не знать!.. Фу ты пропасть, да никакъ это и есть Ипаціевская, — глянь на циферу, указалъ онъ на дощечку съ полуистертою надписью, убѣдившею меня, что тутъ она и есть.

По условію, Ф. заѣхалъ за мною въ 10 ч. утра и мы отправились вмѣстѣ осмотрѣть *достопримѣчательности* Астрахани, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ городъ въ Россіи; какого они достоинства—это иной вопросъ, но достопримѣчательности вездѣ найдутся.

Послѣ ночного, обильнаго дождя улицы во всемъ городѣ покрылись лужами, въ которыхъ буквально тонули красивые дрожки Ф.

— Богатый городъ, а мы дышемъ болотными міазмами, развивающими холеру и лихорадку! ворчалъ онъ, снимая пальцемъ съ лица комки грязи, обдававшей насъ съ головы до ногъ.

Несмотря на блестящія экономическія условія Астрахани, хозяйство ея ведется плохо, что видно изъ статистическихъ данныхъ за 1872 годъ,—въ которомъ обыкновенные городскіе доходы дали: 236,808 р. 57 к., а чрезвычайные 26,727 р. 94 к. Слѣдовательно всего: 263,536 р. 51 к.

263,536 р. на почти 50-ти-тысячное населеніе города, въ которомъ считается 1,326 каменныхъ и 6,986 деревянныхъ зданій, и въ томъ числѣ 47 заводовъ, обдѣлывающихъ животные, растительные и ископаемые продукты на сумму 1.005,875 р. ежегодно. Изъ этихъ астраханскихъ произведеній самое видное мѣсто занимаютъ водки, наливки, пиво и медъ, на сумму 700,000 руб., мыло и свѣчи на 143,000 руб. Кромѣ того, жители съ успѣхомъ занимаются огородничествомъ, бахчами (дыни и арбузы), садоводствомъ, разведеніемъ винограда; но главное ихъ богатство составляютъ рыбные промыслы и соледобываніе. Съ введеніемъ въ 1867 г. вольнаго лова, съ развитіемъ пароходства и желѣзныхъ путей рыбный промыселъ быстро усиливается, а благодаря разрѣшенію частнымъ лицамъ заниматься разработкою соленыхъ озеръ, принадлежащихъ казнѣ, соляная промышленность принимаетъ болѣе и болѣе широкіе размѣры. Всѣ эти произведенія рукъ, воды и почвы составляютъ предметъ внутренней торговли Астрахани, а въ азіятской нашей торговлѣ она служитъ транзитомъ и рынкомъ. Черезъ здѣшнюю таможню, находящуюся въ зданіи, принадлежавшемъ бывшему порту, проходитъ ежегодно товаровъ изъ Персіи и средней Азіи, а равно изъ Россіи туда, слишкомъ на 2 мил. руб.; такъ въ 1872 г. привозъ азіятскихъ произведеній составлялъ сумму

1.766,817 р., а вывозъ нашихъ произведеній туда 912,580 р., что составляетъ всего 2.679,397 рублей.

Въ томъ-же году привезено было въ Астрахань товаровъ каботажемъ изъ русскихъ прикаспійскихъ портовъ на 7.092,522 р., чему благопріятствовало, главнымъ образомъ, развитіе комерческаго флота Каспійскаго моря, который состоялъ тогда изъ 625 парусныхъ судовъ и 16 паровыхъ шкунъ.

— Вы видите, замѣчаетъ Ф.,—что наша дума могла-бы извлекать изъ означенныхъ источниковъ для благоустройства города побольше, и если она не можетъ своими средствами вымостить улицы и уничтожить зловонныя лужи на нихъ, то могла-бы отдать это дѣло въ частныя руки. Говорятъ, что уровень Волги во время разливовъ выше нѣкоторыхъ городскихъ мѣстъ, слѣдовательно стоковъ сдѣлать нельзя, но этотъ техническій вопросъ относится къ самымъ несложнымъ; давайте только деньги...

Бесѣдуя о городскомъ хозяйствѣ, мы незамѣтно подъѣхали къ высокому Кремлю, расположенному на легкой возвышенности, называемой «Заячьимъ бугромъ».

Это сооруженіе, начатое Іоанномъ Грознымъ вслѣдъ за покореніемъ Астрахани, было окончено царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ 1582 г. Его высокія—въ 4—5 саж.—и толстыя, двухсаженныя стѣны съ арками и нишами усѣяны зубцами наверху, а изъ 8 прежнихъ башень сохранились только 4, изъ которыхъ «Крымская» возвышается на 63 фута. Въ Кремль, занимающій по окружности 730 саж., ведутъ Никольскія и Пречистенскія ворота; надъ послѣдними устроена колокольня двухъ-этажнаго Успенскаго собора, строитель коего, «мастеръ каменнаго дѣла», дворовый человѣкъ князя Львова, Дорофей Мякишевъ, получилъ за свой трудъ 100 рублей асигнаціями. Здѣсь вамъ, любознательный или скучающій читатель, покажутъ между прочими вещицами посохи, обложенные крокодиловою кожею и украшенные «зміями и сереброзлаченными яблоками», а также «опаленную огнемъ и обагренную кровью власяницу» митрополита Іосифа, въ которой его мучили и убили, 11 мая 1671 г., сподвижники Стеньки Разина.

Далѣе мы направились къ женскому Благовѣщенскому монастырю, стоящему на нѣсколько возвышенной площадкѣ, въ чертѣ города. Прежде здѣсь помѣщался мужской монастырь, упраздненный въ 1706 г. за то, что «братія, во главѣ съ своимъ архимандритомъ Рувимомъ, приняла участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ». Мнѣ говорили, что когда вышло распоряженіе назначать изъ этого монастыря монахинь на дежурство въ госпиталь, то мать-игуменья долго качала въ задумчивости головою. Между тѣмъ скучающія монахини были рады-радешеньки услуживать и ухаживать за больными, и, какъ говорятъ, выполняютъ эту обязанность съ большимъ усердіемъ и вниманіемъ. Всѣхъ православныхъ часовень и церквей—23, но объ нихъ нечего сказать, точно также, какъ и объ 5 или 6 армяно-грегоріанскихъ, въ одну изъ которыхъ мы заглянули мелькомъ; внутренняя обстановка ея сходна съ нашими церквями; то-же изобиліе иконъ, но вмѣсто царскихъ вратъ здѣсь занавѣсъ и церковь раздѣлена низкими перилами на двѣ части: впереди становятся мужчины, сзади—женщины.

Изъ двухъ евангелическо-лютеранскихъ церквей одна построена при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1754 г., а изъ—кажется—трехъ римско-католическихъ одна сооружена патеромъ Ромуальдомъ (въ 1762 г.), разсчитывавшемъ на успѣшное распространеніе здѣсь латинства.

Отсюда мы направились къ мусульманскимъ кварталамъ. Изъ слишкомъ пятитысячнаго мусульманскаго населенія Астрахани, имѣющаго здѣсь 17 мечетей, персы слѣдуютъ шіитскому толку, ногайцы и вообще, какъ называютъ ихъ тутъ, татары—сунитскому. Персы появились въ Астрахани съ прошлаго столѣтія, а въ началѣ текущаго, вслѣдъ за паденіемъ значительныхъ торговыхъ домовъ хивинцевъ и индійцевъ здѣсь, овладѣли торговлею ея вмѣстѣ съ армянами.

Персидское духовенство, моллы, получаетъ десятину изъ доходовъ правовѣрныхъ шіитовъ, не всегда добровольно приносимую ими, чаще—взимаемую съ нихъ разными угрозами; кромѣ того, духовенство занимается обученіемъ дѣтей въ медресахъ, иногда и гешефтами.

Персидская двухъ-этажная каменная мечеть, построенная въ 1859 г., обнесена желѣзною рѣшеткою, съ маленькимъ садикомъ внутри, колодцемъ и отхожимъ мѣстомъ; на куполѣ мечети изображеніе лица въ сіяніи—это солнце, а по бокамъ 4 башенки или минарета, откуда выкрикивается азонъ или призывъ къ

молитвѣ; на переднемъ фасадѣ табличка съ надписью изъ корана (прибитая по случаю пріѣзда шаха въ Астрахань).

Мы долго поджидали Хаджи-ага, обѣщавшаго пріѣхать сюда и сопровождать насъ по мечетямъ, но его нѣтъ, что неудивительно, ибо для персидской важности обѣщать и не исполнить обѣщанія—такая-же потребность, какъ для честнаго человѣка—исполнить его. Ф. попросилъ показать намъ мечеть высунувшагося изъ-за дверей ея моллу съ дряблою, скотскою физіономіею съ рыжей, крашеною бородою, въ ситцевомъ архалукѣ, широкихъ шароварахъ и туфляхъ на голую ногу, съ пятками, выкрашенными, какъ и ногти на рукахъ, въ темно-оранжевый цвѣтъ. Онъ ввелъ насъ въ медрессе — низенькую, совершенно голую комнату съ циновкою на полу, гдѣ сидѣло рядкомъ семеро дѣтей, отъ 6—8-лѣтняго возраста, поджавъ подъ себя ноги и держа въ рукахъ кто книжку, кто лоскутъ бумаги; тутъ-же около нихъ лежали пеналы или чернильницы съ письменными принадлежностями, а у противоположной стѣны—ихъ туфли и длинный, толстый прутъ, для внушеній. Всѣ дѣти были въ мѣховыхъ шапкахъ, босы и подкрашены.

Бесѣдуя съ Ф., учитель держалъ себя сдержанно, говорилъ громко, самоувѣренно, съ жестами, недопускающими возраженій.

— Онъ считаетъ себя мудрецомъ, замѣтилъ Ф., передъ которымъ тотъ сталъ хвалиться успѣхами своихъ питомцевъ и для доказательства приказалъ лучшему изъ нихъ показать свое искуство въ чистописаніи; мальчуганъ, положивъ лоскутъ бумаги на выставленное впередъ одно колѣно, красиво вывелъ нѣсколько завитушекъ тростниковымъ перомъ.

— Можно посмотрѣть коранъ? спросилъ я.

Учитель замялся.

— Здѣсь нѣтъ корана, убѣждалъ онъ Ф., но тотъ, указавъ ему на нѣсколько книгъ, прикрытыхъ платками, замѣтилъ мнѣ:

— Это кораны; я пообѣщаю ему гривенникъ — покажетъ. И дѣйствительно—показалъ, но съ условіемъ: не дотрогиваться до «священной книги». Вся она была испещрена разноцвѣтными алегорическими рисунками, украшающими многочисленныя изреченія пророка.

Дѣти учатся съ 5 часовъ утра и до 5 вечера, съ часовымъ перерывомъ на обѣдъ.

— 11 часовъ зубрятъ коранъ! замѣтилъ Ф., выходя изъ медрессе въ узенькій, сквозной корридоръ, отдѣляющій его отъ зимней молельни, представляющей большую, пустую комнату, въ одномъ углу которой, на устланномъ циновками полу, валялся больной старикъ. Лѣтняя-же молельня занимаетъ верхній этажъ, гдѣ въ узенькой галереѣ, высматривающей на дворикъ своими разноцвѣтными стеклами, правовѣрные пьютъ шербетъ и курятъ кальянъ въ промежуткахъ молитвы; галерея ведетъ въ прихожую, гдѣ они снимаютъ туфли, и затѣмъ входятъ въ обширную молельню, осмотрѣть которую намъ дозволили въ сапогахъ, но она, какъ и вообще мусульманскія обыкновенныя мечети, не представляетъ никакого интереса: пустая комната съ устланнымъ циновками поломъ, гдѣ стоятъ или сидятъ правовѣрные лицомъ къ большой нишѣ въ передней стѣнѣ, служащей мѣстомъ для моллы; наверху-же противоположной стѣны—рѣшетчатые хоры, занавѣшанные тюлемъ, дабы скрыть молящихся тамъ женщинъ отъ взоровъ мужчинъ; влѣво примыкаетъ къ стѣнѣ возвышеніе или эстрада съ нѣсколькими уступами въ видѣ лѣсенки, на которой въ настоящее время сушились цѣлые вороха розовыхъ листьевъ, употребляемыхъ для шербетовъ и другихъ надобностей, а въ «страстные» дни, т. е. втеченіи 10 дней «Мухаррема», когда правовѣрные сокрушаются о своихъ грѣхахъ и страданіяхъ своихъ святыхъ—Хюсейна и пр., — это мѣсто украшается коврами, шалями, разными драгоцѣнностями, также лампами и часами...

Въ одномъ углу стоятъ три древка съ изображеніемъ наверху руки, кажется, Хюсейна; это—хоругвіи или священныя знамена. На стѣнахъ два-три изреченія изъ корана или имена святыхъ, вотъ и все.

Отсюда мы отправились въ ногайскій кварталъ, въ сунитскую «Агъ-Мечеть» (бѣлую мечеть), построенную въ 1810 г. вмѣсто бывшей на этомъ мѣстѣ деревянной, просуществовавшей 130 лѣтъ.

Сторожъ ея, тощій ногаецъ съ оттопыренными ушами и десяткомъ волосковъ вмѣсто усовъ и бороды, наотрѣзъ отказался впустить насъ туда, если мы не сбросимъ сапоговъ. Ф. послалъ-было за знакомымъ ему моллой, но собравшаяся толпа ногайцевъ объявила намъ, что и онъ не позволитъ, а вотъ если-бы мы пріѣхали въ калошахъ, тогда можно было-бы,

сбросивъ ихъ, войти въ мечеть въ сапогахъ. Ф. остался на дрожкахъ, а я, къ видимому торжеству зѣвакъ, снявъ ботинки въ преддверіи ея, поплелся въ чулкахъ за сторожемъ, рискуя схватить насморкъ, потому что полъ, хоть и устланный циновками и частью коврами, все-таки былъ очень холодный. У сунитовъ въ мечетяхъ еще пустынѣе, чѣмъ у шiитовъ, и стѣны совершенно голы.

— Гдѣ молится молла? кричалъ я на ухо глухому сторожу; ему, вѣроятно, послышалось: какъ молятся? и онъ, приставивъ большие пальцы рукъ къ ушамъ, замахалъ ладонями.

Мѣсто моллы—въ стѣнной нишѣ, что прямо противъ галереи для женщинъ, и подъ балдахиномъ, на маленькомъ возвышеніи, у правой стѣны. Узенькою и пыльною лѣсенкою мы взобрались на минаретъ. Ф. предлагалъ мнѣ съ дрожекъ взглянуть на домовую синагогу евреевъ, но какой же интересъ представляетъ обыкновенная комната?—Отправились знакомиться съ учебною частью Астрахани, гдѣ насчитываютъ до 40 училищъ, съ 2313 учащимися (1558 муж. и 755 жен.), а именно: губернская гимназія *съ благороднымъ пансіономъ*, всего кажется на 242 воспитанника; женская гимназія *съ пансіономъ*, всего на 203 воспитанницы; духовная семинарія на 60 воспит.; мужское духовное училище на 133 воспит. и женское духов. училище на 70 воспит.; пансіонъ казачьяго войска, на 30 воспит.; уѣздное училище на 159 учениковъ; 5 мужскихъ приходскихъ школъ съ 346 учен. и 2 женскихъ—съ 117 учен.; два частныхъ училища съ 49 учен.; женское ремесленное училище и нѣсколько еще низшихъ школъ: кромѣ того: армянское агабабовское училище на 44 воспитанника; калмыцкое женское училище на 22 воспит. и мужское съ 50 штатными воспитанниками на полномъ содержаніи, куда поступаютъ, по выбору начальства, лучшіе ученики изъ улусныхъ школъ. Оно открыто въ 1849 г., «для надобностей управленія калмыцкимъ народомъ», и находится подъ главнымъ наблюденіемъ и руководствомъ главнаго попечителя его, и, нужно добавить, довольно грязновато. Когда наши дрожки осторожно въѣхали на маленькій дворикъ, покрытый лужами, окна этого двухъ-этажнаго невзрачнаго училища были облѣплены скуластыми, черномазыми калмычатами, большею частью, съ едва виднѣющимися прорѣзами глазъ.

Смотритель, добродушный старичекъ, повелъ насъ сперва въ опустѣлый, по случаю каникулъ, верхній этажъ, съ затхлымъ воздухомъ въ спальняхъ съ желѣзными кроватями, грязными тюфяками и еще грязнѣйшими подушками, а отсюда—въ классы съ длинными столами, двумя большими досками, двумя географическими картами и портретомъ государя.

При нашемъ приходѣ три калмыченка, рывшіеся въ ворохѣ рваныхъ книгъ, вскочили съ своихъ мѣстъ; на ихъ одутловатыхъ лицахъ, со складками подъ узкими глазами, выражалась смертельная тоска по степямъ и вѣчный апетитъ дурно кормленныхъ дѣтей, что Ф. осторожно и замѣтилъ смотрителю.

— Каждому ученику полагается въ сутки на пищу 8 к., объяснилъ тотъ;—ну, что вы въ наше дорогое время сдѣлаете на нихъ? Даю имъ калмыцкій чай, который они предпочитаютъ нашему, даю кашу и щи,—вотъ и все; одѣты они плоховато по той же причинѣ... Учатся они плоховато, неохотно, потому что ихъ гложетъ тоска по улусамъ; вообще они питаютъ отвращеніе къ осѣдлой жизни.

— Можетъ быть потому, что она складывается для нихъ далеко не сладко? замѣтилъ Ф., на что смотритель скромно промолчалъ.

— Обучаютъ ихъ русскому и калмыцкому языкамъ, русской и краткой всеобщей исторіи, географіи, чистописанію и гимнастикѣ, продолжалъ смотритель.—По окончаніи курса они поступаютъ учителями въ улусныя школы или толмачами въ управленіе. Лучшіе-же воспитанники переводятся въ губернскую гимназію, но живутъ здѣсь-же, подъ моимъ надзоромъ, составляя особое отдѣленіе въ 15 человѣкъ, съ содержаніемъ въ годъ по 150 руб. на каждаго. Въ гимназіи они съ трудомъ справляются съ славянскимъ и нѣмецкимъ языками, а потому взамѣнъ ихъ разрѣшено преподавать имъ татарскій и калмыцкій языки, и вообще допускаются нѣкоторыя облегченія при пріемныхъ экзаменахъ въ низшіе классы гимназіи. Въ настоящее время одинъ или два калмыка поступили даже въ университетъ.

Бесѣдуя, мы вошли въ лазаретъ, занимающій одну маленькую комнату съ кумирней у одной стѣнки и нѣсколькими кроватями у прочихъ. Изъ больныхъ остался здѣсь только одинъ, а прочіе вмѣстѣ со здоровыми разъѣхались по улусамъ. Кумирня состояла изъ двухъ маленькихъ деревян-

ныхъ полокъ, изъ коихъ верхняя — въ бахромѣ, а на нижней стоялъ мѣдный кубическій футлярчикъ, съ запертымъ въ немъ *«бурханчикомъ»*, взглянуть на котораго намъ не удалось, такъ какъ ключъ отъ футляра хранился у духовной особы, наѣзжающей сюда изъ улусовъ три-четыре раза въ мѣсяцъ. По бокамъ стояли маленькіе стеклянные сосуды, кажется, рюмки, наполненныя рисомъ и фасолью; это—жертвоприношеніе; а подъ подставкою, на полу, старая калоша съ угольями и склянка съ масломъ, которое жжется передъ бурханчикомъ во время молитвы. На стѣнѣ висѣла занавѣшенная картина, изъ Тибета или Китая—не помню; «это—жены бурхана», объяснялъ намъ смотритель; рядомъ пестрился яркими красками рай и адъ съ чудовищами и черноокими китайцами съ китаянками, а надъ кроватями больныхъ висѣла конская сбруя. На угловомъ столикѣ стояли двѣ склянки отъ лекарства. Училище не имѣетъ своего доктора, а между тѣмъ больныхъ, въ особенности оспою, случается не мало, и тогда приглашается сюда частный врачъ.

Смотритель говоритъ, что здѣсь еще есть отдѣленіе на 12 человѣкъ, обучающихся фельдшерскому искусству при астраханскомъ военномъ госпиталѣ, послѣ чего ихъ разсылаютъ по улусамъ. *Одному калмыку* привелось даже обучаться въ медико-хирургической академіи на стипендію, изъ суммъ калмыцкаго народа.

Отсюда я, уже одинъ, заглянулъ мелькомъ въ городскую библіотеку, состоящую изъ 9071 томовъ книгъ, и—осмотрѣвъ каналъ, соединяющій Волгу съ р. Кутумомъ, называемый Варваціевскимъ, потому что, начатый правительствомъ, онъ былъ оконченъ чиновникомъ Варваціемъ на свой счетъ, и при томъ очень плохо, что ведетъ къ немалымъ затратамъ ежегодно на ремонтъ его—встрѣтился съ извѣстнымъ уже читателю желчнымъ старикомъ, предложившимъ мнѣ по дорогѣ свернуть въ «военно-исправительную роту», помѣщающуюся въ бывшемъ училищѣ для дѣтей канцелярскихъ служителей, проданномъ городу приказомъ общественнаго призрѣнія; но было-бы человѣчнѣе, если-бы «общественное призрѣніе» сожгло это зданіе, расположенное въ самой лихорадочной мѣстности. Несчастные арестанты, попавшіе сюда, можетъ быть, за ничтожный проступокъ, караются ужасно, выходя отсюда искалѣченными на всю жизнь ревматизмами и лихорадками, особенно сильно свирѣпствующими осенью, когда самая ничтожная простуда сопровождается ими. Многіе, какъ слышалъ я, не выносятъ своего постоянно-болѣзненнаго состоянія и именно вслѣдствіе этого умышлено дѣлаютъ новыя преступленія, чтобы только вырваться отсюда и попасть хоть-бы въ Сибирь...

Говорятъ, что неоднократно заявлялось попечителю тюремъ о необходимости перевести военно-исправительную роту въ болѣе здоровую мѣстность, но до сихъ поръ—безъ соотвѣтствующихъ послѣдствій...

Адмиралтейство и портъ, куда мы пріѣхали, заложены въ 1726 г. Въ окруженномъ цвѣтникомъ маленькомъ одноэтажномъ зданіи тутъ хранится *плезиръ-яхта* и *верейка*, въ которыхъ Петръ Великій, отправляясь въ персидскій походъ, осматривалъ вмѣстѣ съ императрицею Екатериною окрестности Астрахани.

Въ 1868 г. портъ переведенъ отсюда въ Баку, а всѣ заведенія, находящіяся въ немъ, вмѣстѣ съ механическимъ заводомъ, ежегодный оборотъ котораго въ настоящее время доходитъ до 40 тыс. р., переданы на 15 лѣтъ пароходному обществу «Кавказъ и Меркурій».

На обратномъ пути домой по отдаленнымъ улицамъ съ деревянными, большею частью ветхими домами, намъ бросался въ глаза *позоръ женщинъ*, т. е. сплошь и рядомъ выпачканныя дегтемъ ворота. По словамъ моего спутника, мѣстные негодяи пачкаютъ ворота въ отместку тѣмъ женщинамъ, которыя не соглашаются войти съ ними въ связь, а моралисты изъ мѣщанъ позорятъ жилье женщины «за дѣло», но нравственное чувство астраханокъ не развито еще на-столько, чтобы требовать за оскорбленіе законнаго удовлетворенія, и онѣ ограничиваются только тѣмъ, что молча выскабливаютъ замаранныя мѣста воротъ.

Вообще практическая мораль здѣсь довольно оригинальна: напр. порядочная женщина или считающая себя за таковую не поѣдетъ днемъ на извощикѣ одна, ибо это позволяютъ себѣ только мѣстныя «бабочки», контингентъ которыхъ довольно значителенъ...

Въ 6 ч. вечера мнѣ необходимо было заняться кореспонденціею, но не могъ: жгучая духота въ воздухѣ и какая-то необъяснимая, безпричинная тяжесть и тоска на душѣ, — не передъ грозой-ли? И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ

разразилась гроза съ ливнемъ, что освѣжило и городъ, и обывателей...

Затѣмъ слѣдующіе два дня были посвящены на знакомство преимущественно съ азіятскою торговлею города, и осмотръ начался съ Гостинаго двора, въ которомъ много лавокъ стоятъ пустыми. Дума, возвысивъ на нихъ цѣны, побудила купцовъ перенестись отсюда въ частные дома, на неудобныя мѣста; обѣ стороны упорствуютъ до сихъ поръ и, безъ сомнѣнія, теряютъ. Похвальная твердость думы!

Здѣсь расположены, между прочими, хивинскіе и бухарскіе ряды съ халатами и ходкими въ средней Азіи товарами, а въ армянскихъ лавкахъ, гдѣ съ особенною любезностью принимали своего собрата Ф., найдется всего вдоволь: и русскихъ, и персидскихъ, и среднеазіятскихъ произведеній. У одного армянина, относившагося къ Ф. даже съ подобострастіемъ, были наколоты на одной рукѣ *голубь* и *крестъ*, на другой—*звѣзда* и *комета*; это внѣшніе знаки іерусалимскихъ пилигримовъ, накалываемые тамошними мастерами по 15 к. за штуку.

Другой армянинъ, заплывшій жиромъ, хозяинъ мѣхового магазина, увѣрялъ меня, что въ окрестностяхъ Астрахани водятся горностаи, но достоинствомъ ниже сибирскихъ. Онъ ведетъ торговлю съ Персіею, куда посылаетъ хорьковые и бѣличьи мѣха, и съ Хивою, куда идутъ: котикъ, цѣною отъ 5—30 руб., лисьи лапчатыя 7—50 р., выдра, завойчатые мѣха и отчасти песцовыя лапы; а изъ Персіи онъ получаетъ тигровыя шкуры, одною изъ которыхъ, громадныхъ размѣровъ, но съ испорченною мордою, устланъ полъ. «Если-бы мурло не было попорчено, объяснилъ онъ намъ,—то за эту шкурку можно было-бы взять 30 р. и дороже».

Персидскіе ряды, расположенные противъ губернаторскаго дома, выглядываютъ грязными темноватыми чуланчиками, безпорядочно заваленными ящиками, мѣшками или бочками съ разными сушеными фруктами: кишмишъ, сливы, дули; прессованная слива, вмѣстѣ съ косточками, грязна и непріятнокислаго вкуса, по 4—5 к. за фунтъ; фисташки, миндаль, простые и грецкіе орѣхи. Тутъ-же въ маленькихъ мѣшечкахъ продается растительная краска для окрашиванія волосъ, ладоней, пятокъ и ногтей въ красноватый цвѣтъ; другая краска для черненія волосъ и зелье для вывода таковыхъ на шаловливыхъ мѣстахъ; розовое масло, простыя и красиво вышитыя туфли тамбурной работы, комки мазандеранскаго (персидскаго) сахара грязно-желтаго цвѣта и отвратительнаго вкуса, тоненькій тростникъ, употребляемый персами вмѣсто перьевъ и рисъ, обратившій на себя вниманіе Ф.

— Что вы тамъ ищете?

— Кажется, со вшами,—значитъ, на персидскій взглядъ, хорошъ. У меня валялось нѣсколько мѣшковъ сарацинскаго пшена (рису), въ которомъ завелась такая-же дрянь, и я выбросилъ его. Узнали объ этомъ знакомые персы, приходятъ ко мнѣ и упрекаютъ: «зачѣмъ бросилъ? мы-бы купили: *въ дурномъ пшенѣ вошь не заведется*».

Тутъ-же продавались бумажные и жестяные пеналы константинопольской работы, въ которыхъ помѣщается чернильница, перо, ножикъ, персидскія ножницы съ однимъ кольцомъ, зубочистка и пр. мелочь. Каждый грамотный персъ носитъ такой пеналъ и маленькіе свертки кусочками нарѣзанной бумаги въ карманѣ. Наши перья они не употребляютъ, ибо формальная религія опредѣлила разъ на всегда рамку для всѣхъ дѣйствій правовѣрныхъ, открыто выйти изъ которой считается смертельнымъ грѣхомъ, что, однако, не мѣшаетъ болѣе развитымъ изъ нихъ, какъ это мы увидимъ ниже, тайно нарушать ее.

Осмотрѣвъ прочія лавки съ мануфактурными и другими товарами, мы, по предложенію Хаджи-аги, свернули къ нему на шербетъ въ караванъ-сарай, расположенный тутъ-же. Это замкнутое, четырехугольное, въ два этажа, каменное зданіе, съ дворомъ внутри, служитъ складочнымъ мѣстомъ для персидскихъ товаровъ, гостинницею для пріѣзжихъ и конторою или, вѣрнѣе, биржею для мѣстныхъ персидскихъ купцовъ. Здѣсь кстати упомянуть, что хотя въ Астрахани, для облегченія комерческихъ сдѣлокъ, и открыта съ іюля 1870 г. биржа и даже составленъ биржевой комитетъ, но, съ одной стороны, персидскіе купцы, не сойдясь съ русскими рыбопромышленниками, не заглядываютъ туда, съ другой—и русскіе дѣльцы предпочитаютъ биржевать на вольномъ воздухѣ, гдѣ-нибудь на волжскомъ берегу или по трактирамъ на Косѣ, и рѣдко посѣщаютъ ее,

ибо: «въ биржѣ нельзя быть по душѣ—не разгуляешься, а въ трактирѣ и покричать можно, даже встряску задать одинъ другому; потомъ поцѣлуешься и скрѣпишь рѣшенное дѣло выпивкой... Словомъ, вольготнѣе здѣсь». Для болѣе-же успѣшнаго хода торговли въ Астрахани имѣются: отдѣленіе государственнаго банка, отдѣленіе волжско-камскаго комерческаго банка, астраханское общество взаимнаго кредита, городской общественный банкъ и конторы разныхъ акціонерныхъ обществъ, между которыми «Русскій Лойдъ», судя по объявленію, страхуетъ товары по уменьшеннымъ преміямъ. Всѣми этими благами персы пользуются изрѣдка, и то большею частью при посредничествѣ своего перваго дѣльца Хаджи-аги, въ номерѣ котораго мы теперь сидимъ.

Высокія нары, служащія мѣстомъ сидѣнья, отдыха и конторкою, занимали собою половину комнаты, устланной циновками и коврами; передняя стѣна украшалась большою алегорическою картиною, изображающею пророка съ закрытымъ лицомъ, ѣдущаго на чудовищѣ съ мордою женщины, лошадинымъ туловищемъ, заканчивающимся павлиньимъ хвостомъ, съ какими-то святыми и надписями вмѣсто золотисто-зеленыхъ кружковъ.

— Отчего у Мухаммеда закрыто лицо? спросилъ я.

— Мы недостойны видѣть его, отвѣтилъ съ своею обычною улыбкою Хаджи-ага, усаживаясь на корточки.

Углы комнаты и маленькій чуланчикъ были завалены тюками товаровъ, персидскими коврами, туфлями и кучами вышедшихъ у насъ изъ моды, уже подержаныхъ кашемировыхъ шалей, стоявшихъ прежде 400—1,000 р., а теперь скупаемыхъ имъ въ Россіи по 40 — 60 р. для перепродажи въ Персію по 120—160 р. за штуку.

Хаджи-ага вручилъ мнѣ списокъ ходкихъ въ Персіи нашихъ мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній, а также фактуры, т. е. счеты съ фабрикъ и магазиновъ на покупаемые имъ на ярмаркахъ товары для отправки туда; фактуры — это важные матеріалы, знакомящіе не только съ ходкими въ Персіи товарами, но также указывающіе на популярность тамъ той или другой фабрики и торговой фирмы.

Сообщивъ намъ только-что полученныя имъ благопріятныя вѣсти изъ Персіи, въ которой послѣ неурожайныхъ годовъ на

сталъ, благодаря снѣжной зимѣ и весеннимъ дождямъ, повсемѣстный урожай, онъ направился (а за нимъ и мы) въ кухню съ разставленною по полкамъ европейской и персидской посудою, чисткою которой занимался красивый мальчишка-слуга.

— Замѣчаете—обратился ко мнѣ Ф.—отсутствіе здѣсь женщинъ? Ихъ во всемъ замѣняетъ мужская прислуга.

Хаджи ага, лукаво усмѣхнувшись, занялся приготовленіемъ шербета. Сваривъ сиропъ изъ сахара съ уксусомъ, онъ подалъ его мнѣ; мальчишка принесъ стаканъ съ водою, куда, по вкусу, кладется немного этого, положительно не по вкусу мнѣ, сиропу—ужъ слишкомъ отдаетъ уксусомъ, но такой именно шербетъ составляетъ любимый прохладительный напитокъ шаха: иногда къ нему прибавляется померанцевая или вербовая вода.

— Вы жаловались на разстроенный Касаткинымъ вашъ желудокъ?—Пейте шербетъ—помогаетъ, посовѣтовалъ мнѣ Ф.

— Уже запасся другимъ лекарствомъ — кахетинскимъ виномъ.

— Здѣсь не достанете хорошаго кахетинскаго; я вамъ пришлю 8-ми лѣтняго, съ своего собственнаго погреба, гдѣ найдутся и 20-ти-лѣтнія вина русскаго и заграничнаго производства. По нашему армянскому обычаю, въ день своей свадьбы я поставилъ туда нѣсколько сотенъ бутылокъ, которыя и разопьются на свадьбѣ моихъ дѣтокъ...

Простившись съ Хаджи-агой, пригласившимъ насъ на вечерній чай къ себѣ на домъ, мы заглянули въ открытые номера, гдѣ правовѣрные занимались большею частью кальяномъ да кейфомъ. Было жарко, и многіе сидѣли безъ шапокъ, даже ермолокъ; старики—съ совершенно бритыми головами, мужчины среднихъ лѣтъ и молодые—съ пробритыми только посерединѣ, со лба на затылокъ, а оставленыя пряди волосъ зачесаны съ висковъ за ухо; у маленькихъ-же дѣтей волосы, больше — вьющіеся, окрашенны слегка въ рыжеватый цвѣтъ.

*

Въ 5 ч. вечера мы отправились на домъ къ мѣховщику-армянину (у котораго утромъ видѣли испорченное «мурло» тигровой шкуры) осмотрѣть колекцію древнихъ монетъ. Окна его деревяннаго домика были закрыты.

— Вѣрно спитъ, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это отъ жары; видѣли, какой онъ пузырь жиру: еле-еле говоритъ.

Вошли въ прихожую, наполненную ароматомъ сушившихся здѣсь розовыхъ листьевъ; изъ дверей кухни выглянули двѣ длинноносыя женщины съ черными повязками на головахъ и опять скрылись. Въ полутемной залѣ встрѣтилъ насъ запыхавшійся, одутловатый хозяинъ дома, приглашая то на диванъ, то на кресло, и въ то-же время раскрывая ставни, откуда полился солнечный зной.

— Знаишь, ихалъ я на пароходѣ и со мною ихалъ русскій попъ, началъ онъ съ одышкою, отирая съ лица потъ, и разсказалъ намъ о томъ, какъ онъ долго-долго спорилъ съ попомъ, доказывая ему, что «на свѣтѣ есть чортъ» и что онъ его два раза видѣлъ, на что «попъ крѣпко разсерчался», ибо «чорта могутъ видѣть только угодники Божіи, а не армянскіе купцы». Споръ зашелъ такъ далеко, что попъ угрожалъ сослать его въ Сибирь за распространеніе «ереси» о чортѣ.

Послѣ этого мучительно-длиннаго разсказа, армянка, жена ли его или служанка — не знаю, внесла пыхтѣвшій самоваръ и разныя тамъ варенья, печенья. Осмотрѣвъ довольно значительную колекцію древнихъ монетъ, между которыми были и калифовъ Омара и Османа, и — по увѣренію Ф. — армянскаго царя Аршана, я не въ силахъ былъ болѣе выносить ни жары, ни вторичнаго разсказа о чортѣ, и простился съ хозяиномъ, просившимъ не забывать его, если у Г. устроится какое-либо дѣло въ Персіи.

— Оттого-то онъ васъ такъ радушно и принялъ, что разсчитываетъ на будущую добычу, шепнулъ Ф. садясь въ дрожки; — добрый, но невѣжественный человѣкъ: только о комерціи да вотъ еще о чортѣ и умѣетъ говорить.

Отсюда мы поѣхали къ Хаджи-агѣ, который кромѣ конторы въ караванъ-сараѣ нанимаетъ цѣлый домикъ, имѣетъ экипажъ, лошадей и секретаря, встрѣтившаго насъ, по персидскому обычаю, у воротъ, между тѣмъ какъ самъ хозяинъ привѣтствовалъ

гостей съ внутренняго крылечка дома и затѣмъ — провелъ черезъ залу, въ коврахъ, но безъ мебели, въ кабинетъ, убранный уже «по-европейски»: вокругъ стола посреди комнаты — стулья, у стѣны диванъ, у окна столикъ съ двумя вазами и персидскимъ подсвѣчникомъ съ хрустальными привѣсками, на стѣнахъ фотографическія карточки двухъ русскихъ военныхъ генераловъ, одного статскаго совѣтника и трехъ мѣстныхъ камелій. Секретарь внесъ на подносѣ чай; Хаджи-ага нарѣзалъ лимонъ, угощалъ насъ сигарами, папиросами и кальяномъ; затянувшись послѣднимъ, мой ротъ наполнился водою, а такъ-какъ въ комнатѣ плевательницы не было—я плюнулъ на полъ, въ уголокъ, что смутило хозяина, продолжавшаго однакожъ, съ дурно скрытымъ чувствомъ брезгливости, улыбаться; вообще втеченіи всей нашей бесѣды онъ былъ сдержанъ и по-восточному подозрителенъ.

— Плюнуть у персовъ считается нарушеніемъ приличія, но плюнуть у нихъ христіанину на полъ—значитъ опоганить его, шепнулъ мнѣ Ф.

Табакъ въ кальянѣ оказался очень слабымъ, сигары плоховаты, и я предложилъ Хджи-агѣ гавану—отказался съ улыбкою недопускающей вторичнаго приглашенія и закурилъ свою вонючку длинными разноцвѣтными спичками изъ Константинополя, которыя подаются только гостямъ.

— Отказался отъ сигаръ—продолжалъ нашептывать Ф.,—потому что уже успѣлъ сосчитать число ихъ въ вашемъ портсигарѣ—тринадцать, а для перса *13* — самая несчастная цифра; онъ на нее ничего не купитъ, словомъ, — не имѣетъ съ нею никакого дѣла, даже, не говоритъ ири расчетахъ «тринадцать», а не *«не тринадцать—четырнадцать»*.

Въ кабинетъ вошелъ босикомъ маленькій, хорошенькій сынишка хозяина съ подкрашенными, вьющимися кудрями, шелковою ермолкою на макушкѣ и весь въ атласѣ; я хотѣлъ-было приласкать его—отецъ замѣтно взволновался и шепнулъ секретарю отвесть его въ сторону.

— Вотъ, родился, кажется, въ Россіи и постоянно находится въ сношеніяхъ съ русскими, а все еще считаетъ насъ нечистыми, опять шепнулъ Ф., кивнувъ мнѣ украдкой на противоположный домъ, въ окнахъ котораго виднѣлись пугливо-любопытствующія лица персіянокъ; взглянулъ—тѣ быстро скрылись

подъ чадрами (покрывалами).—Здѣсь персидскій кварталъ, но персіянокъ не встѣтите на улицѣ: онѣ взаперти, по домамъ сидятъ...

Спрашиваю Хаджи-ага, приготовилъ-ли онъ обѣщанныя мнѣ письма въ Персію.

— Нѣтъ; когда моя одинъ сидитъ дома, въ 11 часовъ...

— Значитъ, когда предается вечернему кейфу, поясняетъ Ф.

— Тогда моя умная голова все сдѣлаетъ тебѣ: письма напишетъ...

— А насчетъ переводчика? перебилъ я, на что тотъ какъ-то загадочно улыбнулся, а Ф. шепнулъ: «Все уговариваю его уступить вамъ своего секретаря, вотъ этого самаго черномазаго, что прислуживаетъ намъ — подходящій человѣкъ и по-русски сносно пишетъ: вотъ обращикъ.

И онъ подалъ мнѣ листокъ почтовой бумаги, гдѣ было нацарапано сквернымъ почеркомъ слѣдующее:

«Милостевий Государъ Мамедъ-али шкуна Бака пришла г фотагенъ въ грузила вчера отправилъ Бондарнеи доски надеюсъ надняхъ нагрузица и отъ правица впутъ болие нечива писать».

— Пишетъ, дѣйствительно, сносно, но, что жъ говоритъ Хаджи-ага?

— Самому нуженъ... Впрочемъ, намекнулъ мнѣ, что если выхлопочете ему медаль — уступитъ... Все его тщеславіе ограничивается желаніемъ получить медаль: это его единственная мечта!

Ужасное положеніе, когда васъ безвинно принимаютъ за особу, да еще изъ Петербурга, а меня они видимо принимаютъ за оную! Безъ сомнѣнія, подобнаго рода сдѣлка между нами состояться не могла, и я, пообѣщавъ Хаджи-ага сдѣлать подарки, за услуги, простился...

На другой день Ф. познакомилъ меня съ однимъ семейнымъ персомъ, здѣшнимъ уроженцемъ и купцомъ, Ш — ъ, владѣющимъ русскимъ, персидскимъ и даже арабскимъ языками. Это былъ человѣкъ средняго роста, лѣтъ подъ сорокъ, съ щетинистыми усами на дрябломъ лицѣ, приниженностью въ пріемахъ и вялостью во всей фигурѣ, въ барашковой шапочкѣ нѣсколько на затылокъ, казакинѣ съ открытою грудью, узкихъ шароварахъ и башмакахъ.

— На какихъ условіяхъ желаете ѣхать со мною? спрашиваю его—глядитъ на Ф.

— Онъ положился на меня, отвѣчаетъ тотъ; какъ рѣшу, такъ и будетъ хорошо; это безусловное довѣріе по-персидски называется *«векиль»*.

— И мать моя тоже говоритъ: сдѣлай такъ, какъ скажетъ Иванъ Егорычъ, наконецъ промямлилъ мой будущій переводчикъ, согласившійся на эту роль за 60 р. въ мѣсяцъ, помимо полнаго содержанія втеченіи всего путешествія, о чемъ я немедленно телеграфировалъ въ Петербургъ Г—му, отъ котораго, получилъ отвѣтъ, связывавшій мнѣ руки, что могло затормозить все дѣло. Его телеграмма гласила, что хозяйственная часть поручается повѣренному при торговомъ караванѣ нѣкоему Грошеву (изъ торговаго сословія), имѣющему прибыть сюда съ товарами изъ Москвы не ранѣе, какъ черезъ $^1/_2$ мѣсяца, точно выборъ переводчика относится къ хозяйству! Такимъ образомъ, я, вопреки условію, остаюсь безъ переводчика, и поставленъ въ зависимость отъ прикащика Г—аго, говорившаго мнѣ въ Петербургѣ: «Рана не дозволяетъ мнѣ предпринять такое дальнее путешествіе, и вы ѣдете вмѣсто меня». Отсюда слѣдуетъ, что я, замѣняющій лицо Г—аго, буду подъ ферулою его сидѣльца... Вотъ логика!

Но въ моемъ карманѣ 550 р., чего достаточно будетъ на первое время путешествія,—и я, не теряя времени, покончилъ дѣла въ Астрахани и рѣшился ѣхать въ Персію одинъ, а Ш—ву оставилъ письмо на имя Грошева.

Губернаторъ, къ которому зашелъ я проститься, показалъ мнѣ только-что полученное имъ отъ Г — аго письмо, гласившее, что въ торговой экспедиціи, отправляемой въ Персію и далѣе, Грошеву поручается торговая часть, а мнѣ *все остальное*. Все остальное!—какая ширь и потемки! Я призадумался. А не заявить-ли мнѣ претензію на его милліонъ? Отдастъ или не отдастъ его онъ мнѣ?—вотъ вопросъ, надъ которымъ... не призадумаешься! Конечно, если я получу фирманъ на украшеніе своего пиджака Львомъ и Солнцемъ 1-й степени, то охотно уступлю его ему, но если мнѣ случится съ помощью двухъ револьверовъ покорить Персію и тутъ же кстати прихватить центральную Азію, со всѣми халатниками, а Г — ой, учавствовавшій въ моемъ побѣдномъ шествіи, своими пятаками

(отчасти не уплоченными мнѣ по сю пору), заявить претензію на корону сего мусульманскаго міра, то не подлежитъ сомнѣнію, что нѣтъ, ибо, хотя къ нему и идетъ тюбетейка, но чтожъ кромѣ ярмарокъ можетъ онъ соорудить тамъ!?

— О чемъ задумались? перебилъ мою мысль губернаторъ.

— Сокрушаюсь, какъ бы «просвѣщенный» ташкентецъ не остался-бы въ одномъ ночномъ колпакѣ.

Я шучу: губернаторъ не спрашивалъ, о чемъ взгрустнулось мнѣ, но охотно согласился хранить у себя всѣ матеріалы, которые придется собрать мнѣ на пути, впредь до моего возвращенія въ Россію, и снабдилъ меня заграничнымъ паспортомъ, на который въ Персіи, безъ сомнѣнія, никто не взглянетъ кромѣ нашего-же консула, если только я заѣду къ нему, а заѣхать придется.

Наконецъ, выполнивъ послѣднюю формальность, т. е. взявъ изъ полиціи, впервые видѣвшей меня, свидѣтельство на безпрепятственный выѣздъ за границу, я сдалъ излишнія вещи на сохраненіе въ канцелярію губернатора, снабдившаго меня письмами къ начальнику астерабадской морской станціи Зайкину и нашему астерабадскому консулу Бакулину, и простился съ нимъ и его виднымъ правителемъ канцеляріи—красавцемъ-армяниномъ съ невыразимо-обольстительными усами и ногтями, подчищая которые, онъ проникающимъ въ душу голосомъ сѣтовалъ передо мною на «либерализмъ» земства.

«Это ужасно, ужасно!» думалъ я, спѣша домой укладываться въ путь — дальнюю дорогу, куда беру съ собою большіе сапоги, ботинки, фуфайку, 4 пары бѣлья, одѣяло, пиджакъ, брюки и широкополую шляпу, компасъ, термометръ и записныя книжки. Мнѣ хотѣлось поскорѣе стряхнуть съ себя городскую пыль, всею душою отдохнуть въ тиши, на просторѣ, всею грудью подышать свѣжимъ воздухомъ, и я отправился на баржу «Арагву», гдѣ буду ночевать, а завтра она доставитъ пассажировъ, (ѣдущихъ въ порты Каспійскаго моря) на пароходъ, ожидающій ее, по причинѣ мелководья Волги, въ 90 верстахъ отсюда, на 9 футовой глубинѣ.

На пристани общества «Кавказъ и Меркурій» мнѣ не выдали билета ни 1-го, ни 2-го класса, потому что очередной пассажирскій пароходъ «Михаилъ» испортился, а замѣнившая его

паровая шкуна «Армянинъ», приспособленная къ перевозкѣ грузовъ, имѣетъ только 3-й классъ, т. е. палубный; впрочемъ, управляющій пароходствомъ обѣщалъ позаботиться объ удобномъ помѣщеніи меня тамъ.

Устройство баржи «Арагвы», по которой я подъ звѣзднымъ небомъ расхаживаю одинъ одинешенекъ, элегантно, но сухая пыль персидскаго порошка, которымъ изобильно посыпана моя постель въ каютѣ отъ клоповъ, сильно бьетъ въ носъ... Безъ таракановъ и клоповъ россіянину никакъ не живется!

Пользуясь досужимъ часомъ, побесѣдуемъ о торговыхъ связяхъ Астрахани съ Персіею и отчасти—центральною Азіею.

Передъ нами реальная Астрахань съ ея дикимъ разгуломъ, пыльнымъ зноемъ и цвѣтущими болотами среди улицъ, но угаснувшей торговлею съ центральною Азіею и Индіею, безсиліемъ состязаться съ заграничнымъ транзитомъ въ Персію, и проч., и проч.

Со времени покоренія Астрахани Іоанномъ Грознымъ въ 1554 г., населеніе ея увеличивается разноплеменными пришельцами: татарами, армянами, русскимъ бродячимъ людомъ, средне-азіятскими и индійскими купцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ мѣновая торговля, и уже въ концѣ прошлаго столѣтія этотъ прибрежный городъ является важнѣйшимъ русскимъ рынкомъ въ торговлѣ съ центральною Азіею и далекою Индіею, но не на долго. Съ одной стороны, грабежи разными кочевниками каравановъ на пути между Хивою и Мангышлакомъ и судовъ у восточныхъ береговъ Каспійскаго моря побуждали азіятскихъ купцовъ повышать цѣнность своимъ товарамъ; съ другой-же — крайне недобросовѣстное отношеніе русскихъ торговцевъ и тогдашнихъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ къ нимъ повело въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія къ банкротству всѣхъ значительныхъ хивинскихъ и индійскихъ домовъ въ Астрахани, что облегчило армянамъ и персамъ овладѣть торговлею ея. Наплывъ въ послѣднее время евреевъ угрожаетъ конкурренціею и имъ, а тѣмъ временемъ всесвѣтные граждане подготовляютъ себѣ почву къ тому, благотворя бѣдству-

ющему люду за 100 процентовъ или торгуя воровскими вещами, контрабандою и тряпьемъ на вечернемъ базарѣ.

Итакъ, торговля Астрахани съ Индіею и центральною Азіею угасла; караваны послѣдней, въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, направились на дальній Оренбургъ. Обоюдныя попытки воскресить ее начались со стороны Хивы въ 1869 г. и продолжаются нами до сегодня; хивинцы, воспользовавшись миролюбивымъ настроеніемъ кочевавшихъ между Араломъ и Каспіемъ туркменъ, обезсиленныхъ тогда, съ одной стороны, исконными своими врагами—киргизами большой орды, разграбившими ихъ имущества, съ другой-же — пораженіемъ ихъ персами, снарядили караванъ въ Астрахань; послѣ тридцати-дневнаго пути изъ Хивы до Красноводскаго залива—хотя пустыннаго пути, но достаточно обезпеченнаго кормомъ для верблюдовъ и тридцатью колодцами воды, выкопанными туркменами, издавна снабжавшими по немъ хивинцевъ солью и нефтью съ острова Челекеня—онъ прибылъ въ Красноводскъ, и часть товаровъ его, преимущественно хлопокъ, марена, простые халаты и ковры, всего на сумму 12 тыс. руб., была нагружена здѣсь на суда и отправлена по назначенію въ Астрахань.

Съ нашей-же стороны, послѣ хивинскаго похода, было послѣдовательно отправлено изъ Красноводска въ Хиву нѣсколько каравановъ, и нѣтъ сомнѣнія, транзитъ черезъ Астрахань и Красноводскъ въ среднюю Азію долженъ со временемъ развиться въ той-же степени, въ какой онъ разовьется черезъ Гязь и Мешедессеръ въ Персію, которую мы въ настоящее время снабжаемъ своими фабричными и заводскими произведеніями, однакожъ далеко не въ блестящихъ размѣрахъ, по той главной причинѣ, что незнаемъ потребностей ея.

Для приблизительнаго знакомства съ нашею азіятскою торговлею черезъ Астрахань обратимся къ оборотамъ ея за послѣднее дѣсятилѣтіе, по свѣдѣніямъ астраханскаго статистическаго комитета.

ВѢДОМОСТЬ

главнымъ сортамъ товаровъ, привезенныхъ изъ Персіи и Средней Азіи черезъ Астраханскую таможню за десять лѣтъ:

Названія товаровъ.	1864 г.	1865 г.	1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.
			Р	У	Б	Л	И.			
Аптекарск. матеріал., преимущ. хны.	30	1,330	103	64	83	1,256	1,495	486	4,084	3,769
Бумаги пряденой	54,946	72,657	47,340	65,820	89,777	31,104	28,120	38,130	40,999	16,087
Бумаги хлопчатой	1,465,695	780,127	1,014,688	682,942	569,293	709,716	368,666	461,322	800,417	505,533
Бумажныхъ издѣлій	15,626	19,196	19,669	29,892	37,078	37,934	16,057	24,987	32,374	24,513
Воску	10,078	10,792	8,310	8,070	7,290	9,352	8,855	10,206	26,152	18,465
Дерева столярнаго.	3,630	8,001	3,614	4,136	10,111	2.715	3,042	4,760	37,289	38,219
Красокъ разныхъ	5,668	1,455	217	2,101	1,076	13,077	5,697	9,517	26,988	54,296
Мягкой рухляди	34,318	51,001	39,110	24,095	41,330	48,730	46,227	72,708	90,334	103,918
Орѣшковъ чернильныхъ	2,026	6,117	5,472	25,064	15,340	23,838	2,766	2,287	5,247	7,942
Рыбы соленой	60,725	58,123	70,645	59,452	39,789	84,674	78,500	87,275	143,808	193,522
Визиги	2,119	1,877	1,126	1,788	1,022	1,898	859	878	1,277	4,083
Икры	—	—	—	—	—	—	39,203	26,821	19,871	55,434
Кожи и издѣл. изъ нея	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17,293
Шерсти	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,752
Свинца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17,817
Клею красной рыбы и сомовьяго	14,051	9,945	9,783	10,863	6,827	8,388	3,960	9,882	7,223	13,018
Фруктовъ сух. разн.	178,921	196,922	242,443	282,030	247,531	305,629	279,352	143,783	196,918	262,329
Хлѣбн. продуктовъ	17,956	19,297	12,151	21,140	33,263	60,907	40,373	9,311	12,798	130,528
Шелку разнаго	65,116	41,908	13,751	23,447	12,550	39,809	14,114	23,910	53,690	42,990
Шерстян. издѣлій	15,438	5,935	5,774	5,358	5,690	12,354	8,044	13,402	18,990	19,252
Шелковыхъ издѣлій.	5,720	319	1,110	2,945	3,436	4,594	2,788	2,582	5,767	7,879
Полуимп. русск. зол.	—	—	—	—	—	—	—	—	1,590	10,722
Русск. кред. билет.	—	—	—	—	—	—	—	—	2,000	20,000
Золот. перс. чекана.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	600
Сверхъ сего привез. разн. товара несост. главныхъ статей	61,542	58,210	41,375	13,032	44,526	32,833	37,337	20,328	28,333	21,351
Итого	2,045,729	1,373,606	1,569,033	1,285,701	1,182,787	1,469,913	985,460	964,580	1,766,817	1,593,433

ВѢДОМОСТЬ

о количествѣ товаровъ, вывезенныхъ въ Персію и Среднюю Азію черезъ Астраханскую таможню за десять лѣтъ.

Названія товаровъ.	1864 г.	1865 г.	1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.
			Р	У	Б	Л	И.			
Бумажныхъ издѣлій . .	52,213	41,248	92,593	50,747	20,897	19,032	174,758	166,960	266,957	276,191
Бумаги писч. и оберт. .	20,790	26,152	12,013	7,185	14,216	17,373	14,353	11,030	20,968	31,812
Льняныхъ издѣлій . . .	1,409	—	—	—	—	—	—	6,179	8,939	10,389
Пеньковыхъ издѣлій . .	20,780	11,963	8.217	3,720	3,134	5,501	11,990	11,497	6,566	2,676
Деревянныхъ издѣлій . .	10,111	15,634	13,675	4,227	7,797	3,854	5,037	7,669	8,039	16,460
Зеркалъ разныхъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	5,143	4,989	1,609
Кожи и издѣл. изъ нея .	1,072	6,899	14,406	1,785	4,011	1,474	4,974	940	5,830	5,600
Аптекар. матеріаловъ. .	—	—	—	—	—	—	1,025	1,573	3,326	9,964
Красокъ разныхъ. . . .	5,195	15,065	2,653	6,198	2,022	2,518	77,946	6,790	43,733	26,981
Москательныхъ товаровъ .	3,806	3,182	1,177	1,387	—	—	—	—	—	—
Мочальныхъ издѣлій . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1,000	1,425
Мягкой рухляди	4,655	5,984	8,380	475	1,580	206	9,590	6,070	65,620	4,120
Бронзовыхъ издѣлій . .	—	5,816	7,154	6,757	4,936	10,380	13,565	21,135	15,970	19,300
Желѣза разнаго	217,743	18,220	249,487	119,543	133,806	148,681	154,647	27,877	29.931	79,002
Желѣзныхъ издѣлій . .	20,742	29,872	30,661	19,978	10,149	19,646	9,222	6,559	14,947	26,352
Жести и издѣл. изъ нея .	2,310	6,316	4,304	2,313	608	736	1,635	3,672	1,608	810
Стеколъ оконныхъ . . .	—	—	—	—	—	—	5,744	1,450	4,998	5,502
Мѣховъ бѣлич. и хорьк.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11,210
Золотыхъ издѣлій . . .	—	1,661	2,750	1,575	—	—	6,400	15,880	12,500	—
Мѣди	109,611	160,702	333,934	12,955	9,205	18,384	4,620	1,220	2,167	2,770
Мѣдныхъ издѣлій . . .	15,887	39,432	38,258	6,481	1,599	2,398	15,809	11,606	8,783	17,555
Стали разной	47,907	44,326	5,803	1,187	8,182	31,375	13,225	1,752	1,350	2,024
Чугуннаго литья	9,333	7,885	6,508	4,946	1,880	9,005	5,162	444	2,121	1,152
Посуды глин. и фарфор. .	34,052	52,776	24,826	8,769	7,326	11,952	35,667	38,145	25,345	32,930
Посуды стекл. и хруст. .	13,038	14,139	9,646	8,424	3,715	1,907	5,744	19,999	9,985	34.523
Сахару	4,024	3,340	554	673	1,197	632	1,115	39,853	518	723
Чаю разнаго	205	620	1,006	390	1,507	270	3,150	1,596	4,163	5,290
Съѣстныхъ припасовъ. . .	788	574	512	230	625	667	1,087	—	—	3,257
Муки пшен. и ржаной . .	2,491	1,335	3,811	1,759	1,577	827	1,384	24,833	23,400	764
Хлѣбныхъ продуктовъ. . .	552	540	351	546	376	545	396	—	—	—
Виногр. винъ и водокъ . .	—	—	—	—	—	—	—	3,190	451	6,799
Спирту хлѣбнаго	746	600	1,350	435	—	—	—	—	—	—
Свѣчей сальныхъ	—	—	—	—	—	—	—	1,000	—	—
Свѣчей стеариновыхъ . .	17,122	11,230	10,049	26,646	18,418	25,024	6,102	6,108	25,443	32,068
Сѣтей рыболовныхъ. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	3,414	3,210
Экипажей.	—	—	—	—	—	—	—	—	3,150	5,500
Олова	—	—	—	—	—	—	2,600	5,285	1,165	5,849
Шелковыхъ издѣлій. . . .	4,614	482	1,738	1,500	850	—	20,850	41,494	50,527	47,225
Шерстяныхъ издѣлій . .	36,239	46,629	40,699	34,470	21,489	13,844	249,909	118,052	180,515	174.794
Издѣлій изъ чистаго серебра	—	6,167	1,472	—	—	—	—	5,175	700	—
Издѣлій польскаго сереб. . .	—	—	1,634	—	—	—	—	325	3,450	2,900
Издѣлій накладного серебра	22	1,009	—	—	—	—	1,900	—	—	—
Прочихъ товаровъ. . . .	10,964	10,133	7,984	4,535	12,838	21,326	14,064	8,702	14,109	48,617
Монеты золотой.	160,909	37,864	—	36,122	80,829	24,627	6,164	27,376	35,525	27,824
Всего въ годъ на сумму:	831,605	795,869	637,612	375,963	374,772	386,189	896,140	655,057	912,580	984,863

Отсюда видно, что, по цѣнности, главныя статьи привоза за 1873 г. составляютъ:

1) Хлопокъ	на	505,533 руб.
2) Сухіе фрукты	»	262,329 »
и 3) Мягкая рухлядь	»	103,918 »

А вывоза:

1) Бумажныя издѣлія	»	276,191 руб.
2) Желѣзо и желѣзныя издѣлія .	»	105,354 »
и 3) Шерстяныя издѣлія	»	174,794 »

Самую-же скромную цифру даетъ нашъ сахаръ: всего на сумму 723 руб.

Но эти цифры далеко не выражаютъ цѣнность фактическаго привоза и вывоза, ибо:

1) Таможня доставляетъ свѣдѣнія въ астраханскій статистическій комитетъ изрѣдка и то неполныя и неточныя. Напр., изъ представленной здѣсь вѣдомосги вывоза за 1870 годъ значится: сахару на 1,115 руб., между тѣмъ какъ въ астерабадскомъ консульствѣ показано: привозъ въ Мешедессеръ (т. е. вывозъ въ Персію) до 700 пуд. русскаго сахару, по 7 руб. 80 коп. (средней стоимости) за пудъ, что составитъ . . . 5,460 руб.
Въ томъ-же году привезено на Гязскій берегъ до 300 пуд. сах., по 8 р. 50 к. за пудъ . . . . . . 2,550 руб.
всего 8,010 руб.

Разногласіе между тѣми и другими свѣденіями, черпающими изъ одного источника (астраханской таможни), составляетъ 6,895 р.!?

2) Не мало товаровъ идетъ каботажемъ изъ Астрахани въ Баку, откуда они контрабандно провозятся въ Персію и среднюю Азію.

3) Изъ Персіи доставляется въ Россію также контрабандно много товаровъ, не говоря уже объ удобоскрываемыхъ отъ наблюденія таможни цѣнныхъ камней, какъ-то: бирюза и пр., и пр.

Слѣдовательно, вѣдомости астраханскаго статистическаго комитета невольно внушаютъ къ себѣ недовѣріе, и изъ нихъ можно сдѣлать развѣ только тотъ безошибочный выводъ, что мы отправляемъ товаровъ меньше, чѣмъ получаемъ, и разность приходится намъ приплачивать звонкою монетою.

За пополненіемъ официальныхъ свѣденій обратимся къ частнымъ источникамъ: опытные торговцы и комиссіонеры, какъ наши, такъ и персидскіе, а также фактуры, нѣсколько ознакомятъ насъ съ потребностями персовъ въ настоящее время.

I) Свѣденія на этотъ счетъ, собранныя мною въ Астрахани при содѣйствіи почетнаго гражданина Ивана Егоровича Франгулова:

a) *Сукно*. Астраханскіе персы носятъ преимущественно темно-зеленый или черный верхъ и красную подкладку; полотно на сорочки—своего домашняго (ручного) производства.

Въ Персіи-же каждая провинція имѣетъ свои любимые цвѣта суконъ (не дороже 2 р. за аршинъ), изъ коихъ мнѣ назвали: синій, желтый, голубой, палевый, темно и свѣтло-коричневые: гвоздичный, кофейный и пр., дикій, моссака, золотистый или корицевый, темно и свѣтло-малиновый, зеленый, темно зеленый или травной, шеколадный (свѣтлый), песочные цвѣта, офицерское сукно (называемое персіянами: «*соль съ перцемъ*»), натуральное и цвѣтное верблюжье сукно симбирской фабрики Селиверстова.

b) *Драпъ*, темнаго, или—по московскому выраженію—(«*внутренняго цвѣта*», синій, коричневый, темно-зеленый; немного чернаго (который носится втеченіи первыхъ десяти дней Мухаррема, послѣ чего траурный костюмъ дарится духовнымъ или бѣднымъ), въ особенности ходкаго въ Мешхедѣ, куда стекаются правовѣрные богомольцы шиитскаго толка на поклоненіе праху Имама Риза.

c) *Ситцы*. Дешевые барановскіе (по 15 к. за аршинъ) имѣютъ хорошій сбытъ въ Хорассанѣ, Астерабадѣ, Мазандеранѣ, въ г. Рештѣ и многихъ другихъ; наиболѣе ходкіе: темно-синіе и алые. Изъ ситцевъ другихъ фабрикъ расходятся: розовый (двухпробный и трехпробный), нелиючій *кубовый* (настоящій индиго), преимущественно мелкаго рисунка надъ крупнымъ.

d) *Прочія мануфактуры*. Тюль для женщинъ; шерстяная и бумажная фланель мелкими клѣтками или ровныхъ цвѣтовъ: краснаго, зеленаго, синяго и грозелеваго; шерстяныя, бумажныя и фланелевыя одѣяла яркихъ цвѣтовъ; полосатый канифасъ; красный кумачъ; цвѣтной люстринъ для кушаковъ: алый, желтый, малиновый, сѣрый и дикій; въ небольшихъ

размѣрахъ пойдутъ: плисъ, бархатъ черный и зеленый рипсы; атласъ: малиновый, синій, зеленый и полосатый, по меньше—черный и бѣлый; голубой же (бабаевскій) широкихъ размѣровъ, по 1 руб. 30 коп. аршинъ, расходится не хуже сатинъ-атласа (шерстян. матерія) чернаго, коричневаго и дикаго (темнаго и свѣтлаго) цвѣтовъ; шерстяные платки (въ $1^1/_2$ аршина) съ разными цвѣтами по бѣлому фону (лучшіе—въ Москвѣ у Гучкова); серебряная вызолоченная и мишурная узкая бахрома, называемая «аширма» (въ Москвѣ: у Кувшинникова и Вишнякова); цѣвочное серебро и золото (получаемое изъ Москвы отъ Арбузова и Вишнякова) въ катушкахъ и моточкахъ расходится не мало въ Шахрудѣ и въ особенности въ Мешхедѣ.

e) Въ Тегеранѣ найдутъ сбытъ немного французскихъ бархатныхъ ковровъ съ яркими рисунками звѣрей и цвѣтовъ.

f) *Мѣха* хорьковые и бѣличьи (а въ Хиву идутъ: котикъ 5 р. 30 к., лисьи лапчатые 7 р. 50 к., выдра 5 р. 40 к., завойчатые мѣха: лисьи 40—100 р., изрѣдка песцовыя лапы).

g) *Самовары* (Баташева изъ Москвы и тульскіе—Назарова), вѣсомъ 10 фунтовъ и не болѣе 20 ф., извѣстныхъ персидскихъ рисунковъ; мѣдные кофейники и въ особенности большіе мѣдные тазы (въ Тегеранѣ найдетъ сбытъ и мельхіоровый товаръ: самовары, подносы, кувшины, зеркала въ 2 — 24 вершка); зеркальца съ нижегородской ярмарки: бронзовыя и деревянныя съ рисунками на рамкахъ; ножи и ножницы, большія мѣдныя ступки, разные замки, простые и ирбитскіе сундуки, иголки и булавки; синяя и бѣлая почтовая бумага, простая писчая бумага, преимущественно фабрики Кувшинова, №№ $6^1/_2$, 6, 7 и 8; янтарные бусы, часы (серебрян.) по 10—13 р. (въ Москвѣ продаются дюжинами у Читунова и Мозера), ключики съ фигурками—изъ всѣхъ металловъ, кромѣ золота, и немного шелковыхъ снурковъ для часовъ; англійскіе штифты, *полосовое желѣзо*—Яковлева, круглое (рѣзное)—Пашкова, *сталь:* листовая и плитками въ $^1/_2$ пуда—Китайцева, *мѣдь*: листовая, въ 10 фунтовъ и *олово* изъ Москвы и нижегородской ярмарки, но лучше—прямо съ заводовъ; чугунные кувшины или умывальники (кумганы) съ нижегородской ярмарки; тульскія ружья, двухствольные пистолеты и револьверы, но только не съ готовыми зарядами, слѣдовательно—съ пульными формами; стеклянная, фарфоровая и фаянсовая посуда, разноцвѣтное стекло и діамантины для рѣзки

его; немного керосиновыхъ лампъ, побольше мѣдныхъ, бронзовыхъ и др. подсвѣчниковъ персидскаго образца, съ стеклянными колпаками: круглыми или въ формѣ лиліи, но безъ стеклянныхъ привѣсокъ и розетокъ; маленькія чашки, стаканы, маленькія чайныя ложки: немного серебряныхъ, побольше новаго серебра, фражетовскихъ и мельхіоровыхъ; подносы: круглые и продолговатые разныхъ рисунковъ; стеклянные кальяны (изъ Москвы, завода Мальцова): простые (безъ позолоты) бѣлые, розовые, голубые; дешевенькіе щеты, карандаши, немного дешевыхъ гармоникъ, бордюры и обои съ рисунками цвѣтовъ, птицъ и звѣрей; *стеариновыя свѣчи*, подъ названіемъ *картофельныхъ*, но лучше завода Крестовниковыхъ, по 5 — 6 штукъ на фунтъ; хина (изъ Москвы), нашатырь и кашениль.

II) Торговыя свѣденія, собранныя при содѣйствіи персидскаго агента и комиссіонера Хаджи-аги и другихъ лицъ.

Въ настоящее время вывозятся изъ Россіи въ Персію слѣдующіе товары:

Миткаль: 1, 2 и 3 сорта; барановскіе *ситцы:* красные съ бѣлыми связями и другіе, согласно образцамъ, доставленнымъ мною А. И. Глуховскому; барановскій *коленкоръ*, бѣлый, двухаршинной шир.; кубовый *ситецъ* фабрики Глинскаго; кубовые платки: 7, 8 и 9-ти-четвертные, тоже фабр. Глинскаго; *платки* тѣхъ-же размѣровъ, но красные съ бѣлыми связями, фабрики Баранова; шерстяные и шелковые платки разныхъ цвѣтовъ и сарпинскіе—клѣтчатые; рипсъ, красный плисъ, *недорогое* сукно, (1 р. 50 к. за арш.); атласъ разныхъ цвѣтовъ, сообразно образцамъ, доставленнымъ мною А. И. Г—му; тикъ: мелкополосатый, шириною въ 22 и 24 вершка; олово, листовая желтая и красная мѣдь, сталь, желѣзо Яковлева, самовары Баташева, подносы подъ самовары (изъ Петербурга) разной величины и рисунковъ, а также маленькіе подносики подъ чашку или стаканъ; мѣдные тазы разныхъ размѣровъ; желѣзная и мѣдная тонкая проволока, простые гвозди и англійскіе штифты; желѣзный ломъ (негодное желѣзо), ртуть, цевочное серебро и золото фабрики Арбузова изъ Москвы; комфара, сассапариль и *хина*; мѣдный купоросъ, нашатырь, канцелярское сѣмя, кошениль, сурикъ, мѣдянка, сандалъ и разный москательный товаръ (сабуръ); стеариновыя свѣчи, мѣдные и желѣзные замки, хрустальная посуда, полоскательныя чашки, блюда разной вели-

чины, чайныя и кофейныя чашки персидскаго рисунка, чайники, персидскіе подсвѣчники съ пружиной для выдвиганія стеариновой свѣчи и вазою, т. е. стекляннымъ колпакомъ; бѣлое и цвѣтное стекло; карманные серебряные часы; писчая бумага №№ 5, 6½, 6 и 7; немного мужскихъ зонтиковъ, хорьковыхъ и бѣличьихъ мѣховъ, деревянныхъ и обитыхъ желѣзомъ сундуковъ разныхъ размѣровъ.

Персія же доставляетъ въ Россію, преимущественно, слѣдующіе товары:

1) Изъ *Астары:* ардебильскій хлопокъ, ковры, паласы (ковры безъ ворса), овчину низшаго сорта, овечью шерсть, *сабзу* (сушен. зеленый кишмишевый виноградъ), марену.

2) Изъ *Энзели*: гилянскій шелкъ, *кячъ* (плохой сырецъ), сарацынское пшено (рисъ), воскъ, кипарисъ, пальму, орѣховое дерево. 3) Изъ *Мешедессера*: хлопокъ—мазандеранъ и пряденую бумагу, шелкъ и шелковые платки, куницу и шакала, мерлушку и *мешинъ* (выдѣланную овчину), оленьи рога, воскъ, рисъ, макъ, кунжутъ (растительное масло), сѣмена айвы, шапталу, грецкіе орѣхи 1-й и 2-й сорта, *алибухару* и *курягу* (кислыя сливы въ сушеномъ видѣ). 4) Изъ *Астерабада*: шелкъ, хлопокъ, грецкіе орѣхи. 5) Изъ *Сябзавара*, *Турбата* и вообще *Хорассана*: шелкъ, хлопокъ, разный пушной товаръ и преимущественно: лисицу, куницу, черную простую овчину, кожы, ковры и войлоки, *сакизъ* (смолку, которую такъ любятъ жевать ногайцы, бухарцы, хивинцы и нѣкоторые туркмены и персы), фрукты: миндаль, фисташки, грецкіе орѣхи, *касни* и *курягу* (сладкая и кислая слива). 6) Изъ *Езда*: марену, нечищенные фисташки. 7) Изъ *Дамгана:* хлопокъ, свинецъ. 8) Изъ *Казвина:* хлопокъ, *пестеръ* (грубыя бумажныя издѣлія клѣтчатаго рисунка), выбойку, одѣяла, кишмишъ, алучу (родъ сливы), грецкій орѣхъ, финики, курягу, фисташки 1-й и 2-й сорта, деревянное масло, *алиджару* (для краски). 9) Изъ *Кашана:* чищенный миндаль, краску *кульянъ*, шубной клей, одѣяла, скатерти и хлопокъ. 10) Изъ *Хамадана:* одѣяла, выбойку, хлопокъ и пряденную бумагу, чернословъ, крупный изюмъ и кишмишъ. 11) Изъ *Испахани*: ковры и шелкъ 1-й сортъ. 12) Изъ *Тавриза:* чищенный и нечищенный миндаль, курягу, выбойку, пряденную бумагу. 13) Изъ *Курдистана:* лисицу, чернильный орѣшекъ, *катира* (клей), и 14) Изъ разныхъ другихъ мѣстъ:

выдѣланную овчину, черную, бѣлую и красную мерлушку, лисицу и куницу, шерстяныя одѣяла и выбойку, марену, финики и кишмишъ.

Всѣ эти свѣденія, въ связи съ собранными мною въ Персіи торгово-статистическими матеріалами, достаточно охарактеризуютъ нынѣшнее состояніе русско-персидской торговли.

III.

Прикаспiйскiе порты: Петровскъ и Дербентъ.

Продолжаю разсказъ. Сегодня, 12 iюня, прелестное утро: солнце, тишь и легкая свѣжесть воды! Ф. зашелъ проститься со мною и вручилъ мнѣ письма на островъ Ашуръ-аде, къ мѣстному, самому значительному торговцу, армянину Назаръ-Бекову, и переводчику при начальствѣ астерабадской станцiи, Рафаилу Никитичу Езнаеву—«чорту», какъ отзываются о немъ съ гордостью астраханскiе армяне, замѣчательной личности, имѣющей громадное влiянiе на сосѣднихъ тюркменъ и заправляющiй внѣшними дѣлами острова; но вѣроломный персъ Хаджи-ага еще не показывается съ письмами, а баржа скоро отойдетъ.

А вотъ и онъ бѣлѣется въ щегольскомъ архалукѣ, съ своею неизмѣнною улыбочкою. «Моя была больна», извинился дѣлецъ, вручая мнѣ четыре письма, изъ коихъ два адресованы на персидскiй берегъ Гязь родственнику его, *Аджи* *)-*Асанъ-аджи-Алiеву,* прочiя—богатому купцу въ Шахрудъ, какъ и первый—обогатившемуся на счетъ закаспiйскаго товарищества, и въ Мешхедъ *Аджи-абулъ-Касыму*, влiятельному испаханскому купцу, имѣющему торговыя сношенiя съ Авганистаномъ, что для меня не маловажно, ибо—по увѣренiю Хаджи-аги—онъ снабдитъ меня рекомендательными письмами въ Хератъ и дальше.

Пришелъ и «будущiй переводчикъ». Кромѣ насъ на рубкѣ никого. Хаджи-ага молча пьетъ чай, Шафѣевъ куритъ, Ф. убѣждаетъ меня отнюдь не путешествовать по Азiи въ туземныхъ костюмахъ, но непремѣнно въ своемъ, а я любуюсь живописными видами многоводныхъ окрестностей Астрахани

*) Вѣрно *Хаджи*, какъ титулуются посѣтившiе обще-мусульманскую святыню, г. Мекку съ гробницей пророка.

съ разбросанными по берегамъ Волги аулами (ногайскими деревушками), надъ которыми высятся увѣнчанные рогомъ луны шпицы минаретовъ.

Между тѣмъ пристань нѣсколько оживилась: бакинскiе персы, горцы и прикаспiйскiе армяне уныло снуютъ взадъ и впередъ; группа русскихъ женщинъ, провожающихъ очень красивую, видную дѣвушку съ толстымъ слоемъ румянъ и бѣлилъ, щебечетъ, скаля зубы; таможенный толстякъ съ краснымъ лицомъ, въ бѣломъ кителѣ и короткихъ панталонахъ—сiяетъ довольствомъ; два-три полицейскихъ какъ будто бы ожесточены; служащiе и управляющiй пароходствомъ по Каспiйскому морю общества «Кавказъ и Меркурiй» невозмутимы, ногайцы-носильщики съ громадными тюками на спинахъ возбуждены, а поодаль пасмурно стоитъ смуглый, сухощавый молла въ черной чалмѣ и абѣ, персидскомъ плащѣ, напоминающемъ нашу альмавиву, безъ рукавовъ и капюшона. Несмѣло, но не безъ иронiи поглядывая на христiанъ, онъ сѣлъ на корточки—причемъ обнаружился его зеленый поясъ, внѣшнiй признакъ потомковъ пророка и имамовъ—и съ опущенными глазами принялся перебирать четки, бормоча молитву о благополучномъ путешествiи правовѣрныхъ, за что врядъ-ли получитъ отъ нихъ милостыню...

Но вотъ третiй звонокъ—и въ 9 часовъ буксирный пароходъ потянулъ нашу маленькую баржу. Отсюда до Петровска 222 мили или 42 часа ходу.

Волжскiй берегъ, лежавшiй передъ нами, то покрытъ вспаханными буграми, то представляетъ низмену съ тростникомъ и кустами, изрѣдка перемѣшанными съ деревьями; кое-гдѣ виднѣются татарскiя постройки съ залитыми водою сараями. Легко скользятъ по теченью рыбачьи лодки и суда, а противъ него тянутся они на бичевахъ бурлаками, по колѣно въ водѣ.

Часто попадаются лодки съ однѣми только загорѣлыми женщинами въ бѣлыхъ кофточкахъ и панталонахъ мужского покроя; это рыбачки и работницы съ рыбныхъ промысловъ.

Въ 12 часовъ мы въѣхали въ одинъ изъ многихъ извилистыхъ рукавовъ Волги, сплошь усѣянныхъ островками, то песчаными, то въ густой зелени кустовъ и камыша, откуда несся весеннiй пискъ, крикъ и гамъ пернатыхъ обитателей болотъ.

Картинно и тепло! Точно передъ вами скользитъ живая панорама: видъ за видомъ! Острова смѣняются купами затопленныхъ деревьевъ; тамъ выглядываютъ изъ воды дома, здѣсь высматриваютъ изъ-за осоки и камыша кустарники, а дальше, на высокомъ, песчаномъ островкѣ, раскинулось село, съ возвышающимся надъ нимъ зеленымъ куполомъ церкви.

Роскошь, раздолье! Ну, какъ не разгуляться на такомъ привольѣ широкой натурѣ?!

На рубкѣ, кромѣ меня и лоснящагося какъ тюлень рыбопромышленника съ массивною золотою цѣпью и изумрудными кольцами, никого еще нѣтъ.

— Что это за жилье? обратился я къ нему, указывая на красивое каменное зданіе въ восточномъ вкусѣ, возвышающееся надъ ветхими сараями на берегу, гдѣ валялись два барказа и виднѣлась группа какихъ-то странныхъ фигуръ, съ окутанными лицами въ мужскомъ костюмѣ и передникахъ.

— Одинъ изъ самыхъ богатыхъ рыбныхъ промысловъ Сапожникова. Бабье-то видите? Работницъ?.. Бѣдовый народъ:—бранятся хуже рыбаковъ...

По разсказу рыбопромышленника, женщины овладѣли работами на рыбныхъ промыслахъ тутъ сто лѣтъ тому назадъ и крѣпко держутся за это, укоренившееся временемъ, право. Рыбачки пластуютъ рыбу и, отдѣливъ икру отъ кишекъ, изъ которыхъ вытапливается жиръ, сортируютъ ее, получая издѣльно за 1,000 штукъ по 60 коп.; рѣдкая изъ нихъ справляется болѣе, чѣмъ съ 1,200 штуками въ день. Прочія работы лежатъ на мужчинахъ.

— Ловъ-то на морѣ свободенъ?

— Теперь свободенъ; заплати только за промысловый билетъ 25 руб. и бери себѣ участокъ, на которые разбито все море,—вотъ и дѣлу конецъ! А рыбы всякой здѣсь много, и *красной*: осетръ, бѣлуга, севрюга, стерлядь, и *чистяковой* т. е. мелкой: сазанъ (карпъ), судакъ, лещь, тарань, вобла, жерихъ, бершъ, который солится и сушится, много астраханской сельди, называемой бѣшенкой; изъ нея вытапливаемъ жиръ и тоже солимъ; есть и сомы—жирные! Морды отрубаемъ имъ, бросаемъ, прочее—солимъ и отправляемъ въ Калугу, Рязань, въ подмосковные мѣста,—тамъ любятъ самину. Цѣны на рыбу въ Астрахани теперь хорошо стоятъ. Пудъ свѣжей бѣлуги — 3 руб., въ балыкѣ 8 руб., паюсная икра 32 р., зернистая 28 р., клей 150 р., визига 35 р.; пудъ свѣжей осетрины и севрюги—3 р. 25 к., въ балыкѣ 12 р., паюсная икра 28 р., зернистая 24 р., клей 170 р.; пудъ свѣжаго сома 1 р., соленаго—1 р. 50 к.; сушеный судакъ 1 р. 80 к.—2 р. 40 к., икра 3 р.; сушеный лещь 2 р. 50 к., икра 50 к.; вобла и вообще мелкая рыба—40 к.; внутренній рыбій жиръ (добываемый изъ кишекъ) 2 р., жиръ изъ бѣшенки по 1 р. 70 к. за пудъ. Тюлени съ году на годъ уменьшаются, такъ-что жиру съ нихъ теперь вытапливается въ Астрахани не болѣе 100 тыс. пудовъ, смотря по лову—отъ 1 р. до 3 р. за пудъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каспійскаго моря попадается и диковинка—коралы.

На мое сомнѣніе, рыбопромышленникъ увѣрялъ, что самъ видѣлъ ихъ у нѣкоторыхъ рыбаковъ.

— Волга тоже—продолжалъ онъ—разбита на участки, но они тамъ арендуются, смотря «по плану», отъ 300 р. до 25 т. р. въ годъ.

Изъ его длинныхъ разсказовъ о рыбопромышленности передамъ только, какъ въ приволжскихъ станицахъ вытапливается жиръ изъ каспійской или астраханской сельди, слывущей *бѣшенкой*.

Раннею весною, когда эта многоплодная рыба идетъ сплошными массами изъ моря вверхъ по Волгѣ, станичники устраиваютъ, въ мѣстахъ улова, въ землѣ печи для нагрѣванія воды въ желѣзныхъ котлахъ, емкостью отъ 100до 200 ведеръ. Тутъже вблизи ставятся до 20 деревянныхъ чановъ, наполняемыхъ до половины пойманною неводами и волокушами рыбою, которая обдается затѣмъ горячею водою изъ котловъ и перемѣшивается деревянными шестами, а жиръ, отдаваемый ею, снимается ковшами и сливается въ бочки. Вотъ и весь процессъ жиротопленія, такое заведеніе обходится въ 200—300 р.

Баржа пошла тише, потому что вѣтеръ подулъ съ моря, или, какъ здѣсь говорятъ, началась *моряна*, въ противоположность *верховью*, когда вѣтеръ дуетъ со стороны Волги.

Рыболовныя ватаги раскинуты вездѣ, а на болѣе возвышенныхъ береговыхъ мѣстахъ изрѣдка попадаются калмыцкія кибитки.

Вонъ стрѣлой летитъ рыбацкая лодка съ беззаботными калмыками, однимъ совершенно голымъ, другимъ—въ одной только русской рубахѣ; у руля—стоитъ татаринъ.

— Золотой народецъ для нашего брата! восхищается первыми мой собесѣдникъ; — наши русскіе не годятся: дороги и лѣнивы...

Проѣхавъ главный рукавъ Волги, мы вошли на такъ-называемую *розсыпь* или старое русло ея; берега скрываются изъ виду; открылся просторъ Каспійскаго моря, которое по своему счастливому географическому положенію представляетъ свѣтлое будущее въ экономическомъ отношеніи; голова его—Астрахань, богатая рыбою и солью, соприкасается Волгою съ нивами черноземной полосы Россіи, съ ея фабриками и заводами; южная его часть покоится на рисовыхъ поляхъ и плантаціяхъ хлопка, тута (шелковичнаго дерева), оливы, табаку, сахарнаго тростника и кунжута,—покрывается рощами разнообразнѣйшихъ фруктовъ и лѣсами могучей растительности сѣверной Персіи; правая-же его рука—Баку, неисчерпаемый источникъ нефти, соединяетъ кавказскія богатства съ центральною Азіею, ожидающею отъ насъ желѣзнаго пути на Красноводскъ и воднаго—соединеніемъ Аральскаго моря съ Каспійскимъ.

Роль послѣдняго уже выясняется теперь: оно сольетъ матеріальные и нравственные интересы сѣвера и запада съ югомъ и востокомъ; факторами въ этой общечеловѣческой задачѣ будутъ служить города Астрахань, Баку, Гязь и Красноводскъ... Но это вопросъ будущаго, близкаго или далекаго, смотря по тому, будутъ или не будутъ благопріятны условія для свободнаго развитія всѣхъ силъ и способностей русскаго народа. А теперь будемъ продолжать нашъ разсказъ.

Въ 4 часа пополудни мы остановились у баржи, что сиротинкою выглядываетъ на морѣ, вдали отъ острова «Бирючья коса», отстоящаго отъ Астрахани на 44 мили. Этотъ островокъ служитъ въ настоящее время пристанью для пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій», идущихъ на серебряковскую пристань, и тутъ-же стоитъ брандвахта.

Запасшись углемъ—двинулись дальше. Направо тянется полоска островов, на одномъ изъ коихъ виднѣется селеніе и церковь.

Морская вода сильно мутится волжскимъ иломъ, и даже у «Чистой» балки, находящейся, кажется, въ 80 миляхъ отъ Астрахани и въ 25 отъ устья Волги, смѣшана съ рѣчною.

Спустился въ каюту—цѣлая компанія съ двумя нарядными барынями, говорящими даже о свѣчахъ и осетринѣ не иначе, какъ по-французски, конечно съ астраханскимъ акцентомъ! «Папаша» съ комерчески бѣгающими глазами, отвислыми щеками и въ модномъ костюмѣ съ иголки, везетъ этихъ барынь, по совѣту доктора, *на прогулку* до 9-ти-футовой глубины, т. е. до мѣста пересадки пасажировъ на пароходъ. «Папаша» оказался «отличнымъ» человѣкомъ, ибо, комиссіонерствуя по свѣчамъ Крестовникова и дербентской марены, отлично зарабатываетъ и еще роскошнѣе живетъ.

Противъ барынь стоялъ въ интересной позѣ скудоволосый шведъ-морякъ съ выраженіемъ на лицѣ, какъ бы говорящимъ: «Вы что? А у меня и мукомольня есть, и управляющій-то мнѣ другъ-землякъ, ну и въ головѣ найдется»... На вопросы—онъ глубокомысленно морщилъ лобъ и, вытянувъ губы впередъ, снисходительно кивалъ головою. На диванѣ, въ сторонкѣ, сидѣлъ знакомый уже намъ рыбопромышленникъ съ изумрудомъ и дѣвственно-опущенными глазами, поближе — какой-то офицеръ съ представителемъ общества «Дружина».

Началась качка, дѣйствовавшая сильнѣе на дамъ, чѣмъ на мужчинъ, начались и обыкновенныя послѣдствія ея—слабость и тошнота, появились на сцену и лимоны, какъ лекарство однакожъ далеко не дѣйствительное... Мало-по-малу всѣ оставили палубу, но къ обѣду явились. Обѣдъ здѣсь обязателенъ: ѣшь не ѣшь, а рубль плати. Дамы прилично молчали, едва дотрогиваясь до цыплятъ не первой свѣжести; прочіе пасажиры тоже съ какою-то натяжкою, какъ-то боязливо

ѣли, сердито поглядывая одинъ на другого, но вино развязало языки.

— Вы въ Персію ѣдете? спросилъ меня скудоволосый.

— Да.

— Гмъ, да! Въ Персіи выньте нагайку и катайте направо—налѣво — уважать, бояться васъ будутъ!... Своего костюма не снимайте: русскихъ и вообще европейцевъ тамъ сильно трусятъ, въ особенности послѣ того, какъ въ шестидесятыхъ годахъ сарбазы (солдаты), возвращавшіеся съ похода на тюркменъ, убили англійскаго купца Лонгфильда (вблизи караванъ-сарая Тадженъ, что по дорогѣ въ Шахрудъ); поквитались они, поквитались и жители, за то головами и карманами. Да-а-съ! Путешествуйте такъ, какъ англичане и французы, а нарядитесь въ туземный костюмъ—всякій оборвышъ-сарбазъ, которому не понравитесь, отдуетъ васъ! Бороды не сбривайте, потому что для мусульманъ она — святыня; безъ бороды человѣкъ не уважается. Въ опасныхъ мѣстахъ отъ нападеній тюркменъ вы пойдете съ персидскимъ конвоемъ, но не разсчитывайте на него—первый дастъ тягу: ружья-то больше кремневыя или фитильныя, а въ зарядныхъ ящикахъ нерѣдко вмѣсто снарядовъ лежитъ чурекъ (хлѣбъ).

Вышли на рубку. Тамъ и сямъ виднѣются персидскія бакинскія шкуны, такой-же конструкціи, какъ и наша, перевозящія въ Персію разный товаръ, и оттуда къ намъ, преимущественно рыбной.

Представитель общества «Дружина» заговорилъ о необходимости развитія на Каспійскомъ морѣ паруснаго комерческаго флота, увеличившагося съ 1868 года вдвое и составляющаго въ настоящее время слишкомъ 600 судовъ, принадлежащихъ разнымъ компаніямъ и частнымъ лицамъ. Комиссіонеръ оппонировалъ ему, доказывая насущную потребность въ конкурренціи обществу «Кавказъ и Меркурій», владѣющему комерческимъ паровымъ флотомъ на этомъ морѣ.

— Конкурренція въ убытокъ себѣ невозможна! горячился первый;—взгляните на годичный отчетъ общества «Кавказъ и Меркурій» за 1872 годъ: со включеніемъ полученныхъ отъ правительства помильныхъ 363,840 руб., чистый доходъ его составлялъ 256,194 р., слѣдовательно, безъ субсидіи былъ-бы дефицитъ въ 107,646 руб...

Пока длится споръ, скажу нѣсколько словъ о нашемъ торговомъ паровомъ флотѣ на Каспійскомъ морѣ, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ обществу «Кавказъ и Меркурій», владѣющему 13-ю пароходами, перевозящими пассажировъ по всѣмъ портамъ Каспійскаго моря *безъ конкурренціи* и товары съ ничтожною конкурренціею общества «Лебедь», владѣющаго, кажется, всего тремя паровыми шкунами.

Пасажирскіе пароходы общества «Кавказъ и Меркурій», (изъ коихъ два почтовыхъ—«Константинъ» и «Барятинскій») совершаютъ срочное движеніе изъ Астрахани до персидскаго берега «Гязь», или, какъ въ росписаніи значится, до Астрабада и обратно, разъ въ недѣлю (за исключеніемъ нѣскольких зимнихъ мѣсяцевъ). Этотъ путь, въ 918 миль, проходится, конечно съ остановками въ промежуточныхъ портахъ, въ 7 дней, 10 час., и стоитъ: 1-й классъ 42 руб., 2-й—32 руб., 3-й—18 руб., а за багажъ платится по 1 р. 50 к. съ пуда. Изъ Астрахани-же въ Баку (3 дня и 21 часъ ѣзды) и обратно рейсы совершаются два раза въ недѣлю; въ фортъ Александровскъ (2 дня и 3 часа ходу), точно также, какъ и изъ Баку въ Красноводскъ (1 день и 5 час. ходу)—разъ въ двѣ недѣли.

Нѣкоторые пароходы отапливаются паромъ (черезъ проведенныя по каютамъ трубы), и на всѣхъ безъ исключенія нефтяные остатки замѣнили камен. уголь. Это нововведеніе доставляетъ немало выгодъ; напр., на пароходѣ «Константинъ», сжигающемъ въ годъ до 500 тысячъ пудовъ нефтяныхъ остатковъ, обходящихся по $5^1/_2$ к. за пудъ, каждый рейсъ изъ Астрахани въ Астерабадъ и обратно сохраняетъ въ экономіи, сравнительно съ антрацитомъ стоющимъ 28 к., три тысячи руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился трудъ машиниста, въ особенности кочегаровъ, и чистоты больше: золы нѣтъ, дыму, искръ очень мало.

Кромѣ комерческаго флота, у насъ имѣется на Каспійскомъ морѣ и военная флотилія, состоящая, кажется, изъ 4 пароходовъ, 3 паровыхъ шкунъ, 4 паровыхъ барказовъ (англійской и шведской работы), канонирскихъ лодокъ и нѣсколькихъ парусныхъ судовъ. Здѣсь тоже мало-по-малу нефтяные остатки вытѣсняютъ каменный уголь.

Въ половинѣ девятаго часа вечера мы достигли девяти-футовой глубины, гдѣ одиноко въ водномъ пространствѣ покачивались на судахъ таможня и пристань общества «Кавказъ и Меркурій»,—и пересѣли съ мелко сидящей баржи на поджидавшую насъ паровую шкуну «Армянинъ»; перегрузка товаровъ длилась очень долго, потому что здѣсь не существуетъ никакихъ механическихъ приспособленій, сокращающихъ и облегчающихъ ее.

Перегрузка эта, сопряженная съ потерею времени и порчею товаровъ, въ особенности чувствительна для товароотправителей, и они горько жалуются на медленное и неудачное примѣненіе техническихъ требованій къ углубленію русла Волги, которая, дѣлясь въ своемъ устьѣ на множество рукавовъ, обмелѣвающихъ лѣтомъ до трехъ футовъ, прерываетъ прямое сообщеніе Астрахани съ Каспійскимъ моремъ.

— Это дѣло морскихъ инженеровъ, гидротехниковъ, а не путейцевъ, очень мало смыслящихъ тутъ, слышатся протесты и забавные анекдоты насчетъ послѣднихъ.

До сихъ поръ затрачено около двухъ милліоновъ руб. на загражденіе нѣкоторыхъ рукавовъ Волги для устройства фарватера въ рукавѣ Камызакѣ; въ одномъ мѣстѣ закроютъ, а неподатливая Волга пробьетъ себѣ новый путь по песчано-илистой почвѣ или углубленное мѣсто занесется иломъ и пескомъ; отъ дамбы же, проведенной на 5 верстъ въ море отъ Шараповой косы, не осталось и слѣдовъ...

Устройство обходнаго канала изъ Астрахани къ серебряковской пристани не выдерживаетъ критики, а работы по углубленію русла Волги землечерпательными машинами, предпринятыя теперь въ видѣ опыта, врядъ-ли приведутъ къ благопріятнымъ результатамъ, ибо наносы мало-по-малу уничтожатъ асигнованныя на это дѣло 200 тысячъ рублей. Здѣсь носятся слухи, что въ скоромъ времени важный недостатокъ Волги будетъ радикально устраненъ новыми затратами миліоновъ по проекту г. Тизенгаузена, по которому отъ Камызака устроятъ сплошныя плотины со шлюзами, предохраняющими отъ насосовъ, и съ тою-же цѣлью калмыцкіе рукава закроются, а изъ Камызака проведется отводный каналъ. Всѣ ждутъ этого, и вѣроятно, чего-нибудь да дождутся.

Я уже говорилъ, что на «Армянинѣ», какъ грузовомъ пароходѣ, каютнаго помѣщенія для пасажировъ не имѣется, но меня помѣстили въ капитанскую или общеслужащую каютъ-компанію.

Въ 12 ч. ночи мы двинулись по легкой зыби моря дальше, а на другой день проснулись съ сильною качкой.

На палубѣ отъ сырости скользко; одинъ изъ первокласниковъ, поскользнувшись, упалъ на стеклянный колпакъ прикрывающій отдушину каютъ-компаніи, и разбилъ стекло.

— Что стоитъ? обратился онъ къ служащему.

— Ничего; компанія богата...

Палуба пестритъ пасажирами и матросами восточнаго типа въ разнообразныхъ костюмахъ и завалена тряпьемъ, мѣшками, коврами и одѣялами яркихъ цвѣтовъ, на которыхъ они сидятъ или лежатъ, изрѣдка перекидываясь тихимъ, вялымъ словомъ; у кормы стоятъ двѣ русскія бабы, солдатскія жены. Вообще на Каспійскомъ морѣ между пасажирами мало встрѣчается русскихъ, и если есть, то служащіе.

Я всматриваюсь въ грубыя лица матросовъ изъ бакинскихъ персовъ, изъ которыхъ преимущественно состоятъ экипажи въ здѣшнемъ паровомъ и парусномъ комерческомъ флотѣ. Бороды у нихъ—сбриты, щетинистые усы окрашены въ черный или рыжій цвѣтъ, ладони, пятки и ногти — въ оранжевый; на головахъ—пропотѣвшая тюбетейка или мохнатая шапка; кто въ короткой, по поясъ, рубахѣ, кто въ рваной, заплатанной куртке, и у всѣхъ—шаровары подпоясаны кушакомъ, загнутые кверху острые носки башмаковъ оканчиваются ремешкомъ.

На «Армянинѣ» 12 матросовъ; капитанъ не нахвалится ими.

— Акуратны, ловки, работаютъ хорошо и *безъ праздниковъ*, за исключеніемъ только рамазана, говоритъ онъ,—но главное—не пьютъ; въ этомъ ихъ важное преимущество передъ русскими матросами, съ которыми много хлопотъ: придешь, напр., въ Баку, нужно ѣхать дальше, а они закутили; розыскивай по кабакамъ, не найдешь—значитъ въ полиціи. Много, много возни съ ними!

Впрочемъ, и съ персами не мало хлопотъ: рѣдкій изъ нихъ прослужитъ всю навигацію,—проработаетъ мѣсяцъ, другой, и уходитъ домой или на другое судно; къ тому-же всѣ они безъ исключенія теряются, трусятъ во время опасности.

Простые матросы получаютъ въ мѣсяцъ 12—14 руб., рулевой—16—18 р., боцманъ—20—25 р.

Шкипера тоже преимущественно изъ персовъ, и—хотя, по послѣднему трактату съ Персіею, суда подъ персидскимъ флагомъ не имѣютъ права плавать по Каспійскому морю, но фактически—весь нашъ комерческій флотъ находится въ ихъ рукахъ.

Размышляя объ этомъ фактѣ, мнѣ вспомнился разсказъ астраханскаго губернатора въ послѣднее свиданіе съ нимъ; указывая на карту, онъ говорилъ: «Многія изъ цвѣтущихъ селъ на прибрежныхъ островахъ, напр., на Вахрамѣевкѣ, Разбугорьѣ, Гришкино, Тишковкѣ и др., не признавали до сихъ поръ никакой власти и слышать не хотѣли ни о государственной, ни о земской повинностяхъ. «Мы вольные»—говорятъ, да и только. Пріѣзжаю къ нимъ — приняли хорошо; пообѣщалъ исходатайствовать передъ правительствомъ утвержденіе за ними земель ихъ, и теперь они встрѣчаютъ меня восторженно: украшаютъ дома флагами, разстилаютъ ковры, паруса... Всѣ жители этихъ деревень — рыбаки и отважные моряки; изъ нихъ выйдутъ отличные шкипера для нашего комерческаго флота, который, чувствуя насущную потребность въ таковыхъ, принужденъ довольствоваться теперь персами сомнительнаго достоинства... Я получилъ разрѣшеніе устроить здѣсь четыре мореходныхъ училища, преимущественно для нашихъ островитянъ-рыбаковъ, которымъ, по окончанію курса, и будутъ выдаваться дипломы на право для поступленія въ шкипера»...

Между шкиперами на пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій» есть и нѣмцы, славящіеся своею акуратностью; между машинистами и капитанами много шведовъ, а помощникъ нашего капитана, маленькій нескладный итальянецъ, служившій матросомъ на заграничныхъ судахъ, все чего-то ищетъ вдали моря, съ биноклемъ въ рукахъ. Капитанъ говоритъ, что онъ взялъ его «съ улицы», за то жъ добродушный итальянецъ и не сходитъ съ палубы, между тѣмъ какъ лоснящійся толстячокъ...?

Качка усиливается. Я раздѣлся въ каютѣ, и прилегъ на животъ, что убаюкиваетъ и нѣсколько предохраняетъ отъ морской болѣзни.

Въ 10 часовъ вечера показались рѣдкіе огоньки Петровска.

Очень темно и бурливо; опасаясь мелей при входѣ въ молъ, пароходъ остановился вдали отъ него и только съ разсвѣтомъ бросилъ якорь въ 300 саженяхъ отъ берега, куда доставляются пасажиры на лодкахъ, управляемыхъ большею частью персами.

Прямо передъ нами скучно выглядываютъ артиллерійскія казармы и военные госпитали, у подножія которыхъ, по легкому скату берега стелется маленькій, бѣленькій городокъ съ однообразными постройками; правѣе, на возвышенномъ мѣстѣ стоитъ мрачное укрѣпленіе, въ сторонѣ, точно сторожъ его на часахъ, — одинокая башенка, на заднемъ планѣ, — особнякомъ высится маякъ, а слѣва этой картины вздымаются горы, по ребрамъ которыхъ—индѣ обнаженнымъ—стелятся тѣни то яркой, то темной зелени кустовъ и лѣсовъ.

Солдаты удятъ рыбу, сидя на громадныхъ камняхъ, окружающихъ молъ; у берега полощится маленькій грузовой пароходъ «Лебедь»; въ морѣ бѣлѣются паруса трехъ шкунъ...

Петровскъ представлялъ прежде важное значеніе по снабженію кавказской арміи провіантомъ съ Волги и еще недавно имѣлъ военные госпитали на 600 человѣкъ, сокращенные теперь на 150 человѣкъ и служащіе преимущественно для войскъ, отправляемыхъ черезъ него изъ Россіи въ Туркестанъ; торговыя операціи его ограничиваются отправкою въ Астрахань кожъ и топленаго сала, но если онъ соединится вѣтвью съ ростово-владикавказскою желѣзною дорогою, то, безъ сомнѣнія, его торговое значеніе увеличится, ибо товароотправители изъ Персіи и Закавказья въ Россію предпочтутъ эту дорогу затруднительному пути по мелководному устью Волги, съ его разорительными пересадками.

Въ Петровскѣ присоединились къ намъ двѣ пасажирки, родныя сестры, спѣшившія изъ Петербурга къ папашѣ въ Баку: одна съ изсѣра-зеленоватымъ лицомъ и легкомысленными наклонностями, только-что окончила патріотическій институтъ, другая — слушательница акушерскихъ курсовъ, въ матросской лакированной шляпкѣ, дѣвушка довольно серьезная...

Пароходъ двинулся далѣе къ гор. Дербенту, отстоящему отсюда на 71 милю или 10 часовъ хода.

Видъ чрезвычайно живописный!.. Аулъ Тарки, съ замкомъ или дворцомъ шамхала тарковскаго, гнѣздится въ высокомъ ущельѣ обнаженныхъ горъ составляющихъ сѣверный склонъ кавказскаго хребта. Тарки — крайній предѣлъ распространенія гвоздеобразныхъ письменъ на сѣверъ. По мнѣнію Сен-Мартена и Бюрнуфа, гвоздеобразная надпись изсѣчена здѣсь въ скалѣ по распоряженію армянскаго царя изъ поколѣнія Арзакидовъ, для увѣковѣченія своей побѣды надъ хазарами, разгромленными имъ въ ихъ собственной землѣ.

Глядя на эти высокія горы, съ парящимъ орломъ надъ ними, мнѣ живо представился рядъ картинъ изъ недавней моей поѣздки туда. Помню, какъ подъѣзжая къ Петровску на лихой тройкѣ словоохотливаго Ивана, мѣстнаго старожила изъ молоканъ, я все еще находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ путешествія по Кавказу, этому картинно-роскошному уголку Россіи, который то ласкаетъ взоръ и нѣжитъ чувства туриста, то, взбудораживъ въ немъ жолчь, наводитъ на грустную мысль: «сѣдой Кавказъ» все еще выглядываетъ младенцемъ, непонимающимъ, какъ справиться съ богатствами своими.

— Иванъ — обращаюсь я къ ямщику, — нѣтъ-ли тутъ въ окрестностяхъ нефти?

— Въ горахъ, судырь, живетъ татарскій князь, большой пріятель капитану Петру Васильевичу, содержателю гостиницы, куда завезу васъ...

— Ну?

— Нефти у него страсть какъ много!..

На другой день я уже пріятельски бесѣдовалъ за бильярдомъ съ мясистымъ княземъ, обладающимъ окладистою бородою и низкимъ лбомъ, бычачьими глазами подъ нависшими бровями и орлинымъ клювомъ, многими регаліями на мощной груди и нѣсколькими тысячами десятинъ земли.

— Спадетъ жара — говорилъ онъ мнѣ, прицѣливаясь кіемъ, — конвой осѣдлаетъ коней, поѣдемъ въ аулъ, покажу нефть. Хорошая нефть. Строй фабрику...

— Поѣзжайте, поѣзжайте къ нему, старый пріятель! Вотъ только этого тамъ не увидишь, нашептывалъ мнѣ хозяинъ гостинницы, отставной капитанъ, щолкнувъ себя по воротнику и прикусивъ кончикъ языка; — здѣсь выпить со мною — молодецъ! А тамъ — ни-ни-ни... Правовѣрный! Опаска беретъ и примѣръ нуженъ — непремѣнно примѣръ!

И онъ вперилъ въ меня долгій, пронизывающій и даже нѣсколько смутившій меня взглядъ, точно говорившій: «Понялъ ты эту штуку мудрен-ую?.. Гдѣ тебѣ!..»

Близятся сумерки. Кони готовы, и мы, въ сопровожденіи трехъ черномазыхъ, сухопарыхъ татаръ, направились мелкою рысью къ горамъ.

Узенькая, усѣянная осколками тропинка змѣйкою вьется по крутому, обрывистому ребру ихъ, но кони чутки: привычно ступаютъ они по ней, слегка вздрагивая, когда камень сорвется изъ-подъ копытъ у нихъ или глыба, гдѣ-то вблизи, съ грохотомъ спускается въ пропасть. Князь впереди, конвойные сзади озабоченно слѣдятъ за мною. Въ воздухѣ тишь и нѣга... но теперь не до поэзіи: думаешь, какъ-бы цѣлымъ вскарабкаться на вершину, а она, слившись съ облаками, кажется недосягаемою...

Но вотъ кони слегка заржали и вынесли насъ на широкое плато, съ мрачными руинами бастіона вдали.

Князь торопится — пустили коней вскачь, а темь еще быстрѣе летитъ на встрѣчу намъ, что затрудняетъ спускъ съ горы, сплошь покрытый камнемъ и кустами. Наконецъ замигали въ темнотѣ рѣдкіе огоньки аула. Залаяли псы, послышался тихій окликъ; князь отвѣтилъ, и кони, фыркая, стали передъ черною, неопредѣленною массою... Меня провели подъ открытый навѣсъ сакли, и я, избитый утомительною ѣздой, бросился на широкую скамью и крѣпко уснулъ, но къ ужину былъ разбуженъ. Сонный слуга уставилъ вмѣстительный столъ пучками лука, укропа, салата, затѣмъ чурекомъ и ребрушкомъ жирной баранины съ душкомъ, которую хозяинъ тутъ-же разрѣзалъ охотничьимъ ножемъ на куски.

Вошелъ его младшій братъ и, не смѣя сѣсть безъ приглашенія, ужиналъ стоя, изрѣдко перекидываясь съ нимъ вялымъ словомъ облизывая свои пальцы — вѣдь, вилки здѣсь не въ употребленіи. Прибѣжалъ и замурзанный сынокъ; поцѣловавшись съ отцомъ, онъ уже намѣревался влѣзть на столъ, но завидѣвъ на мнѣ цѣпочку — бойко подошелъ ко мнѣ, и довѣрчиво

опершись о мое колѣно, сталъ играть съ нею и... тутъ-же крѣпко всхрапнулъ. Его убрали; да и мы разоплись на покой, предварительно условившись раннимъ утромъ отправиться къ нефтянымъ источникамъ расположеннымъ въ 15-ти верстахъ отъ аула.

Отведенная мнѣ низкая, сплошь обитая и устланная персидскими коврами комната, съ развѣшаннымъ по стѣнамъ оружіемъ, оправленнымъ въ золото, серебро и драгоцѣнные камни, своею пріятною прохладой манила къ нѣгѣ, но физическая усталость взяла верхъ: съ мыслью о томъ, что этотъ пріютъ восточной лѣни, съ массивными свертками дорогихъ матерій и тюками ковровъ, болѣе походилъ на складочное мѣсто легко пріобрѣтенныхъ богатствъ князя, чѣмъ на спальню, я уснулъ, а въ пять часовъ утра былъ уже на ногахъ. Князь ожидалъ меня подъ навѣсомъ, куда подали отвратительный кирпичный чай и такого-же достоинства баранину, но за то какъ сказочно-хороша красавица княжна, пугливо-любопытный взглядъ которой случайно поймалъ я въ окнѣ... на одно только мгновеніе!.. Она скрылась, а кони нетерпѣливо ржутъ...

Въ сопровожденіи нукера (слуги), мы лавировали между безпорядочно-раскинутыми саклями аула; подо мною былъ великолѣпный конь бѣлой масти; князь—на арабскомъ скакунѣ: онъ былъ любитель и знатокъ лошадей.

Перепрыгнувъ горную рѣченку, переѣхали по каменистому дну мелководнаго ручья и, свернувъ вправо, спустились въ лощину, затѣмъ поднявшись въ горы, въѣхали въ пересѣченную долину съ запахомъ нефти—тема, удобная для разговора даже съ сосредоточеннымъ княземъ: барышъ—это чувствительная струнка, развязывающая языкъ у людей его масти, а онъ принимаетъ меня, благодаря пылкой фантазіи капитана, за агента столичнаго капиталиста, выбирающаго удобное мѣсто для постройки нефтяного завода.

— Строй фабрику: деньги твои, нефть моя, барышъ пополамъ; коня подарю, еле говоритъ онъ отъ отдышки, обливаясь потомъ.

Несмотря на девятый часъ утра, зной чувствителенъ и атмосфера, отъ испареній пропитанной нефтью долины, тяжела. Гдѣ-же источникъ, отравляющій ее и почву?—князь не вѣдаетъ, а немного знаній — и богатства хлынутъ изъ нѣдръ земли широкимъ потокомъ! Но у князя есть баранина, регаліи—чего жъ ему еще нужно!..

— Князь, пить хочу.

— Тамъ, махнулъ онъ мнѣ на широко-разбредшееся стадо овецъ и, подъѣхавъ къ пастухамъ рысью, богъ-вѣсть за что разразился на ихъ привѣтствіе громомъ и молніей. Младшій изъ пастуховъ держалъ въ рукахъ недоѣденный пучекъ луку, но у обоихъ подъ нависшими бровями глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, отражавшимъ то мрачную ненависть, то покорность раба и апатію правовѣрнаго; черствыя, истощенныя ихъ лица съ непомѣрно-горбатыми носами, тонкими губами и рѣдкими волосками вмѣсто усовъ и бороды, дырявыя рубахи до пятокъ и рваные шаровары обнажавшія кости да кожу, грязныя тряпицы прикрывающія черепа ихъ отъ палящихъ лучей солнца, наконецъ, самъ «повелитель», съ налитыми кровью глазами и пѣной у рта, едва не надѣлявшій ихъ ударами нагайки, — не служитъ-ли все это краснорѣчивымъ упрекомъ «нашей» цивилизаціи?..

Вспрыгнувъ съ коня я прильнулъ къ ключу, между тѣмъ повелитель, успокоившись, щурился вдаль, а рабы съ любопытствомъ озирали «русскаго».

— Это что? обратился ко мнѣ старикъ, вынувъ изъ кармана два осколка блестящей руды: чистой мѣди и — какъ не специалисту, мнѣ трудно было рѣшить вопросъ о другомъ кускѣ— не то серебра, отливавшаго свинцовымъ блескомъ, не то онъ принадлежалъ къ такъ-называемой «благородной свинцовой формаціи», т. е. къ той комбинаціи, при которой вещества, составляющія жилу, лежатъ всегда въ видѣ отдѣльностей.

Не желая питать подозрительность дикарей, я сдерживалъ понятное любопытство и ощущеніе при мысли, что—быть можетъ—нахожусь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ богатѣйшихъ рудниковъ драгоцѣнныхъ металловъ, пока доступныхъ только пастухамъ и ихъ повелителю,—небрежно отвѣтилъ:

— Это мѣдь, а вотъ это—свинецъ.

— Серебро! ткнулъ пальцемъ старикъ въ послѣдній осколокъ.

— Гдѣ досталъ?

— Въ горахъ много...

На этомъ словѣ, князь быстро обернулся къ намъ и, сурово

взглянувъ на него прикрикнулъ по-татарски; тотъ отошелъ въ сторону.

— Возьми же деньги за руду! говорю вслѣдъ ему—покачиетъ отрицательно головою.

— Такъ подари.

— Хорошо.

— Ѣдемъ скорѣй, большая жара будетъ! торопился князь... И черезъ часъ мы были у нефтяныхъ ключей, младенчески эксплоатируемыхъ армяниномъ, арендующимъ ихъ у него за ничтожную сумму.

Отдохнувъ на разостланномъ коврѣ подъ открытымъ небомъ и запивъ теплою водой изъ тыквы баранину съ душкомъ (которою запасса-таки князь), мы крупною рысью возвращались домой—я съ проклятіями на испытываемый мною адъ, тотъ—съ надеждами.

— Строй фабрику; земля моя, деньги твои; двухъ коней подарю.

— Нефть — дѣло хорошее, но свинецъ, мѣдь, серебро — лучше.

Строй фабрику... покажу тебѣ мѣдь, свинецъ... этихъ коней подарю, указалъ онъ глазами на своего и подо мною.

Выводить его изъ заблужденія въ томъ что я туристъ, а не агентъ, было-бы теперь неудобно, ибо, въ противномъ случаѣ, мнѣ вѣроятно пришлось-бы возвратиться въ Петровскъ на своей собственной парѣ, а не на скакунѣ. Вотъ почему, отмалчиваясь насчетъ фабрики, я напиралъ на эксплоатацію рудниковъ, конечно, не безъизвѣстныхъ ему. Но онъ твердилъ свое:

— Строй фабрику... коня подарю...

Подъѣзжая къ аулу, я вспомнилъ, что завтра предстоитъ мнѣ дальнѣйшая поѣздка въ глубь Дагестана и, простившись съ княземъ, поскакалъ въ Петровскъ морскимъ берегомъ въ виду скалы съ ауломъ Тарки, а къ вечеру слѣдующаго дня уже былъ въ Темиръ-ханъ-Шуру, этомъ гнѣздѣ лихорадокъ и административномъ центрѣ Дагестанской области. Расположенный въ знойно-влажной котловинѣ, онъ своими невзрачными домишками съ наглухо-закрытыми ставнями, выжженными пустырями и томящею тишью пыльныхъ улицъ, представляетъ пустынный видъ. Кое-гдѣ покажутся два-три солдата въ сорочкахъ, протащится баба съ лукошкомъ да арба проскри-

питъ,—еще тоскливѣе заноетъ въ груди: хочется плюнуть желчью и бѣжать куда-то въ манящую даль!.

Вошелъ въ гостиницу—душно, мухи, комары, запахъ клоповъ, да безответный хозяинъ въ комисаріатскомъ сюртукѣ, съ воспаленными глазами, подвязанной щекою и облупленнымъ кончикомъ носа,—невыносимо!

Усталъ страшная, а спать нѣтъ мочи: потъ льется градомъ, ну точно въ паровой банѣ! Даже разболѣлась голова, и я вышелъ въ садикъ, гдѣ уже прогуливался въ наглухо-застегнутомъ сюртукѣ горный инженеръ съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и нѣкоторымъ лоскомъ въ манерахъ.

То былъ князь М., командированный изъ Тифлиса для изслѣдованія какихъ-то рудниковъ. Здѣсь онъ схватилъ лихорадку и—застрялъ; кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что это—жертва безсилія научныхъ пріемовъ по части открытій рудныхъ мѣсторожденій.

— Рыщемъ, рыщемъ по горамъ, тратимъ время и деньги, а въ концѣ-концовъ оказывается, что овчинка не стоитъ выдѣлки, плакался онъ мнѣ.

Чѣмъ-же вы руководствуетесь въ вашихъ поискахъ?

— Конечно, геологіею, горнымъ искуствомъ и практическими правилами, почерпнутыми изъ опыта... Напримѣръ, послѣдній указываетъ намъ на бо̀льшею вѣроятность найти рудныя мѣсторожденія въ гористыхъ странахъ, чѣмъ въ ровныхъ, въ первобытныхъ горныхъ породахъ и древнихъ осадочныхъ, чѣмъ въ пластахъ новѣйшаго образованія. Наконецъ, источники, содержащіе металлы, также извѣстныя растенія...

— Исторія говоритъ, что открытіе большей части мѣсторожденій произведено не научнымъ путемъ, а совершенно случайно; такъ, напр., на калифорнскія сокровища наткнулся утахскій мормонъ, — богатые серебряные рудники Колорадо и Аризона сдѣлались извѣстны благодаря путешественникамъ, фермерамъ, охотникамъ, безъ всякаго содѣйствія науки.

— Не дожидаться-ли и намъ подобныхъ случайностей?

Не дожидаться, а искать ихъ.

— Но какимъ образомъ?

— Во время вашихъ экспедицій сближайтесь съ горцами, заставьте полюбить себя; они отвѣтятъ вамъ довѣріемъ, но предварительно снимите военный костюмъ и облекитесь въ

скромный, болѣе соотвѣтствующій вашей профессіи. Пастухъ, вѣчно бродящій подъ открытымъ небомъ, знакомъ съ оврагомъ и лощиной, знаетъ каждый камень и скалу родного мѣста; онъ вамъ укажетъ путь къ желанной цѣли.

Не упоминая М—ву о мѣстѣ встрѣчи съ пастухами, я сообщилъ ему о драгоцѣнной находкѣ ихъ.

— Изъ этого то факта и вытекаетъ вашъ совѣтъ?

— Изъ него и другихъ.

— Но это удивительный случай! Горцы такъ недовѣрчиво, такъ враждебно смотрятъ на насъ, и...

— Не знаю, что руководило ими на этотъ разъ: любопытство, разсчетъ или простодушіе, но увѣренъ, что эти дѣти горъ знаютъ мѣста сокровищъ, и если скрываютъ ихъ, то или изъ невѣжества—тогда они ваши, или изъ ненависти къ намъ, пришлымъ людямъ — тогда они останутся тайной для васъ. Вспомните характеристическій разсказъ одного путешественника по центральной Америкѣ, какъ какой-то миссіонеръ-езуитъ, пораженный изобиліемъ золотыхъ украшеній индѣйцевъ, выманилъ у нихъ согласіе показать ему источникъ сокровищъ. Въ условленный день онъ, съ завязанными глазами, ѣдетъ съ ними и, разглагольствуя о суетѣ міра сего, скрытно роняетъ зерно за зерномъ отъ четокъ, чтобы потомъ отыскать по нимъ дорогу. Но вотъ остановились, сняли съ смиреннаго патера платокъ и... онъ увидѣлъ передъ собою драгоцѣнный рудникъ... Затѣмъ его, опять съ завязанными глазами, проводили домой, и тутъ поднесли пригоршню... зеренъ, отъ четокъ, съ словами: «святой отецъ растерялъ ихъ, мы подобрали и возвращаемъ». Индѣецъ перехитрилъ іезуита.

— Разсказъ похожъ на анекдотъ.

— А анекдотъ черпаетъ содержаніе изъ факта.

— Во всякомъ случаѣ, обобщивъ нашу бесѣду, безспорно придемъ къ заключенію, что если геологія и горное искуство соединяются, чтобы самымъ совершеннымъ и цѣлесообразнымъ способомъ извлечь изъ земли ея сокровища, то горное дѣло, въ свою очередь, не должно пренебрегать людьми, близко стоящими къ природѣ и основательно знакомыми съ мѣстностью, гдѣ предполагается производить изысканія рудныхъ мѣсторожденій.

— Совершенно вѣрно, и вамъ остается только подѣлиться этимъ выводомъ съ вашими товарищами по профессіи.

— А до тѣхъ поръ у меня одна забота, одно желаніе—избавиться отъ невыносимо-мучительной лихорадки, приближеніе пароксизма которой я чувствую. Къ хинѣ я уже попривыкъ, она больше не дѣйствуетъ.

Послѣднія слова М. произнесъ съ лихорадочною дрожью въ голосѣ, и простился со мною...

Спустя дня два жизни въ этой мертвящей трущобѣ, я поѣхалъ дальше. Города, національности, впечатлѣнія быстро смѣнялись и совершенно стушевали фактъ моей встрѣчи съ пастухами, а теперь онъ кстати всплываетъ на свѣтъ божій. Но оставимъ воспоминанія и полюбуемся видами гористыхъ береговъ, въ виду которыхъ мы ѣдемъ по темно-зеленымъ водамъ теперь успокоившагося Каспія, дѣлая по 8 узловъ или 14 верстъ въ часъ. Надъ узкою полоскою низменнаго песчанаго берега (по которому проектирована петровско-бакинская желѣзная дорога)—высится цѣпь Табассаранскихъ горъ; тамъ и сямъ по ребрамъ ихъ ползутъ клочки облаковъ, или, охвативъ разнотѣнную вершину, они то дымятся, то, разорвавшись, висятъ надъ нею хлопьями; въ отдаленіи бѣлѣется маякъ гор. Дербента, темною полоскою ползущаго въ гору съ зеленѣющею вершиной, мѣстами облѣпленною облаками, а тамъ дальше туманится снѣжный Шахъ-дагъ...

Въ 6 часовъ вечера пароходъ остановился передъ Дербентомъ въ 100 саженяхъ отъ берега; направо—крутой его скатъ полосится мареной, пшеницей и виноградниками, ограненными темными обрывами—ложами весеннихъ горныхъ водъ; прямо—наверху темнѣютъ стѣны обширной цитадели съ бѣлыми зданіями въ ней, и отсюда вплоть до сливающагося съ моремъ песчанаго берега терасой стелется маленькій городъ съ зелеными куполами церквей и мечетей и рѣдкими садами.

Въ Дербентѣ нѣтъ порта; суда стоятъ на открытомъ рейдѣ, и во время свѣжаго вѣтра или буруна сообщеніе съ берегомъ невозможно, а поэтому пасажиры и грузъ назначенные сюда, идутъ дальше въ Баку, гдѣ и передаются на пароходъ, поддерживающій сообщеніе съ нимъ. Сегодня глубокія воды у

берега спокойны, и къ намъ подъѣхалъ на маленькой лодочкѣ матросъ, русскій, съ судна, стоящаго здѣсь на якорѣ. Онъ подвезъ насъ къ ветхимъ подмосткамъ, служащимъ яко-бы пристанью, на которую и вскарабкались мы съ помощью его плечъ и сильныхъ рукъ армянина, бесѣдовавшаго тутъ съ двумя лезгинами и горнымъ евреемъ одѣтымъ въ мѣстный костюмъ; на берегу расхаживалъ таможенный въ бѣломъ кителѣ и полицейскій, а подаль отъ нихъ стояли двѣ дамы съ военнымъ докторомъ, готовыя, какъ казалось по лицамъ ихъ бросится въ море отъ тоски, да два извощичьихъ фаэтона поджидали пасажировъ.

— Вы останетесь въ городѣ? спросилъ меня полицейскій.

— Нѣтъ, а что?

— Пашпортъ бы...

За 60 копеекъ въ часъ извощикъ-лезгинъ обѣщалъ объѣхать со мною весь городъ, окаймленный съ двухъ длинныхъ сторонъ остатками древнихъ стѣнъ, слывущихъ здѣсь «Искандеровыми», направленіе коихъ до сихъ поръ еще не изслѣдовано; на одной изъ нихъ открыта нашимъ нумизматомъ, покойнымъ И. А. Бартоломеемъ сассанидская надпись.

Въ низменной части города безпорядочно раскинуты невзрачные домики изъ мѣстнаго желто-сѣраго известняка-ракушника, съ плоскими крышами, а нѣкоторые и съ навѣсами, подъ которыми, на голой землѣ или на коврахъ сидѣли правовѣрные съ типичными лицами; тутъ-же, подъ легкимъ шатромъ изъ древесныхъ вѣтвей, нѣсколько человѣкъ справляли обычный кейфъ, молча покуривая трубочки на тонкихъ чубучкахъ. Далѣе, кверху, рядкомъ тянулись болѣе акуратныя плоско-крышыя мазанки—казармы; на гимнастической площадкѣ солдаты прыгали на козла—татарчата глазѣли на нихъ; вотъ «школа», за нею—солдатскій госпиталь съ маленькимъ садикомъ; рядомъ—городской садъ съ широкоразросшимися акаціями, примыкающими къ древней стѣнѣ, съ возвышающимся тутъ надъ нею маякомъ.

Эта стѣна,—приблизительно полутора-саженной ширины и двухсаженной высоты, съ полукруглыми выступами, гдѣ видны хорошо сохранившіяся надписи—тянется съ берега по крутизнѣ къ цитадели, но, какъ говорятъ, лѣтъ тридцать тому назадъ она еще вдавалась на 100 саженей въ море, гдѣ и теперь за-

мѣтны остатки какихъ-то сооруженій. Жителямъ дозволяется разбирать ее на постройки, только она такъ прочно цементирована, что тѣ нерѣдко предпочитаютъ ломать новый камень въ горахъ, расположенныхъ въ двухъ верстахъ отсюда. Проѣхавъ городской садъ съ клумбомъ, почту и площадку съ церковью, мы свернули въ *Большую улицу*, унылаго вида, отъ которой влѣво идетъ другая, съ базаромъ подъ навѣсомъ больше — съ дешевою мелочью: желѣзнымъ ломомъ, веревками, сухими и свѣжими фруктами: вишней, черешней, по 3 копейки за фунтъ; алуча, (въ родѣ кисловатой сливы зеленовато-желтаго цвѣта), которую ѣдятъ здѣсь неспѣлою, что, какъ говорятъ, не вредитъ, еще дешевле.

Далѣе пошли въ узенькія улицы съ скученными саклями, въ одну изъ коихъ мы заглянули, конечно съ разрѣшенія хозяина-лезгина. Она примыкала къ древней стѣнѣ, отверстіе въ которой служило ей входною дверью; узенькая лѣстница вела на крышу сарая, смазанную отвердѣвшимъ чернымъ *киромъ* *). Хозяинъ просилъ насъ обождать тутъ, самъ отправился предупредить женщинъ объ нашемъ посѣщеніи, затѣмъ—вернулся и повелъ насъ другою лѣсенкою во внутренній дворикъ, гдѣ бросилась на меня ощетинившаяся собака; придавивъ ее ногою, онъ пропустилъ сперва меня, потомъ извощика во внутренность жилья, въ двѣ маленькія, низенькія комнатки съ дырявыми коврами на полу, и старушонкою, въ уголку, которой лѣта дозволяли быть въ присутствіи христіанина съ открытымъ лицомъ, прочія же женщины скрылись. Въ первой комнаткѣ, кромѣ поставца съ посудою у стѣны, ничего не было; въ другой—спальнѣ и кладовой виднѣлись припасы и свертки постелей.

Отблагодаривъ хозяина тридцатью копейками — поѣхали обратно. Вдали, по косогору, виднѣется участокъ земли, точно покрытый кривыми кольями, стволами и обрубками дерева,—это мусульманское кладбище. На улицѣ стояла группа лезгинокъ—одни въ бѣлыхъ кисейныхъ чадрахъ (покрывалахъ), другія—въ бумажныхъ, клѣтчатыхъ или красныхъ.

Изъ-за угла вышла толпа мальчишекъ; одинъ злобно глядитъ на меня и, блѣднѣя, швыряетъ камень въ экипажъ. Не

*) Киръ приготовляется изъ пропитанной нефтью земли.

отражаетъ-ли этотъ повидимому ничтожный фактъ общаго настроенія туземцевъ къ намъ русскимъ?—Конечно, да... Ибо, загляните въ раскрытыя окна маленькихъ сакель съ сквозными проходами (что тянутся за старыми казармами съ бойницами, заложенными тряпьемъ и разною дрянью), и вы увидите, какъ и всюду кругомъ, одну лишь бѣдность-нищету, да невѣжество.

Еще недавно Дербентъ производилъ ежегодно на милліонъ марены, изъ которой добывается красная краска, кажется двѣнадцати оттѣнковъ, самымъ несложнымъ способомъ: толченый корень кипятится въ водѣ, вотъ и все. До 40,000 дагестанцевъ работали на здѣшнихъ плантаціяхъ марены, приносящей доходъ только спустя 8 лѣтъ послѣ посѣва, слѣдовательно, требующій большихъ затратъ, но хорошія цѣны на нее колебавшіяся между 11—12 рублями за пудъ, щедро вознаграждали производителей; теперь-же, когда *гарансиновыя* краски изъ марены вытѣсняются недавно изобрѣтеннымъ *ализариномъ*, искуственнымъ крапомъ, приготовляемымъ изъ антрацена, получаемаго изъ каменноугольнаго дегтя, она упалъ до 3 рублей, и жители переживаютъ страшный кризисъ!

Кромѣ лезгинъ, кореннаго населенія города, армяне также занимались мареною, скупая участки земли по 18—20 руб. за десятину; теперь же они преимущественно разводятъ виноградники. Здѣшнія вина, особенно красныя, по 4—5 руб. за ведро, сносны, а г. Кочергина, какъ слышно, агента общества «Кавказъ и Меркурій» даже очень хороши.

Затѣмъ жители занимаются въ незначительныхъ размѣрахъ торговлею «наплывомъ», идущимъ въ столярномъ дѣлѣ на фаниръ. Этотъ довольно цѣнный наростъ на стволахъ грецкаго орѣха собирается въ окрестныхъ лѣсахъ, состоящихъ большею частью изъ мелкаго дубняка, негоднаго для бондарнаго дѣла, въ которомъ такъ сильно нуждается наше нефтяное производство.

— А мы уже собирались разыскивать васъ, добродушно улыбался мнѣ толстякъ-капитанъ, когда я вернулся на пароходъ, немедленно двинувшійся дальше — въ Баку, отстоящій отсюда на 176 миль или 21 часъ ходу.

Мое мѣсто въ каютъ-компаніи было занято новою пасажиркою, нѣмочкою съ ворохомъ тряпья; пришлось перебраться въ душную каюту (шир. въ два шага), на верхней койкѣ которой лежалъ тоже новый пасажиръ—элегантный армянинъ изъ Тифлиса, съ толстою цѣпью и въ перчаткахъ, поставщикъ провіанта красноводскому отряду и бывшій подрядчикъ во время подвиговъ своего родственника, замѣчательнаго въ исторіи «цивилизаціи тюркменъ» полководца *Козовъ-Мора* или, какъ его здѣсь называютъ, *Козомора*, хотя онъ совсѣмъ не козъ морилъ, а нашихъ-же солдатъ и мирныхъ тюркменъ, но... вернемся къ нѣмочкѣ изъ орловской губерніи, ѣдущей въ Баку къ родной сестрѣ на поиски жениха, котораго она непремѣнно найдетъ, ибо, во-первыхъ, въ писаніи сказано: ищите и обрящете, а во-вторыхъ, на Кавказѣ въ женщинахъ такой-же недостатокъ, какъ, положимъ, въ Петербургѣ—въ неблагонамѣренныхъ чиновникахъ. Капитанъ говоритъ что здѣсь нерѣдко отважныя служанки женятъ на себѣ даже офицеровъ кавказской арміи, а уродливая сестра моей новой знакомки-нѣмки сразу пронзила мягкое сердце кривого химика на заводѣ одного туза; мало того, она выписала другую свою сестру и тоже выдала замужъ; теперь очередь этой, третьей.

— Жениховъ въ Дербентѣ не меньше, чѣмъ въ Баку, оправдывается та,—и я бѣгу туда отъ дербентской скуки, а вовсе не съ цѣлью «устроить карьеру».

— Вы-бы въ Астару, тамъ навѣрняка, ибо свирѣпствуетъ голодъ, а климатъ — предрасполагающій къ брачнымъ узамъ, совѣтуетъ ей одинъ пасажиръ.

Намѣреваясь осмотрѣть нефтяной заводъ Сурахане, гдѣ проживаетъ сестрица этой нѣмочки, я условился, что если за нею не пришлютъ экипажа, довезу ее туда, а она, въ свою очередь, поможетъ мнѣ достигнуть цѣли экскурсіи безотлагательно.

Гористые берега смѣнились пустынною гладью, съ песками и голымъ известнякомъ; тамъ и сямъ разбросаны отслужившія

уже службу сторожевыя башенки; въ отдаленіи—апшеронскій маякъ, утроенный послѣ того, какъ пароходъ «Куба», долго занимавшійся изслѣдованіями Каспійскаго моря, погибъ у близь-лежащихъ въ море скалъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибли и многолѣтніе труды экспедиціи покойнаго Ивашинцова. За проливомъ между Апшеронскимъ мысомъ и островомъ Святымъ, гдѣ находится отличная якорная стоянка, служащая спасеніемъ для судовъ проходящихъ тутъ во время сильныхъ штормовъ, выглядываютъ изъ воды скалы—*Лебяжьи* острова, сплошь покрытые почтенными бѣлыми бабами и бакланами, и—ни одного лебедя.

IV

БАКУ И АСТАРА.

Миновавъ гористые, обнаженные острова Наргенъ и Вульфъ, откуда замѣтны нефтяные заводы *Сурахане*, пароходъ подходитъ къ Баку заливомъ. Берегъ здѣсь волнуется точно куполами; вдали виденъ аулъ, жители котораго занимаются добываніемъ соли изъ близьлежащихъ соляныхъ озеръ. Прямо передъ нами на низменномъ берегу дымится густымъ облакомъ «черный» городокъ, состоящій изъ нефтяныхъ заводовъ, переведенныхъ сюда изъ города въ предупрежденіе частыхъ пожаровъ отъ нихъ.

Съ рубки парохода городъ Баку кажется красивымъ; онъ стелется на горномъ берегу амфитеатромъ, съ возвышающимися минаретами и «Дѣвичьею башней», съ европейскою облицовкою набережной запруженной пароходами, судами. Тутъ же стоитъ и брандвахта, отъ выстрѣловъ которой лопаются стекла въ ближайшихъ домахъ, и во время сна пугаются дѣти... Вдали по крутизнѣ чернѣются точками аулъ и мусульманское кладбище, а на песчаной, ровной низменности Байлова мыса особнякомъ стоитъ какъ-бы другой городокъ, съ бѣлыми и темными зданіями, зеленымъ куполомъ церкви и нѣсколькими пароходами; это портъ и адмиралтейство каспійской флотиліи, съ обширнымъ механическимъ заведеніемъ.

На пристани, къ которой вплоть подошли мы, пестрилась толпа: моряки, дамы, армяне, персы, татары и двое таможенныхъ солдатъ съ оттопыренными карманами, а на заднемъ планѣ, какъ-то не смѣло, пугливо озиралась прелестная блондинка съ скромнымъ видомъ и кучею дѣтей; это недавно пріѣхавшая сюда гувернантка.

На пароходъ ввалилась мѣстная аристократія съ привѣтствіями, вопросами и напускнымъ восторгомъ; кое-кто изъ моряковъ

прошелся по *«внутренней шубкѣ»*, какъ называется у нихъ тутъ водка.

Улыбающійся исправникъ выглядывалъ непорочнымъ агнцемъ, солидный таможенный держалъ себя сдержанно, между тѣмъ какъ на пристани усердные подчиненные ихъ «честью просили» не нарушать «порядка» то одного, то другого носильщика перса, недогадавшихся заискать расположенія начальства и тѣмъ гарантировать себя отъ чувствительной чести его объемистыхъ кулачищъ; прочіе хохотали или безучастно относились къ обычнымъ сценамъ. На палубѣ «цивилизованные» матросы изъ персовъ тоже *честью* прохаживались по затылкамъ нецивилизованныхъ собратьевъ изъ города. Вообще *честь* здѣсь въ ходу.

Къ морякамъ подошелъ красивый брюнетъ высокаго роста, въ соломенной шляпѣ, съ обольстительною бородкою итальянскаго фасона и кокетливо переброшеннымъ черезъ плечо пледомъ, хотя стоитъ жара; всѣмъ-то онъ улыбается и сыплетъ русскими пословицами, перевирая ихъ, что вмѣстѣ съ акцентомъ, говоритъ о его иностранномъ происхожденіи.

— «Ласковое телятко молока не даетъ», треплетъ онъ фамильярно по плечу капитана.

— Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ, — вотъ какъ у насъ говорятъ.

— Да, да... двухъ матокъ сосетъ...

— А у васъ цѣлыхъ три, хохочетъ капитанъ, намекая, что мѣстный сердцеѣдъ пользуется интимнымъ расположеніемъ трехъ здѣшнихъ барынь, проматывающихъ на него доходы своихъ мужей...

Въ Баку пароходъ долженъ простоять 35 часовъ, чего весьма достаточно для бѣглаго знакомства съ городомъ и его окрестностями.

Пройдя отлично устроенную пристань общества «Кавказъ и Меркурій», съ мортоновымъ эллингомъ при ней (для починки судовъ), обошедшемся обществу, вмѣстѣ съ мастерскими, машиною и станками, кладовыми, желѣзною дорожкою и подъемнымъ краномъ, около 213,000 р., изъ коихъ, кажется, третья часть пала на долю правительства; пройдя мимо дворика съ агентствомъ этого общества, гдѣ валяются пушки и стоитъ мортира, *кому-то* угрожая, я направился изъ воротъ пристани къ

группѣ извощичьихъ фаэтоновъ, и послѣ продолжительныхъ торговъ нанялъ упорнаго перса за 7 руб. въ Сурахане, что въ 12, и къ нефтянымъ источникамъ въ Балахане, что въ 15 верстахъ отъ города.

Съ *барышнями* вообще непріятно возиться, но съ нѣмецкими — въ особенности! Что моя спутница, ѣдущая въ фаэтонѣ на мой счетъ, оставалась на полчаса повидаться съ аптекаремъ. это еще выносимо, но еслибъ я предвидѣлъ, что почтенный родственникъ снабдитъ ее громаднымъ кувшиномъ съ растопленнымъ жарою масломъ испортившимъ мои панталоны, то, конечно, предпочелъ бы ѣхать одинъ.

— Везу въ подарокъ сестрицѣ, оправдывалась та закатывая глазки...

Пока извощикъ припрягалъ въ фаэтонъ третью лошадь, я взобрался на плоскую крышу мечети, съ маленькимъ глинянымъ куполомъ посрединѣ, за мною—молла съ тонкимъ чубукомъ въ зубахъ; дождавшись захода солнца, онъ завылъ азонъ (призывъ къ молитвѣ); мимо проходившіе персенки злобно поглядывали на «русскаго», а одинъ даже крикнулъ мнѣ: «Пошелъ прочь!»

Когда я сошелъ внизъ, уже какія-то другія хорошенькія дѣти, цѣпляясь за рѣшетку наружнаго окна мечети, глазѣли на фаэтонъ и мою спутницу; у дверей—правовѣрный курилъ трубку, а изнутри полумрачной сырой молельни несся могильный голосъ одиноко молящагося моллы...

Лошади готовы. Выбравшись по крутому подъему на голое плато, фаэтонъ запрыгалъ по усѣянной камнями, глинистой дорогѣ. Навстрѣчу попадались скрипучія, то открытыя, то съ покрышками арбы, между громадными колесами которыхъ болтались пустыя и наполненныя нефтью бочки. Встрѣчались и маленькіе ослики, съ нефтью въ бурдюкахъ, т. е. въ мѣшкахъ изъ цѣльной овечьей или козлиной шкурки.

Стемнѣло. Моя спутница видимо безпокоится.

— Что съ вами?

— Ахъ, я боюсь... Что, если заблудимся? — Ада (персидская кличка: человѣкъ), обращается она къ извощику, —ты хорошо знаешь дорогу?

— Мая много издитъ, дорога знаитъ.

— Персы—страшные люди! Посмотрите, у него кинжалъ!.. Ахъ!..

Мнѣ, выроятно, пришлось бы утѣшать ее, есблибъ не показались огоньки Сурахане. Фаэтонъ подкатилъ къ запертымъ воротамъ этого одиноко стоящаго обширнаго нефтяного завода Кокорева и К°, обнесеннаго высокою стѣною. На нашъ стукъ поднялся вой и лай собакъ изъ подворотни; привратникъ отворилъ ворота, и онѣ замолкли, ласкаясь къ знакомой барышнѣ.

Изъ одноэтажнаго длиннаго флигеля съ крошечнымъ палисадникомъ вышелъ кривоглазый старикъ въ широкополой шляпѣ;—химикъ завода, за нимъ выбѣжала широколицая дама въ очкахъ и съ веснушками, и быстро защебетала съ моею спутницею; спустя двѣ-три минуты я уже осматривалъ въ сопровожденіи перваго, заводъ съ разными хозяйственными, заведеніями и жильемъ для служащихъ, занимающій огромную ровную площадь. Посреди нея стоитъ котельная мастерская, непредставляющая особаго интереса, и бондарная; показывая послѣднюю, химикъ замѣтилъ, что по мѣрѣ развитія нефтянаго производства, Баку сильно нуждается въ бондарномъ дѣлѣ, очень выгодно не только для предпринимателей, но и для рабочихъ, приходящихъ сюда изъ Россіи и зарабатывающихъ на немъ по 60 руб. въ мѣсяцъ.

Далѣе, на площадкѣ передъ заводомъ устроены закрытые резервуары для выходящаго изъ разсѣлинъ земли газа, проведеннаго трубами для освѣщенія и топки печей въ заводѣ, гдѣ работы были уже окончены, газъ потушенъ, но химикъ велѣлъ зажечь его, и въ рожкахъ запылалъ онъ большимъ бѣлымъ пламенемъ, въ печахъ—лился то тонкою, то широкою струею, смотря по тому, на-сколько открывался кранъ.

Этотъ матеріалъ, изобильно извергаемый подземною лабораторіею, на-много удешевляя нефтяное производство, могъ-бы служить и для освѣщенія, въ особенности для топки въ Баку, нуждающемся въ горючемъ матеріалѣ (такъ-какъ окрестности его совершенно голы), но до сихъ поръ пробовали примѣнять его, кажется, только въ хлѣбопекарняхъ, и то неудачно.

О состояніи нефтянаго дѣла въ настоящее время скажу ниже, при описаніи *чернаго* городка; теперь-же попрошу читателя отправиться со мной къ жрецу, поддерживающему священный огонь въ храмѣ, построенномъ, кажется, въ 1822 г. разбогатѣвшимъ рыбнымъ промысломъ въ Сальянахъ индійцемъ для своихъ единовѣрцевъ, издавна по временамъ заглядывающихъ сюда. На нашъ продолжительный стукъ въ калитку лѣвой стѣны завода, вышелъ красивый брюнетъ, босикомъ, въ бѣломъ узкомъ кителѣ и панталонахъ; въ его блестящихъ глазахъ свѣтилось лукавство, а черные волосы, зачесанные съ одного виска на другой, были собраны въ пучекъ.

— Жрецъ, шепнулъ химикъ.

— Какъ зовутъ?

Какша изъ Лагоры...

И сей Какша молча провелъ насъ въ пустой караванъ-сарайчикъ, для богомольцовъ, съ возвышенною, посреди внутренняго дворика, каменною площадкой съ колоколомъ подъ навѣсомъ; по увѣренію химика, это мѣсто служитъ для сожиганія труповъ умершихъ; тутъ-же и неугасаемый огонь.

Индіецъ, отколупавъ въ стѣнѣ нѣсколько камушковъ, зажегъ газъ, освѣтившій дворикъ яркимъ пламенемъ, и, повернувшись ко мнѣ указалъ на свои два передніе зуба съ маленькими отверстіями, заклепанными золотою проволокою.

— Это признакъ духовнаго сана, пояснилъ химикъ. — Пойдемте къ нему, —хочетъ справить напутственный молебенъ вамъ.

И мы вошли въ узенькую, длинную келью съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ и глинянымъ поломъ, мѣстами устланномъ циновками; къ дверямъ примыкала глиняная лежанка съ дырявымъ ковромъ — ложе его; въ одномъ углу валялся убогій скарбъ, другой, отгороженный — служилъ молельнею, въ маленькой нишѣ которой лежали два мѣдныхъ образка съ выцарапанными изображеніями фантастическихъ животныхъ и таковыхъ же людей, съ ужасно свирѣпыми мордами, «Брамою, Адамомъ, Евою и проч»., тутъ-же—маленькій колокольчикъ, а въ грязной бумажкѣ леденецъ. На стѣнахъ углемъ или черною краскою нарисованъ рай и еще что-то непонятное, съ туловищемъ рыбы на четырехъ палочкахъ вмѣсто ногъ и хвостомъ въ носу,—*«ихній слонъ»*, шепчетъ химикъ, между тѣмъ какъ Какша, облачившись въ длинную бѣлую рубаху пронзительно пѣлъ, акомпанируя самъ себѣ колокольчикомъ. Окончивъ пѣніе онъ поднесъ мнѣ подъ звонъ того-же колокольчика, крошку леденца, и что-то пробормоталъ.

— Желаетъ, продолжалъ нашептывать мой чичероне,—что бы слово Божіе произвело на вашу душу такую-же сладость какъ леденецъ на языкъ.

Молебствіе обошлось мнѣ 20 к.; расточительные туристы даютъ Какшѣ по 50 к. и болѣе, но, право, вся эта комедія была сыграна такъ грубо, что платить болѣе и не слѣдуетъ. При томъ же эта сомнительная личность содержитъ одну персіянку, съ которою кутитъ по ночамъ, благо огонь и жилье, отдаваемые имъ теперь подъ выжиганіе извести, приносятъ ему вѣрный и легкій доходъ...

Раннимъ утромъ отправился я на нефтяные источники въ Балахане, въ сопровожденіи молодого технолога, хорошо знакомаго съ мѣстными дѣлами.

— У насъ—говорилъ онъ—господствуютъ недобросовѣстность и рутина; съ рабочаго перса берутъ все что возможно, а платятъ ему въ мѣсяцъ какихъ-нибудь 10 рублей! Дѣла завода идутъ скверно; К. устанавливаетъ въ городѣ цѣны на керосинъ, продавая въ убытокъ себѣ съ намѣреніемъ подорвать своихъ многочисленныхъ мелкихъ конкуррентовъ; напр., за пудъ керосина онъ беретъ теперь 3 п. нефти и 1 р. 10 к. деньгами, слѣдовательно, всего 1 р. 22 к. (считая нефть по 4 к.), между тѣмъ какъ самому заводу керосинъ обходится дороже. Далѣе: въ Баку пудъ керосина стоитъ 1 р. 45 к., провозъ въ Москву—65 к., а К. продаетъ его тамъ по 2 р. 10 к., т. е. безъ всякой пользы, или даже въ убытокъ!... съ понятною цѣлью забить мелкихъ заводчиковъ, большею частью невѣжественныхъ персовъ и армянъ, дѣйствующихъ врознь; болѣе развитые изъ нихъ только-что еще подумываютъ сплотиться и удержать за собой промыселъ.

Ухабистая, усыпанная камнями дорога съ завода въ Балахане проходитъ по пустынной, слегка волнующейся мѣстности каспійской формаціи съ преобладающею известковою почвою, пригодною для злаковъ, винограда и фруктовъ, но отсутствіе воды, бездождіе и зной наложили на нее печать мертвенности: рѣденькая травка выжженна солнцемъ; тощая пшеница и ячмень, убираемые здѣсь въ урожайные года обыкновенно между 20-мъ маемъ и 1-мъ іюлемъ, такъ и брошены на корню — не стоитъ возиться съ ними. По голой глинѣ изрѣдка мелькаютъ большія ящерицы, в-онъ ползетъ сухопутная черепаха... Тамъ и сямъ, въ высушенныхъ вмѣстилищахъ дождевой воды, блестятъ полоски поваренной соли съ примѣсью глауберовой; въ отдаленіи—синѣетъ озеро, и манитъ оно усталый глазъ, но—по словамо моего спутника — гдѣ нефть, тамъ и соль, слѣдовательно вода въ немъ непригодна. Вправо, на горизонтѣ зеленѣетъ оазисъ—персидская деревушка въ садахъ.

Проѣзжая по узкой, извилистой улицѣ ея (гдѣ снаружи домовъ, обнесенныхъ каждый особо стѣнами изъ грубо сложеннаго на глинѣ камня, не видно ни оконъ, ни дверей), мы были остановлены нѣсколькими персами съ убѣдительною просьбою посѣтить ихъ сады.

— Разсчитываютъ на подачку, замѣтилъ мой спутникъ, входя въ ближайшій фруктовый садикъ, гдѣ въ высѣченномъ изъ камня басейнѣ съ водою смазливенькія дѣти болтались ногами, со смѣхомъ обрызгивая другъ друга. Женщины скрылись.

— Гранаты и винныя ягоды еще не скоро поспѣютъ, говорилъ онъ, срывая спѣлое яблоко. Только-бы воды, и здѣсь будетъ такая-же благодать, какъ въ кубинскомъ уѣздѣ, въ фруктовыхъ лѣсахъ котораго можете безъ запрета собирать яблоки, груши, орѣхи и проч.

Отблагодаривъ хозяину и отклонивъ навязчивость прочихъ, мы свернули къ выдающейся изъ волнообразной мѣстности известковой скалѣ съ пещерою Стеньки Разина, какъ гласитъ молва. Съ этой стороны на скалѣ образовались, отъ вывѣтриванія, узорчатые воланы; у подножія торчатъ камни. Въ пещерѣ сыро и мрачно; полъ ея заваленъ камнями, загаженъ голубиннымъ пометомъ и свѣжими слѣдами стадъ, иногда загоняемыхъ сюда пастухами; шереховатыя стѣны испещрены какими то загадочными письменами и уродами въ различныхъ позахъ; въ потолкѣ, ежеминутно угрожавшемъ обрушиться на насъ, заваленная теперь скважина нѣкогда служила сообщеніемъ пещеры съ сторожевою башенкою на скалѣ. Говорятъ, отсюда ведетъ подземный ходъ къ морю, и что сюда заглядывали пол-

чища Чингисъ-Хана, а Стенька Разинъ выдержалъ тутъ трехмѣсячную осаду отъ бакинцевъ, которыхъ намѣревался ограбить, послѣ чего побывалъ съ тою-же цѣлью и въ другихъ приморскихъ портахъ: Ленкорани, Энзели и пр.

— Еще недавно укрывалась въ этой пещерѣ шайка разбойниковъ, большею частью переловленныхъ потомъ исправникомъ, добавилъ мой спутникъ, вскарабкавшись со мною на скалу, откуда далеко охватываетъ глазъ голый просторъ степи съ разбросанными по ней полосками восьми персидскихъ деревень, двухъ зеленѣющихъ виноградниковъ и блестящей поверхностью солянаго озера; прямо виднѣется между маленькими сопками гора Богдагъ, грязный волканъ, выбрасывающій по временамъ газъ, воду и илъ.

Ѣдемъ дальше. В-онъ разбросанная группа узенькихъ досчатыхъ башенокъ, напоминающихъ своею фигурою высокія мельницы безъ крыльевъ; это и есть *Балахане* (по персидски—вышка), мѣсто нефтянныхъ источниковъ, доставившее правительству, кажется, 3 миліона рублей. Здѣсь находится до 20 нефтянныхъ скважинъ, изъ коихъ 6, ежедневно дающихъ до 13 тысячъ пудовъ нефти, принадлежатъ Кокореву, 3 — Мирзаеву, кажется 4 — Бурмейстеру, 1 или 2—Бенкендорфу, остальныя — Вермишеву и другимъ. Затѣмъ еще буравится нѣсколько новыхъ скважинъ; у одной изъ нихъ, кажется, кокоревской, мы остановились; прикащикъ, какъ видно знакомый моему спутнику, недовѣрчиво взглянувъ на меня, что-то таинственно шепнулъ ему, но тотъ, вѣроятно, успокоилъ его на мой счетъ и бесѣда пошла вслухъ. По словамъ прикащика (изъ русскихъ), углубившись буравомъ на 39 саженъ, они достигли теперь саженнаго слоя песку, сильно пропитаннаго нефтью, что служитъ хорошимъ признакомъ; далѣе пойдетъ глина, послѣ чего вычерпается грязь и откроется чистая нефть. Здѣсь работаютъ 5 засусленныхъ въ маслѣ персовъ по 12 часовъ въ день.

Изъ дѣйствующихъ нефтяныхъ источниковъ самый замѣчательный, безспорно, фонтанъ Вермишева, бьющій сильною струею нефти до 40 разъ въ сутки, очередуясь съ газомъ, ищущимъ выхода на просторъ, и безслѣдно пропадающимъ въ пространствѣ. Мой спутникъ говоритъ, что за Байловымъ мысомъ, въ недальнемъ разстояніи отъ порта, этотъ газъ выходитъ изъ

моря въ большомъ количествѣ; иногда, въ тихіе вечера, обыватели катаясь на лодкахъ, зажигаютъ его, и тогда представляется волшебный видъ объятаго огнемъ воднаго пространства.

Изъ 6 — 7 тысячъ пудовъ ежедневно получающейся съ вермишевскаго источника нефти, продается на мѣстѣ около 4—5 тысячъ п. въ сутки, по 4—5 копѣекъ за п. Нельзя умолчать о жалкомъ видѣ досчатой постройки, прикрывающей этотъ фонтанъ, и маленькомъ резервуарѣ, куда падаетъ нефтяная струя; все это состряпано на скорую руку и носитъ печать временнаго; но замѣчательнѣе всего, что въ Балахане вовсе нѣтъ заводовъ, а между тѣмъ газъ, какъ горючій и освѣтительный матеріялъ, подъ руками, да и возить отсюда въ Баку готовый продуктъ (керосинъ) было-бы удобнѣе сырья (нефти). При открытіи вермишевскаго источника хлынувшая струя нефти наполнила сосѣднюю впадину и образовала озеро грязной нефти, продаваемой по 2 к. за пудъ. Мой спутникъ хотѣлъ-было покататься по немъ въ лодочкѣ да ужъ больно тяжелъ воздухъ тутъ.

На обратномъ пути въ Баку мы спустились къ ровной площадкѣ, покрытой толстымъ слоемъ песку съ ракушками—признакомъ морского дна, вѣроятно, поднятаго вулканическими силами, неустанно измѣняющими профиль и очертаніе береговъ Каспійскаго моря; такъ, по словамъ моряковъ, производившихъ въ этомъ году промѣры его, въ однихъ мѣстахъ оно углубилось, въ другихъ появились новые острова и мели.

Нептуническимъ или вулканическимъ путемъ образовалась эта площадь—пусть рѣшаютъ спеціалисты, но теперь на этомъ невыносимо-пыльномъ мѣстѣ дымится «черный» или нефтянной городокъ, состоящей изъ 50, безпорядочно разбросанныхъ домиковъ, вѣрнѣе коробокъ изъ мѣстнаго извѣстняка; кое-гдѣ наскоро строится еще нѣсколько такихъ же коробокъ, куда вмажутся котлы и кубы,—вотъ и готовъ персидскій или армянскій заводъ, въ которомъ перегоняется нефть безъ всякихъ научныхъ пріемовъ и приспособленій. Русскіе заводы устроены далеко лучше.

Извощикъ, котораго мы попросили обождать, пока обойдемъ дѣйствительно *черный* городокъ, никакъ не могъ понять нашей любознательности:

— Всѣ умремъ,—зачѣмъ нефть? Смотри! пробурчалъ онъ,

указывая на черные клубы дыма, показавшиеся на окраинѣ города.

— Всемогущій Мирзаевъ горитъ, замѣтилъ мой спутникъ;— снисходительная къ нему администрація не только что не изгнала изъ города его заводъ, но даже внушила сосѣдямъ его воздержаться отъ строптивости по поводу сего исключенія, обдающаго ихъ копотью и угрожающаго имъ пожарами.

По увѣренію моего спутника, частые пожары нефтяныхъ заводовъ здѣсь находятся въ зависимости отъ неудобной системы акцизнаго сбора, взимаемаго за 6 дней впередъ, по 10 р. въ день съ куба, емкостью въ 200 ведеръ, и по 4 к. съ ведра, если кубъ меньшей емкости; слѣдовательно, чѣмъ больше перегонится нефти въ день, тѣмъ выгоднѣе производителямъ, и заводчикъ наливаетъ нефтью вмѣсто $^2/_3$ полный кубъ и торопится спускать неохлажденные еще остатки, которые нерѣдко загораются и охватываютъ пламенемъ весь заводъ... а въ связи съ ущербомъ частной предпріимчивости находится и государство. По общему голосу, было-бы несравненно выгоднѣе всѣмъ тремъ сторонамъ: производителямъ, потребителямъ и государству, если-бы акцизъ взимался здѣсь, какъ на водочныхъ заводахъ, т. е. съ перегнанной нефти или керосина.

Въ прошломъ году выручено, кажется, до 240 тысячъ рублей акциза, а прежде получалось не болѣе 180 тысячъ рублей въ годъ; эта разница происходитъ отъ увеличенія акциза, но отнюдь не служитъ признакомъ развитія нефтяного дѣла, которое, по словамъ заводчиковъ, вообще тормозится тутъ. Вотъ что говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, вполнѣ заслуживающій довѣрія:

— Есть не мало желающихъ строить фабрики, «но земля государственная, и дѣло стѣсняется разными формальностями да проволочками. Развѣ государство, для развитія экономическихъ силъ страны, не могло-бы уступить земель городу и ввести болѣе раціональную систему взиманія акциза? За тѣмъ, дѣло тормозится еще стремленіями К. подорвать мелкихъ конкуррентовъ, а провозъ керосина отсюда въ Россію очень дорогъ; наконецъ, отсутствіе выгоднаго кредита,—не занимать-же у жидовъ и армянъ 100 на 100? (Впрочемъ, съ 1-го іюня здѣсь открытъ банкъ «взаимнаго кредита» и вскорѣ откроется отдѣленіе государственнаго банка). Вотъ почему мы, обладатели неисчерпаемыхъ источниковъ нефти, не можемъ конкуррировать съ американскимъ керосиномъ.»

Нефть подвозится сюда съ окрестныхъ мѣстъ въ бочкахъ или бурдюкахъ; арба въ одну лошадь зарабатываетъ въ день по 1 р. 80 к., считая по 5 к. съ пуда; вообще это дѣло довольно прибыльно, хотя возчики и выглядываютъ оборвышами. Одна изъ ближайшихъ деревень зарабатываетъ на перевозкѣ нефти до 400 тысячъ руб. въ годъ.

Мѣстныя цѣны на нефть и керосинъ уже извѣстны читателю; нефтяныя же остатки идутъ отчасти на пароходы общества «Кавказъ и Меркурій», по $5^1/_2$ коп. за пудъ, или скупаются городскою думою по 1—2 коп. за пудъ, для поливки ими нѣкоторыхъ улицъ, отчего образуется на нихъ вязкое, но непристающее къ ногамъ маслянистое вещество, значительно уменьшающее городскую пыль, зачастую поднимаемую тутъ сѣвернымъ вѣтромъ съ такою силою, что мелкіе камешки иногда наносятъ ушибы прохожимъ.

Заканчивая бесѣду о бакинской нефти, считаю не лишнимъ упомянуть, что на Каспійскомъ морѣ, по словамъ моряковъ производившихъ промѣры на немъ, нерѣдко попадаются сильно-бьющіе ключи этого горючаго вещества находящагося также и на восточномъ берегу его, въ особенности на маленькомъ, не больше 100 верстъ въ окружности, островѣ Челекень (что противъ Красноводскаго залива), богатаго самосадочною и каменною солью, но лишеннаго всякой растительности и годной къ употребленію воды.

Огурджалинцы (мѣстное населеніе изъ разноплеменныхъ тюркменъ) издавна добывали тутъ нефть или *нефтагиль*, содержащій въ себѣ до 30% парафина, причемъ, копая глубокіе колодцы, сильно страдали отъ удушливаго запаха его; готовые колодцы прикрывались каменьями и засыпались землею, на которой достаточно было оставить хозяину слѣдъ своей ступни, чтобы сдѣлать ихъ неприкосновенными для постороннихъ. Затѣмъ нефть вывозилась вмѣстѣ съ солью въ Хиву, Бухару, въ особенности въ Персію и къ прибрежнымъ тюркменамъ, употребляющимъ ее для освѣщенія безъ перегонки. Бакинцы тоже пользовались здѣшнею нефтью, которой добывалось не свыше 150 тысячъ пуд. въ годъ, но съ недавняго времени, когда огурджалинцы согласились сдавать свою землю въ аренду рус-

скимъ предпринимателямъ, замѣнившимъ копаніе колодцевъ буравыми скважинами, количество этого—по туземному—*горнаго воска* увеличилось и цѣна на него упала; послѣднее обстоятельство, по словамъ моего спутника, взбудоражило нефте-владѣльцевъ: «Стой! кричали они арендаторамъ. — Копай колодцы, а не буравь!»—«Когда бакинцы копали колодцы, пудъ нефти доходилъ до 45 коп., а стали буравить—цѣна упала на 12 к. и ниже; это очень дешево и намъ невыгодно!» объясняли они, подшибленные конкурренціею.

Между тюркменами и персами существуетъ преданіе, что островъ Челекень нѣкогда соединялся съ Баку перешейкомъ и что въ этомъ направленіи на днѣ моря есть даже слѣды дороги. Если нельзя довѣрять зоркости ихъ глазъ въ этомъ отношеніи, то, во всякомъ случаѣ, въ преданіяхъ всегда найдется доля правды.

Проѣхавъ по знойно-пыльнымъ улицамъ Баку въ гостинницу «Кавказъ», содержимую армяниномъ угостившимъ насъ очень порядочнымъ обѣдомъ съ сноснымъ виномъ за 40 к. съ особы, мы отправились пѣшкомъ ознакомиться съ торговою частью города, служащаго съ 1864 г. транзитомъ для западно-европейскихъ товаровъ направляемыхъ черезъ Поти и Тифлисъ сюда и далѣе по Каспійскому морю въ Персію. Между ними первое мѣсто занимаютъ англійская мануфактура и марсельскій сахаръ маленькими головками, по своей относительной дешевизнѣ—наполняющіе бакинскій рынокъ преимущественно передъ нашими таковыми-же произведеніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ Баку, изобилующій не меньше нефти жадными торгашами изворотливаго типа: армянами, персами и всесвѣтными пройдохами—евреями, служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ не только западныхъ контрабандныхъ товаровъ, но и нашихъ, провозимыхъ сюда каботажемъ изъ Астрахани, для отправки въ Персію и среднюю Азію.

Весело смотрится на каменную набережную, рядъ двухъ-трехъэтажныхъ домовъ съ нарядною европейскою внѣшностью

и невыносимою вонью отхожихъ мѣстъ, хотя цѣна на квартиры здѣсь петербургская.

— Лѣтъ семь тому назадъ, замѣчаетъ мой товарищъ,—къ берегу еще прилегала городская стѣна съ персидскими клѣтушками и непроходимою грязью, но во время послѣдней американской войны многіе бакинцы, благодаря персидскому хлопку, обогатились, и, кажется, въ 1867 г. по настоянію тогдашняго губернатора, соорудили эту блестящую набережную съ домами и караванъ-сараями, по плану городскаого архитектора.

Эта лучшая въ городѣ улица сплошь покрыта вывѣсками армянскихъ и еврейскихъ магазиновъ, агенствъ пароходныхъ, парусныхъ и разныхъ другихъ обществъ; тутъ-же—таможня, губернаторскій домъ съ садомъ, наискось котораго сильно-бьющая въ носъ струя сѣрнистоводороднаго газа отъ сточныхъ трубъ, выходящихъ въ море у самаго берега, можетъ сшибить прохожаго съ ногъ; далѣе — роскошныя палаты Кокорева и дрянныя персидскія лавчонки.

Волны безъ устали полощутся о низкую набережную, обрызгивая плиты тротуара; у наваленной кучи камня, персіянки съ открытыми лицами моютъ бѣлье, жадно впиваясь глазами въ прохожихъ «кафировъ»—невѣрныхъ; на лицахъ ихъ видно уныніе и тоска: затворничество дѣлается невыносимымъ для восточныхъ женщинъ, когда имъ приходится жить въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ женщина сравнительно болѣе свободна.

Прежде всего мы зашли въ мѣняльную лавку. Рядомъ съ акуратными голандскими червонцами и русскимъ золотомъ лежали персидскія деньги: золотые томаны — по 3 рубля и серебряные, то тонкіе, то толстые краны или кираны — по 30 и бананаты — по 15 к., такъ-же невзрачные на видъ, какъ и жизнь персовъ; тутъ-же висѣли персидскіе ковры.

По совѣту спутника, я размѣнялъ всѣ свои деньги на краны, а не на обрѣзанные томаны принимаемыя даже въ Персіи неохотно, и то не иначе, какъ на вѣсъ; наши червонцы тамъ лучше идутъ. Нѣкоторые извощики и лавочники въ Баку уже принимаютъ персидскія деньги, отъ которыхъ также не отказываются и буфетчики на пароходѣ, начиная съ Астары и далѣе къ Астерабаду. За мѣняльней потянулись армянскіе магазины табаку, на много ухудшившагося послѣ введенія акциза на него; за ними—персидскія лавчонки въ подвальныхъ

этажахъ безъ оконъ, но всегда съ настежъ открытыми дверями, въ которыя видны мѣшки съ астерабадскимъ рисомъ и пшеницей, кучами наваленный ячмень и развѣшанный копченый кутумъ—вкусная и дешевая рыба доставляемая сюда преимущественно изъ Энзели; въ одной такой лавчонкѣ, на скамѣечкѣ лежалъ коранъ, у дверей выставлено для продажи длинное персидское ружье съ испорченнымъ замкомъ, желѣзный ломъ, канаты, веревки, тростниковыя рогожи и циновки, тоже изъ Энзели. Тутъ-же продавались маленькія персидскія туфли, мазандеранскіе (персидскіе) лимоны, по 10 коп. за десятокъ,—купилъ я одинъ, и тутъ-же попробовалъ, что видимо уронило меня во мнѣніи восточныхъ людей на 99%... Эти сладковатые лимоны напоминаютъ водянистые апельсины.

У дверей одной цирюльни тощій персъ-цирюльникъ открыто брилъ голову правовѣрному лавочнику, — зашли къ нему.

— Побрей насъ!

— Нельзя,—иди наверхъ къ армянину, замахалъ онъ руками.

Поднялись.

— Вашъ калега по профессіи отказался побрить насъ.

— Боится опоганиться; въ мой стаканъ нальетъ воды, а изъ своего напиться не дастъ, улыбнулся тотъ.

Вообще лавочки персовъ тутъ бѣдны; богатые склады ихъ товаровъ помѣщаются въ нижнихъ этажахъ караванъ-сараевъ, верхніе-жъ служатъ жильемъ. Армяне, напротивъ того, щеголяютъ своими магазинами. Передаю слово въ слово отзывъ объ этихъ ловкихъ торгашахъ только-что возвратившагося съ промѣра по Каспійскому морю моряка:

— Куда не заглянешь—говорилъ онъ, — вездѣ встрѣтишь торговое гнѣздо армянина; пріѣдешь на необитаемый островъ, и тамъ онъ воду продаетъ. Администрація, томожня, полиція по всему каспійскому прибрежью—преимущественно изъ нихъ... А наши бакинскіе просто рѣжутъ насъ: не довольствуясь 50%, нерѣдко берутъ 100% и болѣе; напримѣръ, они продаютъ пудъ желѣза по 8 р., тогда какъ въ Персіи то-же наше желѣзо можно купить что-то по 3 р.!?.. Мы крайне нуждаемся въ хорошихъ, свѣжихъ силахъ изъ Россіи для борьбы съ жаднымъ армянствомъ, безсовѣстнымъ еврействомъ и персидскимъ невѣжествомъ!..

Блестящіе армянскіе магазины наполнены самымъ разнообразнымъ товаромъ: тутъ и бакалеи, и кандитерское, и табакъ, чай, вино и пр. Мы спросили икры, водки и мѣстнаго вина.

— Вы съ парохода? нѣжно улыбнулся зоркій хозяинъ—тучный армянинъ, унизанный золотыми побрякушками.

На нашъ утвердительный отвѣтъ, онъ отпустилъ требуемое съ обольстительною граціею; но рублевая икра оказалась промозглую, вино стоющее въ подвалахъ 1 р. 80 к. — 2 р. 40 к. за ведро — поддѣльнымъ, и буквально становилась въ горлѣ коломъ, хотя бутылка обошлась 30 к.; вмѣсто очищенной—отвратительно кисловатая кишмишевка т. е. водка выгоняемая изъ кишмиша (сладкаго винограда).

Затѣмъ мы обошли «Форштадтъ базаръ» и «Темный базаръ». Въ зеленныхъ рядахъ—грязь и нагота бѣгающихъ мальчишекъ, въ другихъ почище; здѣсь одни шьютъ, другіе пилятъ, стучатъ,— словомъ, сидя на корточкахъ, работаютъ и продаютъ преимущественно заграничные товары; изъ мѣстныхъ естественныхъ произведеній только и есть что шафранъ. Персидская бирюза— недорога, древнія монеты—большею частью фальшивыя.

Еще было время за-свѣтло осмотрѣть старый городъ или, какъ называютъ его, крѣпость, съ ханскимъ дворцомъ, обращеннымъ теперь въ арсеналъ, куда и отправился я уже въ сопровожденіи любезнаго артиллериста, чуть-ли не завѣдывающаго имъ. Старый городъ, замкнутый двойными стѣнами, спускается къ нарядной набережной террасою, сплошь заваленною лѣпящимися одна къ другой персидскими саклями съ плоскими крышами; вонь и духота здѣсь, несмотря на дующій сѣверный вѣтеръ, очень чувствительны; по узкой, извилистой улицѣ едва-едва можно проѣхать въ экипажѣ.

Часовой пропустилъ насъ черезъ калитку во дворъ ханскаго дворца, стѣны котораго во многихъ мѣстахъ носятъ слѣды цiціановской картечи, подчинившей Баку русской власти.

Входная дверь въ бывшее ханское жилье украшена замѣчательно искусною рѣзьбою и арабесками; женская половина его представляетъ рядъ маленькихъ комнатъ съ нишами; въ нижнемъ этажѣ съ прочными сводами, гдѣ теперь свалены колеса, снаряды и прочія артилерійскія принадлежности, полъ подъ нашими ногами издавалъ глухой звукъ—признакъ пустоты подъ нимъ; не оттуда-ли начинается подземный ходъ далеко за крѣпость, которымъ бѣжалъ отъ русской кары по-

слѣдній бакинскій ханъ? Справа дворца, посреди замкнутаго стѣнами дворика, возвышается бывшее *судилище*, съ навѣсомъ на аркахъ и темнымъ отверстіемъ въ подвалъ, служившій мѣстомъ заточенія для правовѣрныхъ преступниковъ. Наружная часть этого скорбнаго сооруженія покрыта хорошо сохранившимися арабесками и надписями, мастерски вырѣзанными на прочномъ известковомъ камнѣ, который ломается въ семи верстахъ отъ города, въ Шихіевой деревнѣ, названной такъ по имени шіитскаго св. Шихія, привлекающаго по извѣстнымъ днямъ массу богомольцовъ изъ окрестныхъ мѣстъ, что составляетъ для бакинскихъ персіянокъ по истиннѣ праздникъ: тамъ они обыкновенно назначаютъ свиданія своимъ любовникамъ, кутятъ и развратничаютъ вдали отъ безпощадныхъ мужей.

Въ центрѣ судилища, на возвышеніи, садился ханъ, окруженный почетными лицами; дворикъ наполнялся публикою, — и шелъ судъ да расправа; кого оправдывали, а кому — рубили головы.

Въ окнахъ домашней мечети, тоже носящей слѣды цыціановскихъ снарядовъ, замѣчательно—искусно вырѣзаны фигурчатыя рѣшетки изъ камня; баня, съ маленькими круглыми стеклами въ куполѣ, тоже покрыта арабесками и надписями; здѣсь былъ басейнъ отличной воды, но послѣ бѣгства хана ее скрытно отвели въ неизвѣстное мѣсто, что очень чувствительно для города. Къ счастью, недавно она сама собою обнаружилась за таможнею, гдѣ и предполагается устроить фонтанъ.

Изъ оконъ дворца—старый городъ, какъ на ладонѣ. Мой чичероне, указывая на ближайшій минаретъ—круглую, узенькую башенку, 15-ти саж. в., увѣрялъ меня въ необыкновенной прочности ея: «Камень обратите въ порошокъ, а цементъ цѣлъ. Говорятъ, онъ состоитъ изъ извести, ваты и какого-то масла».

Я взобрался по крутизнѣ запыленной темной лѣстницы на самый верхъ ея, представляющій маленькую площадку съ куполомъ на аркахъ, опоясанную узенькимъ выступомъ съ развалившеюся рѣшеткой. Съ этого мѣста для азана (призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ) — великолѣпный видъ на городъ и людей кажущихся муравьями, на сѣренькую окрестность и темнозеленоватую даль безбрежнаго моря съ полукруглымъ заливомъ, у пристаней котораго спокойно стоятъ пароходы, суда и мелькаютъ лодки.

На обратномъ пути изъ крѣпости, мой спутникъ замѣтилъ, указывая на монументъ Цыціанову:

— Кинжалъ и пистолетъ изображенные на немъ, напоминаютъ жителямъ вѣроломство ихъ послѣдняго хана, который, выйдя къ Цыціанову для мирныхъ переговоровъ, выстрѣлилъ въ него и скрылся изъ дворца подземнымъ ходомъ. На другой день Баку былъ взятъ.

Скрытая ненависть, фанатизмъ и презрѣніе все еще проглядываютъ въ большей части населенія не только къ намъ, русскимъ, но и къ тѣмъ изъ своихъ собратій, которые сближаются съ нами и подчиняются нашему вліянію; о нихъ отзываются такъ: «Это — не человѣкъ; онъ пойдетъ къ русскимъ, потомъ опять къ татарамъ, и снова къ русскимъ; это — хуже собаки, даже хуже русскаго». А родовая месть у здѣшнихъ мусульманъ проявляется, конечно тайно, чуть ли не чаще, чѣмъ въ самой Персіи, гдѣ она допущена закономъ. Безъ сомнѣнія, «лучшіе порядки въ коранѣ» и образованіе молодого поколѣнія мусульманъ могли-бы мало-по-малу примирить два разнородные міра и гуманизировать нравы и обычаи послѣднихъ, между тѣмъ, возьмемъ для примѣра хоть образованіе — оно представляетъ теперь «каплю въ морѣ», хотя, по общему отзыву, персы болѣе способны къ развитію, чѣмъ даже армяне, «предназначенные самою природою исключительно къ комерческимъ тайнамъ», какъ говорятъ о нихъ моряки. Въ бакинской гимназіи учатся 84 мусульманина, изъ коихъ 12 — и между ними 8 персовъ—получили на послѣднемъ выпускномъ экзаменѣ похвальныя листы, золотыя и серебряныя медали.

Къ крѣпости непосредственно примыкаетъ новый городъ, съ смѣшаннымъ населеніемъ, широкими улицами и домами преимущественно европейской архитектуры.

Обширная *Дѣвичья башня*, во дворикъ которой я зашелъ съ набережной узенькимъ переулкомъ, еще недавно обрызгивалась волнами моря, теперь отступившаго отъ нея на десятки саженъ. Она сооружена—какъ гласитъ легенда—какимъ-то ханомъ, по желанію своей дочери, въ которую былъ влюбленъ и которая, чтобы только избавиться отъ его ухаживаній бросилась съ вершины ея въ море, вотъ почему и называется она дѣвичьей.

Теперь тутъ устроенъ маякъ. Сторожъ подавая мнѣ напиться соленой воды, пустился въ разсказы:

— Вода здѣсь соленая, говорилъ онъ, — дождя мало, хлѣба нѣтъ и персы мрутъ; тяжела наша жизнь въ этой басурманской сторонѣ, и земля-то здѣсь какая-то *не божья*. Взгляните, вотъ посѣялъ нашъ лукъ, а онъ уродился длиннымъ картофелемъ на видъ, да и скусъ не тотъ...

Вечеркомъ отправился я съ утреннимъ своимъ пріятелемъ и шведомъ-механикомъ по набережной въ крошечный городской садикъ, откуда неслась военная музыка. Разведеніе его на здѣшней известковой почвѣ стоило не мало денегъ и хлопотъ; одинъ изъ комендантовъ, «съ неограниченною властью» (чего теперь уже нѣтъ), обязывалъ пріѣзжавшихъ изъ болѣе благодатныхъ мѣстъ персовъ доставлять сюда, въ видѣ особой пошлины, по нѣсколько кубовъ земли, которою и грунтировался онъ, «хотя и безъ таковыхъ крайнихъ мѣръ можно было-бы выростить его, стоило только провести хорошую воду», добавили мои спутники, входя въ этотъ биткомъ набитый, душный садикъ, гдѣ нарядная толпа развязныхъ барынь, офицеровъ и статскихъ двигалась точно въ тискахъ и запрудила всѣ три буфета, изъ коихъ клубный — лучшій (въ здѣшнемъ клубѣ до 300 членовъ, преимущественно изъ моряковъ, чиновниковъ и пр. служащаго люда).

— Замѣчаете, говорилъ мой утренній спутникъ, что большая часть нашихъ дамъ обладаетъ походкою и манерами петербургскихъ камелій... потому что у нихъ, при многихъ недостаткахъ столичныхъ барынь — положительно отсутствуетъ нравственный регуляторъ и нѣтъ пищи для ума, безъ чего скромность немыслима.

По словамъ его, развратъ въ Баку—самый широкій. Персы ведутъ себя здѣсь такъ-же, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Развратничаютъ и персіянки, но водиться съ ними опасно. Если она торгуетъ собою безъ вѣдома мужа, и объ этомъ узнаетъ онъ или кто-нибудь изъ родни его,—ее безпощадно зарѣжутъ, и слѣдъ простынетъ.... что нерѣдко случается тутъ. При всемъ томъ, въ пріютахъ разврата персіянки составляютъ наибольшій процентъ; ихъ еще дѣтьми похищаютъ промышляющіе развратомъ, и это—несчастнѣйшія созданія. За тѣмъ слѣдуютъ нѣмки, но эти развратничаютъ уже сознательно, копятъ

деньги и потомъ выходятъ замужъ, или-же «становятся» солидными и примѣрными хозяйками меблированныхъ квартиръ; проститутокъ же изъ русскихъ мало.

Шведъ, внимательно вслушиваясь въ эту характеристику, отчеканилъ:

— Если я хочу, чтобы моя жена была честна—самъ долженъ быть честнымъ. Я люблю русскихъ, но отъ здѣшнихъ дамъ отворачиваюсь; пока она дѣвушка—скромна, а какъ выйдетъ замужъ — первая забота обзавестись любовникомъ. Порча нравовъ здѣсь поразительная.

— Ну, нынче въ этомъ отношеніи мы стали поскромнѣе, но что тутъ творилось въ прежнее время—и разсказывать гадко.

Вдыхая полною грудью свѣжій вѣтерокъ, тихо возвращался я на пароходъ по пустынной набережной. На «Тюркменѣ», смѣнившемъ «Армянина» мелькали огоньки.

Эта шкуна будетъ по удобнѣе, хотя въ каютъ-компаніи и не видно прислуги, а шныряютъ какіе-то подозрительныя фигуры. Крикнулъ буфетчика, словоохотливаго и долговязаго парня.

— Что за народъ?

—«Армяшки».....шляются «стибрить», что плохо лежитъ, не то къ почтальону съ письмами. Я имъ толкомъ говорю: идите на берегъ, кладите ихъ въ ящикъ; нѣтъ—лѣзутъ сюда, потому, скажемъ примѣрно, онъ дастъ почтальону пятакъ, тотъ его въ карманъ, а письмо, значитъ безъ марки, отдаетъ по портамъ». Вотъ и самъ юркій почтальонъ.

— Что стоитъ марка?

— 15 копѣекъ-съ.

— Вездѣ 11.

— Знаемъ-съ, но я продаю отъ себя...

По словамъ его, въ навигацію почта ходитъ въ Персію на срочныхъ пароходахъ два раза въ недѣлю, зимою-же, кажется, разъ въ мѣсяцъ, а черезъ Джульфу въ Астерабадъ письма путешествуютъ иногда по два — по три мѣсяца.

Поднялся на рубку; пассажировъ очень мало, да и тѣ ѣдутъ

только до Ленкорани, на тамошнія воды; ихъ провожаютъ пивомъ и отрадною бесѣдою на тему: деньги и любовь; другимъ-же чувствамъ и стремленіямъ, повидимому, здѣсь мѣста нѣтъ... Подлѣ меня дамы бесѣдуютъ съ джентльменами изъ армянъ.

— Женщины—это высшее наслажденіе, это—цѣль моей жизни, говоритъ одинъ горбатый носъ.

Деньги — лучше, на нихъ все купишь, возражаетъ другой.

— Велите-ка подать пива, прерываетъ его блондинка.

— Одно желаніе у меня—ѣхать въ Ленкорань! оживляется брюнетка.—О, милый Ленкорань!..

А вотъ еще достойная парочка: коротенькая барыня съ выдающимися челюстями свидѣтельствующими объ ея хищныхъ наклонностяхъ, рѣдкими волосами зачесанными по-японски и чисто-россійскимъ ожирѣніемъ сердца, хотя, взглянувъ на эту фигуру, не трудно угадать въ ней *бывалую нѣмку*. Рядомъ—скромно сидитъ акуратненькій тщедушный человѣчикъ съ масляными, шныряющими глазками и коротко стриженною головой съ просвѣчивающеюся лысиной, несмотря на его 30 лѣтъ. Судя по разговору, эти «честные» люди—чиновникъ, по имени Антоша, и спутница его жизни Надя—недавно прибыли изъ Петербурга и все еще находятся подъ впечатлѣніемъ какой-то непріятности...

— Просто скандалъ! Антоша, мнѣ дурно.

— Успокойся, Надичка, не разстраивайся...

— Если-бы еще тихо, а то прямо, при мужичкѣ, крикнуть мнѣ, честной женѣ надворнаго совѣтника: «я васъ кормить не намѣренъ!» Или, при нашихъ сердечныхъ друзьяхъ Кубышкиныхъ, осмѣлиться сказать: «мой принципъ—преслѣдовать хищниковъ», что, конечно, относилось къ намъ, не правда-ли, какъ это благородно съ его стороны?

— Бога ради, не разстраивайся... Сколько же лишку взяла съ него?

— Семь рублей за квартиру, да 27 четвертаковъ за обѣды.

Надя скромно потупила глаза, какъ-бы стыдясь неудачѣ поглубже запустить свою пятерню въ карманъ какого-то господина.

— За то-же ободрилась она,—я его выругала на весь дворъ революціонеромъ.

Всмотрѣвшись въ лицо Антоши, я узналъ въ немъ обладателя

одной кассы ссудъ въ Питерѣ, куда мнѣ пришлось дважды обращаться...

Матросы, все изъ персовъ, поднимаютъ лодку на пароходъ подъ мѣрный, тихій напѣвъ съ громкимъ припѣвомъ: «А-а-ли!» (имя перваго имама, приверженцы котораго называются шіитами).

Капитанъ парохода, изъ нѣмцевъ, подалъ знакъ трогаться въ путь; помощникъ, почтительно отвѣтивъ ему «Ja wohl», рявкнулъ на нихъ:

«Гей! Держи лодька, животъ!» (живо или животныя—богъ-вѣсть, что хотѣлъ нѣмецъ сказать),—и мы, вмѣсто 12, въ часъ ночи двинулись въ г. Ленкорань, въ 12 верстахъ отъ котораго находятся теплыя, кажется, сѣрныя воды, помогающія, какъ говорятъ, отъ ревматизма и скуки.

Отдѣльныхъ каютъ во 2-мъ классѣ на «Тюркменѣ» нѣтъ, а общая, съ своими узкими, жесткими клеенчатыми скамьями у стѣнъ, также не удобна, какъ неудобны и здѣшнія цѣны; напр., за кипятокъ къ чаю на одного человѣка 7 к., на двухъ—14 к. и т. д.; за пробку отъ 20 к. до рубля! Обѣдъ обязателенъ—по 1 р.; завтракъ и ужинъ, по заказу—75 к. Таксы, по словамъ слуги, «нѣтути, потому—дилекторъ унесъ».

У буфета расположена каюта вѣчно-суетящагося почтальона и стойка съ четырьмя ружьями, прежде пригодными на случай нападенія тюркменъ, теперь-же совершенно безполезными.

Пора уже спать, но носатые пасажиры, освѣщенные огаркомъ стеариновой свѣчи, еще не угомонились, каждымъ словомъ доказывая свое невѣжество, а на другомъ концѣ стола разбитной русскій мальчикъ толково объясняетъ сопровождающему его въ Ленкорань черномазому слугѣ изъ персовъ сущность какой-то карточной игры:

— Теперь ты бей!

— Бей, повторяетъ тотъ, наливая себѣ и ему чай.

— А теперь я бью.

— Бью, опять повторяетъ черномазый, положивъ свою карту на его.

Нѣтъ, нѣтъ, Мамедка, теперь я бью.

— Хорошо, хорошо, твоя бьетъ.

Мои вѣки уже тяжелѣютъ, а въ ушахъ все еще раздается

«бью, бью, бью», между тѣмъ какъ въ глазахъ Мамедки сверкаетъ нѣжная привязанность къ ребенку, котораго онъ ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя...

Миновавъ въ 11 часовъ утра Куринскій островъ, мы попрежнему ѣдемъ въ виду низменныхъ береговъ, окаймленныхъ на горизонтѣ волнующимися горами съ ленкоранскимъ пикомъ надъ ними.

Погода прелестная. Вѣтерокъ ласкаетъ прохладою; солнышко, привѣтливо грѣя, играетъ въ морѣ, на едва колыхающейся поверхности котораго лѣниво покачивается широконосый пеликанъ, созерцая въ пространство также безсмысленно, какъ вотъ и эти, растянувшіеся на дырявыхъ коврахъ, семь изнуренныхъ персовъ съ крашеными бородами и выставленными на видъ пятками — носки-то чистенькіе, узорчатые. О бокъ нихъ застѣнчиво бесѣдуетъ съ армяниномъ персіянка съ полуоткрытымъ лицомъ; у борта стоитъ суровый старикъ съ длинною бородою, громадною шишкою на затылкѣ, въ порыжѣломъ высокомъ цилиндрѣ, длиннополомъ сюртукѣ и большихъ сапогахъ; говорятъ, онъ утромъ кружился по палубѣ съ причитаніями и выдѣлывалъ преуморительныя штуки, — вѣрно сектантъ-скакунъ. Близъ кормы, уныло тянутъ пѣсенку два солдата—одинъ въ бѣлой форменной рубахѣ, другой — въ сюртукѣ на распашку, а за ними, прислонясь къ борту, задумалась женщина съ грустью на смугломъ, красивомъ лицѣ, вся въ черномъ, какъ видно, тоже сектантка... Вотъ и всѣ палубные пасажиры.

Передъ Ленкоранью горы опять приблизились къ морю; въ часъ разсѣялся облекавшій ихъ густой туманъ, и передъ нами открылась узенькая, низменная полоса берега въ яркой зелени изъ которой выглядывали покатыя крыши молоканской слободы, и мелькали плоскія крыши персидской деревни въ садахъ. Спустя нѣсколько минутъ показался зеленый коническій куполъ недавно выстроенной армянской церкви, крытой, кажется, камышемъ; за нею—домишки, одиноко стоящая на голой площадкѣ круглая, низкая башенка съ красною крышею и вышкою—маякъ, и опять домишки съ рѣдкою зеленью.

и есть убогій городишко Ленкорань, слывущій за крѣпость, хотя отъ нея и слѣдъ давно простылъ.

Тутъ нѣтъ пристани, и пароходъ остановился (въ два часа) въ 250 саженяхъ отъ мелководнаго берега; съ шумомъ и гвалтомъ окружили его неуклюжія *киржимы*, — такъ называются персидскія плоскодонныя лодки съ высокимъ бортомъ и громаднымъ рулемъ топорной работы; большая часть грязныхъ, изнуренныхъ и безтолково-суетящихся гребцовъ полунаги, или—въ короткихъ кумачевыхъ рубахахъ русскаго покроя и рваныхъ панталонахъ; вмѣсто шапокъ—бѣлыя или цвѣтныя вязаныя ермолки на макушкахъ пробритыхъ со лба на затылокъ головъ, больше—въ струпьяхъ, въ особенности у дѣтей.

Въ киржимы *швыряютъ* съ борта тюки и багажъ, садятся пасажиры, съ ними—и я, намѣреваясь осмотрѣть городъ вдоль и поперегъ, на что, конечно, достаточно трехчасовой остановки тутъ.—Хорошо, что тишь—буруна нѣтъ, замѣчаетъ почтальонъ.—А иначе? спрашиваетъ армянинъ.—Пароходъ остановился бы за островомъ *Сара*, куда и высадилъ-бы пасажировъ (ѣдущихъ въ Ленкорань),—сдалъ бы почту.—И грузъ?—Нѣтъ, грузъ сдается прямо сюда на обратномъ пути, если только море покойно...

«А-али!» періодично раздавались гнусливые выкрики гребцовъ на переполненной лодкѣ нашей. ‹А-а-али!› принатужились правовѣрные на послѣдокъ, и она врѣзалась въ песокъ, въ 10 саженяхъ отъ вѣчно-пѣнящаго берега, куда вытащили они насъ на своихъ плечахъ и гдѣ—особнякомъ отъ кучки персовъ—стояли два армянина съ атлетомъ—священникомъ своимъ, два таможенныхъ и жандарма, полицейскій, двѣ дѣвушки-молоканки и благообразный старикъ, горный еврей въ персидскомъ костюмѣ, а лѣвѣе, шагахъ въ 40, барыня съ дѣтьми, сидя подъ тѣнью домишка, задумчиво смотрѣла на изможденныя тѣла открыто купавшихся бритоголовыхъ обывателей града сего.

— Дай! дергаетъ меня за рукавъ одинъ гребецъ. Даю 20 к.—не беретъ, настойчиво требуя 2 абаза.—Сколько слѣдуетъ ему? обращаюсь я къ атлету-священнику.

— Вы одни? — Да.—Безъ вещей, — такъ дайте 20 к., это обыкновенная пасажирская плата; мы же плотимъ за проѣздъ на пароходъ и обратно не болѣе 5 к...

Ноги грузнутъ въ толщѣ раскаленна гопеску; кругомъ—вет-

хость, бѣдность и пустынно,—ну точно забытое кладбище! Ни людей, ни собакъ, ни птицъ не видно, и только кохинхинка съ циплятами, меланхолически кудахтаетъ, да подъ навѣсомъ во дворѣ одного домика трое правовѣрныхъ съ обезсмысленнымъ взоромъ безмятежно курятъ кальянъ.

Домишки здѣсь дубовые, есть и кирпичные, съ покатыми камышевыми или плоскими глиняными крышами; улицы коротенькія; при сильно покачнувшейся на бокъ единственной церковеньки—рѣденькій садикъ, въ которомъ, вѣроятно, никто не гуляетъ.

Коренные обыватели — персы, или, какъ называютъ ихъ тутъ, татаре; торговля сосредоточена въ рукахъ армянъ; служащій людъ и русскіе сектанты изъ окрестностей, гдѣ ихъ много, составляютъ остальное населеніе города,

Окрестности сплошь покрыты дремучими лѣсами изъ дуба, ольхи, тополя и проч., и деревенщина, больше—тѣже сектанты, занимается хлѣбопашествомъ, приготовленіемъ лѣса для бочекъ, отправляемаго въ Баку и Астрахань, и дровъ для того же безлѣснаго Баку и Красноводска.

Въ садахъ ростетъ айва величиною съ маленькую тыкву, вишня, черешня, алуча, яблоки, дыни и разная зелень...

Однакожъ, я запоздалъ: съ парохода слышенъ сигналъ за сигналомъ.

— Сколько? спрашиваю гребца, доставившаго меня на него.

— Одна ихалъ,—одна рупъ.

— Не давайте болѣе 20 коп., посовѣтовалъ мнѣ таможенный чиновникъ, — проѣзжихъ грабятъ, а работать лѣнивы.

Вотъ-вотъ пароходъ тронется, а тщедушный персъ съ корзинкою фруктовъ вскарабкался на бортъ.

— Алуча и вишни по 2 к. за фунтъ,—живо! не то—конецъ базару, швырну все за бортъ! кричитъ буфетчикъ.

Тотъ струсилъ, колеблется и даетъ ему фунтъ даромъ, а остальное по 2 коп. за фунтъ, вмѣсто запрошенныхъ 5 коп.

Въ 5 часовъ пополудни поѣхали дальше, къ г. Астарѣ, отстоящему отсюда на 20 миль.

Пасажировъ осталось мало; въ первомъ классѣ—докторъ N. съ острова Ашуръ-аде; во второмъ—агентъ общества «Кавказъ и Меркурій» и таможенный съ нѣжно-ласкающейся къ нему женою;—на палубѣ 3 перса и персіянка, теперь уже степенно

сидящіе на корточкахъ, да 2 солдата все тѣ-же заунывныя пѣсни поютъ.

Вообще въ это время года проѣзжихъ въ Персію или оттуда къ намъ очень мало, и только во время нижегородской ярмарки палуба нѣсколько пестритъ персидскими костюмами, такъ-что безъ помильной платы, тутъ немыслимо частное пароходство.

Болотистыя берега прелестно зеленѣютъ камышами и разнотѣнною растительностью, изъ-за которой мѣстами выглядываютъ маленькія деревушки, а дальше въ глубь уступами волнуются лѣсистыя горы; такая цвѣтущая богатою растительностью полоса тянется, начиная отсюда по всему персидскому прибрежью Каспійскаго моря, отравляя жизнь ея населенія ядомъ вѣчно свирѣпствующихъ лихорадокъ.

Сумерки. Тусклая луна слабо освѣщаетъ на песчаной площадкѣ—вдали нѣсколько деревянныхъ домиковъ съ одинокою вышкою агентства общества «Кавказъ и Меркурій», — это русская Астара, отдѣленная отъ персидской, едва-замѣтною изъ-за зелени садовъ, рѣченкой того же имени, т. е. Астарою. Несетъ сыростью и болотною травою, въ горахъ — мгла. Темныя тучи заволакиваютъ небо, море волнуется.

Спустя нѣсколько минутъ пароходъ остановился (въ 8 час.) въ 800 саж. отъ мелководнаго берега, о который съ шумомъ и пѣною разбивался бурунъ. Вышедшіе къ намъ киржимы то захлебывались волною, то всплывали на верхъ, и нельзя было не опасаться за гребцовъ,—несчастія здѣсь нерѣдки.

Буруны образуемые сильнымъ вѣтромъ съ моря, разгуливая по прибрежью Каспія чаще зимой, особенно свирѣпствуютъ у мелководныхъ береговъ, угрожая размозжить или потопить маленькія суда; въ такую погоду ни одна персидская лодка не отваживается выйти къ пароходу, а послѣдній никогда не высылаетъ своихъ къ берегу,—сообщеніе съ открытыми портами прекращается и пароходы, не останавливаясь, идутъ дальше; почта и пасажиры сдаются въ ближайшихъ удобныхъ мѣстахъ (напр.: ѣдующіе сюда—на островъ Сару), грузъ—на обратномъ пути, и то только если море покойно, а иначе ему придется долго путешествовать взадъ и впередъ, за что, впрочемъ, вторично не взимается фрахта.

Даже отважные, опытные рыболовы и моряки не рѣшаются выѣзжать въ лодкахъ на сотню сажень отъ берега,

ибо если волна ударитъ ей въ бокъ — вѣрная гибель; въ 50-тыхъ годахъ командиръ баржи Комаровъ съ тремя матросами рискнулъ—было въ свѣжій вѣтеръ выѣхать у Ленкорани — и всѣ погибли.

Теперь-же легкій бурунъ, и такъ-какъ пароходъ простоитъ здѣсь до часу ночи, то я съ докторомъ съ удовольствіемъ приняли предложеніе агента М—ва съѣздить на берегъ въ компанейскомъ киржимѣ, который доставитъ насъ и обратно; съ нами усѣлся и таможенный чиновникъ съ обнявшею его за шею женою, что напоминало-бъ нѣсколько Венецію или Гвадалквивиръ, если-бъ только не гнусливые выкрики оборвышей-гребцовъ.

— Нечистоплотный голосъ, желчно замѣтилъ докторъ, когда тотъ назвалъ ихъ «гондольерами».

Черезъ 40 минутъ киржимъ остановился въ 7 саженяхъ отъ берега, и гребцы, по колѣно въ водѣ, подхвативъ насъ подмышки и за ноги, вынесли туда.

Совсѣмъ стемнѣло. Въ воздухѣ теплая, душная сырость; вблизи очерчивается фигура таможеннаго солдата съ ружьемъ, поодаль — группа персовъ, привезшихъ товары изъ Персіи сухимъ путемъ черезъ Ардебиль, и теперь собирающихся спать на разостланныхъ кошмахъ (войлокахъ) подъ открытымъ небомъ; ихъ вьючныя лошади тутъ-же жуютъ ячмень, а въ сторонкѣ, передъ шалашемъ, сидитъ сторожъ-персъ, — видно караулитъ нѣсколько полосъ русскаго желѣза, отправляемаго завтра въ Персію.

— Шибко идетъ оно тамъ, замѣчаетъ М—въ.

— А наша мануфактура?

— Не можетъ конкурировать съ англійскою.... Напр.: англійскіе ситцы тутъ, контрабандные, такъ дешевы, что еслибы ихъ отправить отсюда въ Москву, то и тогда они будутъ дешевле нашихъ.

Астара — собственно таможня, очищающая пошлиною персидскіе товары, идущіе въ Россію преимущественно изъ Тавриза и окрестностей озера Урмія черезъ Ардебиль служащій складочнымъ пунктомъ для нихъ; отсюда отправляются въ Астрахань и Нижній: сухіе фрукты, чернильный орѣшекъ, немного марены, хлопокъ, шелкъ, мѣха, больше—куньи, и пр. Товары же изъ персидскихъ портовъ очищаются пошлиной—

смотря по мѣсту назначенія ихъ—въ Баку или Астрахани. Вывозъ изъ Россіи черезъ Астару на Ардебиль вообще ничтожный, и только лѣтомъ 1874 года было отправлено этимъ путемъ въ Тавризъ что-то много ситцевъ, сразу подешевѣвшихъ, благодаря новой краски, вытѣснившей марену.

Городъ Тавризъ, служа главнымъ складочнымъ мѣстомъ въ Персіи для туземныхъ и заграничныхъ произведеній, составляетъ центръ торговыхъ оборотовъ ея съ Европою, колеблющихся между 25 и 26 мил. р. въ годъ, изъ коихъ около 20 мил. выпадаетъ на долю привоза, въ которомъ первое мѣсто занимаютъ англійскія бумажныя матеріи, на 10 и болѣе мил. руб., и марсельскій сахаръ на 700 тысячъ руб.

Эти товары доставляются туда черезъ Эрзерумъ или транзитнымъ путемъ черезъ Поти, Тифлисъ и Джульфу, и затѣмъ расходятся по всей Персіи, проникаютъ въ Хератъ и даже Бухару. Транзитъ-же въ Тавризъ черезъ Баку на Астару очень незначителенъ, ибо сопряженъ съ большими неудобствами, какъ для товароотправителей, такъ и получателей ихъ, персидскихъ купцовъ.

По существующему правилу, товары отправляемые въ персидскіе порты, не иначе сгружаются по назначенію, какъ по освидѣтельствованіи ихъ русскими консулами, одинъ изъ коихъ, проживая въ Рештѣ, держитъ для того агента въ Энзели, а другой, астерабадскій—на гязскомъ б-регу. Такимъ образомъ, товаръ, назначенный, положимъ, въ Астару, не прямо получается тамъ, а идетъ въ слѣдующій портъ Энзели за свидѣтельствомъ, и сдается по назначенію только на обратномъ пути парохода; товаръ-же для Мешедессера свидѣтельствуется въ Гязскомъ портѣ, что сопряжено съ большими стѣсненіями, расходами и потерею времени. Персидскіе купцы ходатайствовали объ учрежденіи повѣреннаго консульства въ Астарѣ, что позволило-бы имъ везти отсюда товары въ Персію болѣе удобнымъ для нихъ сухимъ путемъ,—отказано, и если этотъ отказъ мотивируется грошевымъ разчетомъ по содержанію агента, то—по мнѣнію М—ва и многихъ другихъ компетентныхъ лицъ, — общество «Кавказъ и Меркурій», ради своего личнаго интереса, охотно и даже безвозмездно приняло-бы на себя обязанность нашихъ консульствъ свидѣтельствовать транзитные товары, что, безъ сомнѣнія, послужило-бы къ расширенію рус-

ско-персидской торговли, но если онъ мотивируется какими-либо «высшими» соображеніями, то... мы укажемъ на тотъ неопровержимый фактъ, что, не смотря на стѣснительную и разорительную формальность, почти всѣ прикаспійскіе порты наполнены заграничными произведеніями, наши-же едва-едва сбываются тамъ.

Бесѣдуя такъ, мы тихо подвигались по глубокому песку, съ ракушками и не малымъ количествомъ блохъ, къ товарнымъ сараямъ, за которыми шла широкая улица съ жильемъ таможенныхъ чиновниковъ—десяткомъ ветхихъ домовъ, крытыхъ камышемъ. Солдатская «слободка» расположена въ сторонѣ; налѣво чернѣется вышка агента,—вотъ и вся русская Астара.

Пока нашъ любезный спутникъ распоряжался по дѣламъ службы, я съ докторомъ подошли къ маленькому домику въ двѣ комнаты, съ промежуточными сѣнями, въ открытыхъ дверяхъ и окнахъ котораго виднѣлись дѣти въ однѣхъ рубашенкахъ и заботливая мать, оказавшаяся очень сообщитеоьною—мужъ въ отлучкѣ.

— Вотъ скоро примутся за постройку красивыхъ каменныхъ домовъ для насъ и таможни—говорила она,—а теперь мы стѣснены: у одного только управляющаго таможнею, изъ армянъ, три комнаты, у прочихъ — по двѣ. Жалованье служащимъ ничтожное: управляющій получаетъ 800 р. въ годъ, казначей, у котораго нерѣдко хранятся большія суммы, всего 40 р. въ мѣсяцъ... Эдакъ, пожалуй, всѣ разбѣгутся отсюда: теперь найдется много болѣе прибыльныхъ занятій...

— Не оставляйте райскаго уголка, улыбнулся докторъ.

— Гдѣ кромѣ скуки и лихорадокъ ничего нѣтъ. У меня, вонъ, всѣ дѣти больны; одинъ—восьмой годъ не можетъ избавиться отъ лихорадки, совсѣмъ изнемогъ; нашъ фельдшеръ съ своею жалкою аптечкою безсиленъ противъ этого мѣстнаго зла.

— Ну, а каково тутъ въ экономическомъ отношеніи?

— Тоже не отрадно. На персидскомъ берегу, съ которымъ сообщаемся мы лодками, есть базаръ, гдѣ и покупаемъ баранину, зелень... Воду беремъ изъ колодцевъ...

— Почему-жъ не въ Астарѣ?

— Негодится. Лѣтомъ-то она почти пересыхаетъ. Молоко доставляютъ нижніе чины,—у нихъ коровки; птица своя... Фрукты тутъ не хороши, виноградъ толстокожій... Почва богатая, да персы не умѣютъ пользоваться ею; рисовыхъ полей много, урожай самъ-30 и болѣе, не мало шелку; въ горахъ собираютъ съ орѣшника *наплывъ*; иногда съ одного ствола получается до 30 пудовъ этогонароста. Одинъ черногорецъ скупаетъ его и отправляетъ въ Марсель, гдѣ приготовляютъ изъ него тотъ самый фаниръ. который употребляется въ столярномъ дѣлѣ.

Наконецъ-то явился агентъ М—въ и повелъ насъ къ себѣ на вышку; внизу помѣщается его семья, на верхушкѣ, въ мезонинѣ — контора, гдѣ и размѣстились мы заинтересованные разсказами барыни. М—въ продолжалъ ихъ. По словамъ его, въ уѣздѣ проживаетъ много молоканъ и суботниковъ, —народъ трудолюбивый, зажиточный, но невѣжественный и, вслѣдствіи отсутствія медицинскаго пособія, сильно мретъ.

Что-же касается кореннаго населенія—персовъ, то они находятся буквально въ дикомъ состояніи; несмотря на лихорадки, спятъ на голой землѣ, питаются исключительно плодами и рисомъ. О нравственности нечего и говорить: невѣжество и климатъ, разжигая страсти, доводятъ многихъ изъ нихъ до «сближенія съ скотомъ»...

Первый богачъ здѣсь—гусарскій полковникъ М. Талышхановъ, потомокъ Мухаммеда, внукъ владѣтельнаго хана ленкоранскаго, обладающій полосою земли отъ Ленкорани до Астары и десятью дѣвами—дочерьми, которымъ, по корану, не дозволяетъ открывать лицъ предъ мужчиной и не даетъ буквально никакого образованія, а между тѣмъ считаетъ себя *цивилизующимъ рычагомъ Азіи.*

— Если я—говоритъ онъ — разливаю шампанское при первомъ удобномъ случаѣ, то дѣлаю это, подчиняясь современнымъ требованіямъ образованнаго общества.

— Но первое современное требованіе — образованіе! возражаютъ ему; — ваши юноши учатся въ бакинской гимназіи; выйдутъ оттуда, имъ нужны будутъ жены одного съ ними уровня по развитію, а у васъ ихъ нѣтъ.

Гусаръ слушаетъ и еще крѣпче закутываетъ дочерей въ чадру... Хозяйство ведетъ онъ плохо, по-старинѣ; напр., сдаетъ молоканину участокъ береговой земли за 50 р.—а берега здѣсь, большею частью, какъ перешеекъ: за моремъ слѣдуетъ песчаная полоса, потомъ болото, дальше горы;—когда весеннія воды переполнятъ болото, тотъ соединитъ его канавками

съ моремъ, и судакъ повалитъ къ нему метать икру; до 10,000 штукъ ихъ наловитъ онъ за 50-то р!...

За тѣмъ М-въ ударился въ воспоминія.—Служа у Ккорева въ приснопамятномъ *закаспійскомъ товариществѣ*—повѣствовалъ онъ,—я проживалъ въ г. Шахрудѣ. Однажды входитъ ко мнѣ какой-то изнуренный оборвышъ въ персидскомъ костюмѣ и бормочетъ что-то по-чешски—молчу, потомъ по-персидски (фарси)—отвѣтилъ, и «нищій» несказано обрадовался, принявъ меня за англичанина. То былъ Вамбери, возращавшійся изъ опаснаго путешествія по средней Азіи, гдѣ *онъ каждую минуту дрожалъ за свою жизнь.*

«Знаете, чѣмъ я писалъ? говорилъ онъ:—оловянною пуговкою на клочкахъ бумаги, справляя нужду»... А когда этотъ отважный путешественникъ высадился съ нѣсколькими богомольцами на Ашуръ-аде, и одинъ нашъ морякъ, случайно взглянувъ на него, проговорилъ: «какой бѣлый тюркменъ», онъ ужасно струсилъ, полагая, что его узнали русскія власти и могутъ арестовать, не то спутники — тюркмены, разоблачивъ обманъ, навѣрное убьютъ въ степяхъ.

«Колокольный звонъ, говорилъ онъ,—довелъ меня до слезъ: я хотѣлъ открыться и вернуться назадъ, но превозмогъ себя».

Прогостивъ у М—ва трое сутокъ, Вамбери отправился изъ Шахруда въ Тегеранъ и оттуда возвратился въ Европу...

Тотъ-же М—въ розыскалъ и похоронилъ тѣло торговавшаго тамъ англійскаго купца Лонгфильда, ограбленнаго и убитаго вмѣстѣ съ его переводчикомъ-армяниномъ персидскими всадниками, возвращавшимися съ похода на тюркменъ въ 1865 г. Тѣло его было найдено въ разселинѣ мрачныхъ скалъ, вблизи каравапъ-сарая Тадженъ, и, по настоянію англійскаго правительства, сосѣдняя деревенщина поквиталась карманами, а нѣкоторые изъ прямыхъ участниковъ убійства даже головами....

Бесѣдуя объ Авганистанѣ, М—въ передалъ намъ характеристическій разсказъ знакомаго ему хератца о причинѣ гибельнаго исхода для англійскихъ войскъ вмѣшательства въ 1839—1840 гг. остъ-индскаго правительства въ распри между ханомъ Шеджа и знаменитымъ Достъ-Магомметомъ за обладаніе авганскимъ престоломъ. Восточная фантазія уже составила легенду объ этомъ печальномъ событіи, но, можетъ быть, въ ней есть доля правды, что и побуждаетъ меня изложить ее здѣсь.

«Главнокомандующій англійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Кабулѣ Макъ-Натенъ, прогуливаясь однажды по крышѣ дома, увидѣлъ необыкновенную красавицу, по справкамъ оказавшуюся женою муштегида (высшаго духовнаго лица, пользующагося любовью и довѣріемъ народа), съ которымъ и поспѣшилъ познакомиться; тотъ—въ восторгѣ, не столько отъ этой высокой чести, сколько отъ англійскаго золота, которымъ щедро снабжалъ его «посолъ и министръ» за доставляемыхъ ему женщинъ, для невиннаго удовольствія быть только въ обществѣ, ихъ, ибо—по разсказамъ этихъ гурій муштегиду—«знатный англичанинъ угощаетъ ихъ разными сластями, но не прикасается къ нимъ». «Въ такомъ случаѣ пошлю ему свою жену, и онъ будетъ еще щедрѣе», подумалъ муштегидъ и сдѣлалъ такъ, но вышло иначе: Макъ-Натенъ, только и ждавшій того, вступилъ съ красавицею въ связь, а та отказалась отъ мужа: «Безчестный, ты продалъ меня англичанину; оставляю тебя и буду его женою». Муштегидъ возмутилъ народъ, и вотъ ближайшая причина ужаснѣйшей катастрофы постигнувшей сперва Макъ-Натена, убитаго изъ пистолета сыномъ Достъ-Магоммета, Экберъ-ханомъ, а затѣмъ и 16-ти-тысячную его армію, погибнувшую (за исключеніемъ только одного человѣка, при позорномъ отступленіи изъ Авганистана восвояси...

Но время возвращаться на пароходъ.

Опять подмышки перенесли насъ въ неуклюжій киржимъ, и длинныя весла оканчивающіяся чечевицеобразною лопатою, неравномѣрно заработали.

— Рискованно, ввѣрить жизнь такимъ морякамъ, замѣтилъ докторъ, теперь въ роли командира надъ гребцами, растеряно оравшими «Ал-л-ли! Ал-л-ла!—Муххамедъ-Алл-ли!» едва удерживаясь на мѣстахъ отъ сильной качки.

— Утопите! Бери вправо! кричалъ онъ когда киржимъ, сильно хлебнувъ воды, стукнулся о пароходъ. Темнота мѣшаетъ спустить трапъ, и мы карабкаемся на бортъ съ помощью персидскихъ рукъ и плечъ, но неудобно: киржимъ сильно придавилъ мою ногу къ нему.

— А здѣсь чуть не убило тюкомъ одного пассажира, утѣшаетъ меня помощникъ капитана, приглашая доктора осмотрѣть несчастнаго.

— Жалкій народъ, говорилъ тотъ прикладывая компресъ

къ опухшему мѣсту изможденнаго перса съ того берега. Заморенный, ограбленный онъ радъ-бы былъ нашему покровительству; вѣдь шахъ отдаетъ его губернаторамъ провинцій какъ-бы на откупъ...

Изъ русскихъ—на всемъ пароходѣ остался только я да докторъ, пригласившій меня остановиться у него на Ашуръ-аде. Въ каютѣ душно и раздается храпъ буфетчика, растянувшагося на моемъ мѣстѣ; открывъ илюминатъ, бужу его. «Полно шутить»! бурчитъ онъ съ просонья и ругается.

Въ два часа ночи двинулись вдоль береговъ персидской области Гилянъ, къ городишку ея Энзели, отстоящему отъ Астары на 64 мили или 12 часовъ ходу.

Прощай, Россія!

V.

ПЕРСЫ И ТЮРКМЕНЫ.

Впереди—персы и искони-враждебные имъ тюркмены.

Для лучшаго уясненія отношеній между ними и, вообще, для уясненія настоящаго этихъ, сосѣднихъ намъ народовъ, считаю не лишнимъ предварительно коснуться прошлаго ихъ.

Начну съ колыбели Персіи.

Къ сѣверо-востоку отъ селенія Махмудъ-абадъ, что вблизи Мешхеда, нынѣшней столицы Хорассана, находятся развалины древняго города Туса, родины одного изъ основателей письменнаго персидскаго языка и знаменитаго творца «Шахъ-намэ» (книги царей), Фердуси, жившаго въ концѣ X и началѣ XI столѣтія нашей эры. Эту героическую поэму написалъ онъ для шаха Махмуда-Газнинскаго, при дворѣ котораго жилъ, но, недовольный его наградой за нее въ 30 тысячъ рупій (рупія = 50 к.), роздалъ ихъ своимъ служителямъ, бросилъ Газну и возвратился на родину. По преданію, впослѣдствіи Махмудъ до того восхитился произведеніемъ Фердуси, что послалъ ему въ Тусъ сто верблюдовъ съ золотомъ и драгоцѣнными вещами, но было уже поздно: въѣзжая въ городскія ворота, посланцы встрѣтили трупъ поэта, только-что умершаго въ бѣдности, а гордая дочь не приняла царскаго дара. Одиноко стоитъ теперь между руинами гробница пѣвца давно минувшей славы Ирана. Въ его «Шахъ-намэ» говорится, что пророкъ Зороастръ принесъ въ Иранъ священныя книги «Зендъ-Авесту» и «Пазендъ» во времена Гуптаспа (Дарія-Гистаспа). принявшаго отъ него религію свѣта и служенія божественному существу (Ормузду) подъ тѣнью кипариса (перенесеннаго туда изъ рая тѣмъ-же пророкомъ) и, затѣмъ, распространившаго ее въ своихъ обшир-

ныхъ владѣніяхъ; но эта «истинная вѣра» существовала въ Иранѣ (Аріѣ, Аріанѣ, Эеріэнѣ) задолго передъ тѣмъ, ибо—какъ гласитъ Зендъ-Авеста—на вопросъ Зороастра Ормузду: кто первый во имя его (Ормузда) далъ народу законъ? (заключающійся въ этой книгѣ)—Ормуздъ называетъ Джемшида, «который, однакожъ, былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы ввести законъ вполнѣ такъ, какъ Зороастръ» *). Слѣдовательно, религія, называемая нами не совсѣмъ правильно *огнепоклонствомъ*, связана съ колыбелью иранцевъ (арійцевъ, откуда парсы, предки современныхъ намъ персовъ). Послушаемъ, что говоритъ Зендъ-Авеста, служащая древнѣйшимъ источникомъ для исторіи о первобытной землѣ зендскаго народа (древнихъ иранцевъ), о главѣ его—Джемшидѣ и о его водвореніи въ Иранѣ. Въ одномъ изъ отдѣловъ ея «Вендидадѣ», т. е. откровеніи Ормузда Зороастру, излагается списокъ областей Зендскаго царства въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ создавались первымъ для народа, причемъ указываются причины происходящія отъ «Ахримана» (начало зла), по которымъ народъ былъ недоволенъ своимъ мѣстопребываніемъ, почему онъ и создавалъ для него другое:

«Первая обитель благословенія и изобилія, которую я, Ормуздъ, въ чистотѣ сотворилъ, была Эеріэне-Вэедьо (чистый Иранъ). Ничто въ мірѣ не равнялось ея прелести. Тогда пришелъ чреватый смертію Ахриманъ, приготовилъ въ рѣкѣ, напоявшей эту обитель, великую змѣю Зиму, которая происходитъ отъ Дева, и стало здѣсь десять мѣсяцевъ зимы и два мѣсяца лѣта (прежде было 7 зимнихъ и 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ). Зима разливаетъ холодъ на воду, на землю и на деревья. Очень жестока она посреди чистаго Ирана».

Въ другомъ мѣстѣ «Вендидады» говорится: «Я, справедливый судія Ормуздъ, въ прославленномъ и въ чистотѣ сотворенномъ Эеріэне-Вэедьо, собралъ живыя существа»... «Черезъ небесныхъ людей прославленнаго и въ чистотѣ сотвореннаго Эеріэне-Вэедьо, царь Джемшидъ, глава народовъ и стадъ, собралъ живыя существа». Въ третьемъ: «Джемшидъ царствовалъ! Что онъ ни повелѣвалъ — совершалось. Ему и его народу я, Ормуздъ, далъ пищу и разумъ и долгую жизнь. Его рука

*) Иранъ, К. Риттера, въ переводѣ Н. В. Ханыкова.

взяла отъ меня кинжалъ, лезвее котораго было золото и рукоять золото»... Но въ Эеріэне-Вэедьо (чистомъ Иранѣ) настала жестокая зима, и Джемшидъ, по повелѣнію Ормузда, выводитъ народъ оттуда въ «Свѣтлую землю» т. е. болѣе теплую, начинавшуюся со второй, созданной имъ, Ормуздомъ, обители благословенія, Согдо (Согдіаны), въ которой, однакожъ, Ахриманъ произвелъ мухъ, внесшихъ смерть въ стада; въ третьей ормуздовой обители, Мору (Мерви), онъ породилъ злыя рѣчи; въ четвертой, Багды (Бактріи)—стаю муравьевъ; въ пятой—окаянныя сомнѣнія; въ шестой—страшную нищету», и т. д. неразрывно слѣдуетъ за Эеріэне-Вэедьо рядъ областей, наполнившихся съ прихода Джемшида «дикими и ручными животными, людьми, собаками и птицами, и яркими огнями» (пылавшими въ храмахъ); до того-же времени тамъ ничего этого не было. Въ особенности онъ старался, подчиняясь велѣнію Ормузда, усовершенствовать 14-ю обитель блаженства, Верэне (Веръ), гдѣ, по сказанію Зендъ-Авесты, стыдливая молодежь была скромна, крѣпка, здорова. «Между всѣми людьми въ благодатномъ Верѣ не было ни одного господина, который повелѣвалъ-бы сурово, вблизи или издалека. Ни одинъ нищій, ни одинъ обманщикъ не соблазнялъ людей на службу Деву. Не было тамъ ни врага во мракѣ, ни жестокаго мучителя, который-бы убивалъ людей, *ни раздирающаго зубы*. Людей отъ людей тамъ не расторгали! Женщины не знали тамъ мѣсячныхъ очищеній, которыми Ахриманъ (потомъ) поразилъ человѣчество».

Не выписывая далѣе изъ Зендъ-Авесты, посмотримъ, какое понятіе составили о до-историческомъ Иранѣ коментаторы этой древне-персидской священной книги.

Мѣстоположеніе Эеріэне-Вэедьо (чистаго Ирана) предполагается въ центральной части верхней Азіи, около источниковъ Оксуса и Яксарта, въ настоящемъ Памирѣ, Белурѣ, западномъ Тибетѣ и на лежащихъ за ними плоскихъ возвышенностяхъ, т. е. въ мѣстности, почитаемой колыбелью рода человѣческаго, откуда началось переселеніе народовъ въ разныя стороны земли. Эеріэне-Вэедьо былъ первобытнымъ мѣстомъ зендскаго народа; здѣсь-то люди, съ своими стадами, впервые образовались въ поколѣнія и составили общины; впослѣдствіи Джемшидъ, соединивъ отдѣльныя племена въ одинъ народъ, основалъ го-

сударство и ввелъ земледѣліе, но неблагопріятный климатъ побуждаетъ его къ переселенію, и вотъ онъ выводитъ народъ изъ этой суровой горной страны въ Согдіану, отсюда въ Мервъ, Бактрію и т. д., съ сѣверо-востока на юго-западъ, по тому направленію долинъ и горныхъ ущелій, по которому слѣдовали всѣ позднѣйшія перекочевки народовъ. Страны на его пути были пустынны, что и побуждало большинство къ дальнѣйшему передвиженію; меньшинство-же селилось по дорогѣ на болѣе удобныхъ мѣстахъ и обработывало ихъ. Четырнадцатая обитель блаженства, Веръ, расположенная посрединѣ прочихъ, представляла наиболѣе удобствъ для жизни, и тутъ-то преимущественно поселился «Ормуздовъ народъ»; тутъ Джемшидъ основалъ города, проложилъ дороги, развилъ земледѣліе и садоводство, построилъ себѣ на возвышенномъ мѣстѣ дворецъ и ярко освѣтилъ его религіозными огнями, — слѣдовательно, тутъ началось обращеніе кочующихъ дикарей въ осѣдлыхъ гражданъ и совершилось все развитіе персидской гражданственности, — персидской, потому что Веръ (по-пехлевійски Варъ, откуда Парсъ и парсы), признается многими знатоками исторіи Востока родиною позднѣйшихъ персовъ, Персидою (Фарсъ, нынѣшній Фарсистанъ съ Ларистаномъ), гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Персеполь съ великолѣпнымъ храмомъ, разрушеннымъ Александромъ Македонскимъ. Оставивъ свою непривѣтливую родину, народъ перенесъ ея названіе «Чистый Иранъ», на новое свое отечество, постепенно объявшее всю обширную страну, лежащую между Индомъ, Тигромъ и Евфратомъ, Яксартомъ, Каспійскимъ и Индійскимъ морями.

«Шахъ-намэ» Фердуси какъ-бы продолжаетъ повѣствованія Зендъ-Авесты объ этомъ легендарномъ періодѣ древнихъ иранцевъ. Джемшиду историки приписываютъ открытіе искуства дѣлать вино, изобрѣтеніе солнечнаго года, введеніе въ Иранѣ 4 кастъ или сословій; вообще его признаютъ великимъ просвѣтителемъ и основателемъ Персеполя, названнаго въ честь его «Техти-Джемшидъ» (престоломъ Джемшида). Онъ царствовалъ 616½ лѣтъ (народное преданіе облекло цѣлую эпоху возникновенія царства подъ главенствомъ Джемшидова рода въ одно лицо), и въ концѣ — его постигъ гнѣвъ дивовъ *), ибо онъ

*) (Дивы духи) дѣлятся на добрыхъ и злыхъ.

сталъ выдавать себя за божество и тѣмъ, оттолкнувъ богобоязненныхъ подданныхъ, открылъ дорогу въ Иранъ «не персамъ» (чуждымъ народностямъ, но какимъ — неизвѣстно) и свирѣпому предводителю ихъ Зохаку, процарствовавшему затѣмъ тутъ 800—1000 лѣтъ (въ немъ олицетворяется цѣлая эпоха бѣдствій). Въ это время дивы смѣшивались съ людьми и развращали міръ, пока, наконецъ, Феридунъ, сынъ Алерджана, сохранившагося потомка древняго владѣтельнаго рода, не разбилъ и не сковалъ порочнаго тирана. Умиротворивъ царство, онъ сложилъ съ себя вѣнецъ и раздѣлилъ свои обширныя владѣнія между тремя сыновьями: Сеямомъ и Туромъ, рожденнымъ отъ дочери Зохака, людьми дикими, жестокими, и любимцемъ своимъ отъ персіянки Ирандахтъ (буквально: дочери Ирана), кроткимъ Иреджомъ. Сеямъ получилъ западъ (переднюю Азію и земли въ Африкѣ и Европѣ), Туръ—востокъ (Туранъ), Иреджъ—очаровательный Иранъ, съ сокровищами и царскимъ престоломъ, возбудившимъ въ старшихъ братьяхъ зависть, слѣдствіемъ которой была война съ младшимъ и отсылка его головы къ отцу. Разгнѣванный на убійцъ, Феридунъ выдалъ дочь убитаго за своего родственника Мину-Чехръ, который и сдѣлался мстителемъ за кровь его. Такъ началась война между «Свѣтлымъ Ираномъ» и Тураномъ, и этимъ объясняется миѳически послѣдующая затѣмъ вражда туранцевъ (массагетовъ, скифовъ, гетовъ, даковъ, тюрковъ, монголовъ и пр.) съ иранцами, — вражда, неунимающаяся и до селѣ, вслѣдствіе религіознаго и политическаго разногласія ихъ.

При одномъ изъ преемниковъ Мину-Чехра, зло въ Иранѣ опять возобновляется, но народный герой Рустемъ («міровой богатырь», великанъ, вырѣзанный изъ боку своей матери и вскормленный молокомъ семи кормилицъ и стада овецъ) вооружается противъ него и при Кай-Хосру (изъ царскаго рода кайянцевъ), міръ снова очищается отъ зла. Въ непродолжительномъ времени за этою легендарною неопредѣленностью Персія вступаетъ въ историческій фазисъ своей жизни, — начинается эпоха Ахеменидовъ: Киръ, Дарій-Гистаспъ, Ксерксъ. Разобранныя теперь персепольскія *гвоздеобразныя* надписи (нарѣчіе древняго Фарса) придаютъ двумъ послѣднимъ (Дарію и Ксерксу) титулъ «потомковъ Джемшида».

Ахемениды были старѣйшимъ колѣномъ *Пасаргадовъ*, — одного изъ отдѣловъ властвовавшихъ персовъ, составлявшихъ

улусъ (общину) рода. Киръ былъ главою всего улуса, и онъ на знаменитомъ собраніи предложилъ народу отложиться отъ медовъ; съ этихъ поръ предѣлы Персіи ширятся, могущество возрастаетъ: «Владѣнія отца моего—говорилъ Киръ младшій Ксенофонту—такъ обширны, что люди въ одномъ концѣ ихъ погибаютъ отъ холода, въ другомъ—изнемогаютъ отъ зноя». По сказанію Геродота, ей платили дань «до 70 племенъ, начиная съ египтянъ, эфіопянъ и іонійцевъ—на западѣ до индійцевъ—на востокѣ». Тотъ-же историкъ говоритъ, что у современныхъ ему персовъ *ложь считалась самымъ постыднымъ дѣломъ*, затѣмъ—*долги*. Воспитаніе дѣтей состояло изъ: 1) верховой ѣзды, 2) стрѣльбы изъ лука и 3) обязанности *говорить правду*. Персы легко усвоивали полезные иноземные обычаи; такъ, между прочимъ, имъ понравилась одежда медовъ и они приняли ее.

«Книга царей» Фердуси гласитъ: «По принятіи и распространеніи Даріемъ-Гистаспомъ религіи Зороастра, все шло хорошо втеченіи 300 лѣтъ, пока не пришелъ Искандеръ изъ Рума (Александръ Македонскій съ запада) и не возобновилъ старой борьбы». По распаденіи его монархіи Персія вошла сначала въ составъ Сирійскаго государства, затѣмъ — Парфянскаго, а въ 223 г. подпала подъ владычество династіи Сассанидовъ, которые возстановили упавшую съ теченіемъ времени религію Зороастра и возвысили значеніе маговъ. Первые Сассиниды не особенно преслѣдовали христіанство, и оно проникло даже въ восточные предѣлы Ирана (въ 334-мъ году уже существовали епископства въ Мерви и Тусѣ), но съ тѣхъ поръ, какъ римская имперія объявила христіанскую вѣру господствующею, иранцы стали относиться къ ней враждебно.

Въ 641 г. династія Сассанидовъ была низвергнута аравитянами, утвердившими въ Персіи исламъ и новые порядки; затѣмъ, находясь подъ номинальною властью халифовъ, она распадается на нѣсколько независимыхъ владѣній, а въ 1258 г. подпала подъ иго монголовъ (Чингисъ-ханъ, Тимуръ), отъ котораго освободилась только въ концѣ XV столѣтія. Остановимся на этомъ длинномъ періодѣ разложенія Персіи (VII—XV вѣкъ), когда она безпощадно орошалась человѣческою кровью и служила ареною всевозможныхъ бѣдствій.

Коренной переворотъ, произведенный въ Персіи вторженіями аравитянъ съ юго-запада, потомъ — наплывомъ тюркскихъ

племенъ съ сѣвера, повлекъ за собою уничтоженіе этими мусульманами туземной (иранской) религіи, языка, обычаевъ. Послѣдователи Мухаммеда, вводя тутъ исламъ истребляли Зороастрову религію огнемъ и мечемъ; оставшіеся вѣрными ей бѣжали отъ преслѣдованій въ Гузератъ, что въ Индіи, или пріютились въ отдаленныхъ пустыняхъ Ирана. Эти малочисленные осколки коренныхъ персовъ, сохранившіе въ чистотѣ типъ и религію своихъ предковъ, были прозваны своими гонителями-аравитянами, въ отличіе отъ принявшихъ исламъ, *кяфырами* (беззаконными, невѣрными, погаными), откуда впослѣдствіи выработалась кличка «гебръ», равнозначущая огнепоклоннику.

До завоеванія халифами Персія была цвѣтущею, ибо законы Ормузда вмѣняли въ обязанность каждому обработывать землю, дабы обращать ее *въ благословенныя мѣста*; она была покрыта посѣвами, садами, водопроводами и водохранилищами, караванъ-сараями (пристанищами для путниковъ), богоугодными заведеніями и храмами. Слѣды послѣднихъ и курганы напоминаютъ туристу о древнихъ персахъ, большею частью уже выродившихся, вслѣдствіе смѣшенія съ племенами и народами, завоевывавшими Иранъ въ разное время.

Въ настоящее время персидскіе гебры, непревышающіе своею численностью 10 т. чел., попадаются и въ окрестностяхъ Тегерана, но преимущественно живутъ въ Керманѣ и Ездѣ, занимая въ послѣднемъ особый кварталъ «Пуште-Хане-Али», что при Керманскихъ воротахъ; какъ угнетаемые, они терпѣливо платятъ огромныя подати, а какъ послѣдователи Зороастра, отличаются трудолюбіемъ, честностью, цѣломудріемъ, прямодушіемъ, гостепріимствомъ и искренностью съ иностранцами, въ чемъ нельзя упрекнуть выродившихся персовъ. Многіе гебры понимаютъ и читаютъ языкъ Зенда, на которомъ написана Зендъ-Авеста (законы Ормузда), и другія древне-персидскія священныя книги, изучаемыя ими въ Индіи (въ Гузератѣ) въ подлинникахъ; изслѣдованіе послѣднихъ доказываетъ, что религіи ихъ—единобожіе, и только въ послѣдствіи она приняла форму поклоненія огню (огнепоклонства), какъ символу Ормузда, представителя свѣта.

Разрушивъ древне-персидскую вѣру, исламъ узаконилъ деспотизмъ, ограничилъ разъ навсегда кругъ дѣйствій правовѣрнаго, сковалъ ихъ и тѣмъ положилъ преграду естественному

праву человѣка развивать свои силы на личное и общее благо, а дикимъ страстямъ его далъ широкій разгулъ. Распавшись на два главныхъ толка: *шійя и сюнни*, мухаммедане перенесли религіозную нетерпимость, непримиримую вражду даже въ свою среду; шійя (шіиты, къ которымъ принадлежатъ персы), приверженцы зятя Мухаммеда, Али, величаютъ двѣнадцать первыхъ наслѣдниковъ его *имамами* (главами вѣроученія, духовными вождями), а первыхъ трехъ халифовъ клянутъ до 7-го колѣна, какъ похитителей престола; отсюда образовалась незначительная секта али-алахъ, признающая Али за Бога. Сюнни-же (сунниты), къ которымъ принадлежатъ въ Персіи одни только кочевыя племена турецкаго и аравійскаго происхожденія, послѣдователи вышеупомянутыхъ халифовъ и противники Али, дѣлятся на четыре секты.

Персидское духовенство, упрочившее на исламѣ свое вліяніе надъ народомъ, видящимъ въ немъ единственнаго защитника противъ притѣсненій властей, систематически противодѣйствовало и противодѣйствуетъ какъ политическимъ реформамъ, такъ и попыткамъ религіозныхъ реформаторовъ обновить заплеснѣвшуюся въ нелѣпыхъ формахъ жизнь. Ученіе знаменитаго персидскаго философа XII вѣка, *Суфи*, отвергающее всю внѣшнюю, обрядовую сторону корана, остается безплоднымъ; появившаяся въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія секта *баби* или «общество любви» (въ смыслѣ—къ человѣчеству), пропагандирующая примиреніе съ христіанскимъ міромъ, преслѣдуется смертною казнію.

Періодъ разложенія сильно повліялъ и на языкъ иранцевъ. Нынѣ-существующіе образчики 4 иранскихъ діалектовъ относятся ко временамъ, предшествующимъ завоеванію Персіи Александромъ Македонскимъ; изъ нихъ: гвоздеобразныя надписи эпохи Ахеменидовъ составляли древне-персидскій языкъ въ тѣсномъ смыслѣ, именно: нарѣчіе древняго Фарса временъ Дарія и Ксеркса *); обыкновенный языкъ Зендъ-Авесты, называемый древне-бактрійскимъ, сохранился въ древне-персидскихъ священныхъ книгахъ; онъ принадлежитъ къ семейству санскритскаго языка (пишется слѣва направо.) Послѣ зенд-

*) Иранъ. К. Рит., въ переводѣ Н. В. Ханыкова.

скаго языка образовался пехлевійскій, уже полный чуждыхъ примѣсей; на немъ также написаны Зороастровы литургическія книги. Онъ составляетъ простой языкъ Гиляна, Мазандерана и Хорассана (пишется слѣва направо). Зендъ-Авеста переведена на санскритскій языкъ и парсійское нарѣчіе, развившіеся позже и полные чуждыхъ примѣсей. Наконецъ надписи (памятники) сассанидской эпохи составляютъ образчики древне-иранскаго языка временъ Артаксеркса II и III. Настоящія-же формы ново-иранскихъ языковъ зародились въ упомянутую эпоху разложенія и полны примѣсей семитическаго элемента. Ново-персидскій языкъ съ діалектами по провинціямъ дѣлится на: 1) «насхъ,» употребляемый въ коранѣ, 2) «насхъ-таліикъ»—въ печати, литографическихъ и рукописныхъ сочиненіяхъ; 3) шекесте — въ частной перепискѣ, также и въ рукописныхъ сочиненіяхъ, и 4) сіюге—въ счетахъ.

Тотъ-же періодъ разложенія установилъ новый образъ правленія, при которомъ теперь жизнь и достояніе каждаго принадлежатъ шаху; его воля замѣняетъ законъ, и только вліяніе духовенства да нѣкоторые обычаи, вкоренившіеся вѣками въ народѣ, нѣсколько ограничиваютъ ее. Затѣмъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла рѣшаются обыкновенно по *шаріату*, т. е. мухаммедову закону, сообразно толкованіямъ имамовъ и муштегидовъ, иногда—и по *урфу*, т. е. обычаю, освященному вѣками.

Въ параллель съ вышеизложенными коренными перемѣнами измѣнились обычаи и характеръ народа—къ худшему.

Много горя вынесла Персія въ этотъ тяжкій періодъ своей жизни. Чингисъ-ханъ, Тимуръ ураганомъ проходили по ней, оставляя по себѣ только смерть и опустошеніе. Первый, между прочими дѣяніями, разорилъ родину Фердуси, гор. Тусъ; второй—пять разъ опустошалъ ее до тла и сооружалъ высокія башни изъ человѣческихъ головъ!

Послѣ ужасовъ монгольскаго ига персидскимъ престоломъ овладѣлъ въ 1502 г. Измаилъ-Шахъ, основатель священной, въ глазахъ шіитовъ, династіи Софи (Сефи), въ самую блистательную эпоху которой, при Аббасѣ Великомъ (1582—1627 г. по Р. Х.), Персія снова получаетъ полную самостоятельность; затѣмъ, при слабыхъ преемникахъ его, въ 1722 г. она была покорена авганцами, но не на долго: одинъ изъ приверженцевъ свергнутаго ими шаха, Надиръ, уроженецъ Хорас-

сана, очистилъ государство отъ пришельцевъ съ помощью хорассанскихъ войскъ, перенесъ войну за предѣлы Персіи и въ 1737 г. былъ всенародно провозглашенъ шахомъ. Распространивъ владѣнія своего царства за Индъ и до Сыръ-Дарьи, онъ восторжествовалъ побѣды свои въ 1741 г. въ урочищѣ Келатѣ, что между Мервью и Мешхедомъ, въ предѣлахъ Хорассана, названнаго имъ «Мечомъ Персіи» *); въ этомъ-то урочищѣ, окруженномъ скалами и тѣснинами, онъ воздвигъ себѣ неприступное убѣжище, въ мраморныхъ дворцахъ котораго зарылъ награбленную добычу... Съ крутого берега рѣки Тернакъ (что въ Авганистанѣ) бѣлѣются на большомъ пространствѣ кости десятки тысячъ гильджеевъ, перерѣзанныхъ по приказанію этого сокрушителя не только восточныхъ троновъ, но и народовъ, въ свою очередь умерщвленаго въ Мешхедѣ, въ 1747 г., однимъ изъ своихъ полководцевъ, авганцемъ Ахмедъ-ханомъ, изъ племени Дурани, который, завладѣвъ его казною, провозгласилъ себя эмиромъ авганскимъ. Привезенный Надиромъ изъ Индіи золотой престолъ, украшенный неоцѣненными алмазами и драгоцѣнными каменьями, былъ разграбленъ курдами, переселенными съ своей родины въ сѣверные предѣлы Хорассана еще шах-Аббасомъ, съ цѣлью противодѣйствовать вторженіямъ сюда тюркменъ; не зная цѣны золоту и алмазамъ, эти дикари вымѣнивали ихъ на мѣдь и бездѣлки.

Послѣ Надиръ-шаха Персія распалась на нѣсколько частей: восточный Иранъ (Авганистанъ, Систанъ и Белуджистанъ) составилъ самостоятельное государство подъ главенствомъ убійцы его Ахмедъ-хана; Туранъ сдѣлался совершенно независимымъ; Багдадомъ овладѣла Турція; Грузія, по просьбѣ царя ея Ираклія, вассала Персіи, поступила подъ покровительство Россіи, а въ западномъ Иранѣ или собственно Персіи начались междоусобицы, далеко неокончившіяся захватомъ въ 1794 г. престола ея, съ помощью хорассанцевъ, Ага-Мухаммедъ-ханомъ, основателемъ нынѣ царствующей династіи Каджаровъ, принад-

---

*) Надиръ (по буквальному переводу—*Мечъ*) родился въ селеніи *Маулуджа* (между Келатомъ и Мешхедомъ), гдѣ впослѣдствіи соорудилъ — въ память своего возвеличенія изъ простаго селянина до коронованнаго полководца—мечеть съ надписью: „Отсюда вышелъ мечъ Персіи".

лежащихъ къ нѣкогда сильному, въ исторіи Востока, татаро-турецкому племени *Джелаиръ*.

Преемникъ его Фетхъ-Али-шахъ, вступившій на престолъ въ 1796 г., потратилъ много силъ и денегъ, чтобы подчинить своей власти обширный Хорассанъ — восточную часть доставшейся ему Персіи, состоящую изъ безводныхъ пустынь, степей и обнаженныхъ горныхъ хребтовъ, съ немногими оазисами городовъ и деревень,—пока, наконецъ, сынъ его Аббасъ-Мирза, правитель Адербейджана, въ одинъ походъ туда не совершилъ того, чего тотъ домогался втеченіи всего своего тридцати-пятилѣтняго царствованія...

И этою побѣдой онъ былъ обязанъ регулярнымъ войскамъ, сформированнымъ въ Персіи съ помощью англійскихъ и французскихъ офицеровъ только съ 1809 г.; до того-же времени тамъ велись войны безпорядочными полчищами всадниковъ. Впрочемъ, и въ настоящее время военныя силы Персіи, состоящія изъ: 1) низама (регулярныхъ войскъ), 2) севарехъ-редифа (иррегулярной кавалеріи) и 3) туфенгджи (милиціи), находятся въ жалкомъ видѣ: при наборѣ рекрутъ господствуетъ полнѣйшій произволъ и подкупъ, а жалованье голодныхъ, оборванныхъ сарбазовъ (солдатъ), обязанныхъ служить шаху безсрочно, остается большею частью въ карманахъ начальства.

Одновременно съ хорассанскими междоусобицами Фетхъ-Али-шаху пришлось въ двадцатыхъ годахъ помѣряться силами съ суннитскою Турціею, но взаимныя отношенія и до сихъ поръ остаются недружелюбными, границы неопредѣленными. Война Россіи съ Персіею за обладаніе Закавказскимъ краемъ заключилась въ 1813 г. гюлистанскимъ миромъ, по которому послѣдняя уступила первой: Грузію, Дагестанъ и ханства: Карабахское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Бакинское и Талышинское; а война 1826 г. привела къ туркманчайскому миру 10-го февраля 1827 г., увеличившему предѣлы Россіи Эриванскимъ и Нахичеванскимъ ханствами и доставившему ей исключительное право содержать военную флотилію на Каспійскомъ морѣ.

Преемникъ Фетхъ-Али-шаха, Мухаммедъ-шахъ, вступившій на престолъ въ 1834 г., попытался-было вернуть утраченный Персіею по смерти Надира Авганистанъ, но Англія, считающая

сохраненіе независимости его необходимымъ условіемъ для обезпеченія своего владычества въ Индіи, вмѣшалась, пригрозила и въ концѣ-концовъ получила еще два островка въ Персидскомъ заливѣ: Карракъ и Кишмъ. Подобныя-же попытки со стороны нынѣ царствующаго Насръ-ед-динъ-шаха, вступившаго на престолъ въ 1848 г., закончились трактатомъ съ Англіею въ 1857 г., по которому Персія формально отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ на Авганистанъ, что, однакожъ, не мѣшаетъ ей и до сегодня питать замыслы завладѣть при случаѣ, если не всѣмъ имъ, то по крайней мѣрѣ Хератомъ, этимъ фениксомъ, неоднократно возникавшемъ изъ пепелища съ необыкновенною быстротою.

Такова судьба Персіи, составляющей теперь около четвертой доли прежняго «Чистаго Ирана», занимавшаго что-то около 80 т. квадр. миль!

Въ географическомъ отношеніи она представляетъ, за исключеніемъ низменнаго прибрежья Каспія и Персидскаго залива, гористое плато въ 3—4 тысячи фут. средней высоты. Горные хребты Эльбурса съ потухшимъ вулканомъ Демавендъ (21,520 ф.), составляющіе сѣверную грань этой выси, тянутся вдоль южнаго берега Каспійскаго моря и, пройдя сѣверные предѣлы Харассана круто обрываясь въ туркестанскую низменную степь, соединяются съ отрогами Гинду-Куша въ Авганистанѣ; горная цѣпь Нифатъ, направляясь отъ горы Араратъ къ югу, служитъ границею между Турціей и Адербейджаномъ, на сѣверозападѣ покрытымъ сѣтью высокихъ горъ; Элвендская цѣпь, наполняя всю южную Персію, постепенно спускается въ песчаныя степи низменнаго прибрежья Персидскаго залива, называемыя Дештистаномъ (пустынною землей), гдѣ климатъ — знойной Аравіи, а бугры песку, переносимые вѣтромъ съ мѣста на мѣсто, нерѣдко погребаютъ путниковъ подъ собою; напротивъ того, низменная полоса Персіи между Каспіемъ и Эльбурсомъ, называемая въ древности Гирканіею, отличается полутропической растительностью и знойно-влажнымъ климатомъ, развивающимъ лихорадки и др. болѣзни, а находящееся между этими прибрежными полосами возвышенное плато, ядро Персіи, состоитъ изъ пустынь, степей, обнаженныхъ кряжей и, за исключеніемъ Адербейджана съ его суровою зимою, без-

водно и отличается необыкновенною сухостью; но гдѣ есть вода, тамъ и посѣвы, плантаціи и роскошные сады.

Южный рубежъ нашего Закавказья составляетъ сухопутную русско-персидскую границу, на 550 верстъ; далѣе, отъ р. Астары до Атрека *), на протяженіи 600 вер., Персія омывается Каспіемъ находящемся въ полномъ нашемъ распоряженіи, и затѣмъ, сѣверная граница ея неопредѣленна; съ востока она граничитъ съ Авганистаномъ, Систаномъ и Белуджистаномъ; съ запада—съ Турціею; съ юга — омывается Персидскимъ заливомъ.

На этомъ пространствѣ мается 6-ти милліонное ветхое населеніе, постепенно вымирающее отъ правительственнаго гнета и послѣдствій его—невѣжества и нищеты. Около двухъ милліоновъ природныхъ персовъ или таджиковъ, да немного христіанъ (армянъ и несторіанъ), гебровъ и евреевъ, живутъ въ городахъ; не болѣе того наберется деревенщины—земледѣльцовъ; остальные — илаты, т. е. кочующія племена: 1) туземнаго происхожденія: курдскія и лорійскія, и 2) водворившіеся въ Персіи со временъ завоеванія ея аравитянами: аравійскаго и татаро-турецкаго происхожденія; къ послѣднему принадлежитъ и нынѣ господствующее малочисленное каджарское племя, во главѣ съ шахомъ изъ фамиліи *Ашагабашъ*, хотя отрасль *Юхарибашъ* считается благороднѣе.

Разбросанные по всему государству, Каджары занимаютъ всѣ болѣе или менѣе важныя правительственныя мѣста и гарантированы отъ обидъ. Илаты, кочующіе круглый годъ въ мѣстахъ опредѣленныхъ шахомъ для каждаго племени, управляются своими ханами или илханами (ильханами), пользуются большою независимостью и считаютъ себя выше угнетаемыхъ туземцевъ; обязательства ихъ къ шаху ограничиваются взносомъ опредѣленной дани и въ вооруженіи, по требованію его, извѣстнаго числа всадниковъ для иррегулярной кавалеріи.

Въ административномъ отношеніи Персія дѣлится на генералъ-губернаторства и области, подраздѣленныя на округи, разбитые на сельскіе участки; при Фетхъ-Али-шахѣ персидскія области отдавались формально на откупъ тѣмъ, кто больше да-

---

*) По трактату 1869 г. рѣка Атрекъ (что по ту сторону Каспійскаго моря) признана границей между Россіею и Персіею.

валъ, да и теперь онѣ фактически предоставлены ненасытному хищничеству правителей, ибо всѣ мѣста раздаются преимущественно за подарки (пишкеши), которые нужно-же вернуть съ избыткомъ ну, хоть-бы даже крайнимъ притѣсненіемъ народа, въ особенности деревенщины, служащей, своимъ непосильнымъ трудомъ, главнымъ источникомъ доходовъ государства, обремененной многими другими повинностями доводящими ее до нищеты, до голода... и при всемъ томъ—не имѣющей никакой опредѣленной поземельной собственности!

Земля въ Персіи принадлежитъ, за нѣкоторымъ исключеніемъ казнѣ, шаху, духовенству и помѣщикамъ; на этой-то «Ормуздовой землѣ», какъ выразился одинъ гебръ, поселены изможденные райи (крестьяне для обработки полей, въ пользу владѣльцевъ за условное вознагражденіе, или—въ качествѣ арендаторовъ). И они, по-возможности, бѣгутъ въ города избавленные отъ платы за землю и строенія, исключая базаровъ; такимъ образомъ, численность деревенщины съ году на годъ уменьшается, и вся тяжесть государственныхъ повинностей падаетъ на тѣхъ, кто не имѣетъ возможности покинуть земледѣльческій трудъ.

Исламъ придалъ персидскимъ городамъ однообразную физіономію. Обнесенные высокими глиняными стѣнами и прорѣзанные почти во всю длину базаромъ, они представляютъ безпорядочную сѣть узенькихъ, обыкновенно пустынныхъ улицъ съ глиняными, снаружи—глухими, маленькими домами, вѣрнѣе, дворами. На базарѣ сосредоточивается дневная дѣятельность мужской половины населенія; женщина-же, закутанная съ головы до пятокъ въ чадру (покрывало), изрѣдка прокрадется пугливою походкой по улицѣ или покажется на плоской крышѣ дома и, какъ привидѣніе, опять скроется; она сидитъ взаперти и служитъ правовѣрному такою-же необходимою принадлежностью въ его жильѣ, какъ кальянъ.

Наивно было-бы трактовать о правѣ въ странѣ безправія; обязанность же давать и давать съ одной стороны пишкеши, съ другой—по пяткамъ, поразительно какъ усвоено всѣми. Общественной жизни въ европейскомъ смыслѣ нѣтъ... Религія состоитъ въ формахъ, предразсудкахъ и враждебной отчужденности отъ иновѣрца, отчужденности нерѣдко подвергающей честь и даже жизнь его опасности, а воспитаніе,

находящееся въ рукахъ мусульманскаго духовенства, заключается преимущественно въ религіи, т. е. высшею мудростью почитается изученіе всѣхъ тонкостей корана и толкованій его. Слѣдовательно, настоящей школы нѣтъ. Народное здоровье разрушено, европейской-же медицины тоже не существуетъ. Торговля незначительна, несмотря на выгодное географическое положеніе страны, на богатыя средства ея и способности жителей; мануфактурная промышленность въ крайне жалкомъ состояніи: фабрикъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ, а орудія и пріемы ручного труда (какъ и земледѣльческаго) большею частью носятъ отпечатокъ временъ Джемшида. Горная промышленность, несмотря на изобиліе рудныхъ и минералогическихъ богатствъ, или спитъ, или находится въ младенчествѣ.

Дороги въ горахъ трудно проходимы, въ степяхъ и пустыняхъ—опасны; ѣзда совершается верхомъ на лошадяхъ, катерахъ (лошакахъ), ослахъ, служащихъ вмѣстѣ съ верблюдами и для перевозки тяжестей.

Основы персидской жизни: деспотизмъ и формальная религія, затормозивъ (и даже попятивъ назадъ) экономическое и нравственное развитіе страны, изуродовали качества и характеръ народа; безконечная трусость и комичная важность персовъ, ихъ вѣчная ложь и легковѣріе, вѣроломство и подобострастіе передъ грубою силою, золотомъ; наконецъ, ихъ взглядъ на честнаго, откровеннаго и прямодушнаго человѣка какъ на дурака и уваженіе къ плутамъ, ловкимъ мошенникамъ-дѣльцамъ, — вся эта, взятая вмѣстѣ, гниль и плесень можетъ современемъ обратиться въ благотворную почву только при раціональныхъ пріемахъ цивилизаціи; но откуда Персіи ждать обновленія своихъ силъ? Отъ послѣдняго имама Мехди-Охыръ-Земонъ (имама конца міра), который, оставивъ свои туфли передъ пещерою или колодцемъ (разно толкуютъ), скрылся съ тѣмъ, чтобы въ удобную минуту явиться «воителемъ за вѣру?» Или-же отъ шаха Насръ-ед-дина, котораго народъ не любитъ, какъ угнетателя своего, а духовенство и сейиды (потомки пророка Мухаммеда) презираютъ, ненавидятъ, какъ узурпатора, вышедшаго изъ турецкаго племени каджаръ, потомковъ Бени-Уміе, убійцъ сыновей высокопочтеннаго имама Али: Хюсейна и Хасана?

Конечно—нѣтъ, и Персія неминуемо сдѣлается достояніемъ болѣе сильныхъ сосѣдей.

Такова судьба призрачнаго величія и могущества, основанныхъ на невѣжествѣ угнетаемыхъ массъ и на формальной религіи, давящей духъ человѣка!

Обратимся теперь къ тюркменамъ, которые постоянно держатъ сѣверные предѣлы Персіи въ страхѣ, и, если попадаютъ въ руки тамошнихъ губернаторовъ, расплачиваются за свои отважные набѣги мучительною смертью. Тюрко-татарское племя, которое само себя называетъ *тюркъ-менъ*, что буквально значитъ: *воинъ я*, тѣснимое киргизами и калмыками съ издавна занимаемаго ими полуострова Мангышлака, начало переходить со временъ Тамерлана въ степи, расположенныя къ юго-западу отъ Аральскаго моря, и частью даже переселяться въ Персію, способствуя тѣмъ отурченію нѣкоторыхъ ея областей, въ особенности Адербейджана. За приблизительные предѣлы тюркменскихъ кочевокъ въ настоящее время можно принять на сѣверѣ — полуостровъ Мангышлакъ и степи киргизовъ Малой Орды, на востокѣ - р. Аму-Дарью до Кундуза, на югѣ — цѣпь Эльбурса и р. Кара-су, на западѣ — Каспійское море. На всемъ этомъ пространствѣ, за нѣкоторымъ исключеніемъ, хоть шаромъ покати: безводно и пустынно; пески, солонцеватая глина и колючія травы, годныя въ пищу развѣ только верблюдамъ. Зима легкая, короткая, лѣтній зной умѣряется вѣтрами Каспія, дожди рѣдки, вообще климатъ сухъ и здоровъ, за исключеніемъ болотистыхъ устьевъ рр. Атрека и Гургени. На лучшихъ мѣстахъ этой голой шири, по окраинамъ ея, по старому руслу р. Аму-Дарьи и отчасти по р. Мургабу сосредоточиваются тюркменскія кочевья по племенамъ, большею частію, враждующимъ между собою и производящимъ грабежи въ пограничныхъ мѣстахъ сосѣднихъ государствъ, въ особенности—Персіи.

Верховная власть персидскихъ шаховъ надъ тюркменами, равно и зависимость нѣкоторыхъ племенъ ихъ отъ хивинскаго хана, была всегда ничтожна, а теперь, за малымъ исключеніемъ, она не только считается номинальною или совершенно непризнается, но между тюркменами замѣтно даже стремленіе захватить въ свои руки Персію, какъ то сдѣлалъ въ 1794 г. соплеменникъ ихъ Ага-Мухаммедъ-ханъ, основатель нынѣ царствующей тамъ династіи Каджаровъ.

Вѣковая, ожесточенная борьба тюркменъ-суннитовъ съ персами-шіитами все еще длится въ пограничныхъ областяхъ: хорасанской, астерабадской и даже мазандеранской, сильно страдающихъ отъ первыхъ. Правда, въ послѣднее время набѣги ихъ нѣсколько пріутихли, и то — благодаря, конечно, не оборвышамъ курдамъ, выставленнымъ тутъ какъ оплотъ противъ нихъ, а послѣднему хивинскому погрому, отчасти уничтожившему среднеазіятскій невольничій рынокъ и приблизившему грозныя тучи съ сѣвера, могущія ежечасно разразиться надъ разбойничьими шатрами.

Тюркмены дѣлятся на племена (халькъ), состоящія изъ родовъ (таифе), колѣнъ (таире) и другихъ подраздѣленій. Упомянемъ здѣсь только о болѣе замѣтныхъ племенахъ, между которыми: ата, ходжа, шейхъ и махтумъ считаются потомками первыхъ четырехъ халифовъ, что ограждаетъ ихъ отъ насилій своихъ соплеменниковъ, а текке и ямуды — самыми многочисленными и отважными. Ата и махтумъ кочуютъ по границѣ съ Хивою и отчасти у Балханскихъ горъ; шейхи—близь Кале-Шейха, что у Атрека; часть ходжа, вмѣстѣ съ частью другого племени: ессенъ-или, кочуя отъ Александровскаго форта до Кара-Бугаза, считаются подданными Россіи; остальные ессенъ-или живутъ въ предѣлахъ хивинскаго ханства. Племена сакаръ и ерзари кочуютъ по лѣвому берегу Аму-Дарьи, отъ Чарджуй до Бальха, и находятся въ зависимости отъ бухарскаго эмира; храброе племя салоръ, считающееся по происхожденію самымъ благороднымъ между тюркменами, кочуетъ по берегамъ Мургаба, южнѣе отъ становъ (кочевьевъ) другого, постоянно враждущаго съ сосѣдями, племени сарикъ. Малочисленные аль-или и амръ-или, уи, аймакъ и кара-дашли занимаютъ мѣсто отъ рѣки Мургабъ до Кундуза и отъ Аму-Дарьи до сѣверныхъ отроговъ Гинду-Куша. Персидско-подданные гокланы, самое мирное племя, что не мѣшаетъ ему вѣчно враждовать съ сосѣдями: текке и ямудами, живутъ въ плодородной долинѣ верховьевъ Гургени, на западъ до башни Гумбети-Каусъ.

Они занимаются земледѣліемъ, славятся, между прочимъ, издѣліемъ ковровъ и, опасаясь вторженій въ свои кочевья безпокойныхъ буджнурдскихъ курдовъ, отъ ильхановъ которыхъ находятся въ полной зависимости, платятъ подать акуратно, даже съ излишкомъ. Годъ тому назадъ прикочевало къ верховьямъ Атрека и Гургени до 3,000 кибитокъ хивинскихъ гоклановъ, съ намѣреніемъ поселиться вблизи Кары-Кала навсегда, если только «разбойничьи» набѣги курдовъ не выгонятъ ихъ оттуда.

Самое хищное, сильное (до 40 т. кибитокъ) племя текке, наводящее ужасъ на Хорассанъ, гдѣ дѣлятъ его на текке-ахалъ и текке-теджень, состоитъ изъ двухъ главныхъ родовъ: утамышъ и тохтамышъ, и, по мѣсту становъ, распадается на два отдѣла: одинъ—по р. Мерви, другой—при подошвѣ сѣверо-восточныхъ склоновъ хребта Курень-Дахъ поближе къ ручьямъ; но вообще кочевья этого племя простираются между гокланами, сѣвернымъ склонамъ Эльбурскихъ горъ, верховьемъ р. Мургаба и хивинскимъ ханствомъ, главенство котораго нѣкоторая доля его признаетъ надъ собою. Мервскіе текинцы даже энергично содѣйствовали ему во время послѣдней борьбы съ русскими, и до сего дня не прекращаютъ своихъ хищническихъ набѣговъ на нашъ Закаспійскій край. Въ настоящее время въ Мерви томится въ неволѣ нашъ артиллеристъ, слѣдовавшій въ укрѣпленіе Петро-Александровское при казенномъ караванѣ съ провіантомъ, разграбленнымъ ими на правомъ берегу Аму-Дарьи. Въ Мешхедѣ я имѣлъ случай принимать мервскаго посланца по поводу этого плѣнника и взялъ обѣщаніе отъ хорассанскаго эмира выкупить его.

Курень-дахскіе текинцы не менѣе страшны для трусливыхъ персовъ; въ огражденіе-же отъ разбойниковъ курдовъ, построили около 50 глиняныхъ укрѣпленій, частью разрушенныхъ-было полковникомъ Столѣтовымъ и Маркозовымъ за враждебныя отношенія ихъ къ нашимъ рекогносцировочнымъ колоннамъ, за нападеніе на Михайловскій постъ и участіе съ ямудами въ прибрежныхъ разбояхъ, послѣднею жертвою которыхъ былъ лоцманъ Лобановъ.

Нѣкоторые текинцы занимаются земледѣліемъ, конечно, въ размѣрахъ не удовлетворяющихъ потребностей огромнаго большинства, и оно получаетъ пшеницу, ячмень, рисъ изъ

Хивы въ обмѣнъ своихъ богатствъ: барановъ, верблюжьей шерсти, конскаго волоса, попонъ, войлоковъ, ковровъ и преимущественно лошадей, славящихся на всемъ Востокѣ ростомъ, силою, выносливостью. Но главное занятіе, главный источникъ богатствъ свирѣпаго племени составляютъ аламаны или чапао, т. е. хищническіе набѣги на Хорассанъ черезъ проходы или ущелья въ Эльбурсѣ. изъ коихъ извѣстны: *Муздеранъ Акъ-Дербендъ*, *Пюли-Хатунъ*, *Домени-Хатъ* (при Келатъ-и-надири), *Этекъ* (близь Дерагеза), *Дарунъ-Гере*, *Гермабъ* и *Курд-Кале*. Тамъ они грабятъ и берутъ въ неволю проѣзжихъ и жителей, нерѣдко отваживаясь подходить къ самымъ стѣнамъ священнаго для шіитовъ города Мешхеда; грабятъ они караваны и въ своихъ степяхъ, враждуя съ сосѣдними племенами, въ особенности съ ямудами, съ которыми—то мирятся, то рѣжутся. «Мы всѣ пойдемъ за русскихъ противъ текке отомстить за послѣднюю нашу кровь!» поклялись ямуды послѣ ужасной катастрофы, постигшей прошлою осенью одинъ изъ ауловъ ихъ, въ которомъ, кромѣ двухъ-трехъ старухъ и одного мужчины, никто не миновалъ текинской шашки.

30 августа 1874 года пріѣзжали къ генералу Ламакину въ Красноводскъ текинскіе посланцы отъ старшинъ группы кочующей до Гяурса, съ изъявленіемъ желанія жить съ русскими въ дружбѣ и увѣреніями что они не солидарны въ враждебныхъ стремленіяхъ съ подвластными Коушъ-хану мервцами, приглашающими ихъ дѣйствовать съ собою за одно въ случаѣ движенія русскихъ на Мервь. При этомъ они вручили ему и отвѣтъ на дружественныя письма его къ нимъ отъ 2 апрѣля:

«Высокостепенный, почтенный и знатный начальникъ генералъ Ламакинъ! Пишемъ вамъ отъ всего нашего текинскаго общества, что по полученіи и прочтеніи вашего благосклоннаго и милостиваго письма, ваши высокочтимыя слова о мирѣ и добромъ согласіи были приняты нами какъ святыня, открывшая намъ глаза, а потому мы сочли нужнымъ отвѣчать: ваше великое наставленіе, для нашей пользы, мы принимаемъ и въ доказательство нашей искренности отправляемъ къ вамъ, вмѣстѣ съ вашими посланными, и нашихъ людей. Все, что приказано вашею высокою особою относительно мира и сношенія съ нами, будетъ исполнено; между вами и нами теперь не существуетъ болѣе раздѣльности, мы готовы служить

вамъ. Желая навсегда *въ этомъ мірѣ* твердо держать наше общество въ единствѣ и порядкѣ, мы готовы, именно по этой причинѣ, исполнять всякое желаніе, распоряженіе и приказаніе вашего превосходительства. При этомъ, если отправленные къ вамъ люди наши будутъ приняты милостиво и возвратятся къ намъ благополучно, то всѣ приказанія ваши, полученныя нами через нихъ, будутъ исполнены съ помощью высочайшаго Бога. Затѣмъ, да будутъ навсегда *наши слова* благословенны Богомъ.

Софи-ханъ, Авузъ-Мурадъ-Сардаръ и Гари-Джи-ханъ».

Какая безсодержательность! Да при томъ-же—скажу по секрету,—между посланцами были шпіоны.

Одаривъ ихъ, генералъ Ламакинъ поручилъ передать приглашеніе текинскимъ ханамъ пріѣхать черезъ мѣсяцъ въ Красноводскъ для совѣщанія о мѣрахъ къ водворенію спокойствія въ степяхъ, для охраны безпрепятственнаго движенія по нимъ каравановъ и срочнаго сообщенія съ аму-дарьинскимъ басейномъ черезъ чапаровъ (курьеровъ).

Теперь перейду къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ, ямудамъ, которымъ вскорѣ готовятся новыя судьбы:—примкнуть къ Россіи и современемъ, съ прочими тюркменами, служить авангардомъ при рѣшеніи нѣкоторыхъ изъ нашихъ азіятскихъ вопросовъ,—кстати, эти номады арало-каспійскихъ пустынь отличаются отвагою, предпріимчивостью, выносливостью и могутъ выставить до сотни тысячъ войска.

«Мы народъ безъ головы», т. е. безъ правительства, говорятъ тюркмены, и дѣйствительно, каждое кочевье избираетъ себѣ изъ почтенныхъ, состоятельныхъ однокочевниковъ только старшину или ак-сакала (буквально-бѣлобородоваго, старика), ограниченная власть и прочность положенія котораго обусловливаются солидарностью дѣйствій его съ желаніями народа; каждый членъ племени имѣетъ голосъ въ совѣтѣ, гдѣ публично разбираются вопросы, касающіеся общихъ интересовъ. Дикая необузданность, своеволіе и самоуправство нѣсколько сдерживаются не ничтожною властью аксакала, а силою обычаевъ (деба); главнѣйшею опорою общественнаго строя служитъ тѣсная связь между людьми одного кочевья и одного племени, готовность отстаивать другъ друга отъ общаго врага и поддерживать наслѣдственную борьбу съ враждебными племенами, какъ, напр., ямудовъ съ гокланами, а теперь и съ текинцами.

Въ настоящее время ямуды, находящіеся подъ русскимъ вліяніемъ, подчинены ханамъ, избраннымъ нашими мѣстными властями изъ преданныхъ людей; получая жалованье, они служатъ послушнымъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ.

Ямуды дѣлятся на три рода: чоны, шерефъ и байрамъ-шали, подраздѣленные на нѣсколько колѣнъ.

Чоны и шерефъ, приблизительно, въ 18 тысячъ кибитокъ, занимаютъ своими кочевьями островъ Челекень и прибрежныя пустыни Каспійскаго моря, начиная отъ залива Кара-Бугасъ, по Узбою, Атреку, Гургени и далѣе до р. Кара-Су (черной); на лѣто многіе переходятъ къ Балаханскимъ горамъ. Нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ въ послѣдній хивинскій походъ, чѣмъ вызвали занятіе нами восточнаго берега Каспія и сооруженіе тамъ укрѣпленій, теперь уже упраздненныхъ, кромѣ Красноводска, а въ апрѣлѣ 1874 года нѣсколько старшинъ ихъ уже предложили «вручить судьбы ямудскаго народа русскому царю». Другими словами—впрочемъ, относящимся только къ ближайшимъ къ Персіи ямудамъ—переходъ въ русское подданство отъ персидскаго, въ сущности—фактивнаго, ибо единственное проявленіе его—подать съ каждой кибитки, деньгами, или мѣстными произведеніями, да и та взимается хитростью и силою, вызывающею со стороны таковскихъ подданныхъ ожесточенные набѣги на свою слабосильную повелительницу. Но есть и исправные плательщики, называемые «иль», въ отличіе отъ «ягъ», т. е. непокорныхъ, бунтовщиковъ недающихъ ничего и не признающихъ ни хановъ, ни старшинъ, установленныхъ надъ ними персидскими властями.

По рожденію и, соотвѣтственно тому, общественному положенію ямуды дѣлятся на «игъ», т. е. чистой крови, и «кулъ», происходящихъ отъ смѣшанной крови съ «крнаги», т. е. невольницею, обыкновенно персіянкою; а по роду занятій на «чомры», т. е. нѣсколько осѣдлыхъ, и «чарва»—постоянно кочующихъ, благо хорошихъ пастбищъ достаточно. Послѣдняя занимается, при случаѣ, разбоями и богата верблюдами, овцами,

имѣетъ немного лошадиныхъ табуновъ и еще меньше посѣвовъ на сѣверномъ берегу р. Гургени—мѣста ея зимнихъ кочевьевъ, откуда, собравъ въ маѣ жатвы, — переходитъ на другую половину года къ Атреку и далѣе на сѣверъ; если своего хлѣба мало—прикупаетъ въ Персіи или Хивѣ, смотря потому, гдѣ онъ дешевле. Когда чарва кочуетъ по близости Гургени, астерабадскій губернаторъ стремится собрать съ нее подать по 3 крана съ кибитки, что, впрочемъ, рѣдко и только отчасти удается ему.

Чомры живутъ въ кибиткахъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ Гургени и частью на Астрекѣ, занимась въ незначительныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ, огородничествомъ (дыни, арбузы и пр.), зимою-же и весной—рыболоствомъ. Пойманная ими рыба обязательно и исключительно продается астраханскому армянину Леонозову (откупившему у шаха всѣ рыбные промыслы въ прикаспійскихъ водахъ Персіи на 5 лѣтъ, съ 1873 по 1878 г. за 40 или 44 т. томановъ въ годъ) по слѣдующимъ цѣнамъ: бѣлуга въ 6 четвертей по 1 р. 80 к., болѣе 6 четвертей—вдвое дороже; пудъ икры—4 р. 50 к.; осетръ и севрюга—30 к. за штуку, сомъ, съ клеемъ—3 к. Кромѣ того, Леонозовъ платитъ поставщикамъ 20% всего количества доставленной ему рыбы.

До монополіи его, рыбные промыслы тутъ арендовались участками нѣсколькими астраханцами, изъ русскихъ купцовъ, платившихъ персидскому правительству за это право всего 8,000 р. въ годъ, что было далеко выгоднѣе ловцамъ. Дѣло велось такъ: арендаторы нанимали «разъѣздныхъ» тюркменъ, которымъ вручалось по нѣсколько «паевъ снастей». Пай состоитъ изъ 1,000 рыболовныхъ удочекъ, одного пучка сороковику (веревки), 5 штукъ батманнику (тоже сортъ веревокъ), 1¼ фунта тонкой пряжи для обвязки удочекъ, 3 мочальныхъ сторожекъ, ведра, ушата и рѣшета для икры; пай стоитъ здѣсь 12 р., пудъ пряжи въ 6 и 8 прядей (для ловли леща и сома)—отъ 8 до 9 р. Нанявъ тюркменскихъ ловцовъ, разъѣздные давали каждому по паю снастей, и на хозяйскихъ-же лодкахъ отправляли ихъ (по 5—6 человѣкъ съ кормщикомъ) на ловъ въ морѣ съ сентября по 15 мая; въ мартѣ-же, когда бѣлуга, осетеръ и севрюга валитъ метать икру къ устьямъ рѣкъ, въ особенности Атрека и Гургени, ловъ производился по берегамъ на кулазахъ, т. е. выдолбленныхъ изъ цѣльнаго дерева плоскодонныхъ челнокахъ. Втеченіи этого времени разъѣздные наблюдали за ловцами, отбирали отъ нихъ всю пойманную рыбу и доставляли ее на своихъ лодкахъ на суда арендаторовъ, за что получали отъ послѣднихъ по 40—50 томановъ, 10% съ рыбы, 15% съ икры и по 4 аршина трехрублеваго сукна. Ловцамъ-же, которымъ выдавалось втеченіи лова по 2 пуда рису въ мѣсяцъ, и кормщикамъ, получавшимъ еще по 4 аршина полуторарублеваго сукна, платилось: за бѣлугу до 5 четвертей—1 р. 50 к., до 7 четвертей—3 р., въ 9 и болѣе четвертей—4 р. 50 к.; за осетра и севрюгу съ клеемъ — 30 к., пудъ икры 3 р. (и теперь еще таковая тюркменскаго приготовленія стоитъ на Ашуръ-аде 3 р.); за сома безъ клея 3 коп., пудъ клею 9—12 р.; за 1,000 штукъ леща 1 р. 80 к.—3 р. 60 к.

Рыба, какъ и теперь, окончательно просаливалась русскими судорабочими и укладывалась въ бочки; соль въ плиткахъ (по 3—4 к. пудъ) получается съ о-ва Челекеня. Ловцы нерѣдко забирали у рыбопромышленниковъ въ зачетъ будущаго улова зерновой хлѣбъ, чугунныя издѣлія и др. русскіе товары; при разсчетѣ, ихъ обсчитывали (что дѣлается и теперь) и они на долго оставались въ долгу у ловкихъ дѣльцовъ.

За право ловли сома и леща въ рѣкахъ при Серебряномъ бугрѣ и Ходжа-Нефесѣ, арендаторы или рыбопромышленники платятъ хану, помимо 50 томановъ, еще по 3 том. съ каждой разъѣздной лодки. Кромѣ того, они обязаны взять отъ начальника астерабадской станціи билеты для своихъ ловцовъ на свободный ловъ, и платить за таковые станціонному хану (теперь—Нуръ-Гельды) по 60 к. съ человѣка и лодки.

Разъѣздные-же платятъ всѣ вмѣстѣ, кажется, по 10 томановъ въ годъ каждому изъ 14 старшинъ береговой чомры.

Тюркмены челекенскіе и кочующіе къ сѣверу отъ Кара-Бугаса сбываютъ, произведенія свои, рыбу, какъ и въ Александровскій фортъ отчасти въ Красноводскъ, взамѣнъ получая отъ армянъ хлѣбъ и другіе предметы.

Нѣкоторые ямуды ведутъ торговлю, преимущественно мѣновую, съ Хивою, Ашуръ-аде и Астерабадскою провинціей. Въ послѣднюю—везутъ свои ковры, кошмы (войлоки), попоны и грубыя шерстяныя матеріи, ячмень, барановъ, лошадей, коровье и овечье масло, соль и нефть изъ Челекеня, и промѣниваютъ ихъ больше на бумажныя матеріи—полосатыя, зеленыхъ и красныхъ цвѣтовъ на персидскую тафту, рисъ, тро-

*

стниковый (мазандеранскій) сахаръ, фрукты, сѣмя и сокъ кислыхъ гранатъ, порохъ и оружіе (употребляемые при случаѣ противъ самихъ-же персовъ, такъ-какъ торговыя сношенія отнюдь не мѣшаютъ грабежамъ), и въ особенности на маленькія дощечки изъ самшита слывущаго персидскою пальмой, для гребешковъ. Берутъ они тамъ товары и на комисію, для продажи въ своихъ аулахъ и чарвѣ, за что получаютъ отъ кредиторовъ 10% съ барыша.

Всѣ тюркменскія лодки, направляющіяся въ Персію по торговымъ или инымъ дѣламъ, осматриваются у брандвахты или постоваго судна астерабадской морской станціи: нѣтъ-ли оружія вообще — запрещенныхъ предметовъ и имѣются-ли у нихъ билеты на право проѣзда. Если послѣднихъ не окажется—лодки признаются «разбойничьими», и въ тѣ изъ нихъ, которыя проскользнутъ мимо, стрѣляютъ сперва холостымъ зарядомъ, затѣмъ могутъ пустить и ко дну. По заведенному порядку, тюркмены, ѣдущіе на персидскій берегъ, должны брать отъ станціоннаго хана удостовѣреніе въ своей личности и надобности поѣздки, которое и предъявляется начальнику станціи, а этотъ выдаетъ имъ бланкъ за своею печатью вмѣсто подписи (какъ то дѣлается у персовъ).

Если они везутъ туда соль, то платятъ тому-же хану по 60 коп. съ каждой лодки и за билетъ съ каждаго человѣка на ней; если нефть—по 3 руб. Кромѣ этого налога въ пользу хана, они должны уплатить таможнѣ на персидскомъ берегу: въ первомъ случаѣ тоже по 60 коп.; во второмъ — по 6 руб. 60 к. съ каждаго человѣка и лодки.

Астерабадская станція выдаетъ ежегодно до 450 такихъ билетовъ, что доставляетъ хану около 1,800 рублей.

Не ограничиваясь Астерабодомъ, ямуды ѣздятъ даже въ Тегеранъ для закупки англійскихъ двухстволокъ, пистоновъ, бѣлой тонкой кисеи на чалмы молламъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, ходкихъ въ Хивѣ, гдѣ и сбываютъ ихъ, съ прочими товарами, на чистоганъ или въ обмѣнъ на тамошнихъ рабочихъ лошадей (называемыхъ «ябу», въ отличіе отъ хорошихъ тюркменскихъ «игдышъ», носящихъ такую кличку отъ слова игъ — чистая кровь), на халаты и бухарскія мерлушки, большую часть которыхъ отправляютъ затѣмъ въ Астрахань, откуда они вывозятъ больше запретные для нихъ: гвозди, напильники, доски, веревки, оружіе, пистоны, дробь и т. п. Запрещеніе, какъ видите, не достигая своей прямой цѣли, только вредитъ развитію правильной торговли.

Ямудскіе караваны въ Хиву отправляются съ Серебрянаго бугра или Гассанъ-Кули; къ нимъ просоединяются тюркмены изъ другихъ племенъ, нерѣдко—армяне и персы, дружбою или деньгами пріобрѣтающіе право на покровительство и охрану во время опаснаго пути. Какой крюкъ для транзитныхъ товаровъ! 800-верстный переходъ отсюда въ Хиву совершается въ 22--25 дней по пути, имѣющемъ весьма немного колодцевъ соленогорькой воды, и въ числѣ ихъ—Топъ-ятанъ, гдѣ останавливался отрядъ нашъ во время рекогносцировки къ хивинскимъ предѣламъ въ 1871 г.

Тюркменамъ извѣстенъ болѣе кратчайшій (15-тидневный) переходъ въ Хиву прямо съ Атрека, но онъ очень опасенъ отъ нападеній текке. Персидскіе караваны направляются преимущественно по западному пути Орта-Іолъ, а наши—извѣстнымъ путемъ изъ Красноводска; какъ тотъ, такъ и другой тоже не вполнѣ безопасны.

Ямуды—сунниты секты имама Агзема. Кромѣ вышеприведеннаго главнаго отличія суннитовъ отъ шіитовъ, эти толки разнятся между собою и пріемами въ обрядностяхъ омовеній, намазовъ (молитвъ) и нѣкоторыми другими внѣшностями, которыми исключительно ограничивается ихъ религіозная сфера, за непонимаемъ сущности ея. Мечетей у тюркменъ нѣтъ; для общественныхъ молитвъ они собираются подъ открытымъ небомъ на опредѣленномъ мѣстѣ аула. Духовенство, обыкновенно воспитанное въ Хивѣ или Бухарѣ — этомъ среднеазіятскомъ центрѣ суннитской мудрости, гнѣздѣ фанатизма—пользуется вліяніемъ на народъ соотвѣтственно уваженію, любви его къ нему. Высшее духовное лицо, «ахундъ», избирается изъ среды моллъ пишъ-намазъ (старшихъ священниковъ), титулуемыхъ «имамами»; онъ отправляетъ божественную службу въ «Джемагатъ-намазѣ», присутствуетъ при раздѣлѣ имущества между наслѣдни-

ками, вѣнчаетъ, хоронитъ, за что получаетъ плату и нерѣдко часть имущества умершаго; но главный доходъ, обезпечивающій ему беззаботное житье на счетъ народа, «ушырь» и «закять». По смыслу мусульманскихъ постановленій, ушыръ составляетъ обязательный взносъ 10 проц. съ доходовъ каждой кибитки, закять — сороковой части; впрочемъ, въ настоящее время, понятія объ этихъ обязательствахъ налагаемыхъ «шаріатомъ» (духовнымъ закономъ Мухаммеда, дополненнымъ съ теченіемъ времени сообразно толкованіямъ корана), до того перепутались во всемъ мусульманскомъ мірѣ, что, напр., ямуды обязательно платятъ ахунду всего навсего сороковую часть съ движимаго имущества каждой кибитки, и то только—неимѣющей бѣдныхъ родственниковъ; въ противномъ случаѣ таковый *ушыръ съ закятомъ* идетъ въ пользу послѣднихъ.

Второе высшее духовное лицо—«казы» (судья по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ), поучающій желающихъ толкованію закона и рѣшающій по шаріату спорныя дѣла и дрязги только въ томъ случаѣ, если тяжущіяся стороны, недовольныя рѣшеніемъ ак-сакаловъ сами прибѣгаютъ къ его посредничеству или суду. Званіе казы чаще избирательное, иногда — наслѣдственное; роль его, сравнительно съ ахундомъ — выше, да и кромѣ ушыра съ закятомъ, или сороковой части съ каждой кибитки, онъ получаетъ еще «пянджекъ», т. е. 5 проц. съ разбоя, на который даетъ «фетву» (благословеніе); вѣдь, по уплатѣ пянджека, награбленное добро и деньги за выкупъ невольниковъ считаются «халалъ» (непорочными, чистыми).

Духовный судъ творится такъ: положимъ, въ аулѣ случилось воровство; пострадавшій требуетъ подозрѣваемаго въ немъ къ казы, которому объясняетъ сущность дѣла, и тотъ спрашиваетъ послѣдняго: признаетъ-ли онъ себя виновнымъ? Если послѣдуетъ отрицательный отвѣтъ, и при этомъ противъ отвѣтчика не имѣется видимыхъ уликъ, казы предлагаетъ ему выбрать изъ своей родни двухъ наиболѣе внушающихъ къ себѣ довѣріе жителей и привести ихъ къ присягѣ предъ кораномъ или гробомъ какого-нибудь святаго; если тѣ откажутся отъ присяги—ее принимаетъ истецъ («сурякчи»), послѣ чего и получаетъ свою пропажу, ибо ни одинъ хорошій тюркменъ никогда не присягнетъ ложно, а хорошимъ между ними считается всякій, кто не былъ замѣченъ въ дурномъ поступкѣ противъ

своихъ. Подозрѣваемый-же въ воровствѣ между своими—къ присягѣ не допускается: онъ долженъ представить двухъ почетнѣйшихъ изъ своихъ родныхъ, которые своею присягою моглибы *очистить* его отъ подозрѣнія.

Поучителенъ взглядъ тюркменъ на право поземельной собственности. Если кто-нибудь огородитъ бугорками или канавками мѣсто для пашни или огорода, но обработаетъ его другой, а засѣетъ третій, и если этотъ посѣвъ принесетъ плоды, то—по шаріату — земля поступаетъ въ пользу послѣдняго; безъ сомнѣнія, при этомъ опять-таки необходима присяга или свидѣтели, для подтвержденія, что дѣйствительно съ того мѣста получились плоды. Вообще весь шаріатъ покоится на присягѣ, которая дается только хорошимъ людямъ по своему.

Нерѣдко казы такъ-же невѣжественны, какъ и моллы низшаго разряда, большею частью странствующіе изъ одного кочевья въ другое для совершенія за ничтожное вознагражденіе различныхъ требъ: брака, похоронъ и пр.,—даже не менѣе невѣжественны прочихъ тюркменъ, но болѣе хитры, лукавы, и зачастую для приданія вѣса и значенія въ народѣ, окружаютъ себя нѣкоторою таинственностію; многіе даже слывутъ за боговдохновенныхъ и способныхъ творить чудеса; такъ, на Серебряномъ бугрѣ проживалъ толстякъ, суровый казы, по слову котораго *искривлялись* лица дерзнувшихъ, хоть-бы за глаза, выругать его, чего въ особенности опасалась прекрасная половина населенія, вслѣдствіе чего и избрала себѣ мягкаго старца моллу Дурди, прозваннаго затѣмъ *женскимъ казы*, ибо онъ всегда рѣшалъ дѣла въ пользу женщинъ, что открывало ему карманы и сердца ихъ, конечно, къ большому неудовольствію мужчинъ.

Отправленіе религіозныхъ обязанностей суннитами — какъ уже упомянуто—отличается крайнимъ формализмомъ.

Каждый обязанъ творить намазъ, (молитву) ежедневно пять разъ: 1) до восхода солнца, 2) въ 2 часа пополудни, называемый «овля», 3) до захода солнца, «икинды», 4) вскорѣ послѣ него, «акшалъ», и 5) передъ сномъ, «ясты». Передъ намазомъ совершается омовеніе, ибо съ нечистымъ тѣломъ молиться нельзя; лѣтомъ ямуды купаются въ рѣкахъ или въ морѣ, что называется «гуслъ» зимою-же—ограничиваются омовеніемъ теплою водою, что называется «сынджа» и «десть-намазъ». Послѣднее производятъ такъ: умывъ три раза руки, споласкиваютъ тоже

три раза ротъ, моютъ ноздри и лицо; затѣмъ лѣвою рукою льютъ воду изъ кувшина на ладонь или въ горсть правой руки, и отсюда спукаютъ ее до локтя, что повторяется три раза; то-же происходитъ и съ лѣвою рукою; далѣе, для осушенія воды, ладонью одной руки проводится по три раза отъ кисти до локтя другой, и потомъ поочередно по ногамъ, тоже три раза; послѣ чего, наливъ воды на руки, втыкаютъ средніе пальцы въ уши и проводятъ обѣими ладонями по головѣ отъ лба до макушки, затѣмъ—правою рукою по правому виску до средины лба, а лѣвою съ другой стороны. Если въ кратковременный промежутокъ между совершеннымъ омовеніемъ и приготовленіемъ къ молитвѣ суннитъ сходитъ за нуждой, вообще—осквернится чѣмъ-нибудь, или на тѣлѣ его покажется кровь, онъ обязанъ съизнова творить сынджу и десть-намазъ.

Говорятъ, что въ безводныхъ пустыняхъ таковая процедура совершается пескомъ.

Молятся—каждый отдѣльно или въ общемъ собраніи; въ послѣднемъ случаѣ намазъ называется «джемагатъ-намазъ».

На утреннюю молитву народъ сзывается «азаномъ», выкрикиваемымъ моллою, который, воткнувъ два большіе пальца въ уши, предварительно зѣваетъ. Содержаніе азана слѣдующее (выговоръ тюркменскій): «Алахъ акперъ! (2 раза) Ашаднанна иляхъ иллялахъ! (2 раза) Ашади аннахъ Мухаммединъ расуллуллахъ! (2 раза) Эяль азъ Салахъ! (2 раза) Эляхъ Альфаляхъ, азъ салатъ хеиралъ минъ анъ Евмъ Аллахъ акперъ!» Что въ переводѣ означаетъ: «Богъ великъ! Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога. Исповѣдую, что Мухаммедъ пророкъ Бога!..» и т. д. По окончаніи азана одинъ изъ старшихъ духовныхъ особъ: ахундъ, казы или молла пиш-намазъ, становится впереди народа (сидящаго — каждый на своемъ халатѣ, подосланномъ такъ, чтобы воротникъ приходился подъ ногами—съ обращенными лицами на юго-западъ, куда смотрятъ и двери ихъ кибитокъ), а кто-нибудь изъ младшихъ моллъ съ воткнутыми въ уши большими пальцами рукъ ладонями впередъ, негромко повторяетъ тотъ-же азанъ, и только послѣ словъ: *Эяль Альфаляхъ* прибавляетъ: «Гадугаметъ салатъ». Затѣмъ старшее духовное лицо, тоже съ воткнутыми въ уши пальцами, мысленно прочитавъ: «Ніятъ гилдымъ», громко произноситъ: «Аллахъ акперъ», и тогда всѣ молящіеся молча поднимаются съ сло-

женными у пояса руками такъ, что правая обхватываетъ лѣвую, и каждый шепчетъ: «Уидымъ имама», т. е. «довѣряю имаму», что относится къ молитвѣ его, сами-же они все время только молча подражаютъ тѣлодвиженіямъ его: прикладываютъ руки къ колѣнкамъ наклоняясь тѣломъ впередъ, потомъ нѣсколько выпрямляются и, ставъ на колѣни, прикладываютъ лобъ къ землѣ или рукамъ. Въ концѣ при словахъ моллы: «Азъ Саламъ Алейхумъ рахматулла», всѣ поворачиваютъ наклоненныя головы направо, потомъ на лѣво, и тѣмъ утренній намазъ, мало чѣмъ отличающійся отъ прочихъ, кончается.

Формальная религія всегда развиваетъ суевѣрія, и ихъ не мало у ямудовъ, какъ и вообще у всѣхъ тюркменъ. Если собака воетъ вблизи аула—быть бѣдѣ; подмѣтилъ глава семейства, что дочь его, сынъ или даже какая-нибудь вещь понравилась другому—сейчасъ-же проситъ послѣдняго плевать на нихъ, чтобы не сглазить; влюбленъ-ли кто, но не пользуется взаимностью, желаетъ-ли безплодная жена имѣть дѣтей или не хочетъ, чтобы мужъ ея взялъ-бы еще другихъ женъ, или старается растопить ледъ холоднаго сердца любимаго человѣка,—въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ къ извѣстымъ молламъ, у которыхъ за деньги и приношенія найдется «дуга», т. е. молитва, помогающая горю при содѣйствіи нечистыхъ духовъ, а ихъ тутъ также много, какъ и святыхъ; сдѣлаться-же святымъ у тюркменъ, право, не трудно; напр., когда въ 1867 г. прибывшій къ ямудамъ авганецъ Ишанъ Султанъ Мамедъ-Ходжи увѣрилъ ихъ, что шіитская Персія должна пасть передъ суннитами и что персидская пуля неуязвима для послѣднихъ, тогда около 4,000 всадниковъ ринулись подъ его предводительствомъ на Персію, сожгли много деревень, еще больше перерѣзали людей и едва не взяли г. Астерабадъ; всѣ погибшіе въ этомъ «богоугодномъ» дѣлѣ тюркмены считаются «овлія», т. е. святыми, къ помощи которыхъ прибѣгаютъ во время несчастій. Когда умрутъ прочіе участники набѣга, то и они будутъ «овлія» и надъ ихъ могилами насыпятъ такія-же курганчики съ воткнутыми шестами или копьями, изукрашенными разноцвѣтными лоскутками, какіе во множествѣ разбросаны по степямъ, и куда приходятъ молиться и вспоминать о заслугахъ, славныхъ дѣлахъ усопшихъ. Овлія возбуждаетъ къ себѣ не только высокое почтеніе, но и суевѣрный страхъ. Боже упаси обругать овлію—онъ или

задушитъ дерзкаго ночью или пошлетъ на него какое-нибудь несчастіе.

Въ случаѣ сильной болѣзни обращаются за помощью къ тюркменамъ племени махтумъ, считающимся потомками Мухаммеда; махтуму стоитъ только плюнуть на больного—непремѣнно выздоровѣетъ. Сумасшедшихъ лечатъ иначе: кладутъ ихъ въ постель и собравшійся народъ, подъ руководствомъ какого-нибудь махтума, кричитъ: ху! ху! ху! Довольно — эти крики, называемые «зикръ», всеконечно вернутъ разсудокъ...

VI.

ГИЛЯНЪ И МАЗАНДЕРАНЪ.

Продолжаю прерванный разсказъ. Послѣ тревожнаго сна въ душной каютѣ я вышелъ освѣжиться на рубку. За узкою береговою полосою растительности зеленѣли террасы волнообразныхъ горъ, изъ ущелій которыхъ то клубился туманъ, то рвался на куски, рѣдѣлъ и опять сливался въ плотную массу, а въ десятомъ часу показался городишко Энзели, расположенный при заливѣ того же названія. Точкою чернѣется на немъ единственный пароходишко перешедшій къ шаху Насръ-ед-Дину отъ Леонозова... чуть-ли не одновременно съ утвержденіемъ за нимъ монополіи рыбныхъ промысловъ въ персидскихъ водахъ Каспія.

Ветхій пароходишко этотъ, отправляемый на-дняхъ въ Баку для починки, шахъ-ин-шахъ (царь надъ царями) наименовалъ «Шахомъ», отзываясь о немъ, какъ объ «украшеніи міра, двигающемся по 60 верстъ въ часъ»; но русскому машинисту жалованье не выплачивалось и тотъ бѣжалъ, оставивъ «Шаха» въ затруднительномъ положеніи.

По поводу сего казуса меня посвятили въ мельчайшія подробности путешествія персидскаго царя по Каспійскому морю. Упомяну о нѣкоторыхъ.

Помимо обременительнаго «маліата» (поземельныхъ и подушныхъ податей), въ Персіи существуютъ еще чрезвычайные налоги, окончательно разорившіе вѣрноподданныхъ; особенно чувствителенъ *сурзатъ*, т. е. сборъ разной провизіи и фуража на содержаніе проѣзжихъ сановниковъ съ ихъ свитами, многочисленною челядью и пр. и пр.; вся эта орава деретъ съ народа болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало, взамѣнъ чего оставляетъ кви-

танціи для предъявленія сборщику податей въ счетъ маліата, но тотъ, по большей части, и въ грошъ не ставитъ ихъ.

Когда астерабадцы узнали о намѣреніи шаха проѣхать въ Россію черезъ ихъ область, т. е. къ порту на гязскомъ берегу, то, испортивъ и безъ того скверную дорогу, послали *кому слѣдуетъ* подарки, чѣмъ и откупились отъ счастья видѣть проѣздъ своего повелителя, что равносильно непріятельскому вторженію ...и его повезли болѣе неудобными дорогами на Энзели. Тутъ онъ пересѣлъ на пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій» «Константинъ».

Изъ русскихъ, сопровождавшихъ шаха въ Астрахань, армянинъ Б., чуть ли не съ анной на шеѣ, раболѣпствовалъ стоя на колѣняхъ передъ нимъ, между тѣмъ какъ изъ персидской свиты «Мечъ государства», дядя его Султанъ Мурадъ-Мирза переносилъ морскую болѣзнь, съ такою же стойкостью, съ какою сохранилъ свои войска отъ англійскихъ ядеръ въ Персидскомъ заливѣ. «Англичане стрѣляютъ *вотъ эдакими ядрами!* докладывалъ онъ тогда племяннику.—Я уступилъ имъ и тѣмъ сохранилъ жизнь своимъ молодцамъ».

Четыре шахскія жены оберегались въ каютѣ 2-го класса, евнухомъ, не съумѣвшимъ закрыть иллюминаторы, и вода начала заливать ее; по настоянію капитана парохода, шахъ *дозволилъ* ему предупредить опасность, но какъ скрыть женъ отъ взора невѣрнаго? Евнухъ навалился туловищемъ на нихъ и прикрылъ.

Бесѣда ихъ съ женою бакинскаго губернатора вращалась исключительно на темѣ: «въ какой степени и чѣмъ выражается его любовь къ ней? А въ Астрахани онѣ рѣшились временно замѣнить свои шальвары европейскимъ костюмомъ, на что истратили нѣсколько тысячъ рублей.

Между тѣмъ, астраханцы, по случаю пріѣзда шаха, испытывали сильную ажитацію: одни готовились поразить его взоръ «нашею» цивилизаціею, другіе — упитывать тѣла свиты; послѣдняя задача выпала на долю почтеннаго коммерсанта В. Столъ великолѣпно сервированъ, самъ хозяинъ, во фракѣ, бѣлыхъ перчаткахъ, горитъ нетерпѣніемъ и надеждами; наконецъ является пестрая толпа и—по приглашенію—хлынула на яства: «*рвутъ и жрутъ*!» по выраженію очевидца.

— Министры ѣдутъ! крикнулъ влетѣвшій въ столовую курьеръ Р., и остолбенѣлъ.

— Какъ?! изумляется В.—Кто-же обѣдаетъ у меня?

— Что вы надѣлали? Это—нукера (прислуга)!.. Ахъ они... все пожрали! и Р. вихромъ налетаетъ на нихъ.

Черезъ минуту зала опустѣла.

Путешествіе «нашихъ гостей» по Волгѣ совершилось безъ особыхъ приключеній, и Его шахское Величество изволилъ подарить управляющему пароходствомъ свое художественное произведеніе, представляющее на клочкѣ бумаги пароходъ съ матросами выше трубы.

— Это великая честь, но я хочу осчастливить его, обратился онъ къ окружающимъ.

— Однакожь, мои соотечественники страшныя с..., замѣтилъ одинъ полковникъ персидскаго происхожденія, служащій на Кавказѣ, взглянувъ на бархатные диваны сплошь засаленные пловомъ.

На обратномъ пути изъ Европы домой шахъ прикупилъ въ Константинополѣ двухъ черкешенокъ и нарядилъ ихъ «кальянчи» (прислугой, подающей кальяны), что не было тайною на пароходѣ «Константинъ», доставившемъ его изъ Баку въ Энзели, въ виду котораго онъ, по случаю сильнаго волненія, простоялъ на парахъ двое сутокъ.

— Его высочество напишетъ, чтобы васъ наградили, если поскорѣе высадите его на берегъ, умоляли капитана обезсиленные морскою болѣзнью министры.

Вѣтеръ стихъ. Матросы съ трудомъ поднимаютъ якоря; шахъ не вынесъ такой медленности и послалъ свиту помогать имъ (только первый министръ, сказавшійся больнымъ, избавился отъ этого). Пріѣхали гребцы на киржимѣ, пали ницъ передъ повелителемъ и затѣмъ доставили его во дворецъ, гдѣ была приподнесена ему въ пишкешъ (подарокъ) кубышка съ золотомъ. Собрался народъ, для привѣтствія.

— Боро! (пошелъ! прочь!) взбѣсился «царь надъ царями», и ферраши (слуги) моментально разогнали палками вѣрноподданный табунъ.

Въ одинадцатомъ часу «Тюркменъ» остановился въ 500 саженяхъ отъ Энзели, съ рѣдкою зеленью, какъ и песчанная окрестность его, и разбросанными маленькими домиками съ камышевыми крышами, надъ которыми высилось массивное кирпичное зданіе ватаги Леонозова; въ отдаленіи видѣнъ ветхій дворецъ.

По обыкновенію, съ гвалтомъ окружили пароходъ 8 киржимовъ разукрашенныхъ изреченіями изъ корана; большинство изнуренныхъ, болѣзненныхъ на видъ гребцовъ—голы и только въ однихъ короткихъ штанишкахъ; остальные—въ круглыхъ войлочныхъ шапочкахъ (кула-намади) или бѣлыхъ вязаныхъ ермолкахъ на макушкѣ, въ бѣлыхъ и красныхъ рубахахъ по поясъ, синихъ шальварахъ изъ грубой бумажной матеріи, босы, и всѣ—орутъ, размахиваютъ руками, безтолково суетятся. Выпустили на нихъ струю пара сбоку парохода,—поднялся переполохъ, крики: Ал-ла!... Ур-ра!.., Ал-ли!.. И персидская флотилія, въ мигъ разлетѣвшись по сторонамъ, пріумолкла.

Когда паровой клапанъ былъ закрытъ, киржимы снова съ гвалтомъ облѣпили пароходъ. На трехъ привезли куръ, желтоватые огурцы въ четверть аршина длины; на одномъ пріѣхалъ персидскій почталіонъ съ кожаною сумкою и повислымъ надъ тонкими губами носищемъ; на другихъ—купцы. Тутъ, кажется, на лицо національный костюмъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Онъ состоитъ изъ короткой сорочки, широчайшихъ шальваръ (обыкновенно бумажныхъ, синяго цвѣта) и *архалука* (изъ русскаго или заграничнаго ситца), на подобіе узкаго халата по колѣни, застегиваемаго на персидскія шелковыя пуговки и съ разрѣзами—по рукавамъ на треть отъ кистей рукъ, а съ боковъ полъ—до бедръ, съ карманами при нихъ. Сверху надѣвается *коба* изъ шелковой или иной матеріи, по покрою сходная съ архалукомъ за исключеніемъ своихъ узкихъ рукавовъ безъ разрѣзовъ; она подпоясывается, смотря по состоянію, дорогою шалью или бумажною матеріею. Иные прикрываются еще щегольскимъ «аба»—широкимъ, длиннымъ плащемъ безъ рукавовъ, но съ прорѣзами для рукъ, — изъ чернаго сатина, бѣлаго канифаса, рипса разныхъ цвѣтовъ; именитые же граждане щеголяютъ въ «джуббѣ», т. е. въ широчайшемъ халатѣ съ длинными рукавами.

Совершенно бритыя или только пробритыя со лба на затылокъ головы прикрываются «аракчинъ», т. е. ермолками, поверхъ которыхъ моллы (духовные и вообще грамотные) носятъ бѣлыя чалмы, сейиды (потомки пророка)—синія, хаджи (побывавшіе у гроба Мухаммеда)—вышитыя шелками; міряне же—высокія и низкія мерлушечьи или бараньи шапки, круглыя—изъ войлока или высокія, круглыя же, изъ матерій низенькія, картовыя шапочки, на подобіе камилавки или усѣченнаго конуса; бѣлыя или узорчато-цвѣтные носки и башмаки или туфли дополняютъ костюмъ.

Обыватели Энзели довольно зажиточны, но въ виду хищническихъ наклонностей своихъ властей живутъ скудно, даже нищенски. Первое мѣсто между здѣшними произведеніями занимаютъ продукты шелковичнаго дерева: шелкъ, сѣмя и коконы, затѣмъ—дешевая бумажная матерія «хамхала» разныхъ цвѣтовъ; лавки наполнены преимущественно транзитными товарами.

Тутъ находится персидская таможня и агенство общества «Кавказъ и Меркурій»,—коммисіонерствуетъ съ десятокъ русскоподданныхъ армянъ, къ которымъ относятся туземцы съ обычною антипатіею, хотя и пьютъ и ѣдятъ съ ними втихомолку. Въ теченіе рыбныхъ промысловъ (8 мѣсяцевъ въ году) Энзели оживляется сотней русскихъ рабочихъ.

Въ 35 верстахъ отсюда расположенъ главный городъ Гилянъ, Рештъ, съ русскимъ, французскимъ и англійскимъ консульствами, однажды поставлеными—было въ очень неловкое положеніе, вслѣдствіи того, что какой то новый губернаторъ назначилъ за себя *временно* управлять краемъ своего нукера (слугу)...

Энзелійскій заливъ, называемый туземцами *Мурдъ-абъ* (мертвою водой), имѣя въ окружности 30 миль, принимаетъ въ себя до 42 ручьевъ (изъ коихъ 31 горныхъ), изобилующихъ рыбою и, за исключеніемъ р. Дживеру, проходимыхъ въ бродъ; въ сухое время глубина его при ихъ устьяхъ не превышаетъ двухъ вершковъ, и плоскодонные киржимы, сидящіе безъ груза въ водѣ на вершокъ, скользятъ по илистому дну; на серединѣ—7 футовъ, при входѣ въ морѣ—отъ 5 до 7 ф; западный его берегъ, между городомъ и островомъ Міанпуште, представляетъ большія удобства для якорной стоянки, однакожъ согласно трактату, недоступной для русскихъ судовъ.

Въ Мурдъ-абѣ вылавливается ежегодно до 200 тысячъ пудовъ большеголоваго «кутума» (величиною съ сижка), служаща-

го туземцамъ любимою, но не дешевою приправой къ плову: превкусная копченка стоитъ лѣтомъ 10 к., зимою 20 к.; избытокъ—отправляется въ Баку и Астрахань, получающей съ одной только гилянской области разной сушеной и соленой рыбы, приблизительно, на 250 тысячъ рублей въ годъ.

Гилянская область или «болотистая страна» (отъ персидскаго слова гиль—грязь, болото) тянется по морскому берегу отъ р. Астары до пограничной съ Мазандераномъ р. Пулирудъ, на 170 верстъ, а въ ширину—среднимъ числомъ—на 70 верстъ, и окаймляется съ запада и юга Эльбурскими горами, густо поросшими лѣсами, частью строевыми: дубъ, растущій преимущественно на вершинахъ, нерѣдко имѣетъ сажень въ поперечникѣ; платанъ или чинаръ достигаетъ 20 саж. высоты; есть кленъ, ясень, вязъ, ольха и даже кедръ, кипарисъ, самшитъ. Посрединѣ склоновъ разстилаются оливковые сады, затѣмъ—тутовыя плантаціи; въ долинахъ и низменностяхъ—цѣлыя рощи дико растущихъ плодовыхъ деревьевъ, съ вершинъ которыхъ ниспадаютъ затѣйливыми фестонами виноградъ, хмѣль, плющъ, ліаны и другія ползучія растенія. Подъ этимъ зеленымъ покровомъ стелется густой дернъ почвы, всегда упитанной сильною росою и продолжительными дождями, пересѣкаемой во всѣхънаправленіяхъ ручьями и покрытой огромнымъ количествомъ стоячихъ водъ, что благопріятствуетъ разведенію риса и вмѣстѣ съ тѣмъ—отравляетъ воздухъ.

Животное царство не менѣе развито. Въ горномъ Гилянѣ нерѣдко поподается бенгальскій тигръ, размножившійся тутъ послѣ чумы 1831 г.; онъ никогда не сходитъ на равнину, и замѣчательно что въ Мазандеранѣ его вовсе нѣтъ, хотя климатическія и почвенныя условія этихъ областей почти одинаковы. Часто встрѣчаются: барсъ, рысь, дикая кошка, малый черный медвѣдь, дикій баранъ и козы, олень, туръ, куница, бѣлки разныхъ видовъ; орлы, коршуны и горныя куропатки. Въ долинахъ: дикобразъ, барсукъ, шакалъ, зайцы и множество кабановъ, съ мясомъ которыхъ гилянцы хорошо ознакомились въ послѣдній голодъ; фазаны, перепела, дрозды, зяблицы и коноплянки; гуси, гагары, утки разной породы, журавли, кулики, чайки, лебеди, бабы, бакланы, красные гуси, цапли и другія водяныя птицы въ изобиліи водятся вдоль морскаго берега, въ особенности при устьяхъ рѣкъ и потоковъ,

гдѣ рыба, лягушки, водяныя змѣи составляютъ для нихъ изобильную пищу; тутъ-же, у береговъ, попадается и выдра. Въ рѣкахъ — сазанъ (карпъ), лосось, форель и много сомовъ; изъ моря заходятъ осетры, бѣлуга, севрюга и шипъ, т. е. помѣсь осетра съ бѣлугою, по виду и вкусу—нѣчто среднее между ними; встрѣчаются и тюлени. Вообще прибрежье отъ Астары до Мешедессера богато красною рыбою, но персы не ѣдятъ безчешуйчатой,—и весь уловъ ея отправляется въ Россію.

Тьма мошекъ, комаровъ и другихъ насѣкомыхъ жестоко мучаютъ тутъ людей и животныхъ. На высотахъ въ открытыхъ долинахъ роятся дикія пчелы. На тучныхъ пастбищахъ съ альпійскими травами пасутся овцы, въ лѣсахъ—рогатый скотъ красивой породы, съ хрящеватою выпуклостью на холкѣ; тѣ и другіе нерѣдко служатъ добычею пантеръ и тигровъ. Много ословъ и катеровъ (лопаковъ), но лошадей мало.

Климатъ Гиляна неблагопріятенъ для жизни человѣка: задержанный горячій воздухъ, при излишней влажности, производитъ особую атмосферу, далеко распространяющую вредныя испаренія съ особымъ запахомъ и причиняющую лихорадки, біеніе сердца, ипохондрію, изнуреніе, сыпь, опухоли на тѣлѣ и пр. недуги, быстро разрушающіе здоровье и ежегодно похищающіе жизнь четвертой доли всего населенія болотистаго прибрежья Персіи. «Кому надоѣла жизнь, пусть отправляется въ Гилянъ», гласитъ нерсидская пословица.

Весна и осень здѣсь дождливы, лѣто сухо, зимою иногда выпадаетъ снѣгъ и морозы доходятъ на нѣсколько дней до—4°. Съ ноября по исходъ марта, въ особенности въ декабрѣ и январѣ, часто дуетъ порывистый, теплый ветеръ «бади-гермъ», въ два-три дня высушивающій землю обыкновенно обращаемую проливными дождями въ массу топкой грязи. Въ самую трудную пору для здоровья (съ 15 мая по сентябрь) достаточные люди переселяются съ низменныхъ мѣстъ и долинъ на Эльбурсъ, а бѣднякъ сильно страдаетъ въ своей глиняной лачужкѣ, крытой сухою травой или тростникомъ, въ изобиліи растущимъ по болотамъ.

Большинство, приблизительно, 180-ти тысячнаго населенія Гилянъ—гилеки, нотомки древнихъ гелэ, говорящіе на испорченномъ нарѣчіи пехлевійскаго языка, называемомъ гилекъ; за-

тѣмъ — кочующіе племена: талышъ и другіе. Жители нижняго Гиляна—малорослы, худощавы, вообще болѣзненны; верхняго—крѣпки, стройны; женщины, нерѣдко красивыя, ходятъ по большей части, безъ покрывалъ.

Угнетаемые, разоряемые тяжелыми налогами и поборами, гилеки—самые бѣдные во всей Персіи, хотя при иныхъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ страна ихъ составила-бы источникъ неисчерпаемыхъ богатствъ; они не только безсильны создать себѣ благосостояніе, но нуждаются во всемъ и даже не въ состояніи сами обрабатывать земли, а прибѣгаютъ для этого къ такимъ-же безправнымъ, но болѣе крѣпкимъ и здоровымъ сосѣдямъ адербильцамъ и промышленнымъ мазандеранцамъ. Предметъ труда и заботливости ихъ составляетъ разведеніе тутовыхъ плантацій, доставляющихъ наилучшій по всей Персіи шелкъ, соперничествующій съ испанскимъ французскимъ и даже итальянскимъ, затѣмъ — обработка рисовыхъ полей.

Тутовыя плантаціи обыкновенно разводятся на возвышенныхъ мѣстахъ долинъ, иначе корни деревьевъ подверглись-бы гніенію отъ сырости, при разливахъ рѣкъ и болотъ отъ дождей. Выбравъ полянку или вырубивъ лѣсной участокъ для плантаціи, работникъ съ 15 января по февраль разрыхляетъ почву заступомъ, потомъ—разсаживаетъ тутовые отростки параллельными рядами, оставляя между ними промежутки въ полтора аршина, для прохода. По существующему обычаю, тутъ-же на первый годъ сажаютъ дыни, арбузы и нѣкоторыя овощи. Окончивъ разсаду, десять процентовъ которой обыкновенно пропадаетъ, плантація обносится, въ предохраненіе отъ порчи скота, изгородью изъ колючихъ растеній.

По прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ, а если она расположена вблизи морского берега, то нерѣдко и на слѣдующій годъ, собираютъ около середины марта листья молодыхъ деревьевъ и ими прикрываютъ неразвившихся еще червячковъ, только-что вышедшихъ изъ шелковичныхъ яичекъ (въ продажѣ извѣстныхъ подъ названіемъ шелковичныхъ сѣмянъ), отогрѣваемыхъ въ сильно натопленной избѣ безъ оконъ, съ одною только, плотно запертою, дверью. Въ началѣ мая, червей, уже развившихся и сбросившихъ первую оболочку, выносятъ отсюда въ шалаши (тилимборы), состоящіе изъ четырехъ, вбитыхъ въ землю, шестовъ,

съ камышевою крышей въ двухъ саженяхъ отъ нея, съ досчатою настилкой въ сажени и соломенною рогожей или камышевою плетенкой между ними; на послѣднюю бросаютъ цѣлые ворохи вѣтокъ молодаго, пожалуй, и стараго тута, еще годнаго для корма червей, которые—въ случаѣ позднихъ холодовъ гибнутъ здѣсь, при благопріятныхъ же условіяхъ—вьютъ коконы и обращаются въ куколки, а эти послѣднія—въ бабочки, изъ коихъ самки на другой-же день кладутъ яички служащія въ свою очередь для развитія червей, и т. д. Собранные коконы кипятятъ въ нелуженыхъ котлахъ и разматываютъ съ нихъ паутинку на огромныхъ деревянныхъ колесахъ, вотъ и шелкъ, пускаемый въ продажу уже въ моткахъ.

Рисъ для Гилянцевъ—все: и сами питаются имъ и, за неимѣніемъ ячменя, нерѣдко кормятъ имъ своихъ лошадей.

Поле, для риса, легко вспахивается въ концѣ октября допотопнымъ желѣзнымъ плугомъ и оставляется такъ до 20 марта; затѣмъ—увлажается слегка водою, проведенною канавками изъ рѣкъ, озеръ и болотъ, и снова разрыхляется; одновременно подготовляется, тутъ-же на отдѣльномъ клочкѣ, и рисовая разсада, которая всходитъ къ 1 маю, т. е. къ тому времени, когда увлажненное поле вспахивается уже въ третій разъ, и тогда она пересаживается на него, а вслѣдъ затѣмъ—напускается вода на (полъ-аршина высоты), поддерживаемая на немъ втеченіи ста дней, по истеченіи коихъ, спустивъ ее, собираютъ уже созрѣвшій рисъ, дающій при хорошемъ урожаѣ самъ-двадцать и болѣе. Чѣмъ болотистѣе мѣстность и обильнѣе дожди, тѣмъ урожай выше. Гилянъ производитъ ежегодно слишкомъ 4 милліона пудовъ рису (смотря по качеству, отъ 1 р. 90 к. до 2 р. 20 к. за пудъ); при всемъ томъ его не хватаетъ даже для мѣстныхъ потребностей.

Прочіе дары богатой природы находятся почти въ дикомъ, некультивированномъ состояніи; маслинъ или оливковыхъ деревьевъ много, да гилянцы не умѣютъ приготовлять даже сноснаго масла, оно мутно и преимущественно идетъ на выдѣлку мыла, частью—въ пищу и вывозится. Виноградъ, изъ котораго выжимается сокъ для кулинарныхъ надобностей, плохъ; фиги, персики, абрикосы, сливы, айва, груши, яблоки, гранаты и издавна пересаженные сюда изъ Мазандерана сладкіе лимоны, кислые померанцы и множество видовъ цедры растутъ дико.

Безпечность гилянцевъ и незнаніе садоводства, огородничества доходитъ до того, что край, способный производить всѣ роды померанцевыхъ деревьевъ, не имѣетъ ни кислыхъ лимоновъ, ни сладкихъ апельсиновъ, а морковь, свеклу и даже главную приправу безсмѣннаго плова—бобы, получаетъ отъ сосѣдей. Ленъ, изъ котораго вьютъ веревки для увязки шелка и киржимовъ, разводится въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ; изобильно ростущимъ хмѣлемъ—вовсе не умѣютъ пользоваться.

Сгрузивъ въ Энзели немного русскихъ товаровъ и принявъ три-четыре вьюка мѣстнаго сырца да семь богомольцевъ, пароходъ, послѣ часовой стоянки, отплылъ дальше, къ Мешедесеру, отстоящему отсюда на 160 миль или 23 часа ходу.

Богомольцы ѣдутъ въ г. Мешхедъ, на поклоненіе праху имама Риза. Путь туда не безопасенъ отъ тюркменъ, а потому при нихъ — два старыхъ ружья: одно русское солдатское съ куркомъ, другое длинное персидское съ кремнемъ. Разлегшись на подстилкахъ около грузоваго люка—любимаго мѣста персидскихъ пассажировъ — и покуривая кальянъ, переходящій изъ рукъ въ руки, они охотно показываютъ намъ свои «хурджины», т. е. дорожные мѣшки (перебрасываемые во время верховой ѣзды черезъ спину лошади) безъ которыхъ въ Персіи никто не путешествуетъ...

5 часовъ утра. Пароходъ держится въ 800 саж. отъ низменныхъ береговъ Мазандеранской области, сплошь покрытыхъ густымъ камышемъ и кустами колючихъ растеній, преимущественно терновника, постепенно сливающихся въ глубинѣ съ роскошною, могучею растительностью сѣвернаго склона Эльбурса, изъ-за котораго далекимъ облачкомъ глядитъ снѣжная голова Демавенда.

Мазандеранъ, граничащій съ астерабадскимъ прибрежьемъ рѣкою Джери-Кулбадъ, тянется по морскому берегу на 250 верстъ, а въ ширину имѣетъ 50 верстъ. Природа его не уступитъ Гилянской; здѣсь ростетъ даже хлопокъ и сахарный тростникъ, но послѣдній не поспѣваетъ совершенно, какъ это бываетъ въ тропическомъ климатѣ; виноградъ не собирается ни-

кѣмъ и гніетъ, ихъ лозы нерѣдко достигаютъ до 8 вершковъ въ поперечникѣ; шелку будетъ по меньше и онъ ниже достоинствомъ. Великолѣпные лиственные лѣса отличаются отъ европейскихъ не только по виду, но часто по роду и семейству; ростетъ восточный чинаръ, много мирты, называемой въ Персіи «муртъ», въ рощахъ которой водятся фазаны, и пр., и пр.

Климатъ въ Мазандеранѣ лучше Гилянскаго: не такъ влаженъ, и трехсотъ-тысячное населеніе его болѣе крѣпко, здорово. Оно занимается преимущественно разведеніемъ рисовыхъ, тутовыхъ и хлопчато-бумажныхъ плантацій, выдѣлкою грубаго сукна для своего употребленія и приготовленіемъ отвратительнаго сахара, называемаго «*шекири*», изъ мѣстнаго тростника, нетребующаго никакого ухода. Обыкновенно въ началѣ или половинѣ апрѣля начинаются по деревнямъ посѣвы его, а въ сентябрѣ, по уборкѣ, онъ рѣжется на кусочки, изъ которыхъ выжимается прессомъ (самой несложной конструкціи) сокъ, вывариваемый затѣмъ до густоты. Полученная такимъ образомъ буроватая масса, сладко-лекарственнаго вкуса, рѣжется, по охлажденіи, на куски неправильной формы и отправляется, въ бурдюкахъ или мѣшкахъ, на продажу. Невзыскательная деревенщина и тюркмены охотно пьютъ чай съ такимъ не очищеннымъ, по неумѣнью, сахаромъ (идущимъ больше на приготовленіе персидскихъ лакомствъ), предпочитая платить за него около двухъ рублей, чѣмъ за транзитный около восьми или русскій—десяти рублей...

Основатель нынѣ царствующей династіи Каджаровъ, Ага-Мухаммедъ, учредившій столицу въ Тегеранѣ, устроилъ въ Мазандеранѣ военныя поселенія изъ курдистанцевъ, адербейджанцевъ, хорассанцевъ, авганцевъ, и белуджистанцевъ съ цѣлью устрашить ими тѣхъ изъ своихъ одноплеменниковъ, т. е. каджаръ, которые не хотѣли подчиниться ему; эти поселяне и до сихъ поръ даютъ шаху нѣсколько тысячъ вооруженныхъ людей, хотя каджаровъ, въ смыслѣ кочующаго племени, уже не существуетъ: они или смѣшались съ народомъ, или занимая чиновничьи мѣста, разсѣялись между развратнымъ, безсильнымъ дворянствомъ.

Мазандеранъ, нѣкогда славившійся любовью своего населенія къ свободѣ, независимости, описывается у Фирдуси, какъ жилище демоновъ; да и теперь, по увѣренію туземцевъ, не мало

тутъ водится разной чертовщины; такъ, при пастбищѣ Ассеранъ, въ дикой, пустынной мѣстности, находятся развалины древняго замка, обитаемаго джинами и дивами, т. е. духами...

Полагаютъ, что главный городъ Мазандеранской области, Сари, расположенъ на мѣстѣ древняго Задра-Карта, столицы Гирканіи, гдѣ Александръ Македонскій провелъ съ своею арміею 15 дней. Сари, неоднократно разрушаемый наводненіями и землетрясеніями, замѣчателенъ превосходнымъ сортомъ апельсинъ, называемыхъ «португалами».

Въ 6 часовъ утра, подавая сигналъ за сигналомъ пароходъ остановился въ виду открытаго порта Мешедессера, но на берегу незамѣтно движенія,—точно вымерло все!

Разыгрался бурунъ, и трусливые персы не выѣдутъ, замѣтилъ докторъ.

— Рѣченка Мешедессеръ—очень быстра, что увеличиваетъ волны, доходящія въ свѣжій вѣтеръ до двухъ и болѣе саженъ, добавилъ капитанъ.

Въ подобныхъ случаяхъ пасажиры и грузъ, назначенные сюда, ѣдутъ, мимо о—ва Ашуръ-аде, въ конечный пунктъ пароходныхъ рейсовъ, въ *Гязскій* портъ, что въ Астерабадскомъ заливѣ, и только на обратномъ пути высаживаются здѣсь, конечно, если погода благопріятна, а иначе они могутъ пропутешествовать взадъ и впередъ неопредѣленное время, за что, впрочемъ, не платятъ вторично ни стоимости проѣзда, ни фрахта...

Мешедессеръ представляется деревушкою въ садахъ, съ маленькими домишками крытыми камышемъ, таможнею, большимъ караванъ-сараемъ, и служитъ мѣстомъ нагрузки туземныхъ и выгрузки привозныхъ товаровъ.

Осенью и зимою ежегодно съѣзжаются сюда до сотни русскихъ торговцевъ, изъ армянъ и закавказскихъ мусульманъ; первые торгуютъ транзитными товарами, преимущественно марсельскимъ сахаромъ (въ маленькихъ головкахъ, до $7\frac{1}{2}$ фунт. вѣс.), продавая ихъ на сроки или вымѣнивая на хлопокъ, шелкъ, шерсть, кожи, сухіе фрукты и грецкіе орѣхи; послѣдніе—больше русскими товарами, сравнительно—менѣе ходкими, по неумѣнью нашему удовлетворять требованіямъ персидскихъ покупателей.

VII.

ОСТРОВЪ АШУРЪ-АДЕ И СЕРЕБРЯНЫЙ БУГОРЪ.

— Ну, вотъ черезъ 7—8 часовъ мы и дома, проговорилъ докторъ, когда пароходъ, не дождавшись съ берега ни одного киржима, двинулся дальше по направленію нашей астерабадской морской станціи, пріютившейся на островкѣ Ашуръ-Аде, отстоявшемъ отсюда на 82 мили, а отъ Астрахани на 918 миль. Онъ принадлежитъ Персіи, но, по туркманчайскому миру 10 февраля 1828 г., Россіи предоставлено, вмѣстѣ съ *исключительнымъ* правомъ содержать военную флотилію на Каспійскомъ морѣ, имѣть здѣсь морскую станцію для охраненія русско-персидской торговли, рыбныхъ промысловъ и вообще для защиты персидскаго прибрежья отъ морскихъ разбоевъ тюрменъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она наблюдаетъ, чтобы ни одно судно не ходило подъ персидскимъ флагомъ.

Пароходъ, покачиваясь, держится въ виду зелени низменныхъ береговъ, окаймленныхъ цѣпью дальнихъ горъ сплошь поросшихъ лѣсами. Тамъ и сямъ разбросаны круглыя сторожевыя башенки отъ тюркменъ.

Несмотря на безспорныя усилія астерабадской станціи къ совершенному искорененію пиратства и на хивинскій погромъ прервавшій сбытъ персидскихъ невольниковъ, сухопутные разбои даже ближайшихъ къ намъ ямудовъ далеко не прекратились, да и морскіе случаются. Къ продолжительной работѣ ямудъ непривыченъ, а ѣсть хочется, и вотъ онъ отправляется за поживою въ Персію, къ которой искони питаетъ религіозную вражду и презрѣніе съ одной стороны, и месть, поддерживаемую обоюдными жестокостями, съ другой... Благо кулазы есть, а ямуды — искусные моряки, безстрашно переплывающіе на этихъ узкихъ и длинныхъ лодкахъ (по ихнему: теймуль) нерѣдко бурливое море съ восточнаго его прибрежья

даже къ Мешедессеру, вблизи котораго находится основанная Надиръ-Шахомъ колонія авганцевъ, помогающихъ своимъ единоверцамъ въ грабежахъ. На морскіе разбои собирается отъ 4 до 12 человекъ, подъ предводительствомъ опытнаго пирата— сердаря. Одни гребутъ длинными веслами, другіе—на-стороже; завидевъ нашихъ крейсеровъ, они скрываютъ свои кулазы въ густыхъ камышахъ и выходятъ на берегъ, где преследованіе ихъ теми, неимеющими права высаживаться на персидскую территорію, становится невозможнымъ.

— Однажды—говорилъ мне одинъ изъ пассажировъ,—шпіоны уведомили станцію о двухъ тюркменскихъ лодкахъ, выехавшихъ на поживу въ Мешедессеръ. Немедля отрядили въ погоню за ними 15 матросовъ, и они уже настигали ихъ въ реченке, у самаго города, какъ поднялся гвалтъ и вопли обывателей: «Какъ! Вооруженные русскіе на нашей земле?» Матросы вернулись во-свояси, а свободно вышедшіе на берегъ пираты пообшарили-таки тамошнія лавчонки.

Высадившись на берегъ, эти хищники обыкновенно скрываются на ночь въ камышахъ, высокой траве или кустахъ, съ разсветомъ же выходятъ на дорогу поджидать проезжихъ и пастуховъ, большею частью безоружныхъ или съ дрянными фитильными ружьишками, и лишь только покажутся жертвы— делаютъ залпъ на воздухъ и съ дикими криками *ягу!* (о, Боже!) бросаются на нихъ, сопротивляющихся—рубятъ шашками, покорно протягивающихъ, въ панике, руки съ мольбой— вяжутъ и, швырнувъ ихъ на дно кулаза, возвращаются домой. Кто первымъ схватилъ кого, у того тутъ и содержится въ неволе до выкупа родственниками или продажи въ другія руки. 5 проц изъ вырученной суммы за невольника предоставляется *кази*, который за таковый «*пянжекъ*» признаетъ ее «*халалъ*» («чистымъ, непорочнымъ капиталомъ»); 2 проц. идетъ сердарю, процентъ владельцу кулаза, известная часть—гребцамъ, 6 червонцевъ (плата называемая «сагакъ»)—хозяину невольника за содержаніе его, остальное же делится по-ровну между всеми участниками грабежа.

По словамъ разсказчика, морскіе разбои тутъ на много уменьшились после того, какъ въ 1863 году пиратамъ привелось столкнуться съ русской паровой шкуной «Курдъ». Дело было такъ. Высадившись въ 20-ти верстахъ отъ Мешедессера, пираты

сожгли одну деревню и, умертвивъ жителей, уже возвращались съ награбленнымъ добромъ и семью пленниками во-свояси, какъ показался «Курдъ». Те бросились резать персовъ: «Не режьте, мы спасемъ васъ; скажемъ, что вы ездили къ намъ въ гости, что вы—друзья наши!» умоляли несчастные, и, лишь только были приняты на шкуну—выдали ихъ. Отобравъ отъ пиратовъ оружіе, командиръ пустилъ ихъ впередъ, а вследъ—ядро... Буль, буль, буль, и все тутъ.

Пока шла беседа о тюркменахъ, Мазандеранское прибрежье сменилось Астерабадскимъ (приблизительная длина котораго— если считать отъ деревни Ноукендэ, что на западной границе подъ 51° 35′, до деревни Ноудэ подъ 53° 20′—200 верстъ).

На палубе идетъ чистка, и тощіе энзелійцы съ любопытствомъ следятъ за единоверными-матросами, какъ те хитро наводятъ блескъ на медь, подкрашиваютъ перила.

Мало по малу выступало песчаная полоса низменнаго полуострова Потемкина (где несколько летъ тому назадъ персы соорудили крепость Міан-Кале *), затемъ, пятнышкомъ зазеленелъ на море Ашуръ-Аде, принимающій, по мере приближенія къ нему, видъ садика, влево отъ котораго едва заметны мачты эскадры, съ пловучимъ маякомъ и *постовымъ* судномъ (съ арестантскими камерами) впереди; еще дальше — капитанъ разобралъ казенную шкуну «Бухарецъ», на которой, по словамъ его, пріехалъ начальникъ закаспійскаго отдела (отъ Атрека до Красноводска) генералъ Ламакинъ, для совещанія съ ямудскими старшинами, какъ о выясненіи нашихъ отношеній къ нимъ, такъ и о мерахъ къ водворенію безопасности въ степяхъ.

Во-нъ влево точками чернеются тюркменскія лодки. Вскоре открылась передъ нами и раздольная гладь красноватой степи ихъ, съ зеленеющими пятнами редкихъ кустовъ и полосами береговаго камыша, постепенно сливающимися съ сплошными лесами астерабадскаго прибрежья окаймленнаго Эльбурсомъ.

Кругомъ Ашуръ-Аде, выглядывающаго теперь съ парохода веселенькимъ оазисомъ среди воднаго простора, очень мелко,

---

*) А недавно — еще четыре башни, поводомъ къ чему послужилъ выборъ на немъ начальникомъ астерабадской станціи места, где бы можно было пріютиться въ случае, если-бъ смыло островъ Ашуръ-Аде.

что-то около 3 футовъ, и мы, сдѣлавъ 28-тиверстный объѣздъ, остановился, въ 4 ч. пополудни, въ 50 саженяхъ отъ него. Вправо покачивалось 6—7 судовъ и ветхая досчатая ватага на мели, гдѣ пластаютъ рыбу. Съ берега отдѣлилось къ намъ нѣсколько лодокъ съ моряками; отрадно было видѣть матросовъ, съ здоровымъ видомъ, въ бѣлыхъ рубахахъ съ широко открытыми голубыми воротами, но вѣсти, привезенныя офицерами, не особенно отрадны.

— Ламакинъ—сообщалъ одинъ изъ нихъ—вчера уѣхалъ съ консуломъ Б. въ Астерабадъ на свиданіе съ губернаторомъ по поводу ямудовъ, съ старшинами которыхъ онъ только-что видѣлся здѣсь.

— Чѣмъ-же кончилось совѣщаніе? спросилъ докторъ.

— Пока ничѣмъ, но есть надежда поладить.

— Ямуды были-бы рады намъ—перебиваетъ другой, — но послѣ непріязненныхъ отношеній къ нимъ М. — колеблются: онъ сильно оскорбилъ ихъ. Между тѣмъ, судя по привязанности ихъ къ прежнему начальнику станціи, Петраченко, судя по трогательной сценѣ при разставаніи съ нимъ, когда жены и дѣти ихъ плакали навзрыдъ, несомнѣнно, что они очень охотно избрали-бы нашу дружбу.

— Но что-же отвѣтили старшины? допытывался докторъ.

— «Мы подумаемъ о вашемъ предложеніи»—хоть врядъ-ли они поняли длинный спичъ генерала, такъ-какъ тюркмены привыкли «думать и говорить кратко».—«Мы готовы принять русское подданство, если только русское правительство исходатайствуетъ у персидскаго о правѣ и тогда безпрепятственно переходить намъ на югъ за р. Гургень: тамъ наша земля, наши посѣвы, пастбища, могилы отцовъ, наше зимнее кочевье,—иначе персы не допустятъ насъ туда». Дѣло - въ томъ, что Персія считаетъ тюркменъ къ югу отъ Атрека своими подданными, съ чѣмъ тѣ, въ особенности разбойничья *чарва* не признающая надъ собою ничьей власти, несогласны, принимая за свою границу съ нею—рѣчку Черную (кара-су, служащую гранью между почти-тропической растительностью прикаспійской Персіи и безжизненными тюркменскими степями), что фактически вѣрно...

Продолжая бесѣду, мы сѣли въ шлюпку и съѣхали на берегъ. У крошечной деревянной пристани покачивалась на легкихъ волнахъ длинная лодка, съ огромными желтыми огурцами, маленькими дынями, свеклою и—посреди всего этого добра съ персидскаго берега—самимъ хозяиномъ, сухощавымъ, простоватымъ съ виду, ямудомъ въ мохнатой шапкѣ на затылокъ, зеленомъ халатѣ, синихъ шальварахъ и грубыхъ башмакахъ на босу ногу, а на перилахъ ея сгорбившись сидѣлъ господинъ среднихъ лѣтъ и роста; лихорадочная желтизна его выпуклыхъ глазъ, небольшой носъ, усы, какъ и длинные волосы на вискахъ висѣвшіе внизъ, гармонировали съ позеленѣвшей отъ времени суконной шапкой съ козыркомъ и старымъ пальто на немъ, но грустный взглядъ, устремленный въ морскую даль, и общее выраженіе пасмурнаго, изжелта-смуглаго, нѣсколько одутловатаго лица, свидѣтельствовали объ энергіи и мозговой работѣ его.

— Нашъ мирза (переводчикъ) Рафаилъ Езнаевъ, шепнулъ мнѣ докторъ, свернувъ влѣво по узкому, высокому тротуару изъ бакинскаго известняка, который, послуживъ балластомъ на пароходахъ, нашелъ здѣсь удачное примѣненіе, ибо по толщѣ песку съ ракушками, покрывающему весь островокъ, неудобно ходить.

Тротуаръ шелъ во всю длину единственной улицы съ офицерскимъ жильемъ, изъ камыша смазаннаго глиной, съ камышовыми крышами и таковыми-же заборами дворовъ съ хозяйственными пристройками или миніатюрными садиками, больше—съ японскою ясенью, и рѣдко гдѣ — персиковымъ деревцомъ, тутомъ (шелковицею) и инджиромъ (винною ягодой). За нею разбросаны по песку маленькія домишки—казармы матросовъ, дальше — болота и опять море; короче сказать, Ашуръ-Аде смахиваетъ на скромную деревушку съ однообразнымъ жильемъ для эскадры и нѣсколькихъ торговцевъ.

Докторъ радушно предоставилъ въ мое распоряженіе прохладную хорошо-меблированную залу съ пестрыми копмами на полу (плотными тюркменскими войлоками полутора-саженной длины и сажен. ширины, стоющими тутъ 1 р. 50 к.) Другая комната, тоже въ кошмахъ, служила ему кабинетомъ, уборною, спальнею, а галерея съ камышевыми стѣнкою и навѣсомъ—столовою.

Намѣреваясь завтра же отправиться на тюркменскій берегъ, я поспѣшилъ переговорить объ этомъ съ начальникомъ станціи или —по тюркменски и персидски—начальникомъ моря («дарья-

беги»), по матроски — «флагманомъ». Видный старикъ-морякъ, озабоченно встрѣтивъ меня въ обширной залѣ со столомъ посрединѣ и нѣсколькими стульями по стѣнамъ, пригласилъ въ уютную гостиную съ мягкою мебелью. На мое желаніе побывать на Атрекѣ, онъ какъ-то безпокойно заговорилъ:

— Вы, вѣроятно, слышали о только-что состоявшемся свиданіи генерала Ламакина съ ямудскими старшинами? Оно происходило отчасти въ моей квартирѣ. До этого свиданія охотно-бы пустилъ васъ въ Гассанъ-Кули, мѣсто лѣтнихъ кочевьевъ береговыхъ ямудовъ, но теперь, когда оно произвело тревогу въ Астерабадѣ и неблагопріятное впечатлѣніе на тюркменъ, «экскурсія ваша на персидско-тюркменскій берегъ можетъ вызвать подозрительность, съ одной стороны, и подвергнуть опасности вашу жизнь — съ другой». Положимъ, Ламакинъ успокоитъ персидскую подозрительность и придетъ къ соглашенію съ астерабадскимъ губернаторомъ насчетъ тюркменъ; положимъ, я ручаюсь за нашихъ прибрежныхъ ямудовъ, относящихся къ намъ миролюбиво. Но какая гарантія, что завѣдомо враждебная намъ разбойничья чарва не нападетъ на васъ предательски? Признаюсь, я боюсь за васъ.

Но мои настоятельныя просьбы поколебали старика; въ особенности-же на него подѣйствовалъ рекомендательный бланкъ къ англійскимъ агентамъ въ Авганистанѣ, выданный мнѣ географическимъ обществомъ, какъ своему члену-сотруднику, путешествующему съ ученою цѣлью.

— Да, или нѣтъ? спрашивалъ онъ себя, растерянно вертясь по сторонамъ.

— Да, да, безъ сомнѣнія, да, настаивалъ я.

— Хорошо, — круто повернулся онъ и устремилъ на меня пристальный взглядъ,—я дамъ вамъ паровой барказъ на Серебряный бугоръ (Гемюшъ-тепе)—это будетъ ближе и безопаснѣе Гассанъ-Кули...

Вѣстовой доложилъ о возвращавшемся съ персидскаго берега Ламакинѣ, и З—нъ опять въ нерѣшимости зашагалъ.

— Хорошо, хорошо, вы поѣдете съ моимъ переводчикомъ, Езнаевымъ, но не совѣтую вамъ ночевать въ кибиткахъ—на барказѣ удобнѣе. Иначе, кто поручится за вашу жизнь? Тюркмены, увѣренные что скоро пробьетъ часъ ихъ независимости, озлоблены. Не говорю уже о текинцахъ, завѣдомыхъ нашихъ

врагахъ, враждующихъ также и съ ямудами за то, что тѣ снабжали насъ верблюдами въ послѣдній походъ... По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, до 2 тысячъ ихъ собралось теперь у Малыхъ Балаханъ, — рѣжутъ, грабятъ ямудскіе караваны, отбираютъ верблюдовъ, чтобы лишить насъ перевозочныхъ средствъ, еслибы мы двинулись на Мервь, чего ждутъ тамъ со дня на день... Въ серединѣ апрѣля они ограбили ихъ караванъ на пути изъ Хивы въ Красноводскъ, а недѣли три тому назадъ шайка въ 600 человѣкъ, вооруженныхъ англійскими винтовками, напала у Малыхъ Балаханъ на другой, шедшій съ Серебрянаго бугра въ Хиву, и хотя онъ состоялъ изъ 350 ямудовъ, персовъ, армянъ, — товары и верблюдовъ отняли, двоихъ убили, многихъ полонили, остальные бѣжали, и если ихъ не преслѣдовали, то только потому, что теперь трудно сбывать невольниковъ.

Далѣе разговоръ коснулся моего будущаго спутника, станціоннаго переводчика Езнаева (изъ бакинскихъ армянъ), подвизающаго на этомъ трудномъ, далеко не благодарномъ поприщѣ, кажется, съ 1860 г. Потративъ здѣсь здоровье, онъ отлично ознакомился съ тюркменами и, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, пріобрѣлъ на нихъ огромное вліяніе.

— Да, Езнаевъ отважный человѣкъ, говорилъ З—нъ. — Положимъ, мнѣ нужно арестовать кого-нибудь изъ прибрежныхъ тюркменъ, и онъ съ двѣнадцатью матросами врывается ночью туда, гдѣ раскинуто, быть можетъ, болѣе тысячи кибитокъ, хватаетъ кого слѣдуетъ—прочіе молчатъ, не противодѣйствуютъ, потому что любятъ его, а главное—боятся нашей силы.

Вообще о Езнаевѣ разсказываютъ много интереснаго. Такъ лѣтъ десять тому назадъ тюркменскіе разбойники доставили ему *безъ выкупа*, какъ-бы въ подарокъ, двухъ нашихъ матросовъ, томившихся нѣсколько лѣтъ въ тяжеломъ плѣну на Атрекѣ; затѣмъ, въ сентябрѣ 1870 года, они-же, отказавшись отъ предложеннаго русскими властями выкупа въ нѣсколько тысячъ рублей за другихъ пятерыхъ плѣнныхъ, привели ихъ къ нему опять-таки *безплатно*. Это было при прежнемъ начальникѣ станціи, уважаемомъ всѣми, Петраченкѣ, когда служащій теперь станціоннымъ ханомъ *Нуръ-Гельды* свирѣпствовалъ своими разбоями между Атрекомъ и Гургенью. Одинъ-одинешенекъ и безъ всякаго оружія отправился Езнаевъ усмирять это

«чудовище» «дипломатическимъ путемъ»: обѣщаніемъ «сдѣлать» его ханомъ. И куда-жъ отправился?—Въ дальній аулъ Атрекъ (Этрекъ), гдѣ обыкновенно заключались невольники и въ которомъ насчитывалось тогда до 1,000 кибитокъ *каракчи* (разбойниковъ). Онъ расположенъ, кажется, въ 50 верстахъ отъ Гассанъ-Кули, въ 35 — отъ Серебрянаго бугра и въ 7— по топкой, болотистой дорогѣ отъ рѣки Атрека, вообще — съ плодородною почвой по берегамъ, и только при устьѣ — густо поросшей камышемъ и такъ мелководной, что даже маленькія лодки двигаются по немъ не иначе, какъ толкаясь о дно веслами. Вотъ въ какую трущобу попалъ безстрашный «*Рафаилъ*» (такъ слыветъ Езнаевъ между своими и тюркменами, такъ и мы будемъ называть его), запасшись слѣдующимъ письмомъ отъ Петраченки:

«Рафаилъ!

Ручайтесь тюркменамъ, что я исполню ихъ желанія, когда увижу русскихъ плѣнныхъ. Если они желаютъ имѣть ханомъ Нуръ-Гельды, то должны написать это на бумагѣ и обѣщать не разбойничать. Дай богъ успѣха и пр.»

Рафаилъ, дѣйствительно, поладилъ съ Нуръ-Гельды, и теперь это «чудовище», съ русскою медалью на шеѣ и титуломъ станціоннаго хана, смирилось, предано намъ и какъ только замѣтитъ враждебное движеніе между своими противъ насъ, или приготовленіе къ морскимъ разбоямъ противъ персовъ, немедленно извѣщаетъ о томъ станцію, которая помимо него содержитъ на жалованьѣ не мало тюркменскихъ шпіоновъ, сообщающихъ ей о каждомъ шагѣ своихъ собратій.

Въ настоящее время Нуръ-Гельды-ханъ живетъ въ Гассанъ-Кули (расположенномъ при заливѣ того-же названія, въ двухъ верстахъ отъ берега), куда обыкновенно перекочевываютъ на лѣто, отъ гургенскихъ лихорадокъ, почти всѣ серебробугорцы. Серебряный бугоръ еще недавно причислялся къ разбойничьимъ ауламъ; теперь-же онъ не такъ страшенъ уже потому, что на обязанности Нуръ-Гельды-хана лежитъ охраненіе русско-подданныхъ на всемъ прибрежьи отъ Атрека до Кара-су, и если-бы «непокорная» чарва взяла кого-нибудь изъ нашихъ въ неволю, то при посредствѣ его и освободила-бы. Въ особенности послѣ хивинскаго погрома ямуды остерегаются русской силы, и, какъ

увѣряли меня, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега совершенно безопасно, несмотря на то, что теперь между Атрекомъ и Гургенью сосредоточились до 10 тысячъ кибитокъ ихъ, какъ изъ боязни нападенія со стороны озлобленныхъ текинцевъ, такъ и въ виду разрѣшающагося вопроса: остаться-ли имъ «вѣрноподданными» шаху или принять «покровительство» Россіи. Къ сѣверу отъ Атрека ямудовъ мало, всего-же, вмѣстѣ съ хивинскими соплеменниками ихъ, около 20 тысячъ кибитокъ или семей... но въ показаніяхъ нѣкоторымъ путешественникамъ они преувеличивали эту цифру, даже вдвое, съ наивною цѣлью напугать своею силою.

Когда я возвращался отъ З—на къ себѣ, легкіе сумерки уже покрывали островокъ; въ ушахъ раздавался однообразный прибой волнъ, заглушавшій говоръ двухъ-трехъ дамъ на скамьяхъ улицы, и больше—ни звуки, ни души кругомъ.

У доктора засталъ я между офицерами и Рафаила и Назаръ-бекова. Точно десятки лѣтъ знакомъ съ ними, — такъ обаятельны ихъ добродушіе, откровенность, простота!

Разговоръ шелъ о поѣздкѣ Л—на къ астерабадскому губернатору, вѣроломному старцу Сулейманъ-Ханъ-Авшару, этой дикой силѣ, рубящей и теперь не только тюркменскія, но и персидскія головы, испрашивая въ послѣднемъ случаѣ, ради одной формальности, разрѣшенія шаха, въ чемъ никогда отказа не бываетъ.

Вотъ какъ очевидцы разсказывали о дипломатической экскурсіи генерала. Сопровождаемый съ гязскаго (персидскаго) берега кавалькадою — состоявшею, кажется, изъ трехъ офицеровъ его штаба, шести — морскихъ и 12 матросовъ здѣшней эскадры, въ бѣлыхъ рубахахъ, шляпахъ, съ ружьями— онъ былъ встрѣченъ за 7 верстъ до Астерабада губернаторскими людьми «съ одною лошадью для него»; черезъ версту — съ другою, еще черезъ версту—съ третьею, за 4 версты—нарядною «почетною милиціею» на богато убранныхъ, отличныхъ коняхъ, во главѣ съ родственникомъ губернатора (и тутъ-же «кальянчи», тоже верхами), у городскихъ воротъ—артиллеріею, а въ самомъ

градѣ—толпой, разгоняемой феррашами, но тѣмъ не менѣе выражающей радость... по «внушенію» начальства; впрочемъ, мѣстами слышались даже восторженные крики—то дѣти, отцы, братья, выражали благодарность за свою родню, освобожденную русскими изъ хивинской неволи.

На слѣдующій день астерабадскія власти послали Л—ну въ пишкешъ (подарокъ) разныхъ сластей, чаю, сахару; затѣмъ, по предварительному соглашенію съ нашимъ консуломъ Бакулинымъ, губернаторъ отправился къ нему съ визитомъ. «Я былъ болѣнъ,—сладко началъ онъ привѣтствіе,—но моя болѣзнь проходила по мѣрѣ приближенія вашего, и теперъ я совершенно здоровъ». Л—нъ, въ свою очередь, со свитой посѣтилъ «тонкаго политика». Аудіенція происходила въ открытой спереди залѣ дворца, окруженнаго толпой, въ которой виднѣлось нѣсколько ямудовъ внимательно слушавшихъ, какъ послѣдній говорилъ первому: «поступайте съ тюркменами, какъ мы—рубите головы... Если они перейдутъ къ вамъ — лупите, къ намъ—мы будемъ лупить».

— Тотъ-же самый совѣтъ я слышалъ—перебиваетъ разсказщика Р. — отъ персидскихъ офицеровъ, родственниковъ разграбленнаго въ послѣдній разъ текинцами каравана, пришедшихъ ко мнѣ ночевать въ то время, когда я бесѣдовалъ съ ямудскими старшинами. «Что, если персидско-подданные ямуды перейдутъ къ намъ?» спрашиваю ихъ.—«Лупите; къ намъ придутъ—мы будемъ лупить»... На что тѣ холодно замѣтили мнѣ: «Мы ищемъ вашего покровительства, а вы будете лупить насъ, персы—тоже... такъ ужъ лучше вы одни лупите!»

— Странно, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ,—вездѣ слышится лупка и лупка. М. лупитъ, астерабадскій губернаторъ лупитъ. А какъ-бы мы поступили на мѣстѣ тюркменъ, которыхъ мы называемъ разбойниками? Право, имъ остается, въ свою очередь, лупить, если силъ на это хватитъ! Лупка и лупка... И къ чему ведетъ эта политика жестокостей? Къ обоюдному озлобленію, непримиримой враждѣ. Не кровь, а гуманное, справедливое отношеніе къ нимъ, понимаемое и цѣнимое дикаремъ такъ-же, какъ и цивилизованнымъ человѣкомъ, можетъ слить ихъ съ нами.

Все наше общество сочувственно отнеслось къ этому мнѣнію; разсказщикъ продолжалъ:

— Поговоривъ еще немного, дипломаты разстались, повидимому, довольные другъ другомъ; губернаторъ подарилъ Ламакину прекраснаго коня... что не мѣшало ему не довѣрять «русскимъ» и своею телеграммой о дипломатической миссіи «русскаго генерала» поднять изрядный переполохъ въ Тегеранѣ. Тѣмъ временемъ шелъ кутежъ, благо вина было въ запасѣ вдоволь, а правовѣрныя власти не уступятъ въ выпивкѣ православнымъ пьяницамъ... Наше шествіе было торжественное и веселое! добавилъ разсказщикъ.

— И лупка была? спросилъ кто-то.

— Какъ-же. У одного изъ нашихъ дорогой пропала уздечка,—отдулъ нагайкою червадара (чарвадара).

— А тотъ?

— Какъ рабъ безропотно вынесъ побои;—вѣдь, губернаторъ разрѣшилъ нашему консульству и морской станціи, не стѣсняясь, бить «ирани», которые только изъ боязни услужливы, иначе — не пустили-бы насъ и въ сарай къ себѣ. Англичане еще грубѣе, но платятъ хорошо, что подкупаетъ правовѣрныхъ въ ихъ пользу. Въ концѣ 50 годовъ, англійскій консулъ, кажется, Мэкензи, проживая на дачѣ въ «Гязи», въ присутствіи нашихъ моряковъ отпилилъ тупымъ ножомъ голову одному персу за покражу 70 томановъ у него!?

— Причемъ ножъ сломался, закончилъ Р., и гости разошлись.

Думая о предстоящей поѣздкѣ въ тюркменскую степь, я уснулъ, обдаваемый горячимъ потомъ.

Кошмаръ душитъ, и мнѣ снится страшный сонъ. Вижу себя въ форменной курточкѣ съ погончиками, кругомъ—навозъ.

— Чѣмъ прикажешь угощать тебя?—улыбается оттуда товарищъ, благообразный армянинъ, не то — грузинецъ Козовъ Моръ, предлагая мнѣ нѣкое *персидское лакомство*.

Не раздѣляя вообще никакихъ азіятскихъ вкусовъ, я бросился бѣжать направо. Колючки верблюжьей травы кровавили ноги, желаніе чистой воды въ пустынѣ увеличивало муче-

нія жажды, мои крики: «хлѣба, хлѣба!» заглушались ликованіемъ шакаловъ надъ ослинымъ трупомъ, и я въ изнеможеніи опустился на высокій утесъ безплодныхъ Балаханскихъ горъ.

Вдали показалась пыль; всматриваюсь—то шли нестройныя толпы измученныхъ ратниковъ; дальше плелась колесница съ предводителемъ ихъ... Ба! да это мой однокашникъ (по воен.-учебн. заведенію) Козовъ Моръ!

— Куда Богъ несетъ?

— Истреблять, братъ, истреблять!

— Кого?

— Да *кого придется*... Идемъ вмѣстѣ, — а? Идемъ, — право, жалѣть не будешь. Я съ юныхъ лѣтъ проникъ въ тайну успѣха... Слѣдуй-же за мною, и ты вкусишь сладость чуждой тебѣ жизни: твой путь устелется розами,—кровью и плотью потушить ты мучительную жажду и голодъ, а совѣсть заглушишь виномъ и любовнымъ товаромъ. Слѣдуй-же за мною...

— Не трать краснорѣчія...

— Повѣсить всѣхъ васъ надо! прогремѣлъ однокашникъ, и ужасомъ прошелъ по степямъ. Ограбленные орды халатниковъ бѣгутъ съ воплями: «залымъ! залымъ!»... *)

— Молодцы! бодритъ тотъ ратниковъ своихъ... *Взять и эту тюркменку на штыки!* Какъ она дерзнула броситься съ ножницами на васъ!?

— Баринъ, возьми халатъ, не бей старухи...

Тутъ я проснулся. Неотвязчивыя мухи какого-то особеннаго вида щекотливо кусали мое тѣло, покрытое влагою; въ головѣ— тяжесть.

Когда я разсказалъ сонъ заглянувшимъ къ доктору офицерамъ, одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «Странная случайность! Вашъ сонъ непріятно напоминаетъ намъ недавнія событія въ здѣшнихъ степяхъ».

— Прочтите-ка вотъ это, предложилъ другой, не изъ офицеровъ, подавая мнѣ рукопись, изъ коей приведу тутъ — по обстоятельствамъ не отъ меня зависящимъ—только «скромные» мѣста:

«... 20 іюня 1872 г. любимый всѣми начальникъ астрабадской станціи Петраченко поручилъ станціонному переводчику Рафаилу Езнаеву отправиться въ ямудскія степи для найма верблюдовъ, въ которыхъ сильно нуждался отрядъ М-ва, находившійся тогда въ Красноводскѣ.

*) Жестокій.

Въ этомъ дѣлѣ Езнаева обязали дѣйствовать по соглашенію со служащимъ у М. тюркменомъ Иль-Гельды, ненавидимымъ народомъ (но теперь назначеннымъ красноводскимъ или, вѣрнѣе, челекенскимъ ханомъ). Получивъ отъ начальства всего 180 руб. на расходы, онъ немедленно отправился въ дальній, опасный путь и, прибывъ 25 іюня въ Гассанъ-Кули, остановился у станціоннаго хана Нуръ-Гельды, отъ котораго узналъ, что Иль-Гельды, находившійся тогда на Атрекѣ, черезъ дня два отправляется съ 15 сподручниками въ Балаханы.

Езнаевъ поспѣшилъ увѣдомить Иль-Гельды о своемъ желаніи ѣхать вмѣстѣ (какъ того требовалъ Петраченко, солидарный въ этомъ отношеніи съ М.), на что тотъ, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, не согласился, однакожъ пообѣщалъ встрѣтиться съ нимъ на дорогѣ.

— При такихъ обстоятельствахъ тебѣ неслѣдуетъ пускаться въ глубь степи — опасно, останавливали его тюркменскіе друзья.

Обо всемъ этомъ онъ извѣстилъ Петраченко, который въ своемъ отвѣтѣ настаивалъ на поѣздку, совѣтуя слуховъ не пугаться и, не обращая вниманья на Иль-Гельды съ отцомъ — какъ оказывается, убѣдившихъ М., что для успѣшнаго найма верблюдовъ имъ необходимо ѣхать однимъ, т. е. безъ участія Езнаева, — во что-бы то ни стало исполнить порученіе; за деньгами же для того обратиться куда будетъ ближе: на станцію или въ Красноводскъ, а за содѣйствіемъ—къ Яроли-Казы, проживающему у большихъ Балаханъ.

Переодѣвшись въ тюркменскій костюмъ, Езнаевъ отправился на колодцы Таганъ-клычь въ сопровожденіи трехъ, близкихъ Нуръ-Гельды-хану, тюркменъ: Пиръ-Мамеда, Сатлыхъ-Дахши и Ада-моллы, съ провизіею и вещами на пяти верблюдахъ.

Эти колодцы солоноватой воды — по характеристики его: «такой тухлой, что и по гробъ незабыть»—находятся между Атрекомъ и Балаханами (горами, гдѣ въ августѣ по ночамъ невыносимо леденитъ, днемъ жгетъ, а воды нѣтъ,—гдѣ изрѣдка, и то только по склонамъ, встрѣтится тощій можже-

веловый лѣсокъ, немного инджиру, еще меньше жалкаго дуба, остальное—такая-же голь, какъ и мѣстность между ними и Атрекомъ, гдѣ найдется еще сочная верблюжья травка и кустообразный *карахъ*, индѣ—дикая граната и кустарникъ *сазахъ*, листьями схожій съ кипарисомъ, но тамъ, куда попалъ Езнаевъ—одни лишь песчаные бугры).

Отдохнувъ тутъ, караванчикъ направился мимо колодцевъ *Бугдаили* къ *Луже-Чаирды*, какъ показалось 16 всадниковъ, принятыхъ имъ за враждебныхъ гоклановъ, и онъ приготовился къ кровавой встрѣчѣ.... но то былъ Иль-Гельды съ своими людьми.

Распорядившись приготовить чай, Езнаевъ послалъ ему приглашеніе, съ намѣреніемъ посовѣтоваться насчетъ найма верблюдовъ — нейдетъ... и только передъ самымъ отъѣздомъ, напоивъ свою лошадь изъ «Луже», присѣлъ на нѣсколько минутъ и, выпивъ стаканъ чаю, вмѣсто спасиба злобно прошипѣлъ въ его сторону: «Старайся-же получить верблюдовъ отъ народа, — посмотримъ!» Затѣмъ—поскакалъ въ одну сторону, а Езнаевъ направился въ *Ярыхшили* (что у большихъ Балаханъ) къ Яроли-казы, который, принявъ его дружески, увѣрялъ, что въ настоящее время ямуды не могутъ снабдить М. верблюдами, ибо караваны ихъ или уже отправились или уходятъ на дняхъ въ Хиву за провизіею, но что мѣсяца черезъ два, когда они вернутся, требованіе его будетъ исполнено. При этомъ онъ освѣдомился о цѣнѣ, какую долженъ объявить народу за верблюдовъ, о времени, на какое они понадобятся М. и пунктѣ, до какого предстоитъ переходъ?

Езнаевъ письменно просилъ М. разрѣшить эти вопросы и, не теряя время, отправился дальше вдоль Большихъ и Малыхъ Балаханъ по Оуз-дою, т. е. старому руслу Аму-Дарьи (Окса), въ аулъ Миришъ-бая, но и тутъ вмѣсто верблюдовъ получилъ отъ богатаго ямудскаго старшины тѣ-же вопросы, отвѣтъ на которые отъ М. изъ Красноводска былъ доставленъ ему только 26 іюля, и притомъ отвѣтъ — совершенно неудовлетворяющій справедливыхъ желаній ямудовъ. М. писалъ, что отвѣчать на два послѣднихъ вопроса онъ признаетъ рѣшительно неудобнымъ, а торговаться съ тюркменами тоже находитъ крайне неловкимъ. Далѣе онъ безусловно требовалъ доставить къ половинѣ августа 2,250 верблюдовъ на колодцы Белекъ (что на

берегу Балаханскаго залива) и 1,250—въ Чикишляръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ—просилъ «уважаемаго и дорогаго Езнаева поддержать значеніе Иль-Гельды между народомъ, сойтись съ его ничтожными приверженцами и разгласить, что онъ-де, Езнаевъ, пріѣхалъ съ Иль-Гельды по одному и тому же дѣлу, что его-де, Езнаева, прислалъ сюда Петраченко (котораго ямуды называли своимъ «отцомъ») удостовѣрить всѣхъ, что и онъ, «Дарья-беги» (начальникъ моря) сочувствуетъ всѣмъ начинаніямъ его (т. е. М.) и что они тутъ дѣйствуютъ за одно, слѣдовательно, услуживающій М. въ то-же время услуживаетъ ему, и наоборотъ, а потому свидѣтельствуйте, молъ, что Иль-Гельды дѣйствительно избранъ мною ханомъ».

Тѣмъ временемъ Иль-Гельды, вмѣсто найма верблюдовъ, уговаривалъ старшинъ ѣхать въ Красноводскъ для переговоровъ съ М., но такъ какъ *всѣ безъ исключенія ямуды ненавидѣли эту пройдоху*, вліяніе-же на нихъ Езнаева, *старавшагося* поддержать значеніе его ничѣмъ не кончилось, то съ нимъ никто изъ порядочныхъ людей и не поѣхалъ.

Интриги Иль-Гельды противъ Езнаева, которому онъ приписывалъ неудачу свою, привели къ тому, что когда послѣдній безуспѣшно вернулся въ Красноводскъ, то М. не только встрѣтилъ его враждебно, угрожая, кажется, повѣсить, но и поклялся разгромить аулы тюркменъ, не имѣвшихъ возможности «немедленно» дать верблюдовъ. И дѣйствительно, спустя нѣсколько дней казаки произвели опустошительные набѣги на нѣкоторые станы, при чемъ захватили и верблюдовъ, что побудило большую часть кибитокъ поспѣшно откочевать въ Хиву и на южный берегъ Атрека, т. е. въ предѣлы Персіи...

Приморскіе тюркмены, перевозившіе на своихъ лодкахъ отрядъ М. и провіантъ въ Чикишляръ, испытали — уже за полную готовность служить ему — не меньше невзгодъ; такъ, четыремъ гребцамъ, съ лодкою, платилось за дневную работу всего по 30 к. и—вдоволь обидъ, объ чемъ тѣ хотѣли-было заявить Петраченко, да сообщеніе съ нимъ уже прервалось.

Езнаеву приходилось затрачивать не мало усилій, чтобы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ тюркмены продолжали оказывать услуги русскимъ войскамъ...

Съ Чикишляра М. отправилъ отрядъ въ Кызылъ-Кумъ за-

хватить верблюдовъ у тамошней чарвы; проводникомъ къ нему былъ насильно приставленъ тотъ самый Ада-молла, который сопровождалъ Езнаева, изъ Гассанъ-Кули, съ пятью верблюдами, теперь уже *отнятыми* М., заставившемъ его идти пѣшкомъ, не скупясь на оскорбленія, и тотъ, рѣшившись жестоко отомстить за себя, повелъ отрядъ неправильной дорогою къ колодцу Таганъ-Клычъ. Измученные солдаты подъ жгучимъ солнцемъ утоляли жажду кровью барановъ, даже уриною другъ друга, — зарывались въ песокъ, или плелись обратно въ Чикишляръ и въ изнеможеніи падали... Наконецъ, проводникъ, подъ угрозами быть убитымъ, указалъ воду и, воспользовавшись общимъ разстройствомъ, захватилъ двухъ коней, пару игольчатыхъ ружей, и бѣжалъ за Атрекъ. Часть несчастныхъ солдатъ, покинутыхъ въ степи, кое-какъ доплелась до Кызылъ-Кума.

Между тѣмъ М., опасаясь, чтобы жители Гассанъ-Кули не разгласили о цѣли этой неудачной рекогносцировки, отрядилъ къ нимъ, кажется, двѣ роты съ приказаніемъ заставить ихъ немедленно перекочевать въ Чикишляръ, а извѣстившись о побѣгѣ проводника, послалъ въ Атрекъ ахунда съ нѣсколькими старшинами изъ колѣна «кариндживъ», къ которому принадлежалъ Ада-молла, для выручки захваченныхъ имъ лошадей и ружей.

— Залымъ (жестокій, такъ называли М. въ степяхъ) — отвѣчалъ имъ тотъ — отнялъ у меня пять верблюдовъ, на которыхъ я привезъ вещи мирзы Рафаила въ Красноводскъ, и я оставляю у себя ружья и лошадей, какъ залогъ, пока онъ не вернетъ мнѣ мою собственность или не уплатитъ за нее денегъ.

Опасаясь гнѣва «залыма», посланные уплатили ему изъ своего кармана...

Дальше рукопись гласитъ:

Чарва убѣгала, пряталась отъ М., и онъ принялся требовать верблюдовъ у береговой чомры, по совѣсти клявшейся, что «кромѣ лодокъ — у ней ничего нѣтъ; чарва же не только не дастъ, даже не продастъ ей своихъ верблюдовъ для него». Такъ и случилось: когда нѣкоторые изъ чомры отправились къ чарвѣ за покупкою верблюдовъ для «залыма»—та прибила, прогнала ихъ... Но и отомстилъ же ей М., получивъ разрѣшеніе перейдти Атрекъ, т. е. вступить на персидскую территорію! Пошелъ онъ на нее и разгромилъ такъ, что и до сихъ поръ памятенъ этотъ погромъ. Досталось и чомрѣ — «залымъ», вѣдь, не разбиралъ, кто правъ, кто виноватъ.

Затѣмъ онъ вернулся въ Чикишляръ, откуда направился къ Хивѣ, но увы!—неудачно.

Тюркмены, раздраженные разгромомъ, несправедливостями его, относятся теперь къ русскимъ недовѣрчиво. Между тѣмъ привязать ихъ къ себѣ очень не трудно.

«Покажемъ на дѣлѣ, что мы стоимъ нравственно и умственно выше ихъ, что мы истинные цивилизаторы», говоритъ компетентный Р. и дополняетъ: «Давъ слово тюркменамъ, нужно свято исполнять его, что высоко цѣнится ими; необходимо вознаградить ихъ за нанесенные М. убытки, и тогда только они забудутъ о совершенныхъ съ ними несправедливостяхъ, какъ забыли поступокъ Столѣтова, который казнилъ безвинно или, скорѣе, ошибочно трехъ тюркменъ, *но который всегда былъ съ ними мягокъ, справедливъ»!*

Да, Рафаилъ не мало испыталъ горя, лишеній въ теченіе 37-ми дневнаго скитанія своего по пустынямъ, подвергаясь на каждомъ шагу опасностямъ. Въ одномъ мѣстѣ пули прожужжали мимо его ушей—то хотѣли убить его, изъ кровавой мести къ русскимъ, родственники этихъ повѣшенныхъ, но проводники уговорили оставить жизнь *любимцу-ямудовъ*...

Рафаилъ улаживаетъ всѣ наши дѣла съ ними, и за всѣ свои многочисленныя заслуги награжденъ, въ августѣ 1874 г., золотою медалью... Впрочемъ, еще получилъ, кажется, отъ астерабадскаго губернатора нарядный архалукъ, надѣваемый имъ при дѣловыхъ посѣщеніяхъ Персіи, и *шаль*, отъ него-же, за благополучную доставку въ Астерабадъ той партіи персидскихъ невольниковъ, освобожденныхъ русскими изъ Хивы, которая направилась оттуда на Красноводскъ и Ашуръ-аде; другая-же партія, какъ извѣстно, была перерѣзана на пути текинцами и ямудами.

Однакожь пора идти къ «начальнику моря», поджидавшему меня въ маленькой библіотекѣ станціи.

— Барказъ уже ждетъ васъ, встрѣтилъ онъ меня, на этотъ разъ, спокойно.—Желаю благополучнаго пути.

— Въ Гассанъ-Кули?

— При свѣжемъ вѣтрѣ, какъ сегодня, рискованно туда... Лучше — на Серебряный бугоръ, къ устью рѣки Гургена, отстоящему отсюда на 23 версты.

Рафаилъ, вооруженный револьверомъ, притащилъ съ собою, на показъ мнѣ, древнюю большую мѣдную миску (на трехъ маленькихъ ножкахъ, съ двумя ручками и надписями по ободку)—подарокъ отъ ямудовъ, нашедшихъ ее, приблизительно, въ 150 верстахъ отъ устья р. Атрека, въ развалинахъ бывшаго укрѣпленія гоклановъ. По словамъ ихъ, къ сѣверу отъ этихъ руинъ, въ мѣстности очень плодородной, замѣтны слѣды городовъ Мешедъ-Местерьяна и Рустана, основанныхъ за долго до прихода сюда тюркменъ съ Мангышлака и разрушенныхъ китайцами. Они полагаютъ, что подъ ними скрыто много богатствъ... вѣроятно, потому что года четыре тому назадъ тамъ былъ найденъ металлическій кувшинъ съ древними золотыми монетами; пріобрѣтенная мною серебряная монета тоже найдена вблизи Мешедъ-Местерьяна, у норки какого то «маленькаго звѣрка похожаго на крысу», который, вѣроятно, вытащилъ изъ-подъ земли это препятствіе на своемъ пути.

Захвативъ револьверъ превосходной системы Смитъ-Вессона, недающій промаха въ привычныхъ рукахъ даже на 200 шаговъ, я отправился съ Рафаиломъ на барказъ.

Маленькій командиръ его отдалъ мнѣ честь, команда—вытянулась. Признаюсь, это непріятно поразило меня; тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе! «Полковникъ», таинственно шепнулъ онъ, отдавая ей какое-то распоряженіе и такъ загадочно посмотрѣлъ на меня, ну точно хотѣлъ сказать: «врешь, братъ, насъ не надуешь: ты инкогнито»!

— Куда прикажете подать стулъ?

— Бога ради не безпокойтесь, я вотъ поближе къ тюркменамъ.

— Какъ можно-съ, неудобно... Эй! Столъ, стулья!

Притащили, и затѣмъ въ 10 ч. утра (20 іюня) — легкій, красивый, какъ игрушка, паровой барказъ съ пушкой (поднимающій — пословамъ командира — 75 человѣкъ) тронулся въ путь, сильно качаясь отъ волнъ.

Ѣдущіе съ нами тюркмены, ханъ Девлетъ, молла Аширъ и молла Бекча, пріѣзжавшіе на островъ по своимъ дѣламъ, чинно сидѣли поджавши ноги. Всѣ они преданы Рафаилу и всѣ—стройны, костлявы, мускулисты, съ нѣсколько съуженными плоскими грудями; скулы выдаются рѣзко только у Девлета; лбы высокіе, не большіе носы—съ легкимъ горбикомъ и широковатыми ноздрями; черные глаза пронизываютъ васъ добродушіемъ, недовѣріемъ и дикимъ огнемъ; растрепанныя рѣдкія черныя бороды какъ-бы подбриты ровною полоскою подъ нижнею губой: волосы отсюда выдергиваются щипчиками, по обычаю, для красы, а усы, концы которыхъ висятъ, подстригаются надъ верхнею губою уже «по корану, чтобы волосъ не попалъ въ ротъ во время ѣды и не опоганилъ-бы пищу». Зубы блестятъ бѣлизною, на бритыя головы съ засусленными ермолками напялены мохнатыя овечьи шапки, что все вмѣстѣ придаетъ этимъ халатникамъ суровый видъ.

Распахнувшіеся на груди, коротковатые хивинскіе халаты (по 2 р. 40 к.), изъ полосатой матеріи съ преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ надъ чернымъ и желтымъ, подпоясаны простыми кушаками, которыми тюркмены обертываютъ на ночь свои головы, изъ опасенія простудить ихъ, если только по обыкновенію не спятъ въ шапкахъ. На поясную рубаху съ косымъ воротомъ и широкими рукавами (изъ нашего и англійскаго коленкора и миткаля, или изъ персидской бязи) надѣтъ невидимый изъ-подъ халата короткій архалукъ, по-ихнему «чабушъ», съ открытою грудью, широкими рукавами и маленькими разрѣзами съ боковъ полъ (изъ персидской или текинской матеріи, состоящей изъ трехъ полосокъ: шелковой красной и шерстяныхъ: черной и узкой бѣлой, по 60 к. за ханскій аршинъ=почти $1^1/_2$ русскимъ). Онъ подшивается персидскою бязью (по 15 коп. за хан. арш.) и иными шьется по персидскому фасону: съ длинными разрѣзами съ боковъ полъ и коротенькими (застегиваемыми на крючки) на рукавахъ. Широкіе синіе шальвары (изъ русскаго или транзитнаго миткаля) держатся на поясницѣ шнуркомъ; ноги обуты въ короткіе пестрые чулки и красные грубые башмаки, съ загнутыми кверху концами и желѣзными подковками на утолщенныхъ пяткахъ вмѣсто каблуковъ.

Въ холода тюркмены носятъ «чекмени» и халаты своего издѣ-

лія изъ верблюжьей матеріи гороховаго цвѣта, непромокаемыя войлочныя бурки (по 2—2 р. 40 к.) придерживаемыя на шеѣ шнуркомъ, бараньи шубы и во время ѣзды, какъ и вообще въ грязь, сапоги.

По приглашенію Рафаила, бѣгло говорящаго по-тюркменски, т. е. на исковерканномъ турецкомъ языкѣ: «тюркъ-джагатай», ханъ Девлетъ и молла Бекча подсѣли къ намъ, третій-же, съ четками, остался неподвиженъ; то былъ «софи».

Желающій «сдѣлаться софи», что случается обыкновенно подъ старость, отправляется къ наиболѣе чтимому имъ духовному лицу, кается въ грѣхахъ и получаетъ благословеніе, послѣ чего, ужъ не участвуя въ разбояхъ, проводитъ время больше въ молитвахъ и уединеніи.

Несмотря на высокій титулъ, Девлетъ выглядывалъ оборвышемъ. Съ ханскимъ достоинствомъ, передающемся по наслѣдству отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ, не связывается никакихъ особыхъ привилегій и преимуществъ, а потому совершенно обнищалые ханы—нерѣдкость тутъ.

Молла Бекча, напоминавшій лицомъ нашихъ типичныхъ линейцовъ, одѣтъ по чище, ибо ѣздилъ къ Ламакину съ просьбою «о покровительствѣ въ одномъ очень сложномъ дѣлѣ», и именно: отецъ его—по имени Власъ, фамилии не помнитъ—жилъ на Кавказѣ, въ какомъ-то мѣстѣ, отстоящемъ отъ Астрахани «на четыре дня ѣзды», и былъ «хорошимъ» христіаниномъ; затѣмъ, получивъ свидѣтельство на свободное жительство у дружественнаго намъ ямудскаго старшины Кіятъ-хана, продолжалъ служить и у первенца его, при которомъ и умеръ, оставивъ сына, вотъ этого самаго Бекчу, полнымъ сиротою. Конечно, его не замедлили обратить въ правовѣріе.... И всеконечно, забывъ даже русскій языкъ, онъ желаетъ снова вступить въ лоно православія?—О, нѣтъ, просится только «въ русскіе-подданные», какъ выразился Рафаилъ, въ чемъ, безъ сомнѣнія, отказу не будетъ....

Барказъ идетъ по $5^1/_2$ узловъ или около 9 верстъ въ часъ. Вдали туманъ, кругомъ сырость, и мой парусинный костюмъ влаженъ—чувствуется даже легкая дрожь.

— Надѣньте фуфайку, совѣтуетъ Рафаилъ (самъ-же никогда ея не носитъ).—Да вотъ еще—продолжалъ онъ, — не ночуйте въ кибиткѣ, не то схватите лихорадку и вши заѣдятъ; тюркмены—народъ нечистоплотный: вѣчно сидятъ и нерѣдко спятъ на голой землѣ, а мыло найдется развѣ только у тѣхъ, кто уже свыкся съ нами.

— А по-моему, лучшее средство отъ лихорадки—погрѣться у меня внизу, воодушивился капитанъ! Не желаете-ли? предложилъ онъ вино, ликеръ и закуску, приготовленную въ его узенькой каюткѣ; крупно-зернистая бѣлужья икра тюркменскаго приготовленія (по 3 руб. за пудъ), хоть нѣсколько и пересолена, но вкуснѣе 20-ти-рублевой петербургской....

Тихо входимъ мы въ широкое устье р. Гургени, свободное только на 8 саж. въ ширь; далѣе-же по обѣ стороны—густо стелется тростникъ, откуда несутся крики разной птицы и непрерывное стрекотанье кузнечиковъ. Обернитесь къ морю—летаютъ чайки, черныя гагары, жирныя утки, бакланы, тяжелые на подъемъ, что позволяетъ тюркменамъ бить ихъ палками; влѣво изъ тростника, который рѣжутъ они для корма скота, выглядываютъ лошадинныя морды. Впереди—чернѣются ульи: это кибитки, правѣе—нѣсколько камышевыхъ сарайчиковъ, для склада товаровъ, куда однако-жъ зимою загоняютъ барашковъ и телушекъ; въ сторонкѣ краснѣютъ развалины кирпичнаго караванъ-сарая, разрушеннаго персами во время сбора податей съ сребробугорцевъ.

Зной усиливается. Жадно всматриваясь кругомъ, я пишу; матросъ держитъ зонтикъ надо мною, что стѣсняетъ меня, но такъ угодно командиру. Онъ говоритъ, что съ основанія астерабадской морской станціи, паровой барказъ только въ другой разъ показывается въ водахъ Гургени, но наши лодки нерѣдко заглядываютъ сюда.

Черезъ двадцать минутъ ѣзды узкая рѣчка очистилась отъ камыша, и влѣво обрисовался въ отдаленіи низкій курганъ «Гемюшъ-тепе» (Серебряный бугоръ); впереди, у низкаго (на $^1/_2$ аршина надъ водой) песчанаго берега, индѣ—съ рѣдкою, негодною травой, видны два челнока и пестрая группа среброгурцовъ. Взрослые—больше въ рыжеватыхъ, рѣдко—въ черныхъ мохнатыхъ шапкахъ на затылокъ, синихъ халатахъ и съ большими ножами съ черною рукоятью за кушаками; мальчишки въ си-

нихъ рубашенкахъ, ермолкахъ какъ и дѣвчонки въ длинныхъ красныхъ рубахахъ, босы.

Молча, пасмурно смотрѣли они на барказъ, который, по измѣрении глубины, оказавшейся тутъ на 10 футъ, сталъ передъ ними. Матросы принялись улаживать сходни. Маленькій командиръ горячится, теряется, блѣднѣетъ.

— Селямъ алейкюмъ! крикнулъ онъ имъ, собравшись съ духомъ, однако-жъ въ голосѣ слышалась дрожащая нотка; одни отвѣчая на привѣтствіе, сняли шапки, другіе кивнули головой, прочіе, молча отвернувшись, отошли въ сторону, что еще болѣе подѣйствовало на него... но Рафаилъ успокоилъ: «Мы здѣсь, какъ дома», и, подозвавъ къ себѣ одного изъ толпы, тихо спросилъ: въ безопасности-ли мы? На успокоительный отвѣтъ, пріободрившійся командиръ угостилъ насъ полбутылкой шампанскаго (привезеннаго ему изъ Константинополя бывшимъ мирзою Егоромъ), тремъ тюркменамъ вошедшимъ на барказъ вслѣдъ за «шпіономъ», все еще стоявшимъ передъ серьезнымъ Рафаиломъ съ обнаженною головой, велѣлъ подать чаю, матросамъ дозволилъ ловить рыбу вблизи барказа, и, шепнувъ что-то часовымъ съ ружьями, вышелъ съ нами на берегъ, гдѣ халатники встрѣтили «гостей» уже привѣтливо и, усѣвшись на корточки, коротко перебрасывались словами съ «мирзою»; я подошелъ-было къ пятилѣтней дѣвочкѣ, но та рѣзко отвернувшись засѣменила къ аулу, куда вскорѣ отправились и мы въ сопровожденіи напоенныхъ чаемъ, охотно выкапывавшихъ для меня своими ножами корни рѣденькой травки изъ окаменѣлой глинисто-солончаковой почвы, на что командиръ проводившій насъ съ двумя вооруженными матросами только на сотню шаговъ, замѣтилъ: «Какіе любезные! А встрѣться съ ними въ степи—не то будетъ».

На голой глади, индѣ желтѣвшей и краснѣвшей, по большей части, выжженною солнцемъ, низкою травою, въ отдаленіи зеленѣетъ маленькая группа дико-растущей гранаты и едва замѣтная для глазъ волна. На такихъ-то возвышенныхъ мѣстахъ по берегамъ двухсотверстной Гургени (которая, вытекая, какъ и Атрекъ, изъ послѣднихъ предгорій кухистанскихъ и гурганскихъ возвышенностей, круто поворачиваетъ на западъ и вливаетъ свои, обогащенныя пятью ручейками, воды въ Каспійское море), ямуды и гокланы сѣютъ пшеницу, ячмень, иногда

кунжутъ; на низменахъ-же—иные воздѣлываютъ рисовыя поля («челтыкъ»), требующія ужъ не мало труда: предварительно нужно очистить мѣсто, заливаемое потомъ водою проведенною канавками изъ рѣки, и одновременно—выкопать вблизи кибитки яму для разсады, которая и пересаживается туда; затѣмъ, требуется и наблюденіе, чтобы рисъ не росъ густо. Въ урожайные годы эти посѣвы приносятъ самъ-50 и больше, но такъ какъ скромные размѣры кибитки не позволяютъ хранить всего сбора, то хозяева оставляютъ себѣ только часть его, а остальное—обыкновенно отдаютъ въ займы или продаютъ (сегодня пшеница—по 35 к. пудъ, ячмень—15 к.). Зерно про запасъ сохраняется зимою въ глубокихъ ямахъ, заравниваемыхъ, поверхъ соломы, землею, чтобы скрыть ихъ отъ постороннихъ. Вверхъ по рѣкѣ встрѣчаются и плантаціи хлопка и тута. Тюркмены воспитываютъ шелковичныхъ червей такъ: какъ только раннею весною начинаетъ распускаться тутъ (шелковица)—завертываютъ шелковичное сѣмя въ кисейные мѣшечки и кладутъ ихъ себѣ подъ мышки, гдѣ въ скоромъ времени, отъ теплоты, и выходятъ червячки, которыхъ затѣмъ переносятъ на усыпанный молодыми листьями тута полъ шатра. Листья перемѣняютъ ежедневно, наблюдая, чтобы между ними былъ свободный притокъ воздуха и отнюдь не было-бы росы, вредной для этихъ полезныхъ насѣкомыхъ, которымъ, по мѣрѣ развитія, увеличиваютъ количество пищи, прибавляя къ молодымъ листьямъ болѣе крупные. Достигнувъ полнаго развитія, черви перестаютъ ѣсть и ищутъ мѣста, гдѣ-бы по удобнѣе свить себѣ коконы и превратиться въ хризалидъ; болѣе сильныхъ (ползущихъ повыше) отдѣляютъ отъ слабыхъ, ибо шелкъ отъ первыхъ крѣпче, ровнѣе, чѣмъ отъ послѣднихъ. Здѣшніе коконы сбываются обыкновенно въ Персію и Хиву по 70 рублей и дороже за пудъ.

По прибрежью Каспія разводятъ ямуды и огородики.

Подальше отсюда, вверхъ по Гургени, найдется не мало превосходныхъ пастбищъ, гдѣ преобладаютъ до 30 разнообразныхъ, большею частью колючихъ, сочныхъ травъ, изъ коихъ въ мой гербарій попали: 1) *Дикобразъ*, по зимамъ съѣдаемый лошадьми, если только не имѣется лучшаго корма. 2) Съежившаяся, высохшая отъ солнца верблюжья *кызылъ-ехрычъ* (красная трава). 3) *Иль-гака* съ краснымъ цвѣткомъ. 4) Кустообразный, сочный трубчатый *карахъ* питаетъ верблюдовъ и служитъ топливомъ.

5) *Нарпусъ*, любимый верблюдами, невыносимый для змѣй, придающій горечь мясу быковъ и овецъ (если тѣ поѣдятъ его) и унимающій—по увѣренію тюркменъ—зубную боль. 6) Трава, напоминающая формою листьевъ и терпко-кисловатымъ вкусомъ щавель, заключаетъ въ своемъ корнѣ красильное и дубильное вещества, слѣдовательно, негодная для скота, но полезная для здѣшнихъ рыболововъ, опускающихъ въ отваръ ея веревки и прочія рыболовныя снасти, что окрашиваетъ ихъ въ красный цвѣтъ и предохраняетъ отъ порчи въ водѣ. 7) Любимый всѣмъ скотомъ *Гирякъ*.

Вотъ и вся фауна, сколько-нибудь полезная для сребробугорцевъ, фауна производимая преимущественно глинисто-солончаковою почвою при слѣдующихъ климатическихъ условіяхъ: при лѣтнемъ зноѣ умѣряемомъ морскими вѣтрами и обильною росою, при теплой зимѣ съ рѣдкими снѣгами и болѣе частыми, какъ и осенью, дождями.

Скирдъ не увидите: травы не косятъ про запасъ — скотъ всегда на подножномъ корму. Здѣшніе кочевники богаты овцами (по 1 р. 50 к.—3 р. 60 к.), верблюдами (по 50 р.); есть и ослы (по 9 р.), коровы и быки; послѣднихъ они поставляютъ по подряду на станцію, на убой для пищи, по 15 р. и дешевлѣ за голову. Рабочая лошадь стоитъ здѣсь 20—30 р., верховая—отъ 150 до 300 р., а текинской породы—до 30 р. Тюркмены кутаютъ лошадей въ войлокъ, попоны, вообще заботятся объ нихъ съ перваго дня рожденія до послѣдняго издыханія; объѣзжать ихъ начинаютъ, обыкновенно, съ двухлѣтняго возроста.

Эти низменныя мѣста нерѣдко заливаются водою, и тогда сребробугорцы перекочевываютъ въ глубь степей. Особенно сильное наводненіе посѣтило ихъ (какъ и аширцевъ, т. е. населеніе о-ва Ашуръ-аде) 17—19 ноября 1873 года; подулъ сильный вѣтеръ и вода покрыла пространство на 12 верстъ отъ берега; бѣда застигла врасплохъ, такъ что 25 человѣкъ утонуло. Но наводненіе составляетъ временное неудобство, постоянное-же заключается въ болотистомъ устьѣ Гургени и заплескахъ отъ

весеннихъ разливовъ, испаренія которыхъ, отравляя воздухъ на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, гонятъ сребробугорцевъ отъ лихорадокъ, больше — въ Гассанъ-Кули, и тогда рѣдко кто изъ нихъ отваживается посѣщать станцію, ибо «всякій, заболѣвшій лихорадкою тамъ, по возвращеніи въ степь—умираетъ, если только не запасется лекарствами отъ нашего доктора»; своя-же медицина — безсильна противъ нея. Вотъ почему изъ 600 кибитокъ здѣшняго зимняго кочевья осталось только 20, да и тѣ собираются теперь въ Гассанъ-Кули, что даетъ мнѣ возможность ознакомиться съ устройствомъ ихъ и процессомъ сбора въ путь.

Передъ нѣсколькими, уже полуразобранными кибитками — представляющими снаружи, какъ и киргизскія, короткій цилиндръ съ полушарнымъ верхомъ (изъ деревянной основы, обтянутой войлоками) — просушивалось тряпье и пожитки, около которыхъ возились двѣ-три женщины съ открытыми лицами, между тѣмъ какъ другія сидѣли праздно на землѣ или собирали травы; въ сторонкѣ возвышался «таларъ»—вышка, изъ пяти-шести тонкихъ, длинныхъ бревенъ, врытыхъ въ землю кружкомъ, съ легкимъ наклономъ во внутрь, и сверху грубо связанныхъ поперечинами, на воздушную настилку которыхъ взбираются по крутой лѣстницѣ поспать или отъ комаровъ, не то и показать оттуда свое искуство въ стрѣльбѣ.

Кибитка разбирается или устанавливается, обыкновенно женщинами, въ 15 минутъ, въ экстренныхъ-же случаяхъ въ 5. При установкѣ—на очищенную отъ травы и утоптанную землю кладется деревянный обручъ или кругъ (въ 3 сажени діаметр.), состоящій изъ 4-хъ частей, на которыхъ устанавливаются 4 «таримъ», т. е. косыя рѣшетки (въ $2^1/_2$ арш. в.) изъ деревянныхъ планокъ (въ дюймъ толщ.), скрѣпленныхъ при соединеніи кожаными шарньерами; концы ихъ запускаются въ дыры круга и связываются съ нимъ шерстяными шнурками; послѣ чего этотъ, по мѣрѣ надобности, сдвигаемый и раздвигаемый боковой переплетъ перевязывается, на $^1/_2$ аршина выше отъ земли, широкою шерстяною тесьмою, а къ верхнимъ концамъ его прикрѣпляется полушарный переплетъ (для крыши), тоже изъ тонкихъ планокъ перевязанныхъ тесьмою, но расположенныхъ не клѣтками, а прямо—отъ основанія его къ верхнему обручу, связывающемуся жердочками съ деревяннымъ

кружкомъ, съ центра котораго спускается во внутрь кибитки шерстяной шнурокъ съ кистями, для украшенія; въ сильный же вѣтеръ — къ нему привѣшиваются, для устойчивости кибитки, жернова отъ ручной мельницы для рису, состоящией изъ двухъ каменыхъ кружковъ (въ 12 дюймовъ діаметр.), одного — гладкаго, съ желѣзнымъ стержнемъ, другаго — съ дырою. Когда такимъ образомъ деревянная основа установится, ея бока, предварительно обмотанные въ трехъ мѣстахъ, для крѣпости, шерстяными поясами (въ 6 — 10 дюймовъ шир.) покрываются четырьмя толстыми сѣрыми кошмами (войлоками изъ бараньей шерсти), обтягиваемыми затѣмъ стѣнкою изъ камыша переплетеннаго веревками; верхъ также защищается двумя кошмами прикрѣпляемыми, какъ и боковыя, къ переплету тесемками или веревочками. При стряпнѣ въ кибиткѣ — верхнее отверстіе открывается для выхода дыма, на ночь же опять закрывается. Двери располагаемыя всегда на югъ — персидскаго издѣлія изъ дуба или хурманды (имѣющей финикообразные, очень невкусные мучнистые плоды). Затѣмъ кибитка окапывается канавкою для стока воды, устилается «кошмами-кечъ» (двуличными войлоками) или «палазами» (коврами) — смотря по состоянію и обходится заново не дороже 24 р.

Лѣтомъ пища варится на воздухѣ, гдѣ-нибудь за кибиткою, зимою — внутри нея. Топливомъ служитъ *тезекъ*, т. е. сухое коровье кало безъ постороннихъ примѣсей, собираемое женщинами въ свѣжемъ видѣ.

Когда я окончилъ осмотръ разобраннаго жилья и одновременно — вознію съ записною книжкой, не обратившей на себя ничьего вниманія, къ Рафаилу подошелъ пожилой ямудъ свирѣпой наружности и, пріятельски переговоривъ съ нимъ, пригласилъ насъ «быть его гостями», слѣдовательно, съ этой минуты онъ принималъ на себя обязанность защищать насъ отъ малѣйшей непріятности со стороны своихъ земляковъ. Нужно знать, что ямуды дорожатъ своимъ честнымъ словомъ, въ высшей степени гостепріимны и никогда не дадутъ своего гостя въ обиду; за него они готовы рѣзаться между собою. Агад-

жанъ — такъ звали этого молодца — служилъ на станціи съ 1863 — 1868 г. «сахловщикомъ», т. е. шпіономъ (отъ слова: сахломахъ — поддерживать), за что получалъ по два червонца въ мѣсяцъ и подарки за особыя услуги, и въ то-же время своими разбоями наводилъ ужасъ на персовъ.

— Да и теперь — шепнулъ мнѣ Рафаилъ — продолжаетъ разбойничать, но русскимъ онъ другъ, а мнѣ — большой пріятель, поэтому будьте покойны, но съ револьверомъ не разставайтесь.

Пропустивъ насъ впередъ себя въ кибитку, Агаджанъ, узнавъ о моемъ желаніи описать внутренность ея, охотно показалъ весь свой скарбъ, потомъ единственную свою, притомъ бездѣтную, жену и наряды ея.

Весь полъ кибитки, за исключеніемъ небольшого мѣста у порога, гдѣ снимается правовѣрными обувь, былъ устланъ кошмами-кечъ (2-хъ арш. длин. и $1^1/_2$ шир., по 75 к. за штуку) и палазами пестрыхъ рисунковъ ($4^1/_2$ арш. дл. и $2^1/_2$ шир. по 12 р. за штуку); основа этихъ тюркменскихъ ковровъ, окрашиваемыхъ въ темные цвѣта исключительно изъ марены, дѣлается изъ чистой шерсти, а потому они прочнѣе персидскихъ, куда примѣшивается много бумаги. Деревянныя полки въ родѣ поставца, до-нельзя грязныя и почти пустыя, занимали треть стѣны вправо отъ дверей; слѣдующая треть, даже нѣсколько побольше, пестрѣла «халыгъ» и «харчылъ», т. е. украшеніями изъ двухъ рядовъ ковриковъ, по шести въ каждомъ, и нѣсколькихъ старыхъ и новыхъ курджимовъ или курджумовъ (по-персидски — хурджиновъ), по 4 р. за штуку, состоящую изъ двухъ, соединенныхъ темно-красною шерстяною подкладкою, мѣшковъ ковровой работы (въ квадратный аршинъ каждый), съ искусно вплетаемыми одна въ другую шерстяными петлями, вмѣсто замковъ; въ курджимѣ, перекидываемомъ черезъ спину лошади, хранится все необходимое въ дорогѣ, и безъ него не выѣзжаетъ изъ дому ни тюркменинъ, ни персъ. Дальше стѣна была завалена разнымъ загрязненнымъ, запыленнымъ, больше, кухоннымъ хламомъ. Тутъ и русскій глиняный чайникъ, деревянное мелкое блюдо для рису, называемое «табахъ», своей работы, и *«кундукъ»* (кундакъ) или *«кумганъ»* — чугунный, узкогорлый кувшинъ съ длиннымъ носикомъ, для воды и омовеній (русск.); наше соломенное рѣшето для процѣживанія рису и икры; свой «сусагъ» — камышевая плетенка на двухъ палочкахъ воткнутыхъ въ

землю, для процѣживанія полусвареннаго рису, довариваемаго уже въ котлѣ съ масломъ или саломъ; у персовъ—эта кухонная принадлежность дѣлается больше изъ мѣдной проволоки. «Сузги»—веревочная плетенка съ промежуточными сѣтками изъ лошадиной гривы и съ ручкою изъ веревокъ-же, для процѣживанія молока и коровьяго масла; тутъ-же бурдюкъ, т. е. мѣшокъ изъ цѣлой бараньей шкуры очищенной отъ шерсти, наполненъ соленовато-кислымъ питьемъ, приготовляемымъ изъ коровьяго молока съ большою примѣсью соли. Тонкая желѣзная пластинка ($1^1/_2$ аршина дл.)—вертелъ на который нанизываютъ кусочки баранины съ жиромъ, и затѣмъ жарятъ ихъ надъ углями—и «кебабъ» готовъ; русскій треножникъ для чугуннаго котелка, покрываемаго при варкѣ деревяннымъ кружкомъ; персидскій котелъ съ крышкою изъ красной мѣди, для соусовъ и баранины; желѣзныя щипцы, для угля, грубѣйшей своей работы. Желѣзная лопата съ деревянною ручкою (90 к.—1 р.) для копанія земли и кирка для огородовъ, тоже своего издѣлія; желѣзный трезубецъ или острога для ловли бѣлуги, сома, осетра и проч.; «дарагъ»—рядъ желѣзныхъ спицъ, укрѣпленныхъ на деревянной подставкѣ, для очистки шерсти; «чра-пая» или желѣзная подставка, втыкаемая въ землю для глинянаго «чарака» (чирака), въ длинный носикъ котораго пропускается фитиль (изъ Россіи), затѣмъ эта персидская посудина наполняется нефтью, для освѣщенія, конечно—слабаго, дымнаго, но очень дешеваго. Рядомъ съ этою необходимою дрянью валяется и оружіе, которымъ персы снабжаютъ тюркменъ на свою-же голову: винтовка, кривая сабля съ кожаною рукоятью и въ таковыхъ-же ножнахъ; отъ холодной стали клинка несетъ человѣческою кровью, еще замѣтной на немъ. Меня проняла дрожь отвращенія и я спросилъ Агаджана: сколько головъ срубилъ онъ на своемъ вѣку?—Покачалъ головою разбойникъ, кабы-бы подумавъ: «Теперь счетъ потерялъ!» и холодно добавилъ уже вслухъ: «хорошая сабля—для себя работали!» Семивершковый ножъ въ ножнахъ, съ черною рукоятью, замѣняетъ кинжалъ, и имъ-же рѣжутъ барана, стругаютъ дерево и пр., такъ что безъ него—тюркмены ни на шагъ. Все это оружіе смазывается отъ ржавчины нефтью и бараньимъ саломъ. Тутъ-же—и два ирбитскихъ (нашихъ) сундука, и два свертка съ постелью, каждый—изъ тюфяка, подушки и одѣяла (тюркмены спятъ

лицомъ на сѣверъ). Впереди красовались два кальяна, одинъ—глиняный, другой изъ тыквы, передъ куреніемъ—до половины наполняемой водою; затѣмъ, въ ея узкое горлышко вставляется деревянная трубочка (такъ чтобы она входила въ воду), на которую надѣвается каменная трубка съ смоченнымъ табакомъ (изъ Персіи), раскуриваемымъ не иначе, какъ углемъ; съ двухъ противоположныхъ сторонъ тыквы сдѣланы два отверстія: одно—для чубучка, изъ котораго курятъ, никогда не примѣшивая къ табаку опіума, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые Персы, — другое, по увѣренію тюркменъ прохлаждаетъ дымъ. Вотъ и все имущество достаточнаго ямуда.

Въ то время, какъ я вписывалъ его въ дневникъ, въ кибитку входили одинъ за другимъ одноаульцы разныхъ возрастовъ, снимали туфли, сдержанно привѣтствовали хозяина: «селямъ» и, усѣвшись на кошмы, молча курили кальянъ, хотя они и любятъ поболтать между собою.

Двое молодыхъ, съ прядями волосъ за ушами (слѣдовательно, пробривающихъ голову поперсидски, со лба на затылокъ)—страшно изрыты оспою. Тюркмены прививаютъ ее у себя «оспенною матеріею съ больныхъ людей», вслѣдствіе чего во время свирѣпствующихъ въ степяхъ оспенныхъ эпидемій, какъ то было зимою 1873 г., между ними — большая смертность. Хотя они, какъ персы, говорятъ, что *Богъ далъ 1000 болѣзней и 1001 лекарство*, однако послѣднія имъ неизвѣстны, ибо нельзя-же считать раціональнымъ леченіемъ, ну, положимъ, полипа въ носу; доказательство на лицо: мимо кибитки прошла женщина съ кувшиномъ воды и безъ носа, а такихъ здѣсь въ аулѣ не мало, потому что ихъ знахари, вырѣзавъ полипъ, прижигаютъ больное мѣсто раскаленнымъ желѣзомъ—и носъ проваливается. Вообще нарывы у тюркменъ вырѣзываются или, попросту выковыриваются, потомъ прижигаются желѣзомъ и присыпаются нашатыремъ или порохомъ; наиопаснѣйшій изъ нихъ—черный, въ которомъ, если не сдѣлать такой операцій, заводятся черви.

Нѣкоторые ямуды, въ особенности ямудки очень любятъ бесѣдовать о своихъ болѣзняхъ съ станціоннымъ докторомъ и охотно позволяютъ прививать у себя оспу; нѣсколько сребробугорокъ даже лежатъ въ станціонномъ лазаретѣ. Доктора они уважаютъ и считаютъ *первымъ мудрецомъ* на Ашуръ-аде.

Душно, но врывавшійся по временамъ съ пѣснью жаворонка вѣтерокъ, освѣжалъ насъ.

— Ты счастливъ, что сегодня вѣтрено—комаровъ нѣтъ, замѣтилъ хозяинъ, когда я покончивши съ хламомъ, за довѣріе отплатилъ довѣріемъ, разрядивъ револьверъ и передавъ его гостямъ, съ дурно скрытою жадностью оглядывавшихъ «диковинку».

Если мои сосѣди изуродованы оспою, за то появившуюся, наконецъ, жену Агаджана положительно можно признать красавицею: правильныя черты смуглаго лица, огненные глаза съ тонкими бровями, бѣлизна ровныхъ маленькихъ зубовъ—невольно напоминали нашихъ украинокъ, а родимое черное пятнышко на шеѣ и застѣнчиво опущенные глаза, влажныя губы маленькаго рта и огнемъ пышащія ноздри еще болѣе увеличивали прелесть стройной Халлы-Гюль, на которую былъ накинутъ кусокъ клѣтчатой матеріи (изъ широкихъ красныхъ, и узкихъ зеленыхъ и черныхъ полосъ) въ 3 арш. дл. и $2^1/_2$ арш. шир. Такое покрывало изъ персидской шелковой матеріи стоитъ 7 р. 50 к., это-же—бумажное; оно было перевязано на головѣ сложеннымъ пестро-краснымъ маленькимъ платочкомъ, концы узла котораго падали на лобъ; сверху наброшенъ еще такойже платочекъ, а на шею—синій, пятнадцати-копѣечнаго достоинства (въ $^3/_4$ квадр. аршина). Изъ-подъ длинной ситцевой рубахи выглядывали шальвары съ босыми ногами — лѣтомъ тюркменки обходятся, больше, безъ чулокъ и туфлей. Вслѣдъ за Халлы-Гюль вошла и мать Агаджана, костлявая, безобразная старуха, съ морщинистымъ лбомъ, рѣзко высунувшимся носомъ, сжатыми губами; но глаза—все еще сверкали дикимъ огнемъ!

Онѣ молча усѣлись около своего повелителя, не замедлившаго, на мою просьбу снять портретъ съ первой, приказать ей нарядиться въ праздничный костюмъ. Спустя нѣсколько минутъ зардѣвшаяся красавица явилась въ замѣчательномъ нарядѣ и, не поднимая глазъ, опустилась на коверъ, подогнувъ одну ногу подъ себя, а другую, съ согнутымъ колѣномъ, выставивъ впередъ—такъ обыкновенно сидятъ тюркменки, мужчины-же подгибаютъ подъ себя обѣ ноги.

Любуясь неподдѣльною стыдливостью дикарки, я черезъ Рафаила усаживалъ ее, что никакъ не удавалось; подхожу самъ, но только-что хотѣлъ поправить ея позу—вспыхнула и, низко опустивъ голову, что-то шепнула мужу.

— Думала, что будете ощупывать ее при всѣхъ, перевелъ Рафаилъ.

Однакожь мало-по-малу она перестала дичиться, охотно выполняя мои указанія во время рисованія.

Головной уборъ ея составляла «хасава»—тяжелая махина, въ родѣ высокаго кокошника, только съ болѣе умѣреннымъ расширеніемъ къ открытому верху; она дѣлается изъ картона и спереди обтягивается бархатомъ, за тѣмъ увѣшивается въ шесть рядовъ круглыми бляхами изъ чистаго золота на красныхъ снуркахъ, а съ боковъ—большими серебрянными бляхами съ разноцвѣтными стеклами и сердоликомъ, *) откуда свѣшиваются до подбородка серебрянныя-же цѣпочки съ бубенчиками, и все это при малѣйшемъ движеніи головы качается и звенитъ; съ верха картона ниспадаетъ на плечи и спину краснаа шелковая тафта, служащая покрываломъ отъ жары, вѣтра, пожалуй комаровъ, но не отъ мужчинъ, ибо всѣ тюркменки ходятъ съ открытымъ лицомъ. Остальной нарядъ составляла длинная, съ широкими рукавами, красная рубаха, съ узкими полосками желтаго и чернаго цвѣтовъ (изъ персидской бумажной матеріи «аладжа», по тюркменски—«алачовъ»),**) застегнутая на горлѣ большою серебрянною брошкою съ сердоликомъ. Изъ-подъ нея едва выглядывали узкіе шальвары тойже матеріи, короткіе шерстяные чулки персидской работы и туфли или башмаки безъ задниковъ, съ острымъ носкомъ.

Огромныя (въ діаметрѣ $2^1/_2$ вершка), круглыя серебрянныя серьги грубой мѣстной работы, украшенныя снизу разноцвѣтнымъ стекломъ и сердоликомъ, чуть не обрывали уши бѣдняжки (богачки носятъ золотыя серьги разныхъ фасоновъ.) На ремешкѣ черезъ плечо покоился на груди «эйкаль» — маленькій серебрянный ящичекъ съ 4-мя сердоликами по угламъ, въ которомъ храняться молитвы, нерѣдко и «женскіе секреты», по выраженію Рафаила; на другомъ-же, съ серебрянными бля-

---

*) Сердоликъ покупается въ Персіи очень дешево: величиною съ грошъ—по 10 к., съ полтину по 40 к.

**) Иногда рубахи шьются и изъ красной, персидской-же тафты.

хами, висѣлъ «тумаръ»—серебрянная цилиндрическая трубка съ закругленными концами (длиною въ $3^1/_2$ вершка, шириною въ $^1/_2$), для храненія уже однихъ молитвъ и талисмановъ.

Черные, какъ смоль, шелковистые волосы красотки, съ проборомъ по серединѣ, красиво окаймляли виски и, зачесанные за уши, падали двумя тяжелыми косами, съ вплетеннымъ въ нихъ, посредствомъ веревочекъ, «монджыкъ» — двумя рядами сердцеобразныхъ серебрянныхъ бляхъ (въ 4 верш. дл., $1^1/_2$ шир.), съ большими сердоликами въ середкѣ. Массивная серебр. браслета съ двумя сердоликами, зубчатые концы котораго не сходились между собою на полъ дюйма, и серебрян. кольцы съ большими сердоликами, въ родѣ нашихъ мужскихъ перстней съ печатками, дополняли металлическія украшенія, вообще отличающіяся тутъ громоздкими размѣрами и топорной работой мѣстныхъ ювелировъ. Говорятъ, кое где на Мангышлакѣ носятъ кольцы и въ носу, конечно, женщины, ибо у мужчинъ и на пальцахъ не замѣтите ихъ.

Костюмъ дѣвушекъ такой-же, только вмѣсто головныхъ платковъ ихъ волосы, заплетенные въ 4 косички висящія попарно на вискахъ, прикрываются низенькою шапочкой въ родѣ ермолки, вышитою или унизанною серебрянными украшеніями, и кромѣ массивной брошки, вѣрнѣе — запонки, величиною въ рубль, иногда—съ гранатою въ середкѣ и золотыми завитушками по краямъ, и таковаго-же гладкаго серебрян. ожерелья, вѣрнѣе—плотно охватывающаго шею обруча (чаще—съ четырьмя большими сердоликами), завязываемаго на затылкѣ нитками продѣтыми въ его концы, онѣ никакихъ другихъ побрякушекъ не носятъ. Зимою женщины надѣваютъ поверхъ рубахи два или три архалука мужскаго покроя, изъ разныхъ матерій и сукна, затѣмъ—кутаются въ бараньи шубы, опушенныя мерлушкомъ и вышитыя по бортамъ узорами изъ бумажной полосатой матеріи «алатовъ».

Увидавъ свой портретъ, Халлы-Гюль улыбнулась и обожгла меня своимъ взглядомъ...

При выходѣ изъ кибитки на меня брызнула кровь, — это Агаджанъ, пригласившій насъ на вечерній пиръ, вонзилъ у

дверей ножъ въ барана съ громаднымъ сальникомъ (курдюкомъ), что дѣлается только для почетныхъ гостей, безъ сомнѣнія, не безъ разсчета. Передавъ трепещущаго барана женѣ онъ отправился съ нами по аулу.

Нѣсколько женщинъ, сидя между кибитками очищали въ деревянныхъ толстыхъ ступкахъ рисъ отъ скорлупы, поочередно ударяя по немъ каменною ручкою или продолговатымъ камнемъ, и, высыпавъ его на большія деревянныя блюда, провѣтривали. Одна, лукаво взглянувъ на моего спутника, крикнула съ легкой усмѣшкою: «Рафаилъ, замѣчаешь, какъ работаютъ тюркменскія женщины!» Прочія любовно впивались въ своего «фаворита» жгучими глазами... Далѣе—еще группа работающихъ женщинъ, изъ коихъ двѣ, съ голыми ногами, ловко сучатъ шерстяныя нитки для ковровъ, третья — сидѣла праздно, да въ такой непринужденной позѣ, что.... все видно, хоть на ней и были шальваришки, на половину — изъ темной матеріи, а съ колѣнъ—изъ бѣлаго миткаля.

Въ крайней кибиткѣ, куда мы заглянули, двѣ красивыя дѣвушки, не перемѣняя своихъ непринужденно-граціозныхъ позъ, доканчивали коверъ: ихъ пальцы бѣгали по столу взадъ—впередъ, глаза изподтишка улыбались Рафаилу; онѣ работали безъ узора, но при всемъ томъ—со вкусомъ, чисто, быстро. Тутъ-же двѣ пожилыя женщины сидѣли за широкими шерстяными поясами, для украшенія и связей кибитки; нитки для нихъ окрашиваются въ красные и желтые цвѣта разныхъ болѣе темныхъ оттѣнковъ (Марену покупаютъ въ Персіи).

Хозяйство и всѣ тяжелыя работы здѣсь исполняются женщинами; мужчины-же, если не на разбоѣ, то днемъ, больше, валяются, вечеромъ таскаются по одноаульцамъ, у кого есть ужинъ или чай.

— А вошелъ въ кибитку, говоритъ Рафаилъ, — нельзя не пригласить, иначе незванный гость обидится, сочтетъ это за нарушеніе вѣжливости. Въ то-же время ихъ бѣдныя женщины сидятъ у себя нерѣдко голодными, или, тоже съ тощимъ желудкомъ—тащатся въ гости одна къ другой.

— Мужчина—продолжалъ онъ—пашетъ, жнетъ, молотитъ и, собравъ зерно въ чувалы (шерстяные мѣшки), привозитъ его домой; затѣмъ—стрижетъ верблюдовъ и барановъ, получая съ каждаго барана $1^1/_4$ — 2 фун. шерсти, избытокъ которой сбы-

вается по 10—15 коп. за фун.,—вотъ и весь трудъ. Женщина-же моетъ, очищаетъ и сушитъ пшеницу, мелитъ ее въ ручной мельницѣ, мѣситъ тѣсто, печетъ изъ него мягкія пшеничныя лепешки («чурекъ»—хлѣбъ) въ «тамдирѣ», т. е. азіятской тонкостѣнной, глиняной печкѣ (въ $1^1/_2$ арш. выс. и $1^1/_4$ арш. въ поперечникѣ), съ отверстіемъ сбоку, для притока воздуха, наглухо закрываемымъ по истопкѣ, и другимъ — сверху, для «чурека», и «фетира»—тѣхъ-же лепешекъ, только изъ болѣе густаго тѣста, исколотыхъ и болѣе сухихъ; по праздникамъ достаточные люди лакомятся «катламой»—слоистой лепешкой, въ палецъ толщиною, изъ пшеничной муки на маслѣ.

Обыкновенная пища тюркменъ—«ашъ», вареный въ чугунномъ котлѣ рисъ, который иногда ѣдятъ съ «хурушомъ»—соусомъ изъ дичи или жаренаго мяса съ разными специями и кислымъ (фрукт.) сокомъ; «пловъ», приготовленный на бараньемъ салѣ или коровьемъ маслѣ, ѣдятъ съ бараниной, дичью, свѣжею рыбою: сазаномъ, осетриной и севрюгой (которую, впрочемъ, сребробугорцы остерегаются ѣсть лѣтомъ въ предупрежденіе лихорадокъ); икра также идетъ въ пищу. Дичь подается къ плову съ кисленькимъ соусомъ изъ альбухары или очень кислыхъ, сушеныхъ сѣмянъ гранаты, получаемыхъ изъ Персіи. Ѣдятъ они и верблюжье мясо, въ крайнихъ случаяхъ и конину, но свинью—никогда.

Обѣдъ свой ямуды запиваютъ прохладительнымъ соленовато-кислымъ молокомъ, обыкновенно-же пьютъ вкусную, здоровую воду съ Гургени и Атрека, доставляемую въ отдаленные, отъ этихъ рѣкъ, аулы нерѣдко бочками — дѣло мужское, въ ближайшіе — въ «кундакахъ» (узкогорлыхъ кувшинахъ)—дѣло женское. Любимый всѣми, но доступный только богатымъ людямъ, чай покупается на Ашуръ-аде, по 2 р. и дешевле за фунтъ, и въ Персіи — полутора-рублеваго достоинства; сахаръ идетъ преимущественно русскій, частью транзитный и дрянной мазандеранскій (персидскій). Полюбился имъ также нашъ лимонадъ-газесъ, но водки и вина — не употребляютъ, и только нѣкоторые изъ больныхъ пьютъ глотками бальзамъ, какъ лекарство, прописанное станціон. докторомъ.

Далѣе—женщина доитъ коровъ, овецъ, верблюдовъ и буйволовъ, сбиваетъ отличное сливочное масло (больше для продажи на Ашуръ-аде, по 15 — 30 к. за фунтъ), приготовляетъ кислое

молоко, называемое «эгурдъ» (для себя и продажи однокочевникамъ), собираетъ въ степи топливо, шьетъ и моетъ бѣлье, мастеритъ кошмы и тесьмы для кибитокъ, ковры, курджумы и матерію гороховаго цвѣта (изъ верблюжьей шерсти), для чекменей и на продажу.

Если тюркменинъ имѣетъ «крнагъ», т. е. рабыню, въ такомъ случаѣ вся эта работа лежитъ на ней, за исключеніемъ тканья и шитья, которыми занимаются его жены и вообще женская половина семьи.

Несмотря на всю обширность женскаго труда и его полезность, когда у тюркменина родится дочь — онъ скученъ, въ семьѣ нѣтъ радости, нѣтъ празднествъ и никто не придетъ поздравить его съ новорожденною; но если сынъ — родные, весь аулъ спѣшитъ съ проздравленіями сперва къ лучшему другу счастливаго отца, который и отдариваетъ доброжелателей по состоянію, затѣмъ уже поздравляютъ «съ наслѣдникомъ» самого отца. На второй годъ отъ рожденія — можно затянуть и до 7 лѣтъ — самъ отецъ производитъ ребенку «обрѣзаніе» бритвою, при чемъ сильное кровотеченіе останавливается сженою ватой, послѣ чего устраивается «той»—чисто свадебный пиръ, съ непремѣнными состязаніями джигитовъ (наѣздниковъ), изъ коихъ отличившіеся получаютъ призы деньгами или вѣщами; на такое семейное торжество нерѣдко приглашаются пѣвцы и музыканты («бакши»), съ грубыми «тамдурами»—инструментомъ, нѣсколько напоминающимъ гитару, съ 2 — 4 шелковыми струнами, и длинными свирѣлями изъ толстаго камыша. Невыносимая музыка смѣшивается съ ревомъ вокальнаго хора, и гости изъ уваженія къ хозяину, а можетъ быть и тронутые гармоніей, дарятъ артистамъ деньги. Относительно-же танцевъ ямуды вполнѣ раздѣляютъ взглядъ персидскихъ офицеровъ, однажды удивлявшихся передъ Рафаиломъ: «зачѣмъ аширскіе моряки поютъ и танцуютъ, когда на то существуютъ странствующіе пѣвцы и танцоры? И какъ это мужчинѣ не стыдно танцовать съ дамами»?

Когда ребенку стукнетъ 7 — 9 лѣтъ, отецъ высматриваетъ

ему такую-же крошку-невѣсту и, конечно, находитъ, послѣ чего вступаетъ въ предварительные переговоры съ ея отцомъ, а за полученіемъ формальнаго согласія на бракъ—отправляетъ къ нему двухъ своихъ знакомыхъ женщинъ; тотъ, съ матерью «избранной», по обыкновенію просятъ отсрочки на нѣсколько дней—нужно-же пообдумать, переговорить съ родственниками; наконецъ, окончательно соглашается на предложеніе, и тогда отецъ жениха шлетъ къ нему старшинъ условиться насчетъ «цѣны за невѣсту», цѣны колеблющейся тутъ между 200 и 400 «тыллъ» *), на половину—чистоганомъ, на половину—скотинкой и вѣщами или товарами, оцѣниваемыми въ подобныхъ случаяхъ въ три-дорога; если-же нарѣченный—женатый, и при томъ—«бай» (богачъ, каковымъ считается у нихъ, располагающій тысячью червонцевъ)—она доходитъ до 500 тыл., а если и отецъ нарѣченной «бай»—то до 1000 т. Цѣны на молодыхъ вдовушекъ, вообще предпочитаемымъ дѣвушкамъ, еще выше (отъ 500—1,500 т.), ибо онѣ привычнѣе къ тяжкимъ трудамъ, выпавшимъ на долю тюркменской женщины, онѣ уже знакомы съ хозяйственною частью и, кромѣ того, имѣютъ кое-что отъ перваго замужества.

Когда старшины условятся о вознагражденіи отца за невѣсту — дочь, вознагражденіи получаемомъ имъ отъ отца жениха, смотря по соглашенію, немедленно сполна, или въ опредѣленный срокъ—по частямъ, къ ней является нѣсколько родственницъ съ жениховой стороны и, по прочтеніи моллой соотвѣтствующей случаю молитвы, снимаютъ съ нея шапочку, расплетаютъ дѣвичьи (четыре) косички и, заплетши волосы въ двѣ косы, обвязываютъ голову платкомъ, какъ у женщинъ; съ этой минуты дѣвушка называется «гялинъ» (сноха).

Но вотъ деньги уплочены, и отецъ жениха готовится къ торжественной церемоніи «похищенія невѣсты»: приглашаются родные и знакомые, конные и пѣшіе, бакши и джигиты со всѣхъ окрестныхъ, иногда и дальнихъ ауловъ; на обвѣшанномъ кистями и пр. побрякушками верблюдѣ прилаживается «кеджава»—будочка для сидѣнья, тоже разукрашенная разными матеріями, и вся эта процессія отправляется къ невѣстину

*) Тюркменская тылла=90 коп., хивинская=1 р. 80 к.

отцу; самъ-же женихъ остается дома, не показываясь ни роднымъ, ни знакомымъ его, иначе—верхъ не приличія!

При приближеніи процессіи — подруги, родственницы окружаютъ невѣсту въ кибиткѣ, снаружи которой толпится ея мужское родство, готовое дать отпоръ жениховому, но то врывается къ ней, и—пошла катавасія, оканчивающаяся нерѣдко, хотя шутливою, но довольно чувствительною потасовкою: одежды обращаются въ клочки, тѣла покрываются синяками; тѣмъ временемъ, родители угощаютъ гостей, разбрасывая фрукты и кусочками сахаръ собравшейся толпѣ. Въ концѣ-концовъ, «какъ-бы нехотя», невѣсту отдаютъ роднымъ жениха, которые выносятъ ее изъ шатра и, усадивъ на верблюда въ кеджаву, съ одною только женщиною, называемою «энгя», увозятъ; при чемъ джигиты показываютъ свою удаль, стрѣляютъ, бакши — играютъ и орутъ, ребятишки бросаютъ каменьями въ кеджаву, что происходитъ и при встрѣчѣ свадебнаго поѣзда у родныхъ жениха, въ свою очередь угощающихъ гостей, разбрасывая фрукты и кусочки сахару народу и дѣтямъ,—словомъ, пиръ идетъ веселый. Братьямъ невѣсты дарятся халаты, «энгя» тоже не остается безъ «пишкеша»...

Въ 5 часовъ пополудни собираются ахунды, моллы и отправляютъ къ нарѣченнымъ четырехъ человѣкъ, по двое съ каждой стороны, справиться объ ихъ согласіи на бракъ. Тѣ спрашиваютъ сперва, черезъ женщинъ, невѣсту: «согласна-ли ты выйти замужъ за того тюркмена, за котораго тебя выдаютъ»? затѣмъ, уже лично обращаются съ подобнымъ-же вопросомъ къ жениху, и, получивъ утвердительный отвѣтъ — сообщаютъ его собравшемуся народу; тогда ахундъ провозглашаетъ: «дочь того-то выходитъ за сына того-то по обоюдному согласію,—вы, народъ, свидѣтели этому».—«Мы свидѣтели», несется въ отвѣтъ.

Процедура спрашиванія согласія у молодыхъ и призывъ народа въ свидѣтели повторяется троекратно, послѣ чего молла, ахундъ или казы читаетъ молитву и тѣмъ заканчивается «никяхъ» (вѣнчаніе)—завязанъ неразрывный узелъ брачной жизни. Молодыхъ вводятъ въ разбитую въ сторонкѣ отъ аула новую кибитку; ребятушки снова принимаются за камни, швыряя въ нее до тѣхъ поръ, пока *караульный*, одинъ изъ друзей жениха, не отгонитъ ихъ—пора-же дать отдыхъ молодымъ, которые

остаются на ночь одни; съ этой поры они — мужъ и жена, но только не физіологически, ибо—еще дѣти.

На слѣдующее утро кибитка ихъ ставится по правую сторону отцовской; пробывъ тутъ недѣлю, молодая возвращается къ своимъ родителямъ, на средства которыхъ приготовляетъ себѣ «сепъ» (приданое): наряды, ковры, палазы и разныя хозяйственныя принадлежности.

По прошествіи года свекоръ посылаетъ за нею—пріѣзжаетъ и, проживъ съ мужемъ мѣсяцъ, опять уѣзжаетъ мѣсяца на два, на три, послѣ чего уже окончательно поселяется у себя, посѣщая своихъ не болѣе раза въ годъ. Безъ сомнѣнія, моментъ окончательнаго сожительства съ мужемъ ускоряется въ случаѣ рожденія ребенка. Для отдѣльнаго хозяйства молодые снабжаются, смотря по достатку и щедрости отцовъ,—баранами, лошадьми, верблюдами и проч. скотинкой; иной—даритъ дочкѣ даже всѣ деньги и вещи, полученныя за нее, скупецъ ничего не даетъ или ограничивается «шай'емъ» (серебрян. ожерельемъ) и «сеп'омъ»; затѣмъ втеченіи первыхъ мѣсяцевъ сожительства—родители продолжаютъ еще заботиться объ ихъ продовольствіи, послѣ чего «молодые» уже окончательно освобождаются отъ опеки своихъ отцовъ, имѣвшихъ до селѣ неограниченную, безотвѣтственную власть надъ жизнью ихъ.

Мужъ никогда не зоветъ жену по имени, а кличетъ: «хайтъ!» (эй!) и не то, что гнушается подругой жизни, но ставитъ ее гораздо ниже себя: она не смѣетъ идти рядомъ съ нимъ, а плетется сзади. Ямуды, видѣвшіе на Ашуръ-аде внѣшній почетъ, оказываемый нашимъ дамамъ, пренаивно удивляются: «какъ это дозволяютъ имъ ходить впереди или рядомъ съ мужчинами». Тюркменка, обращаясь къ своему повелителю, за чѣмъ бы то ни было, называетъ его «гахасы», т. е. отецъ дѣтей, и безпрекословно исполняетъ всѣ его приказанія, прихоти: гладитъ его тѣло, руки и ноги; если-же она противится или залѣнится по хозяйству—тотъ колотитъ ее палками, стегаетъ плетьми. Въ свою очередь, эти рабыни зачастую очень жестоко обращаются съ своими «крнагами» (невольницами), больше изъ ревности, и тѣ должны терпѣть побои хозяйки, потому что «не вправѣ» отказать въ любовныхъ прихотяхъ хозяину.

Вслѣдствіе того, что отецъ выдаетъ дочерей замужъ безъ ихъ богласія (вѣдь установленый шаріатомъ «никяхъ» — пустая формальность), мало того, нерѣдко выдаетъ, изъ разсчета, за «противныхъ людей», за какихъ-нибудь уродовъ,—жены, за малымъ исключеніемъ, ненавидятъ, презираютъ (конечно — въ душѣ) своихъ мужей и вступаютъ въ тайную связь.

Взоры красавицъ обращаются, преимущественно, на щеголей въ красномъ шелковомъ костюмѣ, или на почетныхъ лицъ, на заступничество коихъ, отъ истязаній мужа, вполнѣ разсчитываютъ, и — готовы были-бы броситься въ объятія любовника въ присутствіи всего народа, да «стыдъ удерживаетъ»; впрочемъ, онѣ не стѣсняясь бесѣдуютъ съ матерями и подругами о своихъ любовныхъ интрижкахъ, похожденіяхъ,—вѣдь и тѣ не безгрѣшны: между тюркменками рѣдко найдется женщина безъ укора въ этомъ отношеніи.

Въ свою очередь и мужъ, получивъ отвращеніе къ невѣрной женѣ, выискиваетъ себѣ любовницъ между замужними одноаулками или беретъ еще другую, третью, четвертую жену; болѣе обвѣнчанныхъ женъ шаріатъ не дозволяетъ имѣть одновременно, но изъ «крнаги» (невольницъ), съ которыми вступаютъ въ бракъ, обыкновенно безъ «никяхъ», и тогда называютъ ихъ «таляфи-ознки»—сколько угодно, лишь-бы средствъ хватило.

Для сохраненія чистоты крови своего племени, ямуды выдаютъ «игъ» только за «ига» и не роднятся даже съ текинцами и другими иноплеменниками, ибо, по преданію, родоначальникъ великаго тюркменскаго племени, Тюрменъ имѣлъ трехъ сыновей: Ямуда и Гоклана—«игъ», рожденныхъ отъ свободной женщины, и Теке—отъ «крнаги», слѣдовательно, имъ, ямудамъ съ гокланами—потомкамъ «свободной жены» не приходиться смѣшиваться съ текинцами—потомками «рабыни».

Кулъ (рабъ)—такъ называются дѣти отъ «крнаги»—можетъ жениться только на кулѣ, хотя и не отстраненъ отъ права занимать видное положеніе въ племени, т. е. быть моллою, предводительствовать въ походахъ или набѣгахъ и пр. и пр.

Нѣкоторые тюркмены даютъ своимъ дѣтямъ *образованіе*, по большей части ограничивающееся знаніемъ «ясынъ»—молитвы изъ «курана» (корана) за упокой души, которую и будутъ читать они по смерти батюшки, на могилкѣ его или дома у себя,—вотъ и «моллы» (грамотные). Рѣдкій получаетъ болѣе обширное, исключительно, духовное образованіе, и такіе *благовоспитанные*

отличаются отъ *невѣждъ* тѣмъ, что сидятъ всегда «прилично» на обоихъ колѣнахъ, съ опущенными долу очами, больше глубокомысленно молчатъ, отвѣчаютъ тихо, къ духовнымъ особамъ относятся съ высокимъ почтеніемъ и т. п.

По характеристикѣ Рафаила, согласія между ямудами—мало; сплетни отъ бездѣлья родятъ ненависть; отсюда ссора, убійство, затѣмъ слѣдуетъ месть: «кровь за кровь», или установившаяся обычаемъ «цѣна за кровь». Если «игъ» убьетъ «ига»—долженъ заплатить 3,000 тюркменскихъ тылла, «кулла» — 1,500 т. Конечно, такая сдѣлка можетъ состояться только по желанію того, «кому принадлежитъ пролитая кровь», т. е. по желанію ближайшаго родственника убитаго, иначе—«онъ получаетъ «обратно кровь», другими словами—убиваетъ убійцу. Въ первомъ случаѣ, казы вручаетъ убійцѣ бумагу, въ которой объявляется народу, что «если кто дастъ ему слѣдуемый духовнымъ или бѣднымъ «закять», то таковой примется имъ въ разсчетъ»; съ этою бумагою убійца собираетъ по ауламъ деньги и вещи, «для откупа отъ крови». Во второмъ-же случаѣ—даютъ ему время зарядить ружье и вообще подготовиться къ защитѣ, затѣмъ—открыто (но ни въ какомъ случаѣ—изподтишка) нападаютъ; во избѣжаніе возмездія убійца нерѣдко бросается съ повинною въ кибитку отца убитаго, и тотъ прощаетъ ему все, что почитается «высокою добродѣтелью». Народъ, умѣющій цѣнить великодушіе, не похожъ на тотъ, о которомъ вы, читатель, получили скудныя понятія изъ отрывочныхъ статей газетъ или набросковъ туристовъ.

Когда тюркменинъ умретъ—двое мужчинъ (тюркменка—двѣ женщины) изъ постороннихъ семей, обмывъ его теплою водою, совершаютъ съ его руками, ногами, ушами, ртомъ и пр. и пр. извѣстную процедуру омовенія; затѣмъ, положивъ трупъ на кусокъ полотна, покрываютъ его такимъ-же кускомъ, и, связавъ концы ихъ у ногъ и изголовья, обтягиваютъ его двумя кусками, покороче первыхъ, и еще двумя, болѣе короткими, послѣ чего—обвязываютъ трупъ полотнянымъ же кушакомъ и, положивъ на палазъ, выносятъ его изъ кибитки, кладутъ на деревянные носилки, вродѣ лѣсенки, и, по прочтеніи молитвы: «Азъ селатъ дженаза», несутъ на кладбище: молла впереди, народъ—сзади. Тамъ роютъ яму, въ сажень длиною, два аршина шир. и глуб., а въ ней—другую по размѣру покойника, въ которую

и укладываютъ его лицомъ на югъ или юго-западъ, къ Меккѣ; противъ немного открытаго лица пришпиливается къ стѣнкѣ бумажка съ молитвою: «кокрякъ-дуа», затѣмъ это послѣднее пристанище, называемое «алхадъ», прикрывается дощечками, застилаемыми сѣномъ или травой, и вся могила засыпается землею, а у изголовья ея ставится камень или плита съ именемъ покойника.

Возвращаясь съ похоронъ, родные, друзья покойнаго, при приближеніи къ кибиткѣ его, плачутъ и, закрывъ лица руками, вопятъ: «эй-вай-эй»! Тѣми же воплями съ плачемъ ихъ встрѣчаетъ остававшаяся дома родня, и всѣ вмѣстѣ входятъ въ «чадыръ», т. е. въ приготовленную къ этому времени около кибитки палатку, устланную палазами. Сюда собирается весь аулъ, и молла, прочитавъ «фатихъ», уговариваетъ родство плакать, послѣ чего близкимъ людимъ подается вареная или жареная баранина (рѣжется всего одинъ баранъ), новая одежда покойнаго отдается бѣднымъ, попъ тоже получаетъ—по завѣщанію—часть вѣщей и денегъ.

Черезъ три дня рѣжутъ трехъ барановъ, и на поминки созывается весь аулъ; черезъ семь дней—3, 5, 7, 9 или болѣе барановъ—смотря по состоянію, лишь бы только *нечетное* число, и опять народъ ѣстъ—поминаетъ.

Мужская родня не входитъ въ кибитку покойнаго втеченіи 39 дней по смерти его, а сидитъ и спитъ въ «чадырѣ», что называется «держать трауръ»; на сороковой-же день рѣжется баранъ, и приглашается на поминки народъ, который долго и убѣдительно уговариваетъ скорбящихъ забыть горе — войти въ кибитку жить, и тѣ входятъ съ плачемъ, воплемъ: «эй-вай-эй!» «Чадыръ» ломается, всѣ принимаются за «ашъ» съ бараниной и читаютъ молитвы

Въ случаѣ посѣщенія кибитки покойнаго родственниками, по какимъ-либо обстоятельствамъ не бывшими въ аулѣ во время его смерти, похоронъ или поминокъ, ихъ встрѣчаетъ прочая родня съ тѣмъ же плачевнымъ воплемъ, молла читаетъ «аядъ», затѣмъ—всѣ расходятся по домамъ.

Для вдовы (или вдовъ), сороковой день (послѣ котораго поминки совершаются уже по разу въ годъ) имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ для «скорбящихъ» родственниковъ; въ этотъ день она беретъ изъ кибитки *только* свой «сепъ», и, оставивъ

дѣтокъ—если таковые есть—у ближайшихъ родныхъ покойнаго мужа, отправляется къ своему отцу, къ которому снова являются охотники «купить ее», но предварительно женихъ долженъ испросить у ней личнаго на то согласія. Если у вдовы или дѣвицы нѣтъ отца — судьбою ея распоряжается старшій братъ, нѣтъ ни того, ни другихъ—ближайшая родня мужскаго пола, но родная мать не имѣетъ надъ дочкою никакого права, даже при запродажѣ ее въ замужество.

По смерти старшаго брата въ семьѣ, на вдовахъ послѣ него часто женится младшій братъ или двоюродные братья, или дядя; воспрещается только бракъ роднаго брата на родной сестрѣ.

Наслѣдство дѣлится такъ: изъ денегъ—10 или 15% получаютъ «обвѣнчанныя» вдовы, третью часть—ихъ дочери, остальное дѣлится поровну между сыновьями, къ которымъ отходитъ и вся отцовская земля.

— Дѣти же отъ «таляфи-ознки» (женъ изъ «крнаги») ничѣмъ не пользуются, закончилъ характеристику семейной жизни Рафаилъ, остановившись на мунутку передъ курганчикомъ съ нѣсколькими шестами изукрашенными разноцвѣтными лоскутками, воздвигнутомъ, въ сотнѣ саженяхъ отъ кибитокъ, въ память какого-то добродѣтельнаго ямуда, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было его жилье.

— Сперва положили на землю, съ погребальною церемоніей старую одежду покойнаго—пояснялъ мой спутникъ, — затѣмъ насыпали надъ нею бугоръ, называемый «ювусха» (замѣна могилы), и воткнули шесты съ флагами и лоскутками изъ старыхъ одеждъ покойнаго и его родни; тѣло-же перенесли на общее, старое кладбище сребробугорцевъ, расположенное въ 15-ти верстахъ отсюда, на бугрѣ «Кюра-Суи», что у Гургени.

Съ «Ювусха» Агаджанъ повелъ насъ къ развалинамъ кирпичнаго одноэтажнаго медрессе, служившаго вмѣстѣ съ тѣмъ и караванъ-сараемъ для богомольцевъ и пріютомъ для бѣдняковъ, но персидское правительство, заподозрѣвъ въ этой скромной постройкѣ (одного замѣчательно хорошаго, умнаго тюркменина, томящагося теперь подъ арестомъ на станціи) грозное

укрѣпленіе противъ себя, ворвалось сюда ночью (въ 1863 г.) въ лицѣ своего военнаго министра Супе-Саларъ съ 12 тыс. сарбазовъ, который разрушилъ ее, разграбилъ и, «боясь ямудской силы», въ ту-же ночь ушелъ во-свояси.

Вблизи отсюда краснѣется еще кирпичный домикъ съ камышевою крышею, набитый, больше, *самшитовыми* дощечками, для гребешковъ, отправляемыми на дняхъ въ Хиву. О мѣстной торговлѣ уже упомянуто; она находится въ младенческомъ состояніи, ибо и сами тюркмены еще младенцы, а племенная вражда съуживаетъ ея размѣры еще болѣе, и только «ата» и «шейхъ», благодаря своему священному происхожденію, гарантирующему ихъ отъ насилій прочихъ племенъ, безпрепятственно ведутъ мѣновую торговлю по всей степи, служа какъ-бы посредниками между ними; ознакомленные съ каждою тропинкою, каждымъ колодцемъ въ пустынѣ, они были бы безподобны въ роли проводниковъ.

Въ пятомъ часу, когда мы возвращались на барказъ, къ кибиткамъ гнали съ пастбищъ маленькое смѣшанное стадо, изъ одногорбыхъ верблюдовъ средняго роста, коровъ, барановъ, лошадей и двухъ ишаковъ (осликовъ); въ тоже время, двое сребробугорцевъ вытаскивали на берегъ челнокъ (по мѣстному русскому названію — кулазъ, по тюркменски—«теймуль» или, по произношенію Р.—«тахмиль»), выдолбленный изъ ствола персидскаго дуба (дѣлаются и изъ ольхи), длин. въ 3 арш., шириною $1^1/_2$, къ бокамъ прикрѣплено по доскѣ ребромъ; весла схожи съ нашими.

На такой неустойчивой двухъ-весельной лодкѣ отважные, искусные моряки-ямуды нерѣдко выходятъ въ море, даже, случалось, переплывали отсюда на островъ Ашуръ-аде и обратно (по $3^1/_2$ часа хода на паровомъ барказѣ).

«Каюки» — кулазы, предназначенные для морскихъ разбоевъ—несравненно устойчивѣе, вмѣщаютъ въ себѣ до 12 человѣкъ и снабжены парусомъ, обыкновенно подымаемымъ при малѣйшемъ вѣтрѣ.

Наконецъ, «Кизбой»—большія кусовыя одномачтовыя лодки съ двумя парусами, поднимающія 6 человѣкъ и до 1,000 пудовъ груза — служатъ преимущественно для перевозки нефти, соли, вообще клади, иногда — и для пиратства въ открытомъ

море, кстати онѣ такъ легки на ходу, что при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ обгоняютъ наши паровые барказы.

«И что онъ нашелъ тутъ интереснаго — все пишетъ и пишетъ!» — говорили между собою мои спутники-тюркмены, когда я при приближеніи къ барказу отеръ потъ со лба и сунулъ записную книжку въ карманъ...

Прогулка и пріятный вѣтерокъ возбуждаютъ апетитъ — сейчасъ-же за столъ; приглашенный на обѣдъ Агаджанъ усѣлся на палубѣ вблизи насъ, подогнувъ прямо подъ себя ноги и — согласно требованіямъ приличія — прикрывъ полами халата колѣни, которыя уставилъ тарелкою со щами, чернымъ хлѣбомъ и кислыми огурцами — все, что ему понравилось изъ нашей кухни; прочіе мои спутники усѣлись въ тѣхъ-же приличныхъ позахъ на берегу, въ ожиданіи чая.

Радушный капитанъ приглашаетъ Агаджана отпробовать водочки, вина, то жаркого, то третьяго блюда, но тотъ, молча отмахиваясь головою, уплетаетъ вторую тарелку щей, закусывая ихъ огурцами, или съ завиднымъ наслажденіемъ запивая лимонадъ-газесомъ.

— Не приглашайте его, замѣтилъ Рафаилъ: — тюркмены не любятъ, чтобы ихъ много просили, и своимъ гостямъ также не навязываются: «если подано — ѣшь, не хочешь — твое дѣло». Этотъ народъ, любящій свободу, не выноситъ безполезныхъ стѣсненій, и мнѣ нравится въ нихъ безцеремонность, простота.

Обѣдъ подходилъ уже къ концу, какъ въ степи, со стороны Персіи, показалось нѣсколько вооруженныхъ (ружьями и саблями) всадниковъ, съ переполненными «курджимами», ворохами какого-то добра за спиной и двумя маленькими лошадками въ поводу.

Спѣшившись въ 100 саженяхъ отъ барказа, они принялись нагружать вещами причалившій съ противоположнаго берега кулазъ. Рафаилъ, пристально всматриваясь въ нихъ, заговорилъ съ Агаджаномъ по-тюркменски; прочіе знаменательно улыбнулись.

— Возвращаются съ грабежа, обратился онъ къ намъ.

Капитанъ захохоталъ.

— Наша политика не дозволяетъ большихъ грабежей, а за маленькими не услѣдишь.

Вслѣдъ за первыми разбойниками подъѣхали верхомъ на одной лошади еще двое; другая — прихрамывая плелась слѣдомъ.

— Ранена пулею или хромаетъ отъ скачки при отступленіи; «аламанъ» *) не совсѣмъ удался, замѣтилъ Рафаилъ, къ которому подошелъ съ привѣтствіемъ: «селямъ» одинъ изъ этихъ «игидовъ» **), и пока онъ шептался съ Агаджаномъ — его товарищи перевезли вещи и пустили коней вплавь; тюркменскія лошади привычно, охотно вошли въ воду, но краденыя персидскія, несмотря на градъ плетей, посыпавшійся на нихъ, уперлись, трусливо фыркая, пока наконецъ кулазъ не перетащилъ ихъ съ трудомъ за поводья, какъ бы на буксирѣ, черезъ узенькую рѣченку, имѣющую тутъ по серединѣ двѣ сажени глубины.

По разсказамъ игида, мѣстомъ поживы была, *пообыкновенію*, значительная персидская деревня «Курдъ-Магалле» (Курдъ-Махаллэ, что при Кара-су, въ 5—6 часахъ ѣзды отъ берега «Гязь»).

— Много убитыхъ? спросилъ капитанъ у Рафаила.

— На этотъ разъ никого. Къ убійству они прибѣгаютъ только въ случаѣ сопротивленія или опасности, обыкновенно-же стараются ошеломить, иногда ранятъ оплошнаго ножемъ.

За бесѣдою мы и не замѣтили подъѣхавшаго съ дальняго аула къ Гургени на великолѣпномъ конѣ низменнаго человѣчка въ полушубкѣ и бараньей шапкѣ; бросивъ аргамака, онъ вошелъ на барказъ и глухо заговорилъ съ Рафаиломъ. Тюркмены даже не взглянули на него. Обрюзглое лицо, безцвѣтные глаза, апатія и вялость въ движеніяхъ обличали въ немъ перса, а клочья мохнатой шапки, короткій полушубокъ въ прорѣхахъ, дырявая, до-нельзя грязная короткая рубашенка, такіе-же синіе шальвары и босыя ноги (съ крашеными ногтями) — краснорѣчиво свидѣтельствовали о его неволѣ у тюркменъ.

---

*) Аламанъ—разбойничья экспедиція, отъ слова: возьму.

**) „Игидъ"—отважный молодой разбойникъ, слава, гордость племени.

— Проситъ васъ—обратился Рафаилъ къ капитану—освободить его «изъ плѣна».

Мы предложили несчастному чаю — съ открытою брезгливостью, даже отвращеніемъ отмахивается головою... что вызвало презрительную иронію на лицахъ тюркменъ, съ удовольствіемъ осушавшихъ стаканъ за стаканомъ.

Исторія плѣна коротка. Рахманъ — такъ звали его — былъ пойманъ «джафарбайями» (изъ-за Серебрянаго бугра) вблизи своей деревни Курдъ-Магалле и достался на долю сердарю (атаману) Великурбану, который, по словамъ нашихъ гостей, держитъ его въ неволѣ, какъ залогъ... ибо до сихъ поръ еще не получилъ слѣдуемыхъ ему отъ старшины деревни денегъ, какъ сахловщику ея.

Нужно знать, что во многихъ пограничныхъ съ тюркменскими кочевьями персидскихъ деревняхъ, есть таковые шпіоны, обязанные охранять ихъ отъ нападеній своихъ собратьевъ, своевременно доносить о приготовленіяхъ къ аламану и тѣмъ предохранять ихъ отъ разграбленія. Въ сахловщики нанимаются только получившіе открытый листъ на то отъ казы, за что ему платится отъ 3 до 6 руб. Нашъ морской сахловщикъ, или станціонный ханъ Нуръ-Гельды, не исключенъ изъ общаго, обоюдно-выгоднаго правила, и станція охотно платитъ «духовному судьѣ» по 20 червонцевъ въ годъ. Если такой патентованный шпіонъ отобьетъ отъ разбойниковъ плѣнныхъ и награбленное добро—тѣ не пойдутъ судиться къ казы, такъ-какъ дѣло рѣшится не въ пользу ихъ, вслѣдствіе чего аламаны производятся чаще въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ сахловщиковъ, которые, впрочемъ, нерѣдко и сами становятся во главѣ разбойничьихъ экспедицій, даже при соучастіи самихъ-же персидскихъ властей, подговаривающихъ ихъ, изъ корысти или мести къ личному врагу, ограбить одного, убить другого изъ подвѣдомственнаго имъ стада.

Желая выставить свои заслуги, силу, сахловщики преувеличиваютъ передъ астерабадскими властями все, что происходитъ у нихъ въ степяхъ, и тѣ, опасаясь лично заглядывать къ ямудамъ, имѣютъ о нихъ самое ложное представленіе.

— Развѣ персы могутъ знать тюркменъ — говоритъ Рафаилъ,—когда они въ десятокъ лѣтъ, можетъ быть, разъ ворвутся къ нимъ съ 10—15-тысячнымъ войскомъ, трепещущимъ передъ

населеніемъ какихъ-нибудь 50 кибитокъ? Не въ диковину и то, что одинъ тюркменъ врывается въ ихъ ряды и беретъ на выборъ въ плѣнъ, что производитъ панику на прочихъ...

По словамъ Рахмана, въ враждующемъ теперь съ персидскими властями аулѣ джафарбайевъ (что за Серебрянымъ бугромъ, куда завтра отправимся мы) томится въ неволѣ до сотни персовъ, но ему живется тамъ сносно: ѣстъ — вволю, караулитъ скотъ, коситъ, подвозитъ воду, ноги заковываются въ цѣпи только на ночь.

— А персы чуть съ голоду не морятъ попавшихся въ ихъ руки вотъ такихъ молодцовъ—Рафаилъ кивнулъ на «игида»,—сковываютъ по рукамъ—ногамъ, надѣваютъ цѣпь на шею, привязываютъ къ пушкѣ и разстрѣливаютъ или рѣжутъ какъ барановъ и выставляютъ тѣла ихъ на посрамленіе. Недавно они взяли въ плѣнъ тюркменскую семью: мужъ, изнеможенный голодомъ, не могъ слѣдовать за сарбазами и упалъ—ему отрубили голову и дали ее нести женѣ.

— А какъ персы поступаютъ съ своими врагами въ случаѣ побѣды надъ ними—перебиваетъ капитанъ,—намъ скажетъ слѣдующая выдержка изъ тегеранской правительственной газеты за № 628. Правитель Боджнурда (области, лежащей на границѣ Астерабада съ Хорассаномъ), Хейдаръ-кули-ханъ, Сехамудъ-доулэ, ворвался въ 1868 г. къ текинцамъ съ двухтысячнымъ войскомъ; бой при Назъ-Тепэ длился цѣлый день; изъ трехтысячнаго населенія текинцы потеряли убитыми 1,000 человѣкъ, до 400 дѣтей потоптано лошадьми, около 1,500 человѣкъ взято въ плѣнъ, 700 кибитокъ сожжено... Потеря персіянъ, по словамъ персидской газеты, незначительна. Безъ сомнѣнія, эта блистательная побѣда была отпразднована въ Тегеранѣ украшеніемъ воротъ столицы тюркменскими головами и пр., и пр. Тюркмены, въ свою очередь, ловятъ персовъ арканами съ крючкомъ и нерѣдко случалось—заставляли плыть ихъ въ такомъ положеніи за кулазомъ...

Короче сказать, обоюдное озлобленіе, жестокость доходятъ до крайностей.

Холодно и молча слушали наши гости, то-же джафарбайи, сѣтованія Рахмана; наконецъ, одинъ изъ нихъ презрительно замѣтилъ:

— Развѣ это человѣкъ? Цѣль плѣнника—бѣжать изъ плѣна;

лошадь его хозяина, на которой онъ ѣздитъ ежедневно сюда за водою, лучшая во всемъ аулѣ; если-бъ онъ бѣжалъ—никто не догналъ-бы его, но онъ не бѣжитъ.

— Вѣроятно, изъ боязни мести или изъ опасенія попасть въ худшія руки, вопросительно взглянулъ капитанъ на Рафаила.

— Врядъ-ли побѣгъ ухудшилъ-бы положеніе его...

На великодушный порывъ капитана освободить невольника, оставивъ его подъ своимъ покровительствомъ на барказѣ, Рафаилъ замѣтилъ, что не слѣдуетъ раздражать ни персидскія власти, ни тюркменъ своимъ вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла: мы-де — гости у тюркменъ на персидской територіи, а права и обязанности астерабадской станціи относительно Персіи ограничиваются защитою ея отъ морскихъ разбоевъ, а не сухопутныхъ, и за освобожденіе невольника сами персидскія власти будутъ въ претензіи на насъ, какъ то уже не разъ случалось.

— Тогда и вамъ—обратился онъ ко мнѣ—нельзя будетъ показаться за Серебряный бугоръ.

Соглашаясь съ этими доводами, капитанъ нѣсколько торжественно обѣщалъ настоять передъ начальствомъ своимъ на освобожденіе Рахмана, поспѣшившаго затѣмъ въ аулъ «надѣть на себя цѣпи».

Степная ширь уже окуталась въ вечерніе сумерки; гости, за исключеніемъ Агаджана, разошлись.

Послѣ чаю мы въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ матросовъ и машиниста, отправились къ нему на званый ужинъ. Капитанъ, проводившій насъ на сотню шаговъ, условился, что выстрѣлъ нашъ будетъ служить сигналомъ къ тревогѣ на случай опасности.

Ни-зги не видать, и только тамъ вдали, вѣроятно, въ кибиткѣ гостепріимнаго Агаджана, тускло мерцаетъ огонь чирака.

Идемъ тѣсною кучей.

— Возможно-ли нападеніе? спрашиваю я Рафаила.

— И очень. Въ аулѣ за бугромъ есть наши недруги, проговорилъ тотъ глухо и умолкъ.

Но вотъ залаяли псы, и подошедшіе «пріятели» провели насъ къ кибиткѣ, къ дверямъ которой поспѣшилъ Агаджанъ, для встрѣчи «гостей». Кругомъ—полумракъ. Мы усѣлись на ковры, матросы — ставшіе-было при входѣ — размѣстились, по нашему приглашенію, на хламѣ; въ чиракъ подбавили нефти—только дымитъ, зажгли еще другой—стало посвѣтлѣе, и въ сторонкѣ обрисовалась лежавшая на тюфякѣ мать Агаджана, впивавшаяся большими глазами въ меня. Кибитка наполнилась гостями—больше, только-что прибывшими съ грабежа; молча усѣлись они кружкомъ, закурили кальянъ, и каждый, сильно затянувшись разокъ и выдувъ, изъ вѣжливости, «свой дымъ» изъ него, передаетъ этотъ курильный приборъ другому, тотъ третьему и т. д.; въ Персіи—по тому-же правилу приличія—при передачѣ его другому поднимаютъ трубку и, затянувшись, выпускаютъ «свой дымъ» уже ртомъ.

Явилась и красавица-хозяйка; приподнявъ подолъ рубахи на колѣни, она сѣла; конфузится, закрываетъ платкомъ ротъ.

— Можетъ быть, приличіе требуетъ поздороваться, заговорить съ нею? спрашиваю Рафаила.

— Говорить съ женщиною въ первое знакомство считается оскорбительнымъ для мужа, и только коротко-знакомые могутъ бесѣдовать съ нею, не внушая подозрѣній ему.

Шепнувъ что-то мужу, Халлы-Гюль занялась приготовленіемъ плова тутъ-же въ кибиткѣ, съ боку дверей: разложивъ маленькій костеръ изъ щепокъ—достала большую миску, вытерла ее руками, положила въ нее рисъ и, наливъ на два пальца повыше его воды, поставила миску на треножникъ, и когда крупа вскипѣла—бросила горсточку ея въ растопленное, въ особой мисочкѣ, коровье масло, и затѣмъ полила этою смѣсью остальное—вотъ пловъ и готовъ. Разложивъ его деревянною ложкою на трехъ большихъ, плохо вылуженныхъ мѣдныхъ блюдахъ (персидской работы), она принесла изъ другой кибитки бокъ жареной баранины и подала мужу, который разрѣзалъ его на три части и, разорвавъ ихъ *руками* на куски, распредѣлилъ по блюдамъ съ рисомъ, и одно изъ нихъ поставилъ передо мною съ Рафаиломъ, предварительно застлавъ мѣсто передъ нами лоскутомъ полотна на подобіе скатерти; передъ другимъ—усѣлся самъ съ четырьмя, вѣроятно, лучшими своими пріятелями, третье—сунулъ остальнымъ гостямъ. Подавъ чурекъ и фетиръ,

хозяйка молча усѣлась поодаль, наслаждаясь видомъ пиршества, но не принимая въ немъ участія. Всѣ, за исключеніемъ меня запасшагося походнымъ несесеромъ, ѣли руками, загребая пловъ большими пригоршнями и набивая имъ ротъ; мясо раздиралось, больше, зубами. И конечно, всѣ молчали, что требуется, какъ мнѣ кажется, не столько приличіемъ, сколько волчьимъ апетитомъ тюркменъ—вѣдь иначе охотникамъ поболтать пришлось-бы встать съ пустыми желудками; впрочемъ, нѣкоторые ѣли сдержанно, ибо уже успѣли отпробовать тогодругаго въ двухъ-трехъ кибиткахъ. Второе блюдо составляли куски ребрушковъ той-же баранины, третье — посыпанная сахаромъ «катлама».

Покушавъ, гости облизали свои засаленные пальцы и, помолившись, принялись громко и какъ-то особенно искусно рыгать, что налагается приличіемъ «въ знакъ удовольствія и благодарности хозяину за угощеніе». Продолжая рыгать, одни запивали ужинъ гургенскою водою прямо изъ узкогорлаго кувшина, другіе сол.-кислымъ молочнымъ питьемъ; третьи собирали крошки съ ковровъ и бросали ихъ на голый порогъ—мѣсто туфлей, прочія возились съ кальяномъ. Мнѣ подали чашку чаю изъ другой—всѣ пьютъ по очереди, а передъ матросами хозяинъ поставилъ деревянное блюдо съ рисомъ и бараниной; аширцы охотно сближаются съ ямудами. угощая ихъ у себя чаемъ и пр., и тѣ ихъ любятъ болѣе, чѣмъ пѣхотныхъ солдатъ, зарекомендовавшихъ себя при Маркозовѣ съ невыгодной стороны.

Когда гости были накормлены-напоены, хозяйка сѣла особнякомъ за остатки ужина, молча обжигая насъ своими огненными взорами вплоть до конца бесѣды.

Часовъ въ девять я вышелъ насладиться тишью степи и звѣзднымъ небомъ съ длиннымъ, слабо-свѣтящимся хвостомъ кометы, появленіе которой, по словамъ тюркменъ, предзнаменуетъ какое нибудь горе для нихъ: «будетъ племенная вражда или борьба съ сосѣдними народами, можетъ быть, болѣзнь или голодъ», говорили они между собою, тревожно задумываясь.

Возвращаюсь въ кибитку—«игиды» лѣниво перебрасываются словами за кальяномъ. Пристально всматриваюсь въ выразительныя, мужественыя, большею частью красивыя лица этихъ «ужасныхъ» для персовъ, но въ сущности добрыхъ людей (по крайней мѣрѣ далеко добрѣе культурныхъ хищниковъ)—

въ ихъ черныхъ глазахъ точно застыла какая-то тревожная дума, смѣху не слышно... и мнѣ дышется между ними легко; да, здѣсь врагъ открытый, а съ нимъ легче борьба.

— Мнѣ пріятно быть твоимъ гостемъ! обратился я къ Агаджану.

— Будемъ бесѣдовать хоть до утра, отвѣчалъ онъ черезъ Рафаила, къ которому всѣ присутствующіе относились съ довѣріемъ, уваженіемъ. Умный, проницательный, предпріимчивый, гуманный, но незамѣтный по своему общественному положенію, онъ остается въ тѣни, между тѣмъ какъ подобные люди моглибы далеко подвинуть впередъ русскую задачу въ Азіи, не проливая человѣческой крови, не затрачивая безплодно народныхъ милліоновъ....

— Рафаилъ, вамъ-бы слѣдовало быть тюркменскимъ президентомъ въ вассальной зависимости отъ Россіи.

— Они уже предлагали мнѣ ханскую власть, но я отказался... Не прощайтесь съ хозяйкою, торопливо остановилъ онъ меня, видя мое намѣреніе пожать ей руку:—«съ хозяйкою нельзя прощаться»; я передамъ вашу благодарность ей за хлопоты или за приготовленіе ужина черезъ мужа, — этого требуетъ приличіе. «Не прощайтесь и съ гостями», добавилъ онъ, и мы возвратились на барказъ при полномъ безмолвіи природы, залитой серебристымъ свѣтомъ луны, и при тихомъ шопотѣ трехъ, сопровождавшихъ насъ, сребробугорцевъ о появившейся вблизи ихъ кочевья чудовищной змѣѣ «аждаръ», занесенной сюда, по увѣренію ихъ, весенними потоками съ Балаханскихъ горъ.

— Она и тамъ рѣдкость, добавилъ Рафаилъ, сообщивъ не безъ дрожи въ голосѣ, не безъ мурашекъ по тѣлу, что это чудовище, «въ 2 аршина длин., въ человѣческую ногу шир. и съ трехвершковымъ рогомъ на головѣ,» бросается на людей.

— Но кто-жъ ее видѣлъ?

— Здѣшній казы. Говоритъ, подхожу къ аулу — вдругъ «аждаръ»... Едва улизнулъ отъ пасти....

Всѣ, конечно, пришли въ ужасъ отъ этой вѣсти и уже собирались перекочевать на другое мѣсто, но чудовище куда - то скрылось.

Аширскія армяне, какъ и тюркмены, непоколебимо вѣрятъ, что «аждаръ можетъ *проглотить* человѣка, можетъ втянуть его

въ себя». Очевидная нелѣпость, но ихъ дѣтское воображеніе не подчиняется разуму.

Утромъ мы отправились, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ матросовъ, Агаждана и его двухъ пріятелей съ кривыми саблями въ рукахъ, къ мѣсту неволи Рахмана—аулу, отстоящему отсюда версты на четыре. Тюркмены охотно помогали мнѣ собирать травы для гербаріума, объясняя свойства ихъ, и заботливо отгоняли сѣрую саранчу, кузнечиковъ, массами поднимавшихся изъ-подъ нашихъ ногъ и садившихся намъ на головы, шеи. Теперь еще мало саранчи, но нерѣдко она тучами носится надъ здѣшними степями, уничтожая посѣвы, пожирая даже овощи въ огородахъ; такъ пять лѣтъ тому назадъ она много вредила ямудамъ, пока тѣ, наконецъ, не догадались обратиться съ мольбами къ одному хаджи «уничтожить ее своими заклинаніями.»

— Я узнаю царя этой саранчи; помолюсь, и онъ уведетъ ее отсюда, успокоилъ ихъ святой мужъ... и дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ она *двинулась на сѣверъ*.

По увѣренію тюркменъ, всѣ животныя, рыбы и насѣкомыя имѣютъ своихъ царей...

— «Кызылъ-Алланъ», указалъ Агаджанъ на тянувшуюся вправо и лѣво, нѣсколько возвышающуюся надъ степною гладью, неровную *полосу*, густо поросшую то свѣжею, то уже выжженною солнцемъ травою, изъ-за которой мѣстами выглядывали округлившіеся и отвердѣвшіе въ кремень отъ времени кирпичи; невыносимо - рѣзкій, отвратительный запахъ отравлялъ воздухъ надъ этими слѣдами древнѣйшей стѣны, воздвигнутой, по мнѣнію восточныхъ писателей, Александромъ Великимъ противъ набѣговъ гиперборейцевъ и извѣстной нашимъ историкамъ подъ названіемъ *Гогъ и Магогъ*. По увѣренію тюркменъ, слѣды ея видны съ одной стороны—далеко въ морѣ, сливающемся тутъ съ песчаною гладью степи, съ другой — они тянутся отсюда вверхъ по правому берегу Гургени до ея источниковъ и, далѣе до Мерви, даже Самарканда.

За едва замѣтными кирпичными гранями *полосы*, на которой мы стоимъ, возвышается курганъ или бугоръ, называемый

«Серебрянымъ» (Гемюшъ-тепе)—по объясненіямъ однихъ тюркменъ потому, что «на этомъ возвышенномъ мѣстѣ климатъ хорошъ«, по объясненію другихъ—потому, что «въ немъ скрыты богатства».

— Тутъ —говорилъ Рафаилъ со словъ Агаджана—въ глубокой древности стоялъ городъ; при нападеніи на него какого-то царя, жители скрыли свои богатства въ землѣ и насыпали надъ ними этотъ бугоръ.

— И тутъ же—продолжалъ онъ послѣ краткой паузы,—вблизи вотъ этаго тюркменскаго кладбища, Джафарбаи едва не убили меня въ 1867 году, когда я отправился къ нимъ для переговоровъ... Потомъ они извинялись оправдываясь тѣмъ, что не узнали «своего хорошаго знакомаго»....

Серебряный бугорокъ (3 сажен. выс., 10—шир., 40—дл.) принялъ отъ времени неправильную форму. Тюркмены еще помнятъ его вдвое большимъ, но весенніе разливы, дожди размываютъ его мало-по-малу и уносятъ въ море, такъ-что крутой скатъ бугорка съ этой стороны вполнѣ обнажился, и вы видите передъ собою искуственную насыпь изъ земли, смѣшанной съ кирпичемъ, осколками глиняной и стеклянной посуды, костями, кусочками желѣза и рѣдкими блестками, вѣроятно, болѣе цѣнныхъ металовъ; остальныя стороны, усыпанныя кирпичемъ, поросли травою. Здѣсь находятъ нерѣдко, въ особенности послѣ дождей, серебрянныя монеты, золотые блестки, осколки и даже цѣльныя вещицы, которыя и сбываются сребробугорцами персидскимъ властямъ.

По разсказамъ Агаждана, когда вырывали здѣсь кирпичъ—натыкались на сплошныя стѣны, а въ 1868 г., онъ самъ, Агажданъ, съ пріятелемъ, копая въ бугрѣ могилу, наткнулись на кирпичный сводъ; разрывъ его, они увидѣли въ склепѣ два человѣческіе остова, лежавшіе лицами къ востоку; на одномъ изъ кирпичей былъ замѣтенъ оттискъ ладони съ пятью пальцами. Объятые страхомъ, они на-скоро забросали всю яму камнемъ и ушли. Съ тѣхъ поръ раскопки здѣсь прекратились, и если этотъ разсказъ правдивъ, то несомнѣнно, что мы стоимъ теперь на древнемъ кладбищѣ; однако Агаджанъ подъ разными отговорками отказался указать мнѣ мѣсто склепа.

Съ Гемюшъ-тепе мы направились по сплошь-выжженной травѣ, съ непріятнымъ запахомъ, къ разбойничьему аулу въ 35 кибитокъ, отсюда—ну, точно сгруппированныхъ улей.

Я хотѣлъ-было пройдти между кибитокъ, но Рафаилъ, переговоривъ съ Агаджаномъ, повелъ меня, подъ пустымъ предлогомъ, стороною, мимо земляной круглой тумбы, на которой сидѣли три благообразныхъ, бѣлобородыхъ старца, пытливо взглянувшихъ на насъ.... Однако-жъ я не замѣтилъ, что-бы они отвѣтили на привѣтствіе Рафаила, и спросилъ его, почему онъ идетъ окольною дорогою?

— Во избѣжаніе непріятности, могущей произойти не изъ религіознаго фанатизма, а какъ выраженіе «общаго настроенія противъ русскихъ».... И хотя здѣсь есть наши друзья, но не мало найдется и враговъ.

Однакожъ дошли благополучно до крайней кибитки, гдѣ насъ привѣтливо встрѣтилъ видный хозяинъ, Мамедъ-Турды—родной братъ поставщика мяса на Ашуръ-аде,—одинъ изъ зажиточныхъ ямудовъ, проводящій лѣто въ бездѣльи, зиму—въ торговлѣ рыбой.

Кибитка быстро переполнилась любопытными халатниками въ порыжѣлыхъ мохнатыхъ шапкахъ на затылокъ; прочіе толпятся у дверей, кто—въ обыкновенной обуви, кто—въ кожаныхъ лаптяхъ нашего бурлацкаго покроя, надѣваемыхъ ими во время полевыхъ работъ, а за неимѣніемъ сапоговъ, и на разбои.

Усталый и измученный жарою, я разлегся на предложенной мнѣ огромной подушкѣ, какъ на постели, любуясь живописною группой гостей, съ выразительными суровыми лицами и дѣтскимъ простодушіемъ въ глазахъ, между тѣмъ какъ они, наперерывъ другъ передъ другомъ, радушно привѣтствовали Рафаила, называя его «мирзою» (переводчикомъ, секретаремъ). Лежавшій о бокъ меня на мягкихъ подушкахъ мальчикъ болѣзненно стоналъ отъ только-что произведенной надъ нимъ операціи «обрѣзанія»; онъ пролежитъ такъ дня два или три, пока ему трудно ходить; женщинъ въ кибиткѣ нѣтъ, и хозяинъ, любовно, нѣжно поглядывая на ребенка, то заботливо поправляетъ подушки подъ нимъ, то усердно раздуваетъ самоваръ.

Затѣмъ онъ заварилъ въ русскомъ чайникѣ плохой персидскій чай и подалъ мнѣ, на большомъ мѣдномъ подносѣ персидскаго издѣлія, налитую чашку, но помѣшать сахара нечѣмъ; наконецъ, послѣ продолжительныхъ поисковъ во всемъ аулѣ, принесли позеленѣвшую мѣдную ложечку, пустить въ дѣло которую было-бы очень рискованно.

Изъ другой чашки пилъ Рафаилъ, изъ третьей-же — всѣ гости поочередно, начиная съ самаго хозяина, при чемъ, когда сахаръ выходилъ, онъ бросалъ очередному еще кусочекъ, остатокъ котораго передавался слѣдующему сосѣду и затѣмъ, по простонародному русскому обычаю, чашка переворачивалась на блюдечко вверхъ дномъ и возвращалась гостепріимному Мамеду...

Эмиръ-ханъ-молла, изъ колѣна Дазъ, 39-ти лѣтъ отъ роду, могъ-бы служить типомъ. Онъ охотно согласился на мое желаніе снять портретъ съ него. Когда таковый былъ оконченъ, всѣ присутствующіе нашли сходство съ оригиналомъ, кромѣ одного, вѣрно подмѣтившаго фальшь въ бородѣ, вышедшей у меня нѣсколько гуще.

— Покажи мой портретъ астребадскому губернатору: онъ насъ любитъ, мы—тоже любимъ его, обратился ко мнѣ Эмиръ-ханъ-молла, на что двое-трое улыбнулись, другіе глядѣли сурово, а почтенный старикъ пропустилъ сквозь зубы:

— Русскому генералу не слѣдовало принимать лошадей въ подарокъ отъ нашего врага—нужно было переговориваться съ нами.

Если въ ироніи перваго слышится непримиримая ненависть, презрѣніе ямудовъ къ персамъ, въ особенности къ астерабадскому губернатору, который труситъ ихъ, питаетъ злобу къ нимъ за усилившіеся въ послѣднее время разбои и тяготѣніе ихъ къ русскимъ, то замѣчаніе послѣдняго свидѣтельствуетъ о присутствіи у тюркменъ нравственнаго чутья и здраваго смысла.

Борьба свободолюбивыхъ тюркменъ съ рабскою Персіею мотивируется не только насущною потребностью къ грабежу, какъ почти единственному средству къ жизни дикаго народа, но и религіознымъ мщеніемъ за постоянное оскорбленіе послѣднею святыни первыхъ. Когда настаетъ тюркменскій (сунитскій) праздникъ Омара, персы приготовляютъ чучело съ лошадинымъ хвостомъ, изображающее этого святого, и, посадивъ его на осла лицомъ къ заду (что почитается великимъ униженіемъ), водятъ съ музыкою по городу, къ духовенству и властямъ, оплевывая, забрызгивая грязью и забрасывая его каменьями и пр. Вотъ

чѣмъ—по словамъ моего спутника—поддерживается и разжигается непримиримая между ними вражда! Но относительно насъ не существуетъ подобныхъ причинъ; тюркмены доступнѣе намъ, нежели персы, ибо менѣе фанатичны, не забиты, не унижены рабствомъ....

Въ кибиткѣ—общее оживленіе: всѣ горланятъ, бесѣдуя съ Рафаиломъ, всегда сдержаннымъ и точно-соблюдающимъ требованія всѣхъ ихъ приличій.

— О чемъ шумите? спрашиваю его.

— Говорятъ, что если-бъ мы не мѣшали—они покорили-бы ненавистную имъ Персію даже для Россіи, покорили-бъ всю Азію для Нея!

Что касается принятія подданства Россіи, то между ними замѣтно понятное колебаніе и разногласіе изъ боязни воинской повинности: «Если-бы русское правительство—говорятъ они—выдало намъ грамоту, избавляющую насъ отъ воинской повинности, мы немедленно плюнули-бъ Персіи въ глаза и приняли-бы подданство Россіи»....

Время уходить, и я, передавая хозяину, до мелочи внимательному ко мнѣ, недопитую чашку, поблагодарилъ его за гостепріимство.

— Пей еще, уговариваетъ онъ.

— Довольно.

Мамедъ обвелъ глазами все общество и съ наслажденіемъ допилъ ее.

— Точно некторъ, шепнулъ я Рафаилу.

— Этимъ онъ выражаетъ высокое почтеніе къ вамъ.

— Передайте что я чувствую себя между ними, какъ въ кругу друзей.

Выслушавъ его молча, почтительно, всѣ поднялись вслѣдъ за мною и проводили насъ за черту аула.

— Останься на нѣсколько дней, ознакомься съ нами покороче,—покажемъ тебѣ наши степи, обратился ко мнѣ одинъ видный джафарбай, но, къ сожалѣнію, обстоятельства не позволяли воспользоваться его предложеніемъ.

— Вы произвели хорошее впечатлѣніе на нихъ, замѣтилъ Рафаилъ, прощаясь съ «друзьями».

На обратномъ пути насъ нагнали двое вооруженныхъ всадниковъ — «самыхъ преданныхъ друзей», пріѣзжавшихъ, по его (Р.) распоряженію, изъ другаго аула «на всякій случай». У обоихъ шпіоновъ ружья перекинуты черезъ плечо, съ боку—кривая сабля и по двѣ сумки (хаторъ), одна—съ десятью пороховыми зарядами въ камышенкахъ, другая съ круглыми пулями, пыжами и незначительнымъ количествомъ, кажется, чугунной дроби неправильной формы, покупаемыми въ Персіи, гдѣ каждому вольно заниматься приготовленіемъ ихъ; за поясомъ—ножъ, съ кисти руки спускается нагайка собственнаго издѣлія изъ русской кожи и ручкою изъ персидскаго дерева, называемаго здѣсь «каратангесъ». Тюркмены никогда не выѣзжаютъ въ степь, даже въ ближайшій аулъ, безъ оружія, ибо—по ихъ понятіямъ — «мужественный человѣкъ долженъ быть всегда вооруженъ на случай встрѣчи съ врагомъ». Съ малыхъ лѣтъ пріученные къ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ ружья, они бьютъ птицу на лету, а кто не искусенъ въ этомъ—тому позоръ.

Лошади у обоихъ молодцовъ сѣрой масти, узкогрудыя, съ длинными ногами, некрасивою шеею, что не мѣшаетъ быстрому бѣгу и выносливости ихъ. Тюркмены любятъ своихъ лошадей—по выраженію Рафаила—«больше женъ, но меньше сыновей», и тѣ, въ свою очередь, привязаны къ своимъ хозяевамъ за внимательный уходъ за ними. По просьбѣ Рафаила, мнѣ показали процесъ сѣдланія: сперва кладется на лошадь одна или двѣ кошмы, на нихъ подсѣдельникъ, потомъ азіатское сѣдло съ стременами (персидской или хивинской работы), напоминающее своимъ сидѣньемъ англійское, отъ котораго оно разнится только выдающеюся впереди лукою, обдѣланною въ кость или металъ; такое сѣдло стоитъ здѣсь, смотря по матеріалу, до 9 р., есть и подороже. Сверху—оно покрывается, для мягкости, войлокомъ, затѣмъ—къ нему прикрѣпляютъ ремешками «курджимъ».

Рафаилъ устроилъ скачку съ призомъ. Полетѣли молодцы вскачь, но далеко не стрѣлой; посадка ихъ крѣпка, но не картинна — сильно раскидываютъ ногами, для удара лошади въ бока, что замѣняетъ тутъ шпоры. Запыхавшійся побѣдитель получилъ два расколотыхъ крана — доволенъ: ужъ больно любятъ они деньги... Придя-же на барказъ, я, по совѣту Рафаила, отблагодарилъ услужливаго Агаджана нѣсколькими рублями,

а капитанъ, видя меня цѣлымъ, невредимымъ, или, можетъ быть, изъ другихъ побужденій — поднесъ ему два хорошенькихъ подсвѣчника (?); то и другое онъ принялъ, какъ должное, безъ видимыхъ знаковъ благодарности; тюркмены, по словамъ компетентныхъ людей, не понимаютъ знакомства или одолженія вамъ безъ взаимныхъ за то подарковъ, въ родѣ 4 аршинъ сукна или фунта чаю, конечно—каждому, маленькой головки сахару или денегъ,—такъ ужь издавна заведено. Прочихъ спутниковъ, какъ и нѣкоторыхъ изъ собравшихся поглазѣть на отходящій барказъ, онъ угостилъ на палубѣ чаемъ съ чурекомъ.

Матросы кончили свой ужинъ изъ красивыхъ сазановъ и отвратительныхъ слизистыхъ сомовъ, наловленныхъ, больше, въ гостинецъ своимъ; мы простились съ тюркменами и въ половинѣ седьмого вечера тронулись обратно на островъ, взявъ съ собою выигравшаго призъ на скачкѣ.

Рафаилъ подалъ мнѣ рукопись *) поэтическаго произведенія тюркменина Махтумъ-Кулы (Мехтумъ-Кули, Мехмудъ-Кули), изъ племени гоклановъ, и, по моей просьбѣ, перевелъ одинъ стихъ наудачу открытой страницы:

«Боже, Ты создалъ меня слабымъ, беззащитнымъ среди необъятнаго міра,
Ты вложилъ въ меня желанія свободы и силу страстей,
За что-же ты казнить меня хочешь?!...**)

Еще разъ скажу: не кровью и насиліемъ, а гуманными отношеніями, при содѣйствіи людей, подобныхъ Рафаилу, можно

---

*) Оригиналъ, съ посильнымъ переводомъ Р. Евнаева, доставленъ мною въ Географ. Общество.

**) Въ собраніи хорассанскихъ народныхъ пѣсенъ находится много нравоученій, приписываемыхъ тому-же Мехтумъ-Кули. Вотъ образчикъ ихъ: „Имамы, дервиши, казы, бѣдные и богатые! Слушайте, друзья мои! Пути счастья весьма извилисты. Молитва безъ вѣры не есть истинный путь! Льстить—безумство. Подумайте объ этомъ, друзья мои! Что такое тѣло наше?—Караванъ-сарай, клѣтка. Что есть душа наша? — Соколъ съ завязанными глазами. Вдохновеніе—истинный герой, жертвующій жизнью своею Богу! Истинный человѣкъ—подающій подаяніе бѣдному. *Накормить голоднаго стоитъ путешествія въ Мекку...* Наружность, которою молодость такъ гордится, старѣетъ и желтѣетъ, носъ изгибается, губы высыхаютъ.— Я, Мехмудъ-Кули, я презираю жизнь. *Продолжительность ея только пять дней. — Стоитъ-ли для того припасаться на сто лѣтъ?* — Подумайте объ этомъ, друзья мои!“

примирить два разнородныхъ міра и подчинить благотворному вліянію Азію. Если младенческій народъ тюркмены, со многими своими блестящими качествами, придерживаются относительно павшей Персіи ветхо-завѣтнаго: «око за око, зубъ за зубъ», перешедшему въ обычное право мусульманскаго міра, то, при обратныхъ отношеніяхъ къ нему, мы съ гордостью можемъ принять ихъ въ свою гражданскую среду. Говорятъ, что дальше, въ глуби степей, живутъ звѣрскіе тюркмены — теке, но смѣю увѣрить, что дикари, какъ и цивилизованные народы, во всемъ подлунномъ мірѣ одинаково съумѣютъ отличить ревъ хищнаго звѣря и шипѣніе пресмыкающейся гадины отъ божественнаго слова любви къ человѣчеству.

Солнышко, закатываясь, искрится въ водѣ; въ воздухѣ прохлада. Пернатое царство шумитъ въ камышахъ, золотистые сазаны играютъ вокругъ барказа, какъ-бы празднуя двухъаршинными прыжками свое счастливое избавленіе отъ желудковъ матросовъ.

Въѣхали въ открытый заливчикъ моря.

Небо покрылось миріадами звѣздъ, комета явственно виднѣлась съ своимъ слабо-мерцающимъ хвостомъ, но луна еще не взошла и кругомъ—непроницаемая темь. Капитанъ пустилъ нѣсколько сигнальныхъ ракетъ и зажегъ бенгальскіе огни; съ острова отвѣчали тѣмъ-же. Тишь, и только волны шумятъ о бортъ барказа, обрызгивая палубу...

Пріѣхали ровно въ 10 часовъ; я съ Рафаиломъ, предшествуемые двумя матросами съ фонарями, отправились къ доктору—квартира настежь, а самъ—въ гостяхъ у священника.

— У васъ даже комоды не заперты? встрѣтилъ его я.

— У насъ нѣтъ воровъ, или, вѣрнѣе сказать, у насъ неудобно воровать: островокъ маленькій, кругомъ море — куда тутъ скрыться? Никогда ничего не запираю, и все цѣло.

Пора спать.

Когда я проснулся, ласточка кружилась передъ моимъ окномъ, восхваляя нѣжною пѣснью прелесть утра, въ воздухѣ носился колокольный звонъ воскресенья и, проникая въ глубь души, пробуждалъ воспоминанія далекаго дѣтства; матросы въ бѣлыхъ шапкахъ и рубахахъ съ откидными синими воротниками идутъ

рядами въ церковь. Нарядныя дамы съ праздничными лицами и дѣтьми рады развлечься хотя церковною службою отъ томительной скуки.

Сегодняшній день посвящу на знакомство съ Ашуръ-аде; завтра-жъ, въ половинѣ восьмаго ч. утра, уѣзжаю въ Персію, и такъ-какъ при мнѣ переводчика не имѣется, то З. охотно позволяетъ почтенному Рафаилу проводить меня до г. Астерабада.

Въ сопровожденіи добрѣйшаго доктора я осмотрѣлъ всѣ закоулки маленькаго островка — этого кусочка дна морскаго, не болѣе версты въ длину, съ запада на востокъ, и 200 саж. въ ширину, покрытаго толстымъ слоемъ песку съ ракушками и заплесками воды, образовавшей во впадинахъ болотинки съ рѣдкимъ тростникомъ; на аршинъ въ глубь находится *прѣсная вода — загадка* для аширцевъ.

Ашуръ-аде принадлежитъ Персіи, но съ 1840 г., т. е. съ тѣхъ поръ, какъ, по договору съ нею, Россія получили право содержать здѣсь эскадру, онъ мало-по-малу фактически сдѣлался нашимъ: сперва мы крейсеровали вокругъ да около, потомъ устроили на немъ госпиталь, за нимъ—мазанки изъ камыша и глины; затѣмъ, закаспійское товарищество принялось-было сооружать деревянныя зданія, но въ Тегеранѣ приняли ихъ за оборонительныя казармы, и, несмотря на этотъ протестъ, въ концѣ-концовъ даже кирпичъ съ Серебрянаго бугра пошелъ въ дѣло.

Ямуды, прежде дѣлившіе на Ашуръ-аде свою добычу съ Персіи, только разъ рискнули сдѣлать нападеніе на станцію, и то—вслѣдствіе необдуманнаго распоряженія начальника ея, позволившаго ихъ хану или старшинѣ взять съ нихъ какую-то «несправедливую» пошлину. Это случилось въ 50 году, въ бурную ночь подъ пасху, когда тутъ оставалось не болѣе 20 матросовъ, и то—пьяныхъ. Конечно, хищники, въ числѣ 200 человѣкъ, перебили или заполонили ихъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми...

Нѣтъ сомнѣнія—говоритъ, одинъ морякъ, — что англичане обратили-бы Ашуръ-аде въ «укрѣпленный» садикъ съ комфортабельнымъ жильемъ для себя, но у насъ все носитъ «временной» характеръ, тѣмъ болѣе, что мы и не думаемъ защитить островокъ отъ частыхъ наводненій, которыя постепенно стираютъ его и въ скоромъ времени поглотятъ окончательно... какъ поглотили уже буруны подводной косы *Гаумышъ* (въ $6\frac{1}{2}$ верстъ дл.) находившіеся тутъ острова *Орсгосъ* и *Евгеній*.

Дѣйствительно, Ашуръ-аде уменьшается съ каждымъ годомъ; въ особенности наводненіе 17 ноября 1873 г. оставило по себѣ рѣзкіе слѣды, не говоря уже о громадныхъ убыткахъ, причиненныхъ имъ населенію: въ домахъ понабралось воды по колѣна, много имущества унесено моремъ, склады зерна мѣстныхъ купцовъ и ватаги рыбопромышленниковъ уничтожены, а свирѣпствовавшій штормъ зимою 1874 года, смывъ до половины островъ*), нанесъ еще больше бѣды; пострадали отъ него и прибрежные тюркмены. Говорятъ, что подобныя наводненія случаются здѣсь по большей части періодически черезъ 7—8 лѣтъ, точно также, какъ, по словамъ доктора, и постоянныя здѣсь лихорадки разражаются черезъ каждыя 6—7 лѣтъ сильнѣйшею эпидеміею; источникомъ отравы воздуха служатъ не столько крошечные болотинки островка, сколько міазмы, заносимыя сюда вѣтромъ съ сильно болотистаго персидскаго прибрежья. Аширская лихорадка сопровождается внутреннимъ жаромъ, безъ озноба, общимъ недомоганіемъ, слабостью, сильною тоскою, отсутствіемъ аппетита, крайнею раздражительностью, нерѣдко и нестерпимою зубною болью, сильнѣйшею желтухой, опухолью и отвердѣніемъ грудей у кормилецъ съ невыносимыми болями. Единственное временное пособіе отъ всѣхъ этихъ мученій — хина; говорю «временное», ибо прожившій здѣсь нѣсколько лѣтъ отравляется на всю жизнь; въ виду такихъ неблагопріятныхъ условій здѣшніе моряки получаютъ усиленное содержаніе. (На обратномъ пути изъ путешествія по Персіи — это было осенью, когда Ашуръ-аде буквально окутывался горячими испареніями болотъ, и на лицахъ населенія проглядывала тоска, уныніе, желчь—я тоже отравился здѣшнею лихорадкой, и втеченіи послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ, несмотря на энергическое лѣченіе, испытывалъ невыносимую тоску и крайнюю раздражительность при общемъ недомоганіи и отсутствіи аппетита).

Мнѣ говорилъ начальникъ станціи, что свирѣпствовавшія тутъ лихорадки въ прежнее время положительно сваливали весь островъ съ ногъ, но съ тѣхъ поръ, какъ бывшій астерабадскій консулъ Гусевъ прислалъ сюда, въ 1862 году, изъ Персіи де-

*) Наводненія 1875 и 1876 гг. опять на половину смыли его.

ревья: «Evcaliptus globulus», онѣ замѣтно уменьшились, ибо по его убѣжденію, это быстро разростающееся растеніе (слывущее здѣсь за «китайскую ясень» или «шальникъ») имѣетъ свойство нѣсколько парализовать вредное дѣйствіе болотнаго яда. Можно думать, что уменьшеніе болотъ, отсутствіе кладбища на островѣ (оно находится на полуостровѣ Потемкина, тоже замѣтно смываемомъ моремъ) и вообще гигіеническія условія жизни эскадры не менѣе благопріятствовали умаленію мѣстнаго бича.

По свѣденіямъ доктора, постоянное населеніе островка не превышаетъ 380 человѣкъ (170 матросовъ, 20 офицеровъ, 90 женщинъ и дѣвушекъ, 90 дѣтей обоего пола и 10 торговцевъ изъ армянъ и персовъ), но въ горячее время рыбныхъ промысловъ оно временно увеличивается 150—200 рабочими.

На офицерской улицѣ расположены: госпиталь, миніатюрная (станціон.) библіотека, скромная церковь, съ вышкою при ней, какъ для метеорологическихъ наблюденій, такъ и наблюденій за движеніемъ судовъ, и въ самомъ концѣ улицы, нѣсколько влѣво, за поросшимъ ясеневымъ кустарникомъ пустыремъ, стоитъ особнякомъ домикъ начальника станціи.

Тутъ еще найдется кое-какая тѣнь, но «слободка», т. е. мѣсто солдатскаго жилья, совершенно обнажена: глубокій песокъ, индѣ—жалкій пучекъ травки и ни одного деревца, ибо вода затопляетъ ее, и растительность гибнетъ. Конечно, о царствѣ животныхъ тутъ и рѣчи быть не можетъ, развѣ вотъ по берегамъ водится много безвредныхъ ужей, любящихъ понѣжиться въ жару на пескѣ и скрывающихся по норкамъ на осень и зиму; иногда залетаютъ сюда бѣлохвостые орлы — лакомки до дикихъ утокъ, во множествѣ водящихся въ камышахъ сосѣдняго болотистаго островка, называемаго «малымъ Аширомъ», гдѣ еще больше чаекъ (до 60 разновидностей) или, по кличкѣ матросовъ, «мартышекъ», приманкой для которыхъ служитъ выбрасываемая на ватагахъ разная дрянь изъ рыбы; матросы ловятъ чаекъ удочками и ѣдятъ, увѣряя, что если вырвать изъ хвоста у нихъ два пера, они перестаютъ пахнуть рыбою.

Обходъ станціи закончился моимъ прощальнымъ визитомъ къ З—ну, который, на мою благодарность за «разрѣшеніе побывать на тюркменскомъ берегу», выразился такъ:

— Мы не только своимъ, но даже иностранцамъ оказываемъ вниманіе. Въ послѣдній разъ пріѣзжалъ сюда англичанинъ Беккеръ съ двумя другими, безъ сомнѣнія, политическими агентами; просятся на Атрекъ — *не пустили но и не отказали:* мы посадили ихъ на парусную шкуну, которая, по мелководію береговъ (2 — 3 фута глубины), остановилась за пять верстъ отъ устья этой рѣки, и они вынуждены были вернутся назадъ...

Докторъ поджидалъ меня на берегу, откуда прелестный видъ на Эльбурсъ; въ сторонкѣ, шагахъ въ тридцати, любезный Х—ій (знакомый уже командиръ пар. барказа) бесѣдовалъ съ красивымъ молодымъ человѣкомъ въ костюмѣ — на половину персидскомъ, на половину кавказскомъ; таже смѣсь и въ смугломъ лицѣ.

— Это С., началъ-было шепотомъ подошедшій ко мнѣ Х—ій...

— Персидскій подданный, незаконнорожденный сынъ бывшаго русскаго консула, отъ халдеянки, перебилъ его докторъ.

— Свободно владѣющій русскимъ языкомъ, фарси (персидскимъ) и тюрки, продолжалъ первый. Онъ пріѣхалъ составить себѣ карьеру и просится хоть безъ денегъ, за одно содержаніе, въ переводчики къ вамъ; вотъ и письмо его.

С. писалъ: «Чувствуя пустоту и безплодность жизни мелкаго чиновника въ душной атмосферѣ канцеляріи, я бросился съ Кавказа сюда, чтобы попасть переводчикомъ въ одну изъ ученыхъ экспедицій, снаряжаемыхъ на Востокъ для географическихъ и прочихъ изслѣдованій... Я смѣло послѣдую за вами и всюду раздѣлю предстоящія вамъ невзгоды и лишенія среди грубаго, фанатичнаго мусульманства, которое въ каждомъ европейцѣ видитъ врага ислама и политическаго агента Россіи или Англіи», и т. д. Но что я могъ сдѣлать для него, обладая самыми тощими средствами, которыхъ едва хватитъ даже на скромное, короткое путешествіе?...

Прошлись по единственной улицѣ — пустынно, развѣ вотъ на скамьѣ скучаетъ одна дама съ двумя офицерами, да другія двѣ, прогуливаясь по алеѣ, весело щебечутъ съ плотнымъ секретаремъ консульства, Ж—вымъ, служившемъ сначала при посольствѣ въ Тегеранѣ, потомъ при консульствѣ въ Рештѣ, те-

перь—при астерабадскомъ. Я условился ѣхать съ нимъ вмѣстѣ только до гязскаго берега, а оттуда дальше, до г. Астерабада, поѣду съ Рафаиломъ, въ сопровожденіи преданнаго ему *Таги*—Ямуда, изъ рода «Тумачъ», аула «Хаджинефесъ», —поѣду не спѣша, въ разсчетѣ обстоятельнаго знакомства съ мѣстностью, что было бы немыслимо съ Ж — вымъ, обыкновенно совершающимъ этотъ 60-ти-верстный переѣздъ въ одни сутки.

— Я никогда не ѣзжу безъ казака, говорилъ онъ,—и если вы находите неудобнымъ ѣхать со мною—совѣтую взять у начальника станціи двухъ-трехъ вооруженныхъ матросовъ, содержаніе которыхъ, однако-жъ, придется принять вамъ на себя.

Но я рѣшился ѣхать безъ излишнихъ тратъ, хоть предстоящій путь далеко не безопасенъ. Когда З—нъ спросилъ у ямудскихъ старшинъ: «Подвергнутся-ли русскіе нападенію тюркменъ по дорогѣ изъ Гязи въ Астерабадъ?»—тѣ отвѣчали: «Если узнаютъ, что идетъ русскій караванъ — убьютъ». — «Отчего-же нашихъ посыльныхъ казаковъ съ консульства не убиваютъ?» —«Оттого, что не замѣчаютъ ихъ.»

Врядъ-ли можно придавать цѣну этому объясненію, такъ-какъ «еженедѣльно въ извѣстное время» одинъ казакъ (иногда вмѣстѣ и съ Ж.) ѣздитъ съ консульскою почтою на Ашуръ-аде (въ случаѣ денежныхъ посылокъ, отсюда туда отряжаются еще двое вооруженныхъ матросовъ).

— Заѣзжайте прямо въ консульство, продолжалъ секретарь.—Помѣщеніе—большое, но, предупреждаю, запахъ мертвечины,—по сосѣдству-то кладбище, расположенное внутри города.

Вообще онъ обѣщаетъ мнѣ «возможное удобство и содѣйствіе» со стороны консульства, но не совѣтуетъ производить дорогою съемки:

— Это возбудитъ подозрѣніе, тревогу,—послѣдуютъ объясненія съ консульствомъ. Персы и вообще азіяты очень подозрительны; бѣда, если замѣтятъ васъ съ инструментами, съ «записываньями»! Они не хотятъ, чтобы мы знали о томъ, что у нихъ творится!.. И Бога-ради поѣзжайте въ своемъ европейскомъ костюмѣ, иначе, при незнаніи мѣстнаго языка, васъ примутъ за шпіона, тогда—неминуемая смерть!

— Трусливая политика астерабадскаго консульства можетъ не мало повредить цѣли вашего путешествія, шепнулъ мой спутникъ;—всѣ они тамъ «оперсіянились».

— Хорошо, что вы не поѣхали на Ардебиль, продолжалъ Ж.;— теперь тамъ чума.

— А въ Астерабадѣ—перебилъ его докторъ,—можете схватить лихорадку или отъ непривычки къ тамошней водѣ, сильный поносъ, въ предупрежденіе чего совѣтую пить ее съ коньякомъ или ограничиться однимъ чаемъ. Мнѣ частенько приходиться бывать тамъ — знаю.

— И васъ, какъ русскаго «гекима» (доктора), всегда принимаютъ съ почетомъ, улыбнулся собесѣдникъ.

— Да-да. Какъ-то свирѣпствовала въ Астерабадѣ сибирская язва, перешедшая со скота на людей; персидскимъ докторамъ незнакомо ея леченіе, и мѣстные власти обратились черезъ консульство за помощью ко мнѣ. При въѣздѣ въ первую деревню, народъ встрѣтилъ русскаго «гекима» торжественно: быкъ съ воткнутымъ въ бокъ ножемъ готовился уже къ смерти въ честь мою, но я просилъ избавить меня отъ ужаснаго зрѣлища. Подъѣзжаю къ дому старшины — на мою лошадь брызнула кровь трепещущаго подъ ножомъ барана; кровью скотины встрѣчаютъ только высокихъ гостей... Любятъ персы совѣтоваться со мною, но не исполняютъ совѣтовъ; напримѣръ, трудомъ уговоришь ихъ принять хину противъ лихорадки...

— Чѣмъ-же они лѣчатся отъ нея?

— Съѣдаютъ въ одинъ присѣстъ 3—4 арбуза, что, конечно не помогаетъ. Хининъ еще расходится между ними въ маломъ количествѣ, но прочія наши лѣкарства положительно незнакомы тамъ....

— Да—говорилъ докторъ, простившись съ Ж.,—путь вашъ труденъ, задача не легка. Съ перваго шага на персидскую землю вы испытаете неудобства древней жизни; смотрите—не убѣжите съ гязскаго берега, какъ то сдѣлалъ недавно одинъ американецъ: увидѣвъ нищенскія лачуги факторіи, онъ съ чувствомъ омерзѣнія вскрикнулъ: «Такъ это-то Персія, это—важный торговый пунктъ, которымъ Россія соприкасается съ нею?—Фуй, гадость»! Затѣмъ янки хотѣлъ-было проѣхаться по прибрежью, но упавъ нѣсколько разъ съ «палана»—запаситесь сѣдломъ, потому что эти персидскія сидѣнья крайне неудобны—и, подивившись уродливой чеканкѣ монеты, уродливой обстановкѣ «ирани», уѣхалъ обратно.

VIII.

НА ГЯЗСКОМЪ БЕРЕГУ И ВЪ ЛѢСУ *).

Сегодня (24 іюня) я проснулся въ 5 часовъ. Море шумитъ, въ воздухѣ пріятная свѣжесть отъ ночного дождя. Докторъ зѣваетъ, протираетъ глаза—нехочется вставать, а нужно: обѣщалъ проводить меня до гязской факторіи.

Въ условный часъ отправляемся къ Ж-ву — спитъ.

— «Оперсіянился», пожалъ N. плечами на мое неудовольствіе за такую безцеремонную неакуратность.

— Половина осьмого, барказъ ждетъ, говоримъ изъ зало Ж—ву, разбуженному казакомъ.

— Половина осьмого значитъ половина двѣнадцатаго, отвѣчаетъ тотъ изъ спальни.

— Мы, конечно, не могли доискаться смысла въ этомъ мудромъ изрѣченіи восточныхъ людей, свидѣтельствующемъ о ихъ нравственной несостоятельности.

— Да, окончательно «оперсіянился», жолчно проговорилъ N.: — если персъ скажетъ, что сдѣлаетъ то или другое въ половинѣ осьмого, это, дѣйствительно, значитъ, — исполнитъ не ранѣе половины двѣнадцатаго, такъ-какъ онъ не понимаетъ требованій совѣсти, чести быть рабомъ своего слова.

Не дождавшись его—отправились одни на барказъ, гдѣ уже

---

*) Въ началѣ изданныхъ редакціею „Всемірный Путешественникъ" моихъ очерковъ Персіи помѣщено только извлеченіе изъ напечатан. въ „Вѣстникѣ Европы" статьи „По Персіи", статьи являющейся тутъ, въ двухъ послѣднихъ главахъ, безъ пропусковъ и даже нѣсколько дополненною.

П. О.

поджидалъ насъ Рафаилъ въ фантастическомъ полуперсидскомъ костюмѣ.

— Когда я ѣзжу—какъ-бы оправдывался онъ, поправляя сбоку револьверъ—по дѣламъ въ Персію, всегда надѣваю этотъ костюмъ; въ Астерабадѣ — ношу парадный, подаренный мнѣ тамошнимъ губернаторомъ.

Наконецъ въ 9 часовъ явился и плотный Ж. съ коренастымъ казакомъ, и барказъ двинулся по астерабадскому заливу черезъ «перевалъ»,—такъ называется 12-ти верстный проливъ, отдѣляющій островъ отъ персидскаго берега Гязь; этотъ переѣздъ совершается пароходомъ въ 1 часъ 20 минутъ, паровымъ барказомъ въ два часа, весельнымъ ботомъ и барказомъ, смотря по силѣ и направленію вѣтра, въ болѣе продолжительное время.

Офицеры и команда «постоваго парохода» или «брандвахты», мимо которой мы проѣзжаемъ, съ любопытствомъ высыпали на палубу; этотъ пароходъ охраняетъ факторію отъ морскихъ разбоевъ тюркменъ, слѣдитъ за порядкомъ на рейдѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по сигнальному флагу оттуда, высылаетъ на берегъ весельный барказъ или шлюпку для перевозки людей, имѣющихъ надобность до станціи, которая, въ свою очередь, по выстрѣлу съ брандвахты высылаетъ туда-же (на Гязь), паровой барказъ для перевозки консула или его секретаря....

Капитанъ торопится закускою; я, развернувъ карту Персіи, бесѣдую съ Рафаиломъ, Ж. смотритъ угрюмо: ему особенно не нравится, что я отказался отъ конвойныхъ и ѣду въ обществѣ тюркменина... но на душѣ у меня настоящій праздникъ:— чувствуется такъ легко, какъ легокъ окружающій воздухъ...

Небольшія волны полощатся о бортъ красивенькаго барказа; вправо тяжело движутся двѣ бакинскія баржи съ горами хлопка въ мѣшкахъ; прямо — ютится на зеленѣющемъ берегу крошечная факторія; далѣе — съ одной стороны высятся зеленыя эльбурскія, по мѣстному названію—астерабадскія горы, съ нависшими надъ ними кое-гдѣ облаками, съ другой — возвышается въ формѣ сѣдла пикъ Гязь-дагъ.

Съ жадностью впивался я въ даль этого невѣдомаго намъ міра, на землю котораго черезъ нѣсколько минутъ вступлю...

Капитанъ подалъ свистокъ, и пароходъ остановился у вѣтхой пристани или, вѣрнѣе сказать, у выдающихся на сто са-

женей въ морѣ узкихъ мостковъ на тонкихъ сваяхъ. Ни души невидать—точно все вымерло кругомъ.

— Не упадите въ море! предостерегалъ докторъ, помогая мнѣ вскарабкаться на нихъ.

— Никто, ни на шагъ съ барказа! обратился капитанъ къ матросамъ, отправляясь съ нами на берегъ.

Мостки плясали подъ ногами, и наша крошечная факторія смотрѣла какъ-то жалобно на насъ: нѣсколько полуразрушенныхъ сараевъ, для склада привозныхъ и вывозныхъ товаровъ, изъ коихъ первые отправляются внутрь страны на г. Шахрудъ, вторые — преимущественно въ Россію; пять-шесть лачугъ и сквозныхъ вышекъ, наскоро сколоченныхъ изъ жердей, досокъ и усѣянныхъ деревянными заплатами — жилье нашихъ торговцевъ-армянъ; въ концѣ факторіи выглядываетъ аккуратненькій деревянный домикъ европейской архитектуры—агенство общества «Кавказъ и Меркурій», а за нею тянется необозримый, полутропическій лѣсъ, называемый въ древности Гирканскимъ, гдѣ нѣкогда иранскій богатырь Рустемъ нанесъ ударъ кинжаломъ «бѣлому демону» (Диви-Сефидъ) — главѣ гирканскихъ великановъ, и гдѣ Александръ Македонскій, встрѣчалъ, на своемъ побѣдномъ пути, одни лишь «счастливыя деревни», изобилующія хлѣбомъ, виномъ, фруктами, медомъ и многими другими благами «райской обители»...

Въ южной части Каспійскаго моря одинъ только Астерабадскій заливъ представляетъ удобное мѣсто для якорной стоянки судовъ во всякое время года, а факторія Гязь при немъ — единственный пунктъ соприкосновенія Россіи съ сѣверо-восточною Персіею, пунктъ чрезвычайной важности въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ; между тѣмъ положеніе нашихъ торговцевъ тутъ крайне затруднительно. Не довѣряя Россіи, персидское правительство не только не дозволяетъ имъ прочно обстраиваться, но даже улучшить на ихъ собственный счетъ дрянную пристань, нерѣдко обрываемую сильнымъ вѣтромъ съ моря, и, при всемъ томъ, взимаетъ съ нихъ за каждую лачугу по 15 р. въ годъ; исключеніе сдѣлано только для домика общества «Кавказъ и Меркурій», построеннаго въ 1866 г. послѣ продолжительныхъ переговоровъ нашего посольства въ Тегеранѣ.

Подобныя притѣсненія въ связи съ господствующими лихорадками крайне ограничиваютъ число проживающихъ здѣсь на-

шихъ торговцевъ, обыкновенно уѣзжающихъ на зиму — послѣ торговыхъ сдѣлокъ—въ Россію и Мазандеранъ. Въ настоящее время населеніе факторіи состоитъ изъ трехъ-четырехъ армянъ, двухъ закавказскихъ мусульманъ, единственнаго русскаго – агента общества «Кавказъ и Меркурій», одного несторіана, халдея (католика), въ роли агента нашего астерабадскаго консульства,— нѣсколькихъ персидскихъ торговцевъ, носильщиковъ и помощника таможеннаго смотрителя—единственной персидской власти и то фиктивной, ибо фактически она принадлежитъ старшинѣ русскаго купечества на Гязскомъ берегу, вмѣстѣ съ агентомъ нашего консульства, разбирающихъ коммерческія дрязги между своими и персами; ни тотъ, ни другой по-русски не говорятъ ни слова.

Первый изъ нихъ радушно пригласилъ наше маленькое общество къ себѣ; пока его братъ, *парунъ* (баринъ) Шамиль суетился по хозяйственной части, докторъ повелъ меня по всѣмъ закоулкамъ неопрятнаго жилья. Съ двухъ сторонъ крошечнаго дворика съ горами мусора тянулись латанные амбаришки съ хлопкомъ, шерстью и другими мѣстными произведеніями; къ третьей—примыкалъ заглушенный зеленью садикъ: пышно цвѣтущая, душистая *королевская звѣзда* обвила изъѣденную червями бесѣдку,—пахучій гранатникъ съ вазообразными пунцовыми цвѣтами переплелся виноградными лозами съ вѣскими гроздями неспѣлыхъ плодовъ,—прочія вьющіяся и ползучія растенія душили въ своихъ объятьяхъ густой камышъ, слившійся съ чащею колючихъ кустовъ, откуда несло ѣдкою сыростью,—а за ними чернѣлся боръ; въ тѣнистомъ углу сада нѣжилась съ хрюкливымъ потомствомъ дикая, уже прирученная свинья, съ торчащею щетиною на холкѣ и черными полосками вдоль бѣлой спины; въ прибрежьѣ ихъ много, тѣмъ болѣе, что персы не охотятся за ними.

Глиняная мазанка о-бокъ сада служила кухнею; въ ней темно и пусто, а низкая лежанка съ кубическимъ углубленіемъ замѣняетъ печь; босой поваръ-персъ въ круглой войлочной шапочкѣ (кула-намади), въ короткой по пупокъ синей рубахѣ и таковыхъ же шальварахъ, спѣшно готовилъ *кебабъ*, т. е. одною рукой раздувалъ уголья персидскимъ вѣеромъ или соломенною плетенкою въ формѣ топорика съ короткою деревянною ручкой, а другою—поджаривалъ надъ ними куски жирной баранины,

нанизанные на желѣзный прутъ съ деревянной рукоятью; тутъ же возился парунъ Шамиль съ національнымъ армянскимъ блюдомъ: *лоби* изъ фасоли, которую варятъ въ соленой водѣ, процѣживаютъ, затѣмъ кладутъ въ кастрюлю съ масломъ и, поливъ ее яйцами, держатъ 3—4 минуты на огнѣ.

Завтракъ готовъ. Мы поднялись на вышку къ старшинѣ по крутой лѣстницѣ съ перегнившими дырявыми ступеньками; столъ грубой работы, деревянная широкая нара покрытая ковромъ, кровать и мешечки съ сѣменами шелковичныхъ червей занимали собою почти всю сквозную комнату его лѣтней резиденціи (зимой-же живетъ онъ въ нижнемъ чуланѣ, смазанномъ глиною и снабженномъ печью).

Кебабъ—превосходный, лоби—еще вкуснѣе, арбузы и дыни—тоже не дурны, а принесенныя капитаномъ двѣ бутылки шампанскаго развязали языки аширцовъ; но армяне были сдержанны и даже стѣснялись въ нашемъ присутствіи сѣсть. Вошедшій дервишъ облокотился о дверь и молча озираетъ насъ: выразительное лицо, лукавые глаза, едва замѣтная улыбка на губахъ, остроконечная шапка изъ краснаго ситца на головѣ, ланья шкура небрежно накинута на одно плечо, черезъ другое — на желѣзной цѣпкѣ виситъ половинка кокосовой скорлупы, для питья и подаяній, — въ рукѣ онъ держалъ желѣзный топорикъ или сѣкиру на двухъ-аршинномъ древкѣ, и хотѣлъ-было что-то запѣть, но хозяинъ дружески остановилъ его.

— Паразиты! желчно замѣтилъ N., мелькомъ взглянувъ на него.—Эта нищенствующая духовная братія, какъ привилегированная саранча, ложится тяжелымъ бременемъ на народъ... И зачѣмъ онъ торчитъ тутъ?!.

— Подслушиваетъ, подсматриваетъ и потомъ разноситъ новости въ преувеличенномъ видѣ, прошепталъ Рафаилъ, выходя взглянуть, сѣдлаютъ ли намъ лошадей въ Астерабадъ.

За нимъ вошли еще два субъэкта: тощій подслѣповатый старикашка — помощникъ таможеннаго, и тучный коммерсантъ маленькаго роста— родственникъ моему астраханскому знакомцу Хаджи-аги. Первый, прошамкавъ привѣтствіе, насторожилъ уши разслушать отвѣтъ хозяина.

— Старъ я, тяжело...—закряхтѣлъ онъ, когда N. удивился,

что такая «ветошь» занимаетъ обязанность, требующую энергіи.

— Время подумать о небѣ?! замѣтилъ кто-то.

Армяне дружно захохотали, да и сама *власть* добродушно обнажила десна.

Второй, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нашими купцами, говоритъ немного по русски, и, принимая меня за уполномоченнаго устроить въ Персіи *второе закаспійское товарищество,* разнѣжился какъ котъ:

— Павля Ванчь, мы очень любимъ вашихъ, — таялъ онъ, совѣтуя мнѣ взять переводчика изъ «нашихъ Ирани, — очень хорошъ люди—Ирани!» и предлагая заѣхать по дорогѣ на чай къ нему въ деревню Гязь, въ которой проживаютъ ближайшіе родственники Хаджи-аги, снабдившаго меня рекомендательными письмами къ нимъ.

Переговоривъ о мѣстной торговлѣ, мы коснулись отношенія консульства къ нашимъ армянскимъ торговцамъ:—«Оно находится къ намъ въ натяжкѣ, держитъ себя гордо, недоступно, слабо защищаетъ насъ и тянетъ сторону персовъ: консульство—оперсіянилось!» — слышалось кругомъ.

Затѣмъ парунъ Іосифъ сообщилъ объ опасностяхъ предстоящаго мнѣ пути:

— Я живу въ факторіи седьмой годъ—говорилъ онъ,—и не было еще случая нападенія тюркменъ на нее — русскихъ боятся; но по дорогѣ въ городъ Астерабадъ—очень опасно; съ Шахруда къ Мезинану—еще опаснѣе, и вы поѣдете съ *оказіею,* значеніе которой заключается не въ конвоѣ, обыкновенно разбѣгающемся при нападеніи тюркменъ, а въ составѣ и численности богомольцевъ: если между ними находятся наши горцы, т. е. закавказскіе мусульмане, отличающіеся мужествомъ и стойкостію, тюркмены никогда не рискнутъ напасть на оказію; наши же приволжскіе татары, нерѣдко встрѣчающіеся между богомольцами, не страшны имъ. Далѣе, съ Мезинана къ Мешхеду—почти безопасно, но оттуда въ Хератъ, помимо тюркменскихъ разбоевъ, воруютъ и грабятъ около городовъ сами персы.

— А пропустятъ ли меня въ Хератъ?

— Слышалъ я отъ мешхедскихъ купцовъ, торгующихъ съ этимъ городомъ, что года четыре тому назадъ иностранцамъ не дозволяли оставаться въ немъ болѣе трехъ дней, даже и въ та-

комъ случаѣ, если они выдавали себя за купцовъ: «лжешь!— ты русскій или англійскій агентъ»!—отвѣчали имъ и выпроваживали вонъ, но теперь, кажется, вовсе не пускаютъ...

— Лошади готовы, тихо проговорилъ Рафаилу выглядывающій изъ-за дверей Таги; персы, съ едва замѣтною брезгливостью, отстранились отъ него,—тотъ улыбнулся.

— И намъ пора на барказъ! спохватился капитанъ, торопливо распивая прощальную бутылку шампанскаго.

— Прощайте! Прощайте! раздавалось кругомъ, и радушные аширцы уѣхали.

— Если вы въ чемъ нуждаетесь, наше купечество проситъ васъ сказать и взять, обратился ко мнѣ старшина; но мнѣ оставалось только поблагодарить за гостепріимство...

Въ знойный полдень нашъ маленькій караванъ тронулся въ путь. Впереди ѣхалъ на великолѣпномъ тюркменскомъ аргамакѣ тучный купецъ въ бѣломъ *кобѣ* (въ родѣ архалука) и низкой мерлушковой шапкѣ; за нимъ босикомъ шелъ нашъ *червадаръ* или погоньщикъ при вьюкѣ, въ кула-намади, коротенькой бѣлой рубахѣ и синихъ шальварахъ, завороченныхъ выше колѣнъ; затѣмъ, понуря голову, выступала навьюченная кляча съ возсѣдающимъ мальчикомъ, съ трудомъ удерживающимъ мою постель на своихъ широко-растопыренныхъ ногахъ; рядомъ съ нимъ ѣхалъ безоружный Таги, въ мохнатой рыжей шапкѣ, вѣтхомъ халатѣ, и тоже до крайности растопыривъ обнаженныя ноги на горѣ нашихъ вьюковъ; червадарская лошадь подъ нимъ напоминала донъ-кихотскаго Буцефала съ выдавшимися ребрами, точно послѣ продолжительной голодухи или тяжкой болѣзни, да и самъ сгорбившійся и беззаботно скалившій зубы всадникъ выглядывалъ такою добродушною мямлей, точно рѣшился на этотъ разъ вполнѣ понѣжится и заискать расположеніе своихъ непримиримыхъ враговъ, персовъ. Рафаилъ въ полинявшей шапкѣ съ козырькомъ и старенькомъ архалукѣ — на персидскомъ сѣдлѣ, я—въ обшитой кисеею шляпѣ отъ знойнаго солнца—на англійскомъ, и оба—вооруженные револьверами, но едва ли на лучшихъ лошадяхъ, замыкали кавалькаду.

Проѣхавъ по песчанному берегу саженъ сто, мы свернули въ рощу у дикой гранаты, постепенно перешедшей въ сплошной лѣсъ. Оглянувшись, я увидѣлъ, какъ съ быстро-удаляющагося въ синюю даль моря барказа машутъ мнѣ шапками и платками..

Побережье Астерабадской области по климату и почвѣ сходно съ Мазандераномъ: лѣса здѣсь походятъ на запущенные фруктовые парки на сотни верстъ въ окружности; разнаго звѣрья много, въ особенности раздолье королевскимъ тиграмъ.

Гуськомъ еле-пробираемся мы по вьющейся тропинкѣ въ чащѣ разнообразнѣйшей растительности, преимущественно—дикой гранаты, затѣйливо перевитой виноградомъ, и чѣмъ дальше—тѣмъ она выше и выше: грецкій орѣхъ достигаетъ семидесяти футовъ. Въ воздухѣ разлитъ ароматъ и носится пѣсня соловья...

Вдругъ въ сторонѣ раздалось дикое, гортанное пѣніе; въ высокомъ тонѣ его слышался то вѣковой гнетъ и стонъ протеста, то рабская покорность своей долѣ.

— Этимъ гвалтомъ персы сами себя выдаютъ тюркменамъ, замѣтилъ Рафаилъ.

— Мы очень рады, что вы берете туркменъ отъ насъ: намъ будетъ спокойнѣе, обратился къ нему купецъ, вытирая рукавомъ крупныя капли пота съ лица.

Накрапываетъ дождикъ. Послѣ часовой ѣзды показались признаки жилья: тучный скотъ съ мясистымъ наростомъ на холкѣ пасется на лужайкѣ вблизи плантаціи сахарнаго тростника,—за открытымъ кладбищемъ, сплошь усѣяннымъ надгробными камнями, потянулись сады дер. Гязь, — прошла женщина съ разбитымъ чугункомъ на головѣ, прикрытой чернымъ, донельзя изношеннымъ платкомъ и въ латанныхъ короткихъ, синихъ шальварахъ; — плетется лошадь съ переполненными хурджинами, за нею — персъ съ хлыстомъ пугливо таращитъ глаза на насъ...

Свернувъ на узенькую тропинку, вымощенную голышемъ, въ родѣ нашего булыжника, которымъ такъ богато старое русло рѣчонки Гязь, мы въѣхали во внутренній дворикъ жилья богатаго купца—родственника Хаджи-аги. Прочитавъ рекомендательное письмо, онъ пригласилъ меня въ единственную комнатку деревяннаго домишка на сваяхъ, служащую конторою и вмѣстѣ съ тѣмъ гостинною, но такъ какъ я стѣснялся снять сапоги, то ковры были сняты, — остались одни войлоки и ци-

новки, на которыхъ и размѣстились мы. Пріемъ далеко не радушный ограничился стаканомъ сквернаго чаю съ горьковато-кислымъ мѣстнымъ померанцемъ, замѣняющимъ здѣсь лимоны. Суннитъ Таги тоже не былъ обнесенъ внѣшними знаками гостепріимства перса-шiита, какъ изъ опасенія, въ противномъ случаѣ, мести перваго, такъ вообще и потому, что вліяніе высшаго духовенства Астерабада на отдаленную деревенщину слишкомъ ничтожно, и пограничные персы или скрываютъ свою религіозную вражду къ тюркменамъ, или совершенно равнодушны къ религіозной розни.

Бесѣдуя со мной о торговлѣ, персы высказывали между собою разныя предположенія о планахъ и цѣляхъ моего путешествія; тучный купецъ принялъ на себя роль тонкаго дипломата:

— Павля Ванчъ—обратился онъ ко мнѣ,—мы любимъ много умный Хаджи-аги; мы не хотимъ денегъ,—мы поѣдемъ съ тобою въ Машедъ (Мешхедъ)..

— Другими словами: онъ предлагаетъ свои услуги безплатно находиться при караванѣ въ качествѣ приказчика, пояснилъ Рафаилъ.

Безъ сомнѣнія, такое безкорыстіе перса къ *кяфыру* (невѣрному) не безъ цѣли поживиться сторицею насчетъ послѣдняго. Я отложилъ рѣшеніе этого вопроса до Астерабада и, по просьбѣ почтеннаго хозяина, написалъ письмо Хаджи-агѣ, что: «я остался имъ очень доволенъ» — такъ продиктовалъ онъ самъ, безъ сомнѣнія, дорожа расположеніемъ этого *нужнаго персамъ* человѣка.

Дальше поѣхали въ сопровожденіи уже другаго родственника его: молодца съ виду, на отличномъ тюркменскомъ конѣ и съ ружьемъ черезъ плечо.

— Женоподобные трусы! обратился Таги къ Рафаилу, поглядывая съ добродушною ироніею на своего соперника:—дайте мнѣ револьверъ—съ двадцатью такими вооруженными иранцами справлюсь.

— А насъ презираютъ, гнушаются христіаниномъ, сѣтовалъ Рафилъ:—когда мы вышли въ садъ, хозяинъ велѣлъ вымыть въ *трехъ водахъ* чайную посуду, изъ которой мы пили, и тщательно вычистить войлоки, до которыхъ прикасались наши ноги...

Въ пятомъ часу караванъ остановился на краткій отдыхъ

подъ тѣнью деревъ, осѣняющихъ часовню одного изъ потомковъ высокочтимаго имама Мусы, съ обширнымъ кладбищемъ и караульною вышкою (караулъ-хане) при ней. Между туземцами существуетъ преданіе, что на этомъ самомъ мѣстѣ, называемомъ теперь: *Херабеи-Шехръ*, былъ похороненъ Авраамъ, и нѣкогда стоялъ большой городъ; а нашъ проводникъ разсказывалъ о недавно совершившемся здѣсь чудѣ, благодаря которому тюркмены прекратили грабить и уводить въ неволю благочестивыхъ богомольцевъ, посѣщающихъ часовню; до того времени проѣзжіе персы *трепетали* здѣсь, осматривали свое оружіе и были на сторожѣ (да и теперь боязливо озираются по сторонамъ: имъ все мерещатся тюркмены, а Таги лукаво скалитъ зубы!...); но вотъ, лѣтъ пять тому назадъ, когда ямуды заполонили отсюда много богомольцевъ, одинъ изъ участниковъ набѣга, отнявшій у сторожа часовни ножъ, скоропостижно умеръ и, явившись во снѣ своему сыну, приказалъ: «немедленно возвратить ножъ и никогда не брать въ неволю съ этого святого мѣста», и ямуды свято исполняютъ завѣтъ своего единоплеменника. По увѣренію моихъ спутниковъ, этотъ ножъ имѣетъ какое-то отношеніе къ преданію о будто-бы погребенномъ здѣсь Авраамѣ; во всякомъ случаѣ, теперь въ Херабеи-Шехръ настолько безопасно, что наши консульскіе чиновники съ конвойными казаками, проѣзжая съ Астерабада въ Ашуръ-Аде и обратно, останавливаются подъ его тѣнистыми деревьями отдохнуть и перекусить, а караулъ изъ мѣстныхъ милиціонеровъ, т. е. вооруженныхъ 5—6 сельчанъ, безмятежно работаетъ въ виднѣющемся отсюда огородѣ.

Скажу нѣсколько словъ о послѣднихъ. Астерабадская милиція *(туфенгджи)* служитъ для огражденія своей сѣверная границы отъ тюркменскихъ набѣговъ и конвоированія въ опасныхъ мѣстахъ курьеровъ, чиновниковъ и т. п. Пѣшіе и конные милиціонеры или *нукера* (въ буквальномъ смыслѣ—слуги), составляющіе это земское войско, носятъ національный костюмъ и вооружены кинжалами, курковыми, нерѣдко кремневыми и фитильными ружьями; при наборѣ существуетъ полный произволъ, даже насиліе со стороны деревенскихъ старшинъ и прочихъ властей; срокъ службы—неопредѣленъ, а за взятку можно избавиться отъ нея. Мнѣ говорили, что имъ полагается жалованье и опредѣленная мѣра рису въ годъ, *но они ничего не получаютъ*,

а поэтому — *вѣчно голодны*, лишены возможности обзавестись хорошими лошадьми и оружіемъ, и, безъ сомнѣнія, неохотно исполняютъ свои служебныя обязанности, а завидя непріятеля, *первые удираютъ вспять:* «какъ увижу тюркменъ—убѣгу, потому что меня *взяли силою* защищать другаго»,—говорилъ старикъ-милиціонеръ Рафаилу. Впрочемъ, въ безопасныхъ мѣстахъ они нерѣдко навязываются путнику въ проводники за условное вознагражденіе.

— Поѣдемъ дальше: ночь нападетъ — опасно, совѣтуетъ Рафаилу сопровождающій насъ *молодецъ*,—и мы опять въ лѣсной чащѣ, откуда, какъ въ щель, виднѣется клочокъ лазуреваго неба.

Таги рветъ сладкую ежевику, кисловатую алычу, — лакомится и предлагаетъ намъ; меня мучитъ жажда; кстати, передъ нами ручеекъ, протекающій въ двухъ шагахъ отъ слѣдующаго караулъ-хане съ двумя десятками оборванныхъ милиціонеровъ, выглядывающихъ просто голодными мальчишками: какая-же тутъ защита отъ тюркменъ?!.. Хотя персы торопятся ѣхать, но Рафаилъ распорядился напиться здѣсь чаю; Таги ставитъ самоваръ съ самодовольною улыбкой: онъ охотно прислуживаетъ намъ, а мы дѣлимся съ нимъ, какъ съ товарищемъ, «иначе онъ обидится»—говоритъ Рафаилъ. Таги только вина не пьетъ, ѣстъ-же все наше, между тѣмъ, какъ *молодецъ-шіитъ* отказался даже отъ чаю: *вѣдь мы кяфыры!*.

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ тюркмены въ позапрошломъ мѣсяцѣ убили перса и отогнали скотъ, проговорилъ Рафаилъ.

— А караулъ?

— Удивительно, какъ это онъ сегодня въ сборѣ!? Опасаясь неволи, нукера обыкновенно сидятъ у себя въ деревняхъ; случалось даже, что астерабадскія власти посылали всадниковъ розыскивать ихъ, но пойманные и приведенные въ караулъ-хане опять разбѣгались, какъ только тѣ уѣзжали.

По словамъ моего спутника, двое-трое тюркменъ справляются съ цѣлымъ стадомъ; одинъ—держитъ саблю надъ головой спящаго пастуха, прочіе — отгоняютъ скотъ, а если проснувшійся пастухъ сопротивляется—смерть ему! Вообще послѣ хивинскаго погрома, когда сбытъ невольниковъ на средне-азіатскіе рынки

прекратился, ямуды берутъ въ неволю—за рѣдкимъ исключеніемъ — только тѣхъ, на вѣрный выкупъ которыхъ разсчитываютъ, и въ такомъ случаѣ содержатъ ихъ между Атрекомъ и Гургеномъ.

Далѣе нашъ путь лежалъ мимо села *Альванъ-кія*, которое только-что пострадало отъ нихъ; паника еще не прошла: «Садитесь, не то—простудитесь», упрашиваетъ меня встревоженный *молодецъ*, когда я спѣшился поразмять ноги. — «Мы платимъ до 30-ти рублей податей, а насъ не могутъ защитить отъ тюркменскихъ разбоевъ и неволи!» сѣтуетъ дрожащій отъ страху червадаръ.

Поѣхали быстрѣе, какъ насъ догнали два запыхавшіеся всадника съ просьбою дозволить имъ примкнуть къ нашему обществу; озираясь по сторонамъ, они разсказывали о недавнемъ бѣгствѣ своего земляка изъ ямудскаго плѣна, и когда астерабадскій губернаторъ поинтересовался знать его мнѣнія: «кого тюркмены боятся больше—русскихъ или персовъ?»—тотъ отвѣтилъ: «они предпочтутъ скорѣе напасть на тысячу персовъ нежели на одного русскаго». На это Таги, беззаботно кушавшій алычу, замѣтилъ Рафаилу: «нашъ воинственный народъ на много ослабъ передъ персами съ тѣхъ поръ, какъ русскіе приблизились къ намъ».

Тропинка свернула въ мѣстечко *Курдъ-Махаллэ*,—эту вѣчную жертву безпощадныхъ властей, помѣщиковъ, тюркменъ, а нерѣдко и не менѣе хищныхъ звѣрей. *Молодецъ* спросилъ у меня *позволенія помолиться*, считая себя, по объясненію Рафаила, *въ служебной* зависимости отъ меня, и разсчитывая этою приниженностью втереться въ русскій караванъ, *какъ волкъ въ овчарню*; пока онъ творилъ *намазъ* (молитву), опустивъ руки по швамъ, въ противоположность суннитамъ, складывающимъ ихъ на животѣ ладонями внизъ, — Таги сотворилъ омовеніе на берегу рѣчки.

— Обязательство для правовѣрнаго послѣ извѣстной нужды, пояснилъ Рафаилъ.

— А если они путешествуютъ по безводнымъ пустынямъ?

— Тогда, молящіеся *по пяти разъ въ сутки*, *омовеніе производятъ пескомъ*.

На поворотѣ тропинки намъ встрѣтился деревенскій мальчишка; завидя Таги, онъ точно окаменѣлъ отъ страха: физіо-

номія вытянулась, зрачки расширились, ротъ — полуоткрытъ. Тюркменинъ слегка улыбнулся, а Рафаилъ замѣтилъ: «запуганный персъ всего боится, за то—ничего не стыдится».

Близость Курдъ-Махаллэ ободрила нашихъ иранцевъ; *молодецъ* (родственникъ Хаджи-аги) поскакалъ впередъ къ начальнику мѣстечка, Мамедъ-Багиръ-хану, съ рекомендательнымъ письмомъ, которымъ Рафаилъ запасся на Гязскомъ берегу.

— Вѣроятно онъ не откажетъ намъ въ ночлегѣ, проговорилъ послѣдній:—безъ сомнѣнія, вамъ было-бы удобнѣе путешествовать съ персидскимъ открытымъ листомъ, какъ-бы обязывающимъ жителей оказывать гостепріимство...

— Съ скрытымъ отвращеніемъ къ кяфыру?

За чащею открывался очаровательный видъ на широко-раскинувшееся мѣстечко въ садахъ; мы поскакали по извилистымъ улицамъ: дѣти громко здороваются съ нами,—взрослые прижимаютъ правую руку къ сердцу, а побывавшіе на Аширѣ или въ Гязи, дѣлаютъ намъ честь по военному, какъ-бы подъ козырекъ;—изрѣдка покажется въ саду черноглазая смуглянка и, завидя насъ, быстро скроется...

Остановились у воротъ обширнаго внутренняго двора съ одиноко стоящимъ развѣсистымъ *кара-агачемъ* (вязомъ); вблизи отъ него виднѣлись три фигуры въ бараньихъ шапкахъ, синихъ кобахъ и широчайшихъ шальварахъ того же цвѣта; самый тощій изъ нихъ пригласилъ насъ легкимъ движеніемъ руки въѣхать и, когда я слѣзъ съ лошади, проговорилъ привѣтствіе, съ сладчайшею улыбкою прижимая ладонь къ сердцу.—Этотъ молодой человѣкъ былъ самъ начальникъ уѣзда Мамедъ-Багиръ-ханъ; наслѣдственный титулъ *ханъ* означаетъ въ буквальномъ смыслѣ княжеское достоинство, и каждый глава или начальникъ рода именуется ханомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ шахъ Насръ-ед-динъ возвелъ въ это званіе множество своихъ лакеевъ (нукеровъ), оно потеряло свое прежнее значеніе и теперь подходитъ къ нашему дворянству.

Намъ предложили помѣститься въ закрытой комнатѣ или же подъ навѣсомъ деревяннаго домика, примыкающаго къ непрерывному ряду жилыхъ построекъ, заканчивающихся у воротъ рѣшетчатою конюшней, въ родѣ уродливой клѣтки, въ которую—на нашихъ глазахъ—въѣхалъ мальчишка верхомъ на лошади; съ третьей стороны двора тянется ветхій деревянный заборъ, при которомъ на видномъ мѣстѣ выкопана ямка, съ дощечкою поперегъ нея,—это отхожее мѣсто начальника; съ четвертой—живая изгородь изъ колючихъ кустовъ съ кистями прекрасныхъ лиловыхъ цвѣтовъ, а за нею—обширный садъ.

Рафаилъ предпочелъ расположиться на ночлегъ во дворѣ подъ тѣнистымъ деревомъ, вблизи дымной головешки отъ комаровъ и для раскурки кальяновъ; расторопный Таги разостлалъ для насъ на свѣжей соломѣ войлоки, одѣяло, — разложилъ большой костеръ и, покуривая кальянъ, ставитъ самоваръ. Мы растянулись на мягкомъ ложѣ,—хозяинъ съ помощниками и любопытными гостями не смѣло обступили и молча озираютъ насъ, а когда я замѣнилъ тяжеловѣсную шляпу башкирскою тюбитейкой, они переглянулись между собою съ едва замѣтною улыбкою торжества: «безъ ермолки правовѣрныхъ, молъ, трудно обойтись?!»

При закатѣ солнца (въ $7^1/_2$ ч.), воздухъ огласился заунывными выкриками *азана*; нѣжно лазуревое небо и ласкающая прохлада тихаго вечера съ сладостною пѣснью соловья и замирающимъ стрекотаньемъ тысячи кузнечиковъ, величественный вязъ и сумрачные персы, съ журчаніемъ кальяна и шумящимъ самоваромъ, — вполнѣ гармонировали съ надрывающимъ душу мотивомъ этой молитвы...

Костеръ разгорѣлся, подали персидскій подсвѣчникъ съ стекляннымъ колпакомъ, пьемъ чай лежа; Рафаилъ вяло заговорилъ съ ханомъ, который, наконецъ, рѣшился присѣсть на корточки, но отъ чаю отказался; прочіе стояли; въ ихъ отношеніяхъ къ нему замѣтна простота, не принужденность, что впрочемъ, не мѣшаетъ послѣднему расправляться съ *пятками* и карманами первыхъ такъ же непринужденно, какъ, въ свою очередь, высшія власти распоряжаются его пятками, если гнѣвъ ихъ не предупреждается своевременно пишкешами (подарками).

Бесѣда не вязалась, но когда уже всѣ разошлись на покой, къ намъ подошелъ пріятель Рафаила, и долго-долго шептался съ нимъ о несчастномъ предшественникѣ Мамедъ-Багиръ-хана,—*Садыкъ-ханѣ*, и объ отношеніяхъ астерабадскихъ властей къ тюркменамъ. Достовѣрность этихъ печальныхъ повѣствованій не подлежитъ сомнѣнію, а потому заношу ихъ въ дневникъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Россію, шахъ созвалъ въ Те-

геранъ всѣхъ *хакимовъ* съ цѣлью распорядиться по управленію ввѣренными имъ областями во время его отсутствія. Воспользовавшись удобною минутой, 30 астерабадскихъ чиновниковъ и духовныхъ лицъ во главѣ съ старшиною этого мѣстечка (Курдъ-Махаллэ), Садыкъ-ханомъ, заявили шаху жалобу на своего губернатора *Сулейманъ-хана*, что онъ поддерживаетъ въ краѣ насиліе, безправіе, не выкупаетъ изъ неволи персовъ, и о прочихъ безпорядкахъ.

Шахъ передалъ эту жалобу обличенному губернатору, и тотъ, задаривъ нѣкоторыхъ министровъ, остался не только *чистъ* въ глазахъ *повелителя*, но, какъ *неповинно оклеветанный*, получилъ отъ него *всемогущее право* раздѣлаться по усмотрѣнію (по-свойски) съ протестантами; мало того, по отъѣздѣ шаха, онъ возвратился въ свою резиденцію, г. Астерабадъ, *уполномоченнымъ* губернаторомъ, т. е. съ безусловнымъ правомъ рубить головы и пр. и пр. Немедля арестовавъ Садыкъ-хана и тѣхъ изъ его товарищей, которые не успѣли бѣжать отъ предстоящей имъ грозной мести, Сулейманъ-ханъ сперва *кротко* упрекнулъ его при стеченіи народа за жалобу, затѣмъ приказалъ двоюродному его брату Мамедъ-Багиръ-хану (подъ кровомъ котораго повѣствуется эта исторія) *плюнуть три раза въ лицо ему, три раза ударить по головѣ и три раза дернуть его за бороду*. Довольный *смиреннымъ послушаніемъ* Мамедъ-Багиръ-хана, онъ *пожаловалъ* его на мѣсто Садыкъ-хана начальникомъ Курдъ-Махаллэ, *а имущество несчастнаго отдалъ на разграбленіе персамъ и тюркменамъ*, *каменный его домъ въ Астерабадѣ разрушилъ до основанія*, самого-же съ соучастниками его—*отодралъ по пятамъ палками*, послѣ чего приказалъ *обрить имъ* «почетъ ихъ лица»—*бороды*, каждый волосокъ коихъ почитается священнымъ, для духовенства и людей выше среднихъ лѣтъ; главной жертѣ, т. е. Садыкъ-хану *обрили ее на посмѣшище народу такъ, что отъ нея осталось два-три клочка*, потомъ *напялили ему на голову остроконечный колпакъ изъ картона съ разноцвѣтными лоскутками, посадили его на осла, лицомъ къ хвосту*, за который *повелѣно* было ему ухватиться руками,—*и такъ водили его съ музыкою, при стеченіи всего населенія, по всѣмъ улицамъ Астерабада!*

Затѣмъ его бросили въ темницу, откуда онъ, благодаря своимъ приверженцамъ, бѣжалъ въ Тегеранъ по возвращеніи шаха

изъ Европы, и пожаловался ему на истязанія *уполномоченнаго губернатора*; мудрый повелитель отправилъ въ Астерабадъ сына послѣдняго вмѣстѣ съ Садыкъ-ханомъ, примирить ихъ между собою, а *если возможно*, то и возвратить послѣднему прежнюю власть...

Подобная грязь получила въ павшей Персіи права гражданства; подкупъ и пишкеши—всемогущи и составляютъ насущную потребность персидской морали! Чѣмъ кончится эта исторія для Садыкъ-хана, — пока еще неизвѣстно, но холопъ — по дѣяніямъ—все еще прочно сидитъ на астерабадскомъ престолѣ.

Разговоръ коснулся больного мѣста персовъ, пограничныхъ съ тюркменами, и словоохотливый разсказчикъ продолжалъ:

— Садыкъ-ханъ умѣлъ даже ладить съ ямудами, въ пользу Курдъ-Махаллэ; онъ былъ надъ ними въ родѣ полиціймейстера, и, нерѣдко посѣщая ихъ, говаривалъ: «*грабьте, только* моей деревни не трогайте». Они любили его и слушались; теперь не то: еще на дняхъ убили здѣсь одного,— другого взяли въ неволю, и постоянно грабятъ. Въ Курдъ-Махаллэ не найдется обывателя, который — не имѣя возможности предаваться кейфу подъ кровомъ своего дома, а вынужденный работать въ полѣ или пасти скотъ—не перебывалъ бы въ неволѣ у нихъ! Тюркмены (въ особенности *Таги*) досконально знаютъ всѣ норки, закоулки и добро своихъ сосѣдей, на счетъ которыхъ они преимущественно живутъ; — имъ извѣстно, гдѣ какая вещь лежитъ, гдѣ пасется ихъ скотъ, и даже часъ и минута, удобныя для нападенія!.. Имъ все это извѣстно, потому что начальники округовъ—тѣ же разбойники: они якшаются съ первыми, обмѣниваются подарками и за-одно грабятъ; нерѣдко начальники или ханы посылаютъ преданныхъ имъ людей отдѣльно или вмѣстѣ съ тюркменами опустошать земли своихъ соперниковъ, или, вообще, туда, гдѣ предвидится хорошая нажива: награбленное добро сбывается въ тюркменскихъ степяхъ, а выручка дѣлится.

Таги—это наша гарантія отъ нападенія тюркменъ—тоже знакомъ съ подобною астерабадскою властью: одинъ — суннитъ, другой—шіитъ, но оба хищники! Свои и чужіе грабители довели астерабадскую деревенщину до крайней нищеты.

Пожелавъ намъ спокойной ночи, гость скрылся въ непрони-

цаемой тьмѣ. Дымный чиракъ съ черною нефтью тускло горитъ подъ навѣсомъ жилья; Таги съ напяленною на глаза мохнатою шапкою спитъ у ногъ моихъ; Рафаилъ тоже безпокойно всхрапнулъ, но мнѣ долго не спалось отъ влажнаго зноя, мошекъ и комаровъ, а въ природѣ убаюкивающая жизнь: лѣсной міръ поетъ и шелеститъ, шакалы воютъ и плачутъ почти-что надъ самымъ ухомъ, собаки отвѣчаютъ имъ то дружнымъ лаемъ, то протяжнымъ соло...

Въ дремотѣ слышу глухой ударъ объ что-то эластичное, затѣмъ голосъ Рафаила: «Вы спите?»—Нѣтъ, а что?—«Къ вамъ подкрался шакалъ; Таги пустилъ въ него башмакомъ, а я хотѣлъ стрѣлять, да опасался обезпокоить васъ. Ханъ присылалъ нукера сказать, чтобы вы спрятали сапоги подъ подушку, не то прожорливые шакалы и даже собаки украдутъ».

«Все здѣсь голодно, только природа роскошна»! подумалъ я, весь искусанный мошками и разслабленный изобильною испариной, еле-еле справляясь съ своими сапогами. Уже два часа: луна взошла, а кузнечики все еще не угомонились...

Въ 5 часовъ мы проснулись. Очаровательное утро! Передъ глазами—высокая зелень, а въ ней точно птичникъ: тысячи голосовъ щелкаютъ, свистятъ, трещатъ, поютъ, и въ этомъ хвалебномъ гимнѣ слышится счастье свободы пернатаго царства; а вдали, за зеленью садовъ и лѣсовъ, по склонамъ лѣсистаго Эльбурса, ползутъ, рѣдѣютъ и дымятся облака!...

Опять какъ-то несмѣло окружилъ насъ ханъ съ своими служащими и друзьями; Таги развернулъ къ чаю съѣстные припасы—тысячи муравьевъ покрывали ихъ чернымъ слоемъ, а отъ куръ несло вонью, что̀ не помѣшало ему полакомиться ими, но у насъ—пропалъ аппетитъ... Собираемся въ путь. Во дворъ въѣхалъ съ эстафетой тегеранскій курьеръ въ казакинѣ изъ верблюжьяго сукна, съ ружьемъ, шашкою и кинжаломъ; вручивъ хану бумаги, онъ *по столичному* важничаетъ передъ деревеньщиною, горячится и даже прикрикнулъ на него, требуя для себя на обратный путь сильнаго конвоя, но тотъ далъ ему только одного тщедушнаго милиціонера, *съ тростниковою дудкой черезъ плечо вмѣсто ружья*, говоря, что при такой оказіи, какъ мы (т.-е. Рафаилъ съ Таги и со мною) дорога совершенно безопасна отъ нападенія тюркменъ: тегеранецъ, удовольствовавшись этимъ доводомъ, смолкъ.

— Сколько заплатить за ночлегъ хану? спрашиваю Рафаила.

— Если подарите золото или цѣнный подарокъ — возьметъ, а двухъ-трехъ крановъ не приметъ.

— Въ такомъ случаѣ остается только пожать ему руку на прощанье.

— Этимъ вы его поставите въ неловкое положеніе передъ подчиненными: вѣдь мы не только-что кяфыры, но и ференги (европейцы), которыхъ туземцы считаютъ *ноджис'ами* (нечистыми).

Мы простились *по-военному*, т.-е. приложивъ руку къ виску; хозяинъ намѣревался-было проводить насъ до воротъ своего жилья, но окружающіе совѣтники остановили его: «не унижайтесь передъ иностранцами».

— Персы не гостепріимны къ намъ—замѣтилъ Рафаилъ:— васъ принимаютъ за купца, и не отказали въ ночлегѣ просто изъ *разсчета на пишкешъ*;—русскому офицеру оказываютъ почетъ *изъ боязни*: въ его присутствіи они не только не осмѣливаются сѣсть, но трусливо удаляются, а офицеру, ѣдущему съ конвоемъ — еще болѣе почету, и вмѣстѣ съ тѣмъ, *о прибытіи его немедленно доносится въ Тегеранъ*.

Опять потянулся сплошной, полуфруктовый лѣсъ. Кони привычно перепрыгиваютъ низкія изгороди, узкіе ручьи, торчащіе пни, свалившіеся деревья и пр. препятствія. Въ полдень остановились на отдыхъ въ тѣни на берегу прозрачнаго ручейка, противъ древняго Гебрскаго «кургана вѣры» (Динъ-тэпе).

Кругомъ—посѣвы ближайшихъ деревень, скрытыхъ въ лѣсу; по временамъ проходятъ мимо насъ райи (крестьяне) на полевыя работы, многіе — въ кожанныхъ лаптяхъ, и всѣ — вооружены.

— Эй!—крикнулъ Рафаилъ одному изъ нихъ:—чѣмъ заряжено ружье у тебя?

— Дробью. — Попадись только туркамонъ (тюркменъ)! — размахивалъ онъ ружьемъ въ отвѣтъ, боязливо озираясь по сторонамъ.

— А у прочихъ, вѣроятно, ничѣмъ; они говорятъ: «все зависитъ отъ счастія; если предназначено Аллахомъ быть въ

плѣну — не избѣжишь, а нѣтъ — такъ и безоружнаго минуетъ эта горькая доля».

Таги съ червадаромъ набрали хворосту, развели костеръ и поставили самоваръ. Рафаилъ предложилъ *молодцу* стаканъ чаю— брезгливо отказывается, отговариваясь жарой: «я ѣмъ только по утрамъ и вечерамъ,—такъ дѣлаютъ всѣ астерабадцы». Однако, когда деревенскій мальчишка принесъ намъ исполинскихъ огурцовъ (въ 11 вершковъ длины и 3½ верш. въ поперечникѣ), онъ взялъ у него одинъ и отправился въ сторонку лакомиться.

— Втихомолку они пьютъ вино и ѣдятъ даже свинину, говорилъ Рафаилъ,но въ присутствіи постороннихъ, въ особенности духовныхъ лицъ—Боже упаси,—бѣда!..

Напротивъ того, Таги ничѣмъ не брезгуетъ и даже пьетъ съ общей посуды, а его преданность къ Рафаилу проглядываетъ въ каждомъ движеніи и словѣ.

— Отчего ты не принимаешь нашей вѣры? любовно спрашиваетъ онъ его. (Подобный вопросъ задавали ему ямуды не разъ и всегда—съ наивнымъ удивленіемъ).

— А ты отчего не принимаешь христіанства?

— *Наша лучше. Мы обижены на землѣ, за то намъ на небѣ будетъ хорошо.*

— А если ваша лучше, почему же васъ меньше христіанъ?

— *Истинная вѣра должна имѣть мало послѣдователей*; возразилъ Таги.

Въ это время подошолъ къ Рафаилу, какъ видно, знакомый ему, босой старикъ, видной наружности, въ короткой сорочкѣ, широкихъ шальварахъ и съ обнаженною шашкою въ рукѣ; глаза его блестѣли, крупный потъ катился съ высокаго лба, губы судорожно подергивались:

— Мамедъ Багиръ-ханъ хотѣлъ меня бить по пятамъ; я ушелъ съ Курдъ-Махаллэ къ друзьямъ, и если его нукера нападутъ на меня—буду защищаться! кричалъ онъ, размахивая шашкою.

Таги улыбнулся.

— А вы, туркамоны, нападаете на насъ исподтишка, какъ шакалы?! Идите прямо на меня—я вамъ покажу себя!—пригрозилъ онъ ему шашкою съ тою шутливою воинственностью (въ тонѣ и жестахъ), въ которыхъ проглядываетъ несомнѣнная трусость.

Всѣ захохатали, и самъ старикъ улыбнулся деснами.

— Жаль, что вашъ царь не правовѣрный, заговорилъ онъ съ Рафаиломъ уже серьезнымъ голосомъ:—будь онъ *шійя* (шіитъ), нашъ шахъ давно бы пошелъ въ помощники къ нему.

— Онъ намекаетъ о присоединеніи Персіи къ Россіи, обратился ко мнѣ Рафаилъ, и замѣтилъ ему, что для каждаго — своя вѣра хороша.

— А наша вѣра между всѣми другими — *халъ*! восторженно поднялъ руки къ небу старикъ.

— Что̀ значитъ *халъ?* спросилъ я.

— Черное, родимое пятнышко на лицѣ женщины; оно встрѣчается такъ рѣдко и цѣнится всѣми такъ высоко, что счастливая обладательница этою *родинкою пользуется всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ*; вотъ почему персы называютъ свою вѣру *халъ*.

— Но почему же вы такъ несчастны, *что даже старость не щадятъ* у васъ? возразилъ ему Рафаилъ.

— Да, *въ нашъ вѣкъ все пало въ Персіи*; мы не только не справедливы къ кяфырамъ, но еще больше къ своимъ: «отецъ идетъ противъ сына, сынъ на отца».

И старикъ въ задумчивости удалился...

Несмотря на ужаснѣйшій зной полудня, Таги отправился со мною осмотрѣть «курганъ вѣры», похожій на «серебряный бугоръ», что̀ при рѣкѣ Гургени, и вмѣстѣ съ тѣмъ собрать здѣсь растенія для гербарія, съ опасностью получить солнечный ударъ. Мнѣ дурно отъ жары: слабость и головокруженіе. Таги, помогавшій выкапывать травы, какъ-бы убѣждая меня прекратить работу, указываетъ на раскаленное солнце надъ нашими головами, и я, весь мокрый, еле-доплелся къ ручью — упалъ въ изнеможеніи... Мнѣ помогли раздѣться до-нага и окутали въ простыню; получасовой сонъ въ тѣни и чай съ виномъ подкрѣпили меня, но голова трещитъ, жажда — мучительна, а аппетитъ съ утра пропалъ.

Спутники торопятся ѣхать дальше; Рафаилъ помогаетъ Таги укладывать вещи въ хурджины, червадаръ вьючитъ ихъ, *молодецъ* неподвижно стоитъ съ конемъ въ сторонкѣ, деревенскіе мальчишки глазѣютъ у мостика изъ двухъ жердей съ перегнившею настилкой, прохожіе райи привѣтствуютъ насъ, останавливаются, болтаютъ, смѣются и дружески спорятъ между

собою, а особнякомъ отъ всѣхъ облокотился на изгородь бравый старикъ съ обнаженною саблею въ рукахъ и тревожно затуманившимся взоромъ...

Непрерывно потянулись отсюда посѣвы пшеницы, сахарный тростникъ, хлопокъ и фруктовые сады деревень; тропинка пошла лѣсомъ: при малѣйшей оплошности, вѣтви царапаютъ лицо, срываютъ шляпу, рвутъ платье... Изъ-за чащи показалась черная фигура негра въ одной только коротенькой сорочкѣ, и, завидѣвъ насъ, едва удерживалась на ногахъ, съ комическимъ выраженіемъ испуга въ лицѣ. Это невольникъ какого-нибудь зажиточнаго помѣщика или чиновника; ихъ *покупаютъ* съ исключительною цѣлью довѣрять имъ хозяйственную часть въ домѣ, ибо они слывутъ за честныхъ и способныхъ къ тому людей...

Въ началѣ седьмаго ч. мы остановились въ мечети «Ровшанъ-абадъ» (Ровшанъ — свѣтъ, абадъ — постройка) напиться «цѣлебной» воды. По словамъ моихъ спутниковъ, однажды на разсвѣтѣ какой-то проѣзжій нашелъ тутъ «кладъ», часть коего и пожертвовалъ на сооруженіе этой мечети во славу сыновей Имама Мусы, *Абдула* и *Фазлула*, на поклоненіе которымъ каждую пятницу стекается сюда съ окрестныхъ деревень не мало богомольцевъ съ посильными приношеніями. Гробница же самого высокочтимаго *Имама Мусы*, по прозванію *Казима*, находится въ предмѣстьѣ богатаго мѣстечка *Казим'єйна* (два Казима), что въ окрестностяхъ Багдада; тамъ похороненъ и внукъ его *Имамъ Таки-ед-динъ-эль-джевадъ*.

Одиноко стоитъ посреди обширнаго кладбища «Ровшанъ-абадъ», и кромѣ трехъ церковно-служителей при немъ—ни души. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ тутъ былъ расположенъ Караулъ-хане съ тридцатью милиціонерами, что, однако, не мѣшало тюркменамъ уводить богомольцевъ цѣлыми толпами въ неволю. Мечетскій дворикъ обнесенъ съ лицевой стороны ветхою деревянною оградой, съ прочихъ—изгородью; подъ торчащею у воротъ вышкой—колодезь, правѣе, противъ одиноко-растущаго *розоваго деревца*, помѣщается маленькій резервуаръ *отличной* родниковой воды, *исцѣляющей многіе шіитскіе недуги* — стоитъ только напиться или выкупаться въ ней *за условную плату*. Къ противуположному углу двора примыкаетъ деревянный домикъ въ одну, спереди открытую, комнатку, съ ямкою въ глиняномъ полу, для огня; здѣсь богомольцы отдыхаютъ, курятъ

кальяны, предаются созерцанію. Посреди двора стоитъ мечеть—длинный и узкій кирпичный домъ, съ покатою крышей, увѣнчаной круглою башенькой съ коническимъ куполомъ. Нищіе сторожа и вмѣстѣ съ тѣмъ церковно-служители, долго не соглашались впустить насъ туда *въ сапогахъ*, но обѣщанная плата поколебала ихъ, и то—съ условіемъ, чтобы мы при входѣ сняли шапки, ибо даже правовѣрные стоятъ передъ гробницею «святыхъ братьевъ» въ однихъ только аракчинъ, а при выходѣ—«пятятся задомъ» вплоть до прихожей. Въ первой обширной комнатѣ, подпертой деревяными колонками — полумракъ, затхлость, и весь полъ ея загаженъ пометомъ птицъ, свившихъ себѣ тутъ гнѣзда. Напротивъ этой, собственно, молельни — въ углубленіи ниши покоится въ каменыхъ гробницахъ прахъ «святыхъ братьевъ», а по сторонамъ, въ открытыя двери чуланчиковъ выглядываютъ метелки и разное тряпье. Вотъ и все тутъ, за что мой кошелекъ облегчился на цѣлый кранъ, далеко неудовлетворившій церковно-служителей:—«англичане, такъ тѣ дали намъ десять червонцевъ», протестовали они, конечно, не зная, что мы богаты одною бумагой, да вотъ еще пушечнымъ мясомъ...

Однако, мое лихорадочное состояніе ухудшается: *тоска, головокруженіе и упадокъ силъ* дошли до такой степени, что каждый шагъ моей тряской лошади угрожалъ мнѣ паденіемъ; пришлось принять предложеніе *молодца*: пересѣсть на его спокойнаго аргамака и свернуть на ночлегъ въ ближайшую деревушку *Саркулъ*; она расположена въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги съ Гязи въ г. Астерабадъ, благодаря чему тюркмены посѣщали ее всего два раза на своемъ вѣку, а изъ путешествующихъ европейцевъ—еще никто. Въ ста шагахъ отъ нея намъ встрѣтилась толпа малютокъ, шедшихъ съ кувшинами за водою къ ближайшему источнику; одинъ горланилъ соло, прочіе припѣвали во всю глотку согласнымъ хоромъ: «гай! гай! гай!» Поровнявшись съ нами, они привѣтствовали насъ: «селямъ!».

— Гдѣ остановиться въ незнакомой деревнѣ безъ рекомендательнаго письма? тревожился Рафаилъ.—Не пустятъ насъ, *поганыхъ*, а между тѣмъ вы больны?!

Но, къ счастью, мы встрѣтили *юсъ-баши* (сотника) деревни, Мамедъ-Вали, бывавшаго на гязскомъ берегу и знавшаго Рафаила, а потому охотно пригласившаго насъ къ себѣ. Уже

смерклось, когда нашъ маленькій караванъ въѣхалъ на дворъ къ нему и расположился въ средней, открытой спереди комнатѣ деревяннаго домика, смазаннаго чистою глиной: въ одной боковой конуркѣ помѣщалась вся семья гостепріимнаго хозяина, другая служила кладовою. Прямо передъ этою мазанкою, у воротъ стоитъ вышка съ крутою, почти отвѣсною лѣстницей, по которой взбираются на отдыхъ подъ покатый, камышевый навѣсъ сверху; по лѣвой сторонѣ дворика—досчатый сарай: красивыя коровы съ мясистыми наростами на холкѣ все еще пережевываютъ жвачку, а куры уже спятъ; по правую — изгородь огорода, а за нимъ высятся стѣны сосѣдняго жилья.

Рафаилъ зажегъ стеариновую свѣчу, Таги возится съ самоваромъ, юсъ-баши внесъ дымный чиракъ, и занялся вблизи вышки приготовленіемъ ужина для насъ; спустя нѣсколько минутъ онъ уже подалъ Рафаилу, изжаренную на вертелѣ, до-нельзя грязную курицу, огурцовъ, *соль смѣшанную съ перцемъ*, какъ то водится у персовъ, и воду въ чугунномъ кувшинѣ (кундугѣ, кумганѣ) русскаго издѣлія. У меня не было аппетита, но Рафаилъ съ Таги расправлялись молодцами, поминутно *рыгая изъ вѣжливости и благодарности* къ хозяину; множество саранчи, мошекъ, божьихъ коровокъ и другихъ безпокойныхъ насѣкомыхъ, привлеченныхъ свѣчею, облѣпили съѣстное и лѣзутъ къ намъ въ ротъ, носъ, уши, за сорочку даже...

Изъ женской половины полуотворилась дверь, и къ намъ подползъ ребенокъ; Рафаилъ далъ ему сахару—взялъ, а женщины *безъ покрывалъ* озирали насъ съ жаднымъ любопытствомъ, но, завидѣвъ *главу семейства*, въ страхѣ отскочили отъ двери; двѣнадцатилѣтній мальчишка, поймавъ свою мать и сестру за таковымъ *непозволительнымъ дѣломъ*, со злостью приперъ дверь плотно, но еще долго послѣ того слышался ихъ шепотъ и шорохъ за нею и длилась попытка заглянуть къ намъ.

Между тѣмъ, хозяинъ готовитъ пловъ для себя; нашъ *молодецъ* и еще два гостя съ деревни, сидя на корточкахъ тутъ же у костра, вяло бесѣдуютъ съ нимъ. Когда пловъ былъ готовъ, они усѣлись на маленькихъ войлокахъ въ кружокъ посреди двора и, наклонившись надъ горкою риса, степенно запускали въ него пятерню, и еще степеннѣе наполняли имъ рты, стараясь не уронить ни единаго зернышка. «Руки даны человѣку для того, чтобы онъ ѣлъ ими», говорятъ персы, иронично поглядывая на наши ложки и вилки.

Послѣ ужина, кальянъ обошелъ кружокъ; затѣмъ слѣдовало омовеніе, намазъ, и гости разошлись по домамъ, а хозяинъ съ женою, подъ покровомъ ночи, залѣзли спать на вышку.

Подулъ освѣжающій вѣтерокъ съ сосѣднихъ астерабадскихъ горъ; Рафаилъ потушилъ зловонный чиракъ и—всхрапнулъ, но мнѣ опять не спалось; черезъ часъ зажигаю свѣчу, — что за фантастическая картина?! Надо мною кружились десятки летучихъ мышей, — у изголовья лежала кошка, въ ногахъ спалъ Рафаилъ, съ боку — растянулся совершенно голый Таги, и его темно-бронзовая фигура съ красиво-повязанною полотенцомъ головою тревожно металась отъ жары. Червадаръ еще не ложился,—чиститъ въ потьмахъ лошадей...

Пока освѣжаетъ горный вѣтерокъ—сплю, а затѣмъ — опять просыпаюсь весь въ испаринѣ, и такъ всю ночь; но несмотря на этотъ болѣзненный сонъ, я всталъ въ половинѣ четвертаго часа утра совершенно бодрымъ, здоровымъ, если не считать только сильно распухшаго глаза отъ укушенія какимъ-то насѣкомымъ; надо мною все еще кружились летучія мыши, привлекаемыя бѣлою простыней,—чирикали ласточки, свившія гнѣзда у брусьевъ, поддерживающихъ потолокъ (выкрашенный въ черную краску, ибо употребляемая здѣсь для освѣщенія черная нефть сильно коптитъ). На дворикѣ весело кудахтаютъ куры, подпрыгивая, еще веселѣе чирикаютъ воробушки, а вправо, изъ-за крышъ виднѣется Эльбурсъ (Астерабадскія горы) съ облачнымъ верхомъ.

Мнѣ жаль будить товарищей: они такъ сладко храпятъ, но нечего дѣлать; лѣниво потягиваясь, поднялись и они; на вышкѣ тоже зашевелились: жена оправляетъ помятую сорочку (по поясницу) и низко спущенныя шальвары; мужъ, совершивъ омовеніе, разстилаетъ на дворѣ маленькій коврикъ (седжаде), для намаза; нашъ измятый *молодецъ* привелъ коня съ водопоя и чиститъ его. Окруженный взрослыми и малыми, я собираю гербарій; тутъ же стоятъ двѣ дѣвушки одинадцати-двѣнадцати лѣтъ, и уже—невѣсты; костюмъ ихъ, какъ и женщинъ, издали глазѣющихъ на меня, не отличается отъ дѣтскаго мужскаго, развѣ только синія шальвары у нихъ шире и короче, чѣмъ у послѣднихъ; затѣмъ, красная рубаха по поясъ; на головѣ у женщинъ красный платокъ, у дѣвушекъ—*аракчинъ*, или вышитая шапочка въ видѣ ермолки, а поверхъ накидывается *чадра*,

т. е. покрывало почти до пятокъ, изъ грубой бумажной матеріи, преимущественно синяго цвѣта. Въ отдаленныхъ отъ городовъ деревняхъ, въ особенности, гдѣ нѣтъ мечетей, какъ напр., въ этой, слѣдовательно, нѣтъ и духовенства, женщины не стѣсняются ходить съ открытыми лицами, или едва лишь прикрываютъ ихъ чадрами; фанатизмъ, отчужденность и брезгливость къ намъ, кяфырамъ, здѣсь почти не замѣтны.

— Зачѣмъ онъ такъ много пишетъ? Какая польза съ того? незлобиво улыбается сотникъ Рафаилу, замѣтивъ мою возню съ топографическимъ журналомъ.

— Высокопочтеннаго купца интересуетъ знать, въ какихъ товарахъ нуждаетесь вы, пояснилъ тотъ, вручая ему *за гостепріимство* два крана, которыми онъ остался вполнѣ доволенъ; именно *за гостепріимство*, ибо въ Персіи всякое вниманіе къ заѣзжему кяфыру должно быть оплачено, послѣднимъ, подарками или деньгами, а иначе онъ оставитъ по себѣ дурную память...

Пора въ путь, но червадаръ, отпросившись подъ разными предлогами домой, нанялъ для насъ до г. Астерабада замѣчательно скверныхъ катеровъ *), привыкшихъ только къ перевозкѣ вьюковъ, т. е. къ медленному шагу; никакія энергическія понуканія не дѣйствовали на мою вислоухую клячу, сильно мучившую меня, между тѣмъ, какъ Таги оживленно повѣствовалъ Рафаилу о поголовномъ нашествіи своихъ единоплеменниковъ на Астерабадскую область въ 1867 г., отъ котораго въ особенности пострадали проѣзжаемыя теперь нами мѣста: разсказъ участника погрома имѣетъ цѣнность, а потому помѣщаю его здѣсь:

Одинъ изъ потомковъ пророка, авганецъ султанъ Мамедъ-Ишанъ прибылъ на Етрекъ (Атрекъ) и сказалъ собравшимся единовѣрцамъ своимъ — ямудамъ: «наша вѣра оскорбляется персами! Пророкъ избралъ меня орудіемъ мщенія за нее. Кто пойдетъ со мною противъ нихъ — будетъ неуязвимъ отъ ихъ пуль, и мы покоримъ Персію!»—При этомъ онъ обѣщалъ вліятельнымъ лицамъ высшія правительственныя мѣста, прочимъ—богатую добычу и льготы.

На воззваніе откликнулись пять тысячъ всадниковъ, стремительно ворвавшихся въ Астерабадскую область и предававшихъ на своемъ пути смерти обывателей, грабежу и пожару—

*) Катеръ—лошакъ, мулъ, помѣсь осла съ лошадью.

достояніе ихъ! Главныя силы тюркменъ, лично предводимыя Мамедъ-Ишаномъ, осадили городъ Ишаретъ, что при рѣкѣ Гургени; астерабадскій *беглербегъ* (губернаторъ), поспѣшившій къ нему съ войсками и артиллеріей, потерпѣлъ полное пораженіе; за исключеніемъ лично его и 20 воиновъ, успѣвшихъ проникнуть въ Ишаретъ, прочіе были перерѣзаны.

Въ эту критическую минуту, вліятельный молла (мулла) Риза собралъ до двухъ тысячъ астерабадцевъ, для освобожденія его, но ихъ постигла худшая участь: ни одинъ не вернулся домой съ береговъ Гургени, закраснѣвшей кровью и покрытой трупами ихъ. Паника общая! Тогда персы подкупили значительнаго тюркменина убить Мамедъ-Ишана, смерть котораго обезоружила ямудовъ, и все пошло опять по старому...

Кончивъ разсказъ, Таги сорвалъ по дорогѣ сочную дыню и, угощая насъ, тонко подшучивалъ надъ трусостью *забитыхъ персовъ* вообще и чванливостью богатыхъ изъ нихъ въ неволѣ. Такъ, разсказывалъ онъ, однажды его друзья заполонили купца, и выкупъ за него условились раздѣлить на четыре части, по 15 томановъ за каждую;—плѣнникъ обидѣлся: «развѣ я не стóю дороже, что вы такъ дешево оцѣниваете меня? Вамъ заплатятъ по 30 томановъ *за каждую мою часть*». И дѣйствительно, сдѣлка состоялась на этомъ условіи.

— Тюркмены не стѣсняются оцѣнивать въ глаза даже персидскихъ властей, сидя у нихъ въ гостяхъ, добавилъ Рафаилъ;—недавно одинъ вліятельный ямудъ былъ съ нашимъ консуломъ у важнаго астерабадца: «если ты попадешь ко мнѣ въ руки—обратился онъ къ одному гостю,—за тебя можно будетъ взять 30 томановъ; а за тебя — сказалъ онъ слѣдующему—возьму 60 томановъ, и т. д. перебралъ всѣхъ. Поднялся шумъ, и консулъ едва усовѣстилъ слишкомъ откровеннаго кочевника...

Въ верстѣ отъ выжженной ямудами деревни *Кавшири*, вызвавшей воспоминанія у Таги, одиноко стоитъ при дорогѣ убогая храмина «Али-Акберъ» съ свѣжимъ кладбищемъ, возникшая недавно по слѣдующему *чудесному* случаю: какой-то астерабадскій обыватель увидѣлъ во время поисковъ сбѣжавшей у него коровы, какъ надъ этимъ самымъ мѣстомъ спустилась звѣзда и опять поднялась на небо, о чемъ и разсказалъ райетамъ ближайшей деревушки, пріѣхавшимъ сюда нарыть камню, для постройки бани. Приступивъ къ работѣ, они наткнулись на

мраморный пластъ, осколками котораго навьючили лошадь, но та—бухъ на мѣстѣ — околѣла! Деревеньщина призадумалась. Одному пришло въ голову очистить пластъ отъ мусора, и что-же? Надпись на немъ гласила, что подъ нимъ погребенъ святой мужъ (имени котораго разсказчикъ мнѣ не сообщилъ), — чудо разъяснилось, и они поспѣшили соорудить здѣсь убогую молельню, привлекающую благочестивыхъ богомольцевъ съ сосѣднихъ мѣстностей...

Въ двѣнадцатомъ часу дорога направилась вдоль отлогости Эльбурса и затѣмъ вывела насъ изъ лѣсу на просторъ: впереди открывается обширная равнина, покрытая вплоть до р. Гургени кустами и кое-гдѣ деревьями, перемѣшанными съ желтѣющимися и зеленѣющимися ацвами, а за нею разстилается необозримая тюркменская степь. Отсюда ужъ сѣрѣетъ Астерабадъ, обнесенный высокими глиняными стѣнами съ башеньками и бойницами.

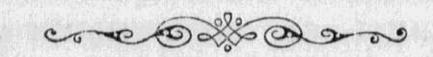
Мы сильно устали и запылились, а мой тряскій упрямецъ тридцатирублеваго достоинства до того измучилъ меня, что пришлось въ виду города сѣсть бокомъ на него; Рафаилъ заунывно тянетъ тюркменскую пѣсенку, что гармонировало съ его внѣшностью; разнѣжившійся на паланѣ Таги—окончательно раскисъ, прочіе выглядывали тоже крайне неряшливо. Въѣхать въ такомъ видѣ въ столицу Астерабадской области было бы неудобно, и мы расположились на отдыхъ подъ развѣсистымъ чинаромъ, въ 300 саженяхъ отъ нея и вблизи молельни, сооруженной на мѣстѣ *ступни пророка Иліи*; у нашихъ ногъ протекаетъ ручеекъ, въ которомъ персъ моетъ бѣлье, у изголовья—торчатъ руины кирпичной мельницы, приспособленной къ защитѣ на случай нападенія тюркменъ.

Червадаръ, недовольный остановкою, отнимающей у него время, указывалъ на облака, грозившія разразиться дождемъ, но въ сущности онъ *торопится къ женамъ*, какъ увѣряетъ Рафаилъ, пославшій его въ городъ за дровами, для самовара. Между тѣмъ трое прохожихъ разговорились съ нимъ заявляя *свою радость видѣть русскихъ*, а подошедшіе къ намъ мальчишки съ пучками свѣжаго сѣна охотно помогаютъ мнѣ собирать растенія, но безплодно, ибо ни одного цвѣтка, ни травки они не съумѣли сорвать съ корнемъ, согласно моимъ наставленіямъ.

Босые сарбазы (солдаты) съ голодными лицами, въ кула-намади или иракчинъ (ермолкахъ) и въ щедро-латанномъ костюмѣ, предлагаютъ купить у нихъ двѣ вязанки дровъ, но червадаръ уже привезъ съ базара хворосту и десятокъ сочныхъ дынь, заплативъ за все это *панабатъ* (15 коп.); теперь онъ уже не проситъ, а умоляетъ насъ скорѣе отпустить его, опасаясь, чтобы лазутчики не предупредили тюркменъ о его одинокомъ возвращеніи домой.

Спустя полчаса, родственникъ Хаджи-аги вкупѣ съ Рафаиломъ составили церемоніалъ возможно-торжественнаго въѣзда нашего каравана въ городъ, и мы двинулись къ *мазандеранскимъ* воротамъ въ такомъ порядкѣ: впереди ѣхалъ бравый съ виду *молодецъ* на аргамакѣ, за нимъ—я, едва удерживаясь на костлявой трясучкѣ, сзади меня—Рафаилъ не въ лучшемъ видѣ, затѣмъ червадаръ, а тюркменинъ еле-плелся сзади всѣхъ на персидскомъ Буцефалѣ.

Привратники, недавно созерцавшіе тріумфальное шествіе генерала Ламакина, даже не удостоили взглянуть на насъ...

IX.

ВЪ АСТЕРАБАДѢ.

Давно-давно, когда еще на мѣстѣ Астерабада пролегала лишь тропинка, оселъ какого-то каравана пробилъ копытомъ вблизи нея тонкій слой земли, подъ которымъ оказались большія сокровища, и путники, воспользовавшіеся ими, положили здѣсь основаніе городу, названному въ память счастливой случайности *ослиною постройкой* (астеръ—оселъ). Вотъ все, что сообщили мнѣ изъ преданія о возникновеніи Астерабада, титулуемаго шіитами «домомъ правовѣрія».

Съ мазандеранскихъ воротъ городъ начинается пустырями съ нѣсколькими глиняными постройками; за ними тянутся узенькія, кривыя улицы съ сплошными стѣнами примыкающихъ одинъ къ другому дворовъ; гребешки нѣкоторыхъ домовъ съ покатыми черепичными крышами, и верхи глиняныхъ стѣнъ усѣяны пучками широколистаго *ириса* съ большими лиліеобразными, бѣлыми, желтыми и лиловыми цвѣтами.

Миновавъ проходной дворъ между открытою мечетью и ветхимъ зданіемъ, подъ тѣнью котораго дымились кальяны въ рукахъ безмятежно-сидящихъ оборвышей, мы свернули къ тѣсному базару съ просвѣчивающимся верхомъ изъ жердей; кое-гдѣ клочьями ниспадаютъ съ нихъ вѣтви вьющихся растеній, давая тѣнь и увеличивая запахъ гнили и чесноку, мѣстами висятъ шальвары и сушатся мотки синихъ нитокъ, только-что выкрашенныхъ тутъ же въ мастерскихъ; на прилавкахъ безмолвно сидятъ торгаши, между которыми не мало *обыкновенныхъ чалмоносцевъ*, т. е. грамотѣевъ, и *привилегированныхъ*, т. е. *сеидовъ* въ зеленыхъ поясахъ—внѣшнемъ признакѣ потомковъ пророка, и въ бѣлыхъ, синихъ или зеленыхъ чалмахъ; встрѣ-

чаются и сарбазы — имъ не препятствуютъ заниматься торговлею.

Въ недальнемъ разстояніи отсюда, мы остановились передъ запертою калиткой обширнаго, снаружи смазаннаго сѣрою глиною, кирпичнаго жилья, съ флагомъ русскаго консульства надъ вышкою его. Передавъ коней червадару, я съ Рафаиломъ вошелъ въ крошечный внутренній дворикъ и, по указанію перса-слуги, поднялся во второй этажъ въ назначенную для меня комнату, обыкновенно служащую пріютомъ тѣмъ изъ пріѣзжихъ аширцевъ или проѣзжихъ иностранцевъ, которымъ консулъ желаетъ оказать гостепріимство. Однимъ окномъ глядѣла она въ упомянутый дворикъ, а въ другое, противоположное ему, врывались вѣтви тѣнистой смоковницы (винной ягоды, *инджира*), съ широколапчатыми листьями, ласкающая прохлада и тонкій ароматъ цвѣтовъ съ наилучшаго въ городѣ консульскаго сада; въ третьей стѣнѣ комнатки симметрично расположены съ боковъ камина безъ рѣшетки по нишѣ, съ крайне-запыленными деревянными полками и не припирающимися дверцами съ осколками стеколъ; въ одномъ углу стоитъ желѣзная кровать съ соломеннымъ тюфякомъ, въ другомъ—дырявое кожаное кресло и покрытый фланелью столъ; полъ устланъ пыльными кошмами и дырявыми коврами, и вездѣ по стѣнамъ паутина, пауки и пыль!!... Но при всемъ томъ, эта неряшливо содержимая келья могла бы доставить усталому путнику въ Персіи прелесть отдыха, если бы только не безпощадныя мухи и комары...

Недолюбливаемый консуломъ Б. Рафаилъ остановился у своего пріятеля — консульскаго мирзы; уходя къ нему, онъ обѣщалъ прислать ко мнѣ *немедленно* слугу, и дѣйствительно, спустя полчаса въ комнату вошелъ непонимающій по-русски персъ и, поставивъ въ стѣнную нишу мѣдный тазъ съ двумя графинами воды, молча удалился. Кругомъ мертвая тишина, хотя Б., получающій одного только жалованья 6,000 руб. въ годъ, окруженъ семью слугами изъ персовъ, не считая курьера и *назира*, т.-е. дворецкаго, подъ надзоромъ котораго они находятся; затѣмъ, четыре линейные казака съ Терека, смѣняемые черезъ каждыя пять лѣтъ другими, живутъ рядомъ со мною; наконецъ, служанка изъ Астрахани.

Прошло три часа въ нетерпѣливомъ ожиданіи увидѣть чело-

вѣческое лицо, какъ на порогѣ появился осанистый назиръ Асанъ-ханъ.

— Консулъ сказатъ, иди чай пить, вяло проговорилъ онъ, сумрачно глядя въ сторону.

— Извиняюсь, еще не одѣтъ.

Онъ вышелъ, но вскорѣ вернулся и уже съ настойчивостью (въ голосѣ) зоветъ къ чаю.

— Когда одѣнусь—приду.

Снова вышелъ и опять пришелъ съ отрывистымъ извѣстіемъ, что консулъ *кончалъ чаи и ишелъ въ садъ*.

— Что̀ значитъ: назиръ? спросилъ я его, спѣшно одѣваясь.

— Назиръ?—Назиръ—купи баранъ, купи масла, купи хлопка,—этта назиръ.

— То-есть, завѣдывающій въ домѣ, между прочимъ, и хозяйственною частью, объяснилъ вошедшій Рафаилъ, принарядившійся въ парадный архалукъ.

— Вамъ бы хотѣлось отдохнуть съ дороги и напиться чаю у себя — продолжалъ онъ, — но здѣсь уже не подадутъ самовара...

— А заглянетъ ли Б. полюбоваться, какъ устроился я?

— О, нѣтъ! отвѣтилъ онъ, кивнувъ головою на привѣтствіе пришедшаго проводить меня къ консулу браваго урядника въ щегольскомъ костюмѣ линейца.

Спустились въ нижній корридоръ. Прямо передъ парадною лѣстницей въ дорогихъ коврахъ стояло нѣсколько паръ туфлей правовѣрной прислуги, поднимающейся по ней, какъ и прочіе приходящіе къ консулу персы, въ однихъ чулкахъ; налѣво сводчатый проходъ выводитъ черезъ крошечный дворикъ съ деревьями и клумбами цвѣтовъ къ вышкѣ, примыкающей къ передней стѣнѣ, окружающей консульское жилье; по правую сторону корридора рядъ конуръ, служащихъ помѣщеніемъ для прислуги и для хозяйственныхъ надобностей; въ послѣднихъ стоятъ огромные узкогорлые глиняные кувшины, для храненія воды, доставляемой изъ городскихъ водохранилищъ; за ними слѣдуетъ канцелярія, а дальше—сводчатый проходъ выводитъ въ роскошный садъ съ каменнымъ бассейномъ, въ которомъ ныряли утки и величаво плавали три лебедя съ тюркменскаго прибрежья, подаренные Б—у астерабадскимъ губернаторомъ.

— Садъ хорошъ, да гулять въ немъ некому, замѣтилъ тихо казакъ, проходя со мною по померанцовой аллеѣ, вправо отъ которой, въ увитой виноградомъ бесѣдкѣ, сидѣлъ сутуловатый худенькій господинъ съ кислымъ выраженіемъ пресыщенности и апатіи, въ бѣлой шапкѣ съ краснымъ околышемъ, украшеннымъ кокардою, въ парусинномъ пиджакѣ и брюкахъ; въ двухъ шагахъ отъ него рвала цвѣты дама съ увядшимъ лицомъ и въ бѣломъ платьѣ. Безъ сомнѣнія, это были Б—ы.

Послѣ сдержанныхъ разспросовъ его о Петербургѣ и дорогѣ, разговоръ коснулся цѣли моего путешествія; между тѣмъ назиръ подалъ чай въ чашкахъ и принесъ мнѣ уголекъ закурить папироску.

— Сыро; пойдемте въ комнаты, проговорила Б. съ легкою дрожью.

— Остерегаясь лихорадокъ, развиваемыхъ здѣсь рисовыми полями и болотами, мы не показываемся въ садъ послѣ семи часовъ вечера, пояснилъ мужъ.

Всѣ окна въ его обширномъ помѣщеніи были закрыты съ тою же предосторожностью, отчего воздухъ въ немъ спертъ до затхлости, а въ жаркомъ кабинетѣ, куда онъ пригласилъ меня для *конфиденціальной* бесѣды, просто невыносимо-душная паровая баня: потъ такъ и лилъ съ меня! Но видъ отсюда на оттѣняемый террассами, долинами и ущельями лѣсистый Эльбурсъ—картиненъ!..

— Мнѣ все извѣстно о васъ съ той минуты, какъ вы прибыли въ Курдъ-Махаллэ, внушительно началъ Б., сморщивъ носъ:—мнѣ донесли, что вы «измѣряли деревья, считали число жителей по деревнямъ, снимали повороты дорогъ»; это можетъ повредить вашимъ коммерческимъ цѣлямъ...

Меня разсмѣшила наивность преувеличенныхъ донесеній, хотя тонъ замѣчаній дипломата мнѣ не понравился; тогда носъ его выпрямился и онъ вообще сдѣлался проще.

— Видите ли, персы очень подозрительны, и если вы желаете сохранить единственно-удобное для путешествія по Персіи *инкогнито купца*, при которомъ можно еще собрать кое-какія свѣдѣнія, *то не предпринимайте экскурсій въ стороны, — не производите съемокъ*, развѣ только осторожно съ помощью маленькаго компаса, *и не разспрашивайте открыто ни о чемъ*, а иначе—васъ примутъ за русскаго чиновника, т.-е. агента съ

политическими цѣлями, и тогда ваше путешествіе будетъ безплодно: *отъ васъ не только всѣ отстранятся, но, подъ разными благовидными предлогами, будутъ дѣлать задержки, непріятности и далѣе Мешхеда не пустятъ*... Правда, англійскій капитанъ Мерчъ, проѣзжая въ 1872 г. съ открытымъ листомъ черезъ Хорассанъ на Хератъ въ Пишаверъ, открыто велъ свой дневникъ, но что сталось съ нимъ послѣ Мешхеда — намъ положительно неизвѣсто!.. Беккера же, съ двумя товарищами, *которые проскакали сѣверо-восточную Персію на курьерскихъ*, выдавая себя за охотниковъ, но въ горахъ занимались астрономическими наблюденіями и геологическими изслѣдованіями,—правитель Хорассана не пустилъ за Мешхедъ, подъ предлогомъ угрожающей имъ опасности отъ Текке (тюркменское племя).

— Безъ сомнѣнія—продолжалъ Б.,—путешествуя въ качествѣ купца, вамъ придется *подносить пишкеши* (подарки) губернаторамъ и прочимъ значительнымъ лицамъ: обыкновенно передъ свиданіемъ съ ними посылается на подносѣ одна, двѣ-три головки сахару съ двумя-тремя фунтами чаю, или штука сукна или иной матеріи, но заготовленныя вами механическія игрушки ихъ не заинтересуютъ...

Я выразилъ ему намѣреніе рекомендовать Г—у родственника Хаджи-аги въ качествѣ приказчика при караванѣ.

— Не довѣряйтесь персамъ.—Я живу здѣсь уже восемь лѣтъ и могу увѣрить васъ, что честность между ними такъ рѣдка, какъ крупный алмазъ въ истощенныхъ копяхъ; и если вашъ поваръ, слуга или иной персъ не украдетъ у васъ изъ пятнадцати крановъ—шести, его обзовутъ дуракомъ. Не берите также переводчика изъ туземцевъ, а иначе ваша торговля лопнетъ: онъ будетъ дѣйствовать въ своихъ интересахъ и окончательно овладѣетъ ею...

— Но кто будетъ моимъ толмачомъ здѣсь, въ Астерабадѣ, при осмотрѣ базара и экскурсіяхъ въ окрестности его?

— Васъ будетъ сопровождать кто-нибудь изъ моихъ слугъ или казаковъ; урядникъ знаетъ немного по-персидски, садовникъ—по-русски; послѣдній будетъ полезенъ вамъ своею опытностію: въ прошломъ году онъ уже помогалъ собирать насѣкомыхъ пріѣзжавшему сюда изъ Сарепты (что на Волгѣ) натуралисту Кристофу...

— Такъ къ вамъ заглядываютъ европейцы?!

— Случается, и всегда останавливаются у меня.

— А Вамбери былъ?

— Нѣтъ... Недавно пріѣзжалъ ко мнѣ тюркменинъ, оказавшій ему гостепріимство...

— Тотъ самый, который заставлялъ русскаго плѣнника поцѣловать ему ногу?

— Да,—но Вамбери сказалъ хозяину: «я только-что совершилъ омовеніе», и тотъ не допустилъ кяфыра осквернить его нечистыми устами... Между тюркменами распространился теперь слухъ, что Вамбери будетъ назначенъ англійскимъ уполномоченнымъ посломъ въ Тегеранъ?!..

— А вѣренъ ли слухъ, что ямуды откочевываютъ къ Балханскимъ высотамъ?

— Говорятъ.

— И что шахъ прислалъ здѣшнему губернатору подарки для «чарвы» (чорвы)?

— Правда.

— А что слышно о Текке?

— Само персидское правительство не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній о нихъ, но, по слухамъ, они опять перешли для грабежей на главный хорассанскій путь, по которому придется и вамъ ѣхать съ Шахруда въ Мешхедъ; говорятъ, что одна ихъ партія состоитъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ...

— Не смотрите легко въ даль—наставительно замѣтилъ Б. на мою улыбку надъ его преувеличеніемъ предстоящихъ мнѣ опасностей:—тюркмены вдали русскихъ и персовъ не похожи на прибрежныхъ, въ особенности *сребробугорцевъ*; эти послѣдніе, вслѣдствіе сношеній съ Ашуръ-Аде, могутъ считаться цивилизованными сравнительно съ первыми, похожими на хищныхъ звѣрей,—можетъ статься, убѣдитесь въ томъ лично... Персами также не пренебрегайте: путешествуйте въ своемъ костюмѣ, или, въ крайнемъ случаѣ, въ армянскомъ, потому что армянъ принимаютъ здѣсь исключительно за торговцевъ; далѣе, на насмѣшки отвѣчайте презрѣніемъ, и даже, въ случаѣ угрозъ, не пускайте въ ходъ револьвера, развѣ только при очевидной опасности: нападеніи разбойниковъ и т. п.

— Я снабжу васъ—продолжалъ онъ—письмомъ въ Шахрудъ къ коммиссіонеру «торговаго дома Морозова», А. Ѳ. Баумгартену—единственному русскому тамъ; онъ знаетъ край, имѣетъ

связи съ властями и вліятельнымъ духовенствомъ, и обѣщалъ содѣйствовать вамъ...

— Онъ, кажется, со всѣми ахундами (высшимъ духовенствомъ) въ перепискѣ — улыбнулась Б—на, вошедшая съ чашкою кофе и сахарными сухариками для индійскаго зеленаго попугая,—и когда пріѣзжаетъ погостить къ намъ, отъ его знакомыхъ нѣтъ отбою въ нашемъ домѣ...

— А вы бывали въ Шахрудѣ?

— Проѣздомъ въ Тегеранъ.

— Помнишь встрѣчу съ интереснымъ дервишемъ? опять улыбнулась она.

— Я узналъ въ немъ француза и, дѣйствительно, онъ оказался ученымъ путешественникомъ, но для персовъ это остается тайной и до сегодня

— А того англичанина...

— Который поднималъ плеть надъ встрѣчными персами, заставляя ихъ отворачиваться отъ его жены?

— И при этомъ приговаривалъ: «вы не показываете намъ своихъ женъ,—не смѣйте-жъ смотрѣть на мою!»

— Не запастись ли мнѣ открытымъ листомъ отъ астерабадскаго губернатора? продолжалъ я прерванную бесѣду.

— Лишнее; иное дѣло, если-бъ не ходила *оказія* съ Шахруда въ Мезинанъ, тогда вы могли-бы требовать по немъ (по открытому листу) конвойныхъ... Притомъ же, я буду передавать васъ съ рукъ на руки вплоть до Мешхеда, т.-е. снабжу васъ рекомендательными письмами къ высшимъ властямъ и частнымъ вліятельнымъ лицамъ...

— Въ Сябзеварѣ, какъ и въ Шахрудѣ—продолжалъ Б.— проживаютъ нѣсколько нашихъ армянскихъ торговцевъ,—люди порядочные, но одинъ изъ нихъ, Юсуфъ-Парсехъ-Бабаевъ, вредитъ русскимъ интересамъ,—берегитесь его. Онъ былъ коммиссіонеромъ и проторговался; затѣмъ вступилъ въ связь съ персіанкою, за что народъ хотѣлъ убить его, но подкупленныя власти защитили, и такъ какъ всѣ безъ исключенія армяне въ Персіи (русско-подданные и нѣтъ) находятся подъ покровительствомъ Россіи, то о скандалѣ увѣдомили меня, и я вытребую его для объясненій. Хорошо, если вы не застанете его въ Сябзеварѣ, а иначе эта язва, при своемъ *водочномъ вліяніи на власти*, можетъ оклеветать васъ, и вотъ вамъ непріятность

— Вы говорите: *при водочномъ вліяніи?*

— Да; Бабаевъ тайно занимается фабрикаціею спиртныхъ напитковъ, до которыхъ власти—страстные охотники, само собою, втихомолку; онъ *опиваетъ* ихъ, задариваетъ, льститъ имъ, и они его любятъ... Евреи и армяне въ Персіи гонятъ водку изъ *кишь-миша* (сладкаго винограда), какъ-бы для себя, но въ сущности для властей; затѣмъ, только однимъ *палачамъ* дозволяется тайно торговать ею и содержать дома терпимости, что противно религіи, но задариваемое ими духовенство смотритъ на это отступленіе сквозь пальцы...

— Далѣе—продолжалъ Б.,—въ Мешхедъ я напишу письмо *бухарцу Хаджи-Ибрагиму*, выдающему себя передъ персами за представителя русскихъ интересовъ тамъ, но въ сущности онъ даже не русско-подданный, и только изъ тщеславія и за подарки служитъ нашимъ корреспондентомъ; — вамъ придется подарить ему голову сахару и на халатъ...

Переговоривъ еще о тамошнемъ англійскомъ агентѣ, котораго Б. совѣтуетъ тоже остерегаться, мы спустились двумя-тремя ступеньками изъ кабинета въ обширную столовую, служащую вмѣстѣ съ тѣмъ и парадною залой—довольно пустынною: полъ устланъ огромнымъ персидскимъ ковромъ, каминъ безъ рѣшетки, фортепьяно и нѣсколько стульевъ, двѣ-три картины, обѣденный столъ посрединѣ, — съ оконъ, уставленныхъ цвѣтами, видна тюркменская степь: дымъ, какъ пыль, заноситъ ее на обширномъ пространствѣ...

— Это тюркмены выжигаютъ тростникъ, приготовляя мѣста для посѣвовъ или травъ,—замѣтилъ Б., посвящая меня въ исторію трехъ-этажнаго дома, нанимаемаго имъ за сто червонцевъ въ годъ. Онъ построенъ предшественникомъ нынѣшняго губернатора, безпощаднымъ истощителемъ Астерабадской области, *Мухаммедъ-Насръ-Ханомъ*, на громадныя сокровища, случайно найденныя двумя райями въ «Фазаньемъ курганѣ» (Туренгъ-тэпе); когда эти несчастные счастливцы донесли ему о своей находкѣ, онъ тайно вывезъ оттуда драгоцѣнности *на пяти мулахъ*, но такъ какъ по закону всякое найденное сокровище принадлежитъ шаху, то на другой день—разыгралъ комедію, пригласивъ знатнѣйшихъ астерабадцевъ осмотрѣть курганъ; въ присутствіи ихъ вскрыли *умышленно* оставленный имъ (губернаторомъ) одинъ кувшинъ съ золотыми и серебряными

вещицами, которыя и были отправлены въ Тегеранъ; а чтобы скрыть слѣды своего преступленія, онъ приказалъ одного изъ свидѣтелей (т.-е. изъ открывшихъ кладъ) *тайно убить*, а другому *отрѣзалъ полъ-языка, яко-бы за сношеніе съ врагами государства — тюркменами*, какъ было объявлено о томъ по городу...

— Приноравливаясь къ климату—обратился ко мнѣ Б., точно по неволѣ принимаясь за супъ,—мы пьемъ чай и кофе въ 10 часовъ утра, закусываемъ въ 2 часа пополудни, опять садимся за чай въ 5 часовъ вечера, обѣдаемъ — въ 8 часовъ, когда уже спадаетъ жара и настаетъ пріятная прохлада.

— Но теперь все еще невыносимо-жарко!

— Жарко?!—Такого прохладнаго лѣта какъ нынѣшнее — старожилы не запомнятъ; напр.: сегодня въ часъ пополудни было всего 23° R., между тѣмъ какъ въ прошломъ году въ это время жара доходила до 40° R., а въ началѣ іюля 1866 г.— до 46° R. въ тѣни,—сколько-же будетъ на солнцѣ?!

— Дѣти европейцевъ не выносятъ здѣшняго климата: умираютъ *отъ воспаленія мозга* (производимаго солнечнымъ ударомъ),—проговорила его жена съ оттѣнкомъ грусти на изжелено-блѣдномъ лицѣ отъ постоянныхъ страданій *завалами печени и лихорадкою:*—мой малютка тоже скончался на пятой недѣлѣ отъ роду, несмотря на всевозможныя заботы о немъ...

— А дѣти туземцевъ мрутъ какъ отравленныя мухи, въ особенности отъ *оспы*; лихорадки здѣсь постоянны, холера — иногда, а въ 1831—1832 г. чума сильно опустошала край.

— Что-жъ дѣлаетъ персидская медицина?

— Въ нашемъ смыслѣ, ее не существуетъ.

— А если кто заболѣетъ изъ консульства?

— Тогда на наши средства обязательно пріѣзжаетъ докторъ N. съ Ашуръ-Аде..

— Вы ничего не ѣдите? перебила его жена: — попробуйте фазаньихъ цыплятъ. Нашъ персидскій поваръ отлично готовитъ и даже недурно говоритъ по русски.

— Откуда эта роскошь?

— Изъ буковыхъ, а можетъ быть, и миртовыхъ рощъ прикаспійскаго побережья Персіи; туземцы ихъ много ловятъ, солятъ и отправляютъ въ Тегеранъ на продажу, отвѣтилъ Б., подливая мнѣ въ стаканъ съ водою дербентскаго вина изъ Баку.

— Иначе не пейте воды какъ въ видѣ чая, или съ ромомъ и виномъ—продолжалъ онъ—(это общее правило для европейцевъ въ Персіи, не желающихъ разстроить желудокъ), хотя мы и фильтруемъ ее, на что персы смотрятъ, какъ на блажь.

— А увидѣвъ искуственно-приготовленный мужемъ ледъ, сочли его за чародѣя, улыбнулась Б.

Жара отнимала аппетитъ, и я едва дотронулся только до кисленькаго персидскаго соуса изъ *балиджанъ* (баклажанъ) и персиковаго пирожнаго.

— Вотъ еще совѣтъ: когда вы въ испаринѣ—остерегайтесь сквознаго вѣтра, если не желаете схватить взваръ и лихорадку, замѣтилъ Б.

Но это предостереженіе безполезно, ибо тѣло мое постоянно распарено точно въ паровой банѣ, а характеръ персидскихъ построекъ таковъ, что вездѣ сквозитъ, и у меня уже съ Гязскаго берега начался взваръ, т.-е. оконечности рукъ и ногъ, затѣмъ лобъ и шея усѣялись сперва водянистыми, потомъ красными прыщиками и даже волдырями, производящими нестерпимый зудъ; этой временной пыткѣ, не оставляющей, впрочемъ, никакихъ вредныхъ послѣдствій, подвергаются всѣ вновь-пріѣзжіе европейцы по непривычкѣ къ здѣшнему знойно-влажному климату.

За послѣ-обѣденнымъ кофе Б. пустился разсказывать о недавней поѣздкѣ своей въ Парижъ, игриво подтрунивая надъ Гамбеттой и слегка укоряя французовъ за революціонныя стремленія; его жена—полудремала, а въ тиши спящаго города разносился протяжный вой съ перерывами, точно кто-то поминутно захлебывался водою. Это—оригинальный способъ мѣстнаго лѣченія отъ всѣхъ недуговъ, совершаемаго духовнымъ лицомъ на крышѣ въ 9—10½ час. вечера, обыкновенно, съ четверга на пятницу (т.-е. на мусульманское воскресенье) и, безъ сомнѣнія, за условное вознагражденіе; въ моменты перерывовъ молитвы моллы, каждый прохожій или слышавшій ее приговариваетъ: «да исполнится желаніе его».

Время на покой; но только-что разнѣжился я у себя на постелѣ, какъ вошелъ секретарь консульства Ж., уже знакомый

мнѣ съ Ашира; тамъ онъ былъ бодръ, но теперь тоска одиночества видимо подавляла физически мощнаго юношу.

— Читайте, пишите, ну, хоть о Персіи, о которой мы ничего не знаемъ, потому что вы молчите, прописывалъ я ему рецептъ отъ скуки.

— Мы не пишемъ потому, что климатъ усыпляетъ мозгъ, отвѣчалъ онъ, въ сильномъ волненіи шагая по комнатѣ и еле сдерживая слезы, — не пишемъ еще и потому, что ко всему уже пригляделись и ничего вокругъ себя не замѣчаемъ... Скука ужасная! Единственное развлеченіе — прогулка верхомъ... Я и консулъ—и болѣе ни одного европейца, даже армянской души здѣсь нѣтъ?!..

— А англійскій агентъ?

— И тотъ персъ. Минуты считаю, скоро-ли придетъ срокъ отпуска, которымъ мы пользуемся черезъ каждыя пять лѣтъ, и еслибы только не Астерабадская станція и Баку, гдѣ по временамъ отвожу душу,—не жилъ-бы я здѣсь ни за милліонъ!..

— А въ Тегеранѣ?

— Несравненно лучше; тамъ—послы съ Россіи, Великобританіи, Франціи и Турціи; въ Тавризѣ тоже хорошо: въ немъ проживаютъ консулы этихъ державъ, наконецъ въ Рештѣ...

— Перейдите туда.

Ж. махнулъ рукою, и, *какъ милости*, упросилъ меня въ этотъ неудобный часъ отправиться къ нему. Онъ живетъ въ сорока шагахъ отсюда въ обширномъ домѣ консульскаго мирзы. платя, по скрѣпленному консульствомъ контракту, 75 р. въ годъ за три комнаты, перестроенныя имъ на европейскій ладъ. не считая помѣщенія для перса-слуги и одного казака, *субботника* или *жидовствующаго*, какъ обзываютъ его товарищи, въ роли конвойнаго Ж., и присматривающаго за его отличнымъ конемъ; помимо того, маленькія комнатки въ арабескахъ, служившія нѣкогда спальнями женъ, теперь завалены ячменемъ для коня.

Домъ—кирпичный изъ квадратныхъ плитокъ, въ 3/4 дюйма толщиною, содержащихъ въ себѣ очень мало песку, а потому непрочныхъ, какъ непрочна и кладка ихъ на глинѣ, съ наружными швами изъ тонкаго слоя алебастра; крайне крутая лѣстница съ высокими ступеньками (общее неудобство персидскаго жилья) ведетъ во второй этажъ въ его-же (Ж.) комнаты, съ ни-

шами въ стѣнахъ, трупнымъ запахомъ, отъ расположеннаго подъ окнами кладбища, и съ цѣлою батареей опустошенныхъ бутылокъ въ прихожей: «таковыя-же увидите у всѣхъ персидскихъ сановниковъ»—вскользь замѣтилъ Ж.

Пустынно и скучно вокругъ!.. Кіевская вишневка развязала языки, и въ откровенной бесѣдѣ досталось же персамъ!..

— За деньги они пойдутъ на всякую сдѣлку съ совѣстью! говорилъ онъ, затягиваясь кальяномъ.—Отъ религіи откажутся... Можно купить даже жену губернатора... Несмотря на затворничество персидской женщины—развратъ силенъ, тѣмъ болѣе, что онъ освящается религіею, т. е. для совершенія *сига* или брака на часъ, два, на день, мѣсяцъ и болѣе, *молла даетъ молитву*... А при медицинской безпомощности за развратомъ слѣдуетъ *сифилисъ*, особенно сильно распространенный въ Тегеранѣ и Рештѣ...

— Однажды—продолжалъ Ж.,—*въ рамазанъ* (мѣсяцъ поста), когда шіиты по цѣлымъ днямъ ничего не ѣдятъ, а съ захода солнца и до утренней зари буквально жрутъ,—преданный мнѣ персъ устроилъ свиданіе пріѣзжему аширцу съ персидскою дамой, но та въ условный часъ не явилась: «передайте, что я читаю теперь *коранъ*, и какъ кончу — приду», отвѣтила она посланцу: и, дѣйствительно, пришла: онѣ благосклонны къ европейцамъ, доказательствомъ чего служитъ развратъ ихъ въ Баку, но грязны, потому что мыла почти не употребляютъ и отъ нихъ попахиваетъ чеснокомъ... Аширецъ разсказывалъ, что у ней на тѣлѣ вытравленъ рисунокъ, изображающій *оленя утоляющаго жажду*; у другихъ — гирлянды цвѣтовъ, деревья и птички услаждаютъ зрѣніе ненасытныхъ сластолюбцевъ мужей... Характеризуя отношенія этихъ послѣднихъ къ своимъ женамъ, Ж. разсказалъ, между прочимъ, какъ недавно здѣсь одинъ обыватель утопилъ свою законную подругу—и ничего...

Уже было 12 часовъ, когда слуга проводилъ меня домой; но какъ ни былъ я утомленъ, уснуть долго не могъ: бѣшеный гвалтъ лягушекъ въ саду оглушалъ, а миріады гнѣздящихся въ разрыхленныхъ отъ времени войлокахъ блохъ, мошки, мухи, комары и тому подобная персидская дрянь жадно облѣпили тѣло рѣдкаго гостя, и на утро я проснулся съ волдырями, особенно чувствительными подъ глазами. Персы *незнакомы съ употребленіемъ* такъ-называемаго *персидскаго* или иныхъ порошковъ

отъ насѣкомыхъ, и хорошо еще, что здѣсь не водятся скорпіоны.

Несмотря на девятый часъ утра, въ наполненной ароматомъ моей комнатѣ далеко не жарко; лягушечій концертъ замѣнился стрекотнею кузнечиковъ; на порогѣ появился назиръ.

— Нѣтъ ли таза умыться?

— Безъ тазъ... казакъ мытся такъ, отвѣтилъ тотъ, показывая знаками, чтобы я мылся по-казачьи черезъ окно.

— О насъ разнеслись по городу самые невѣроятные слухи, сказалъ вошедшій Рафаилъ, помогая мнѣ справиться «безъ тазъ»;—на базарѣ толкуютъ, что: «русскіе пришли записывать каждый домъ, каждое дерево», и что: «русскіе хотятъ овладѣть Астерабадомъ...» А казаки увѣряютъ меня, что: «вы полковникъ, а совсѣмъ не купецъ», о чемъ ихъ кто-то увѣдомилъ письмомъ изъ Россіи...

Но мое *легкомысленное* отношеніе къ персидскому этикету вѣроятно разрушитъ подобные слухи. Вотъ и теперь, отправляясь на кофе, предшествуемый по восточному церемоніалу назиромъ, я обогналъ его *и тѣмъ уже уронилъ* себя въ глазахъ его,—это разъ; а другое: когда онъ, вѣроятно изъ опасенія консульскаго упрека, ухитрился опередить меня и, ставши у дверей залы, отвѣсилъ мнѣ обычный *лакейскій поклонъ на бэкъ въ правую сторону, съ опущенною по шву правою рукою*, то я отвѣтилъ ему очень любезно, *чего не заведено у знатныхъ особъ*, а впереди предвидится еще много такихъ *непростительныхъ* промаховъ...

Б. безмолвно разливала кофе,—Б. апатично глядѣлъ въ пространство, а рядомъ съ нимъ задумчиво сидѣлъ на стулѣ его *мирза* (писецъ, письмоводитель) *Аббасъ*, съ неподвижно-устремленными долу тусклыми глазами, съ опущенными на колѣни желтыми ладонями и въ бѣлыхъноcкахъ,—таково первое впечатлѣніе. Опредѣлить лѣта пожилого перса — затруднительно; можетъ быть, ему сорокъ лѣтъ, но выглядитъ за шестьдесятъ,—стянутая кожа на его широкомъ лицѣ напоминала потускнѣвшій отъ глубокой древности пергаментъ, крашеная въ черный цвѣтъ борода—подстрижена, пучки лоснящихся за ушами волосъ выглядывали изъ кортовой *тегеранки* (въ родѣ камилавки), молодецки надѣтой на бекрень къ затылку; поверхъ сѣраго архалука, въ обтяжку, сидѣлъ казакинчикъ изъ верблюжьяго

тонкаго сукна, съ косымъ воротомъ и множествомъ складокъ сзади, широчайшія каленкоровыя шальвары, и—о чудо!.. на груди бѣлѣлись складки рубахи съ воротничками, повязанными чернымъ галстучкомъ, по поводу котораго Б. замѣтилъ: «мирза—ужаснѣйшій вольнодумецъ!»—а когда знакомилъ насъ, и тотъ поднялъ-было глаза на меня, но немедленно опустилъ ихъ съ крайнею святостью,—процѣдилъ сквозь зубы: «а пьетъ, какъ рѣдкій пьяница изъ русскихъ».

— И преданъ намъ чистосердечно, добавила его жена.

— Настолько, насколько то возможно для правовѣрнаго относительно невѣрныхъ, получающаго за службу въ консульствѣ 16 червонцевъ въ мѣсяцъ, помимо такъ-называемыхъ *лагерныхъ денегъ* лѣтомъ, *подарковъ*, по важности услугъ, и *нашей гарантіи* отъ персидскихъ палокъ и притѣсненій.

За это мирза, *непонимающій ни слова по-русски*, обязанъ вести консульскую переписку на персидскомъ языкѣ и доносить о всѣхъ базарныхъ слухахъ съ мельчайшею подробностью; вотъ онъ ежедневно и является къ Б. по утрамъ, пьетъ кофе съ лавашемъ (тонкою пшеничною лепешкой, замѣняющей въ Персіи хлѣбъ), стыдливо опускаетъ глаза отъ дипломатически-утонченнаго вниманія къ нему хозяйки дома, и безъ остатка высыпаетъ передъ ними весь запасъ городскихъ сплетней. Затѣмъ, садится на полъ и, поджавъ ноги въ сторону или выставивъ одно колѣно впередъ, вынимаетъ изъ глубокаго кармана походную канцелярію, т. е. пеналъ съ письменными принадлежностями (между которыми—и ножницы) и перевязанный снуркомъ свертокъ нарѣзанной на осьмушки бумаги и пишетъ *на одной ладони* или *на выставленномъ колѣнѣ* подъ диктовку Б., у котораго при подобныхъ дипломатическихъ занятіяхъ обыкновенно морщится носъ, а губы складываются въ неподдающуюся описанію улыбку «непроницаемаго глубокомыслія».

Пригласивъ мирзу къ закускѣ, онъ *далъ понять мнѣ*, что тотъ пользуется уваженіемъ астерабадскихъ властей и нерѣдко завтракаетъ даже у губернатора.

За столомъ прислуживалъ, по обыкновенію, назиръ, которому приносятъ блюда съ кушаньями изъ кухни въ переднюю; иногда онъ ввертывалъ свое слово въ бесѣду, и Б. выслушивалъ его съ благосклонностью, между тѣмъ мирза съ опущенными гла-

зами неумѣло вертѣлъ ножомъ, вилкою и ложкой, а въ отсутствіи своего единовѣрца ловко пилъ.

— Благодаря ему—обратился ко мнѣ Б., — я собралъ для академіи наукъ нѣсколько персидскихъ книгъ и древнихъ монетъ, но послѣднихъ очень мало, потому что невѣжественные туземцы переливаютъ ихъ.

— Видите—улыбнулась его жена,—онъ полезенъ и наукѣ, притомъ же кроткаго нрава...

— И трусливъ до безконечности, перебилъ ее мужъ. — Проѣзжая пять лѣтъ тому назадъ съ Астерабада въ Гязь, онъ встрѣтился съ тюркменами, и что же? Въ знакъ безусловной покорности, самъ подаетъ имъ свой кушакъ вязать ему руки; но въ эту критическую минуту показалась большая партія персовъ вмѣстѣ съ моими казаками, — тюркмены скрылись, оставивъ его съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія предъ нежданнымъ спасеніемъ.

Послѣ завтрака Б. принесъ мѣстную *правительственную* газету, и для характеристики перевелъ ее мнѣ. По обыкновенію, она начиналась съ извѣстій о Китаѣ, Японіи и вообще Азіи, затѣмъ слѣдовалъ внутренній отдѣлъ въ такомъ родѣ: тамъ-то казненъ разбойникъ, въ той-то провинціи — неспокойно, а въ другой—все обстоитъ благополучно, и т. д. Потомъ шла перепечатка безъинтересныхъ извѣстій о Европѣ, и тѣмъ заканчивалась эта тегеранская, *литографированная* газета, стоющая 10 руб. 50 коп. въ годъ.

Другая, тоже литографированная газетка тегеранскаго изданія «Иранъ», формата въ писчій листъ — начинается *придворными извѣстіями*, за которыми слѣдуетъ рубрика *иностранныхъ*, въ такомъ порядкѣ: «*Россія. О Севастополѣ*. Англійскіе журналисты встревожены вооруженіемъ Севастополя; редакторъ *Times издалъ по этому случаю вопль, а онъ чрезвычайно умный человѣкъ*».—Затѣмъ: *Турція*, *Японія*, *Испанія* и *Индія*: «Два англичанина приняли мусульманство; ихъ духовные взоры открылись для истины чудеснымъ образомъ...» Потомъ—*Объявленія*: «Въ непродолжительномъ времени будетъ печататься *Робинзонъ*, — разсказъ очень пріятный и съ большимъ смысломъ». Наконецъ—*фельетонъ*.

Показывая мнѣ маленькій *Альманахъ*, за 1291 г. хиджры (1874 г. по Р. Х.), Б. на удачу раскрылъ шестнадцатую страницу, содержащую *событія* такого рода: «Изобрѣтеніе пороха въ *Петербургскомъ государствѣ* произошло въ 1355 г. христ. лѣтосчисленія».

Душная атмосфера кабинета побудила меня прервать на время пріятное знакомство съ персидскою прессой.

У себя въ комнатѣ я засталъ Рафаила, сильно расхандрившагося вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ нему дипломатовъ. Сообщивъ, что разочарованный *молодецъ* проситъ меня *похвалить его за усердіе* въ письмѣ къ Хаджи-агѣ, онъ отправился со мною осмотрѣть базаръ въ сопровожденіи урядника Попова съ нагайкою въ рукѣ; дорогою присоединился къ намъ и нашъ, принарядившійся щеголемъ, пріятель Таги.

Одинъ мальчишка изъ-за угла крикнулъ казаку: «Василь, Василь—здравствай!»—а трое другихъ, проріемовавъ скороговоркою и нараспѣвъ: «Урусъ, урусъ—думби хурусъ!» (Русскій, русскій—пѣтушій хвостъ!) шмыгнули въ ворота.

— Смѣльчаки! улыбнулся урядникъ, пригрозивъ вслѣдъ имъ нагайкой.

— Часто-ли приходится слышать вамъ подобныя насмѣшки.

— И не запомню когда. Персы не рѣшаются затрогивать насъ,—скорѣе кто-нибудь изъ нашихъ молодцовъ обидитъ ихъ, и то—проходитъ сквозь пальцы. Намедни сторговалъ я на базарѣ молоко, а сарбазъ (солдатъ) запустилъ въ него лапу, для пробы—у нихъ это въ обыкновеніи,—значитъ, не зналъ, что мое... Я его шарахнулъ,—онъ пожаловался губернатору, потому полицейскимъ унтеромъ состоитъ при немъ, а какъ ихъ отличишь?!.. Консулъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, тѣмъ дѣло и покончилось...

— Астерабадцамъ не въ диковину видѣть русскихъ; они уже привыкли къ намъ и далеко не фанатичны, по крайней мѣрѣ, не подаютъ виду...—замѣтилъ Рафаилъ, когда мы подошли къ базару, представляющему узкій проходъ между двумя рядами крошечныхъ и грязныхъ лавчонокъ или конуръ съ полками по стѣнамъ, для товаровъ, и прилавкомъ, впереди, для сидѣнья торгашу; въ иныхъ лавкахъ полки замѣняются покатою нарою съ гнѣздами, для грубыхъ мѣстныхъ произведеній, какъ напр., жирной глины, замѣняющей мыло и т. п, но всѣ онѣ безъ

оконъ и съ подъемными дверями во всю переднюю стѣнку, обнажающими весь наличный товаръ: вывѣски — излишни, и мнѣ нигдѣ не приходилось ихъ видѣть.

Вся дневная дѣятельность мужской половины города сосредоточена здѣсь и открыта настежъ: базаръ — это рынокъ, мастерскія и клубъ, гдѣ торгуютъ, работаютъ и стряпаютъ, — разносятъ новости, сплетничаютъ и ѣдятъ, — читаютъ коранъ, отдыхаютъ или безмолвно созерцаютъ, терпѣливо поджидая покупателя *на грошъ*; а пестрая толпа снуетъ взадъ и впередъ, но въ ней — ни одной женщины: онѣ въ заперти по домамъ сидятъ.

Крики верховыхъ: «Явашъ! явашъ!» (Тише, осторожнѣе)— поминутно раздаются въ ушахъ, а въ воздухѣ носится завыванье полдневнаго азана,—мальчишки ему вторятъ. Не мало встрѣчается тюркменъ въ мохнатыхъ, порыжѣлыхъ шапкахъ, въ полосатыхъ красно-желтыхъ халатахъ, въ грубыхъ башмакахъ на босу ногу и, нерѣдко, звѣрскаго вида, съ всклокоченными бородами и мрачнымъ блескомъ въ глазахъ; одни—верхами, другіе—покупаютъ, но больше бездѣльно сидятъ за кальянами на прилавкахъ у пріятелей-персовъ. Еще больше таскается по базару голодныхъ сарбазовъ въ высокихъ *кула-намади* верблюжьяго цвѣта, составляющихъ головной ихъ уборъ внѣ службы,—въ ветхихъ синихъ казакинахъ изъ грубой бумажной *бязи* съ мѣдными пуговицами по борту, въ широкихъ шальварахъ изъ той же матеріи и въ башмакахъ на босу ногу; иные изъ нихъ ходятъ съ принадлежностями за поясомъ для кровопусканій правовѣрнымъ.

Грязь и вонь, въ особенности въ зеленныхъ и мясныхъ рядахъ; насъ окружила толпа глупо-улыбающихся ротозѣевъ: давка, шумъ, смѣхъ и говоръ!..—«Онъ газетчикъ», толкуютъ между собою болѣе степенные на видъ.

— «Тамаша, тамаша» (т. е. осматриваетъ), замѣчаютъ другіе, тискаясь около меня и всматриваясь съ дикимъ любопытствомъ и наивнымъ удивленіемъ, какъ я вписываю въ дневникъ цѣны товаровъ.

— Разойдется-ли здѣсь этотъ ситецъ? спрашиваетъ Рафаилъ у нихъ.

— Разойдется, разойдется! Вези!..

— А какая ему цѣна.

— Два крана!.. Кранъ!

— Да вы не вѣрьте имъ! выходитъ изъ себя урядникъ:— одинъ болтаетъ такъ, другой этакъ: они умышленно врутъ, сбавьте ихъ цѣны, по крайней мѣрѣ на половину!... Вишь?! Ему понадобилось на грошъ, а онъ кричитъ: вези?... А я знаю, что онъ не пойдетъ здѣсь...

Вообще возни было много, пока я добился кое-какого толку.

Перешли въ другой, такой-же длинный и тѣсный базаръ. Кузнецы безъ рубахъ и только въ однихъ шальварахъ, съ открытыхъ кухонь валитъ смрадъ: жарятъ *кебабъ*, варятъ *пловъ*, чай... Все это пожирается прямо съ огня; тутъ-же пекарни *лаваша* и *чурека* (тонкихъ и толстыхъ пшеничныхъ лепешекъ, замѣняющихъ хлѣбъ), запыленныя кандитерскія съ разными «*ширини*», т.-е. сладостями — персидскими лакомствами: орѣхи въ сахарѣ и преимущественно мучныя конфекты, окрашенныя въ зеленый и красный цвѣта (для послѣдняго служитъ канцелярское сѣмя), съ слѣдами грязныхъ пальцевъ на нихъ; «ширини» въ большомъ употребленіи въ Персіи: безъ угощеній ими и поднесенія ихъ въ пишкешъ не обходится ни одно семейное событіе, религіозное празднество и т. п...

Въ цирульнѣ—*стригутъ* бороды, само-собою изъ молодыхъ людей, ибо пожилые не рѣшатся послѣдовать примѣру шаха Насръ-ед-дина, перваго человѣка въ Персіи, святотатственно посягнувшаго на «почетъ» своего лица; другіе — *брѣютъ* головы, пускаютъ кровь.

А вотъ персидскія аптеки, т. е. такія же грязныя конурки, съ сушеными травами и кореньями, неопрятными мѣшечками съ разными лекарственными и прочими снадобьями, между которыми первое мѣсто занимаютъ краски, для волосъ, рукъ, ногъ и ногтей, а также зелье, для вывода волосъ на секретныхъ мѣстахъ. Опіумъ, употребляемый внутрь и для куренія, изъ прибора, называемаго «кальянъ-терьякъ», очень дешевъ: золотникъ—5 коп.; нерѣдки здѣсь отравы отъ вредной привычки давать его дѣтямъ съ колыбели; еще на-дняхъ умеръ отъ него маленькій сынъ консульскаго повара. Кальянный табакъ оказался негоднымъ ни для трубки, ни въ папиросахъ, ибо *безъ угля* не горитъ, хоть мы сушили его до послѣдней степени; слѣдовательно, нужно запасаться въ путешествіи своимъ табакомъ.

Вообще, лавчонки набиты грошовымъ товаромъ, преимуще-

ственно заграничнымъ; между мѣстнымъ вздоромъ бросается въ глаза чугунная дробь, голубые талисманы изъ камня и глины въ видѣ пуговокъ съ шестью-семью дырочками, для навѣшиванія *отъ недобраго глаза* дѣтямъ на шапочки, лошадямъ—на шею, и т. п.

Серебряныхъ дѣлъ мастеръ предложилъ мнѣ заказать у него серебряную печатку съ моимъ именемъ на персидскомъ языкѣ—отказываюсь.

— Купи изумрудъ, продолжаетъ онъ, показывая большой зеленый камушекъ.

— Сколько стоитъ?

— Три крана (90 к.).

— Купимъ, если консулъ подтвердитъ его достоинство, замѣтилъ Рафаилъ, подозрительно всматриваясь въ него.

— Возьми, возьми, — покажи ему. О, это изумрудъ! проговорилъ мастеръ съ улыбкою, недопускающею сомнѣнія въ томъ, но въ дѣйствительности онъ оказался, по словамъ Б., *кризолитомъ*, величаемымъ туземцами изумрудомъ, который они нерѣдко очень грубо поддѣлываютъ.

Отсюда мы свернули въ узкій проѣздъ съ ветхимъ просвѣчивающимся верхомъ. Этотъ пассажъ, ведущій въ караванъ-сарай, занятъ лавками съ краснымъ товаромъ. Подозрѣвая во мнѣ конкуррента, торгаши на-отрѣзъ отказывались снабдить меня образцами ходкихъ здѣсь ситцевъ и суконъ.

— Дай кусочекъ, вотъ э-этакій маленькій кусочекъ, вымаливалъ у нихъ урядникъ—по совѣсти сказать, знавшій по-персидски только два слова: «дай кусочекъ», а остальное пояснявшій жестами, гримасами и голосовыми звуками, по возможности нѣжныхъ тоновъ.—Одни упрямились, другіе отворачивались, и только двое помирились на 30 копѣйкахъ за каждый лоскутокъ, хотя цѣлый аршинъ не стоилъ того, но, по просьбѣ моихъ спутниковъ, старшина здѣшняго купечества, Ага-Мамедъ-Касымъ, къ которому мы зашли, обѣщалъ удовлетворить мое желаніе на болѣе умѣренныхъ условіяхъ. Его лавочка съ крошечнымъ чуланомъ, смотрящая хуже, чѣмъ у послѣдняго нашего торгаша на толкучкѣ, выходитъ одною стороною въ проѣздъ, другою—на внутренній дворикъ принадлежащаго ему одноэтажнаго караванъ-сарая съ черепичною крышей и маленькими комнатами съ подъемными дверями, служащими

вмѣстѣ съ тѣмъ—днемъ, когда онѣ открыты—и окнами; комнатки отдаются въ наемъ подъ склады товаровъ, подъ лавки и пріѣзжимъ, не исключая даже иностранцевъ (по увѣренію хозяина), если-бъ таковые случились и нуждались-бы въ помѣщеніи, за которое обыкновенно платится въ сутки по 10 к.; въ углу грязнѣйшаго дворика стоятъ большіе деревянные вѣсы, для взвѣшиванія вьюковъ, посреди — вышка съ навѣсомъ, подъ которымъ теперь спятъ пріѣзжіе червадары.

— Переписавъ гроповые товары богатаго старшины, хлопотавшаго за самоваромъ для насъ тутъ же въ лавочкѣ, я спросилъ его:

— Разойдутся ли часы?

— Здѣсь нѣтъ часоваго мастера, отвѣтилъ онъ.

— Да и обращаться съ ними не съумѣютъ, добавилъ Рафаилъ: — одна знатная барыня завела себѣ часики и *носитъ ихъ на лбу, какъ украшеніе*, постоянно спрашивая своихъ знакомыхъ дамъ: «который у меня часъ?» — хотя они уже давно испорчены.

Хозяинъ, бывшій въ Россіи, угощалъ насъ довольно сноснымъ транзитнымъ чаемъ, къ которому подоспѣло нѣсколько почтенныхъ чалмоносцевъ, закурившихъ кальяны, а персы большіе охотники до чаю, въ особенности на чужой счетъ, и просиживаютъ за нимъ по нѣскольку часовъ...

— Вотъ *астерабадскій монетный дворъ*, указалъ Рафаилъ на ветхій, неопрятный сарайчикъ въ концѣ базара. — Онъ отданъ правительствомъ въ аренду или на откупъ мѣстному обывателю за 100 томановъ (300 руб.) въ годъ, и въ немъ чеканится преимущественно серебряная монета, т. е. краны (30 к.), изрѣдка—мѣдная, а золота давно не видать.

Но когда мы подошли къ этому оригинальному сооруженію, работа была пріостановлена, вѣроятно, изъ опасенія, дабы я не похитилъ секрета уродливой чеканки; а на просьбы моихъ спутниковъ показать мнѣ процессъ ея, арендаторъ пасмурно отвѣтилъ, что «работа производится только по мѣрѣ надобности», и во всякомъ случаѣ безъ разрѣшенія губернатора онъ не удовлетворитъ мое желаніе.

Впрочемъ, дѣло такъ несложно, что достаточно будетъ ограничиться объясненіями моихъ чичероне. Каждый обыватель, желающій чеканить монету, доставляетъ чистое серебро арен-

датору, и платитъ ему, въ вознагражденіе за трудъ, двѣ сотыхъ по вѣсу всего количества метала; затѣмъ на сто частей серебра примѣшиваются двѣ части мѣди, и одинъ изъ рабочихъ съ помощью допотопнаго снаряда вытягиваетъ этотъ сплавъ въ проволоку, толщиною въ средній палецъ, а другой— рѣжетъ ее на кружки установленнаго для крана вѣса и крайне неаккуратно штампуетъ ихъ,—вотъ и все!

Главные монетные дворы находятся въ Тегеранѣ, Тавризѣ, Ширазѣ и Испахани, второстепенные — въ Мешхедѣ, Ездѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Вслѣдствіе большого вывоза звонкой монеты за границу, въ особенности въ Турцію, въ Персіи рѣдко увидите золотую монету, т. е. томаны (3 руб.), и въ серебряной тоже ощущается недостатокъ; между тѣмъ правительство принимаетъ въ подать преимущественно послѣднюю и изрѣдка первую, такъ какъ курсъ ея подверженъ частымъ колебаніямъ, а мѣдь—во избѣжаніе расходовъ на перевозку ея — вовсе не принимается. Вотъ почему на базарахъ вращаются исключительно *черныя деньги*, т. е. мѣдныя *карапули* ($^3/_4$ коп.) и *шахи* ($1^1/_2$ к.).

Русское золото встрѣчается также рѣдко, но чаще томановъ; по мнѣнію старшины, персидскіе торговцы вѣроятно вывезутъ съ предстоящей нижегородской ярмарки много полуимперіаловъ, курсъ которыхъ теперь понизился въ Россіи, а здѣсь стоитъ высоко.

— Приходите *съ полицейскимъ* отъ губернатора, тогда покажу, повторилъ арендаторъ, когда мы любезно простились съ нимъ.

На возвратномъ пути домой, намъ встрѣтилось на площадкѣ передъ неопрятнымъ зданіемъ *Текье* или *Такіэ* много нищихъ и дервишей съ всклоченными бородами. *Текье*, означающее въ буквальномъ смыслѣ *пріютъ* или *подворье дервишей*, служитъ открытою сценою, для религіозныхъ представленій въ разное время и въ особенности въ *Мохарремъ*, т. е. дни скорби шіитовъ по мученической кончинѣ *Хюсейна* и *Хасана*, сыновей Али, и эти мистеріи, полныя драматизма, преимущественно посвящаются высокимъ доблестямъ и героическимъ страданіямъ ихъ.

Вблизи отсюда, среди улицы безобразно торчатъ камни стариннаго кладбища, а въ ближайшемъ переулкѣ, подъ солнечнымъ зноемъ сильно разитъ падаль—чья?—трудно разобрать, но только не собаки, ибо *этой погани въ глазахъ шіитовъ* не встрѣтите въ персидскихъ городахъ. Далѣе расположено *внутри города* другое обширное кладбище съ свѣжими могилами; міазмы разлагающихся труповъ до того пропитали знойно-влажную атмосферу, что мы едва могли пробыть здѣсь минуту и спѣшно удалились. Трупы бѣдняковъ зарываются въ землю очень мелко, а достаточныхъ людей, кости которыхъ *по завѣщанію* перевезутся черезъ два-три года на освященную землю г. *Кербела* или *Мешхеда*, остаются на поверхности ея и прикрываются досками, слегка смазанными снаружи глиною въ формѣ гробовъ примыкающихъ одинъ къ другому. Перевозка поручается за условную плату молламъ или червадарамъ, которые нерѣдко бросаютъ кости на дорогѣ, а росписку въ доставкѣ ихъ на мѣсто назначенія не трудно достать.

Это кладбище окружаетъ съ двухъ сторонъ жилье Ж., передъ окнами котораго обнажаются зловонныя лачуги кладбищенскихъ нищихъ, съ желто-лицыми, болѣзненными ребятишками въ однѣхъ грязнѣйшихъ рубашенкахъ, и крайне-изнуренными женщинами въ рубищахъ и съ прядами подрѣзанныхъ волосъ передъ ушами. При нашемъ приходѣ двое мальчишекъ дрались, и свалившіяся шапочки обнажили ихъ бритыя головки съ косичками на макушкахъ и сплошь усѣянныя струпьями; такія парши и чуприны не рѣдкость и у взрослыхъ: первыя—отъ нечистоплотности, вторыя оставляются для того, какъ говоритъ Рафаилъ, *чтобы въ судный день ангелу удобнѣе было перетаскивать ихъ въ рай*.

— А женщинъ таскаютъ туда за *длинный* пупокъ, авторитетно добавилъ урядникъ, по словамъ котораго, всѣ эти нищіе спятъ въ повалку безъ различія пола и возраста.

Рафаилъ простился со мною; завтра въ 6 ч. утра онъ отправляется *тюркменскимъ берегомъ* обратно домой (на Ашуръ-Аде), въ сопровожденіи одного только неизмѣннаго Таги; астерабадскій губернаторъ и другое высшее лицо здѣсь—чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ—терпѣть не могутъ Рафаила за его справедливыя отношенія къ тюркменамъ, и вотъ почему онъ находитъ менѣе опаснымъ для себя избранный путь, недоступный персамъ...

За чаемъ Б. предложилъ прогулку по городу, къ которой подоспѣлъ и Ж., все еще въ мрачномъ настроеніи духа.

— Но мой галстукъ затерялся, пиджакъ загрязнился, сапоги порыжѣли, предупредилъ я его.

— Можете идти въ какомъ угодно нарядѣ даже къ губернатору, отвѣтилъ онъ.

— Чушки не смыслятъ въ этомъ толку, добавилъ Ж.

— Первые богачи носятъ подъ шалевымъ халатомъ плохой, грошевый костюмъ, закончила Б.

На улицѣ уже поджидало насъ четверо консульскихъ слугъ въ парадныхъ фіолетовыхъ кафтанахъ на красныхъ подкладкахъ; у одного кафтанъ обшитъ по швамъ золотымъ снуркомъ, вѣроятно за благонравіе или особенныя заслуги.

Ставъ по-двое въ рядъ, они открыли церемоніальное шествіе, неукоснительно соблюдаемое консуломъ при всѣхъ выходахъ въ городъ, для поддержанія достоинства Россіи; тучный садовникъ съ перевальцемъ смотрѣлъ теперь если не принцемъ крови, то, по меньшей мѣрѣ, брадобрѣемъ его или армянскимъ цирюльникомъ; поваръ, конюхъ и баньщикъ не уступали ему въ солидной осанкѣ, хотя тѣломъ были скуднѣе; въ десяти шагахъ за ними плелись нога за ногу, какъ того требуетъ азіатское величіе, самъ Б. въ форменной шапкѣ и сѣренькомъ статскомъ пальто въ накидку; его жена въ осенней драповой кофтѣ «отъ вечерней сырости», хотя теперь чувствительный зной; Ж. въ синей визиткѣ и брюкахъ въ обтяжку и, наконецъ, я, безъ галстука и пр., а сзади три бравыхъ линейца съ нагайками черезъ плечо.

На углу вонючаго, гразнѣйшаго переулка насъ атаковали нищіе; Б. велѣла одному изъ слугъ одѣлить ихъ по *карапулъ* ($^3/_4$ коп.) изъ цѣлой пригоршни, предварительно выданной ему *на дѣла милосердія* при торжественныхъ выходахъ. Дальше, робко прокрадывались у стѣнки двѣ женщины въ синихъ чадрахъ; при нашемъ приближеніи онѣ остановились и рѣзко повернулись къ намъ спинами.

— Вѣрно рожи, замѣтилъ Б.

Такъ дотащились мы до глиняной городской стѣны, которая, по его выраженію: «падетъ отъ одного взмаха казацкой нагайки», но противъ тюркменъ устоитъ.

— Въ 1867 г. — говорилъ онъ, опять сплюснувъ носъ, — ямуды обложили городъ; пригона барановъ не было, и я остался безъ котлетъ...

Съ городского вала весь городъ, съ своею рѣдкою зеленью, какъ на ладони: глина, глина и глина; обширный, но жиденькій садъ губернатора и безобразнѣйшій телеграфъ проведенный отсюда въ Тегеранъ черезъ Шахрудъ: одниночная проволока съ тысячами узлами виситъ на кривыхъ столбахъ, не рѣдко безъ изоляторовъ. Жалкій видъ на городъ, но картиненъ на окрестности его: вправо—высится лѣсистый Эльбурсъ, къ подножію котораго примыкаетъ городъ съ одной своей стороны, съ другой—стелется тюркменская степь, отдѣленная отъ него только посѣвами, влѣво—вьется стальною лентой болотистая р. Кара-су, а внизу, за городскою стѣною, раскинулся лагерь 400 всадниковъ (конныхъ милиціонеровъ) и пѣхотнаго полка *Фирузъ-куи* въ 800 человѣкъ. Полки обыкновенно носятъ названіе той мѣстности или того племени, изъ которыхъ формируются; селеніе Фирузъ-куи, основанное—по увѣренію жителей—Александромъ В., находится въ 120 верстахъ отъ Тегерана по направленію къ г. Сари, мимо ущелья, принимаемаго за *Каспійскія ворота*, чрезъ которыя прошелъ этотъ македонскій завоеватель, преслѣдуя Дарія; оно лежитъ въ печальной долинѣ на 6 тыс. фут. надъ у. м., и окружено голыми скалами съ вздымающимся надъ ними *Демавендомъ*; снѣгъ не сходитъ здѣсь въ теченіи 5 мѣсяцевъ, и климатъ суровый.

Мы уже говорили о милиціи,—теперь кстати скажемъ о военныхъ силахъ Персіи вообще.

Здѣсь не существуетъ точныхъ постановленій для пополненія арміи не только нижними чинами, но даже офицерами и высшимъ начальствомъ; подарки шаху и подкупъ властей не рѣдко освобождаютъ отъ службы цѣлыя селенія и округа; наборъ производится по востребованію, обыкновенно ханами и сельскими старшинами съ крайнимъ произволомъ. Воспрещеніе брать на службу людей моложе двадцати лѣтняго возраста и опредѣленіе восмилѣтняго срока ея не выполняются, почему не рѣдко встрѣтите въ войскахъ дряблую старость рядомъ съ неокрѣпшимъ еще мальчишкою, а положеніе персидскаго солдата крайне тягостно.

Высшія мѣста въ арміи, по большей части, на откупѣ или наслѣдственны въ ханскихъ родахъ; въ послѣднемъ случаѣ зва-

ніе полкового командира и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальника племени, изъ котораго формируется полкъ, передается отъ отца къ сыну, не рѣдко неспособному или слишкомъ юному для того. Офицеры зачисляются въ полки по произволу генераловъ и полковыхъ командировъ, безъ сомнѣнія, не по достоинству, а за *пишкеши*, и тѣ славятся своимъ невѣжествомъ, незнаніемъ службы и не уваженіемъ къ нимъ подчиненныхъ; заслуги же и храбрость не уважаются въ Персіи.

Высшія власти грабятъ полковыхъ, а эти послѣдніе—своихъ терпѣливыхъ солдатъ, довольствующихся хлѣбомъ и водою; впрочемъ, безнаказанное лихоимство начальства иногда доводило ихъ до того, что они съ оружіемъ въ рукахъ требовали уплаты жалованья или толпами возвращались на родину, грабя, въ свою очередь, деревеньщину, обыкновенно убѣгающую въ подобныхъ случаяхъ въ горы.

Полковые командиры тоже не рѣдко сопротивляется правительству, но по другимъ мотивамъ, а попытки послѣдняго назначать на эти мѣста постороннихъ лицъ остаются тщетными, ибо солдаты не выносятъ другой власти, помимо своего хана.

Регулярныя войска (*низамъ*) состоятъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; начальникъ пѣхоты (эмиръ-низамъ) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главнокомандующій арміею (сердарь), не превышающею въ мирное время 80 т. чел. (по инымъ же свѣдѣніямъ—40 т., что менѣе вѣроятно) и большею частью расположенною въ области *Адербейджанъ*, имѣющей, по своему сосѣдству съ Россіею и Турціею, особенно важное стратегическое значеніе.

I. *Пѣхота* дѣлится *на дивизіи*, подраздѣленныя *на бригады* изъ двухъ или трехъ *однобатальонныхъ полковъ* (фауджъ) *десятиротнаго состава*, а вооружена преимущественно англійскими ружьями, содержимыми въ крайней неисправности. Каждому *сарбазу* (солдату) полагается: *шинель*, кажется, на 3 года, *верхній костюмъ*, подъ которымъ носится національный, на 2 года, *двѣ пары башмаковъ* и жалованье 21 руб. въ годъ, и около 3 фунтовъ пшеници въ день; но львиная доля отъ всего этого остается въ карманахъ высшихъ административныхъ чиновъ и полковыхъ командировъ.

II. *Регулярная кавалерія* состоитъ всего изъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, преимущественно въ роли *тѣлохранителей шаха*; а —

III. *Корпусъ артиллеріи*, или *топчи* (всего, кажется, въ 70 орудій), раздѣленъ на *полки*, состоящіе изъ *батарей или ротъ*.

Весь личный составъ военнаго управленія, сверху до низу, наполненъ недобросовѣстными и несвѣдующими людьми, а потому армія находится во всѣхъ отношеніяхъ въ жалкомъ состояніи; обученіе—безъ опредѣленной системы; ни офицеровъ генеральнаго штаба, ни инженеровъ не имѣется; тяжести перевозятся на вьюкахъ, полагая на двухъ сарбазовъ по одному ослу, что обременяетъ и затрудняетъ армію въ походахъ; правильно-организованной госпитальной части не существуетъ: во время экспедицій командируются въ полки европейскіе медики или фельдшера и ученики, но съ ничтожными медицинскими пособіями; подвижныхъ лазаретовъ нѣтъ, а больныхъ, которые не въ силахъ тащиться пѣшкомъ, кладутъ на ословъ, что въ совокупности ведетъ къ большой смертности. По гражданскимъ тяжбамъ и преступленіямъ, военно-служащіе подлежатъ духовному суду, *а по служебнымъ*—наказываются своимъ начальствомъ, смотря по винѣ: палочными ударами по пяткамъ, отсѣченіемъ ушей и прочихъ членовъ, ослѣпленіемъ и смертной казнью; даже *офицеровъ сѣкутъ за ничтожные проступки*, а дисциплины въ арміи все-таки не существуетъ и, при современномъ строѣ Персіи, ея быть не можетъ.

Со времени учрежденія регулярныхъ войскъ въ Персіи (1809 г.), огромныя массы *иррегулярной кавалеріи* (севарехъ-редифъ) сократились до 26,000 чел.; она формируется изъ кочевыхъ племенъ, состоитъ подъ начальствомъ своихъ хановъ и созывается обыкновенно въ военное время по особому распоряженію шаха.—Каждый всадникъ (джанбазъ) обзаводится на свой счетъ плохимъ оружіемъ и лошадью, но содержаніе около 50 руб. въ годъ, паекъ и провіантъ получаетъ отъ правительства; безъ сомнѣнія, *редифъ* представляетъ видъ дико-безпорядочной толпы..

Мое желаніе осмотрѣть лагерь, Б. нашелъ *неудобо-исполнимымъ*, но не отказался спуститься за городскую стѣну въ 300 шагахъ отъ него.—Дрянныя палатки окопаны канавками съ лужами, *для омовеній и кальяновъ*; вездѣ — неимовѣрная грязь и вонь, вслѣдствіе отсутствія закрытыхъ отхожихъ мѣстъ.

На пути оттуда въ садъ «Аббасъ-хана», намъ поминутно встрѣчались всадники, на этотъ разъ принарядившіеся, вѣроятно, по распоряженію властей, своевременно извѣстившихся о направленіи нашей прогулки; они рисуются и горячатъ своихъ жеребцовъ съ намѣреніемъ показать передъ заѣзжимъ «урусомъ», что и «мы, молъ, сила!»—Консульскіе слуги подали имъ знакъ рукою, и они, какъ по командѣ, остановились и сдѣлали намъ честь.

Увальнемъ прошло нѣсколько сарбазовъ въ новой парадной формѣ: въ большихъ бараньихъ шапкахъ съ изображеніемъ «льва и солнца» на мѣдныхъ бляхахъ,—въ свѣтло-кофейныхъ казакинахъ и темно-малиновыхъ шальварахъ, спитыхъ изъ грубой бязи до безобразія мѣшковато, и въ порыжѣлыхъ грубыхъ башмакахъ; рукава и плечи у музыкантовъ обшиты тесьмами. на подобіе того, какъ въ русскихъ войскахъ.

Когда мы шли мимо мельницы, примыкающей къ площадкѣ съ тюремнымъ домикомъ по сосѣдству съ губернаторскимъ жильемъ, насъ опять обступили нищіе; подслѣповатыя, безобразнѣйшія старухи въ лохмотьяхъ, старики въ струпьяхъ и съ гнойными глазами протягивали свои желтыя, костлявыя руки, выли и болѣзненно стонали; Б. взяла у слуги нѣсколько карапулъ, и швырнула имъ подъ ноги, и тѣ долго искали подачку въ толстомъ слоѣ пыли, ползая въ ней и ссорясь между собою...

Наискось мельницы расположенъ домъ съ обширнымъ садомъ «Аббасъ-хана», принадлежащій, вѣроятно по завѣщанію, мечети; теперь здѣсь живетъ на лагерное время *сертипъ-сеюмъ* (бригадиръ)—командиръ полка Фирузъ-куи и вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ племени того же названія (Фирузъ-куи); онъ уже былъ предупрежденъ о нашемъ намѣреніи побывать въ саду, и потому при входѣ насъ встрѣтили слуги его, а старшій изъ нихъ. согласно персидскому церемоніалу, пошелъ впередъ консульскихъ людей, по знаменитой аллеѣ исполинскихъ *чинаровъ* (платановъ) съ бѣловатыми стволами и широко-раскидистыми вершинами; по сторонамъ — пустыри, кое-гдѣ — грядки овощей и нѣсколько деревьевъ—орошаются канавками, проведенными съ водоема, что передъ домомъ, а въ концѣ ея — тщательно убитая, ровная площадка подъ сводомъ высокихъ деревъ была устлана, въ ожиданіи насъ, коврами съ четырьмя стульями,

позаимствованными на этотъ случай въ консульствѣ, и желѣзною кроватью безъ матраца и даже покрывала, принадлежащею самому *сертипу*; на ней красовался большой подносъ съ алычею, огромными огурцами и оригинальною тыквой, напоминающею своею формой исполинскую колбасу (въ полъ-сажени длины и два дюйма—въ поперечникѣ). Къ сожалѣнію, Б. впервые видѣвшій такую диковинку, не могъ удовлетворить моего любопытства насчетъ ея, и только замѣтилъ, что, по персидскому обычаю, эти плоды приготовлены намъ въ *пишкешъ*. На особомъ коврикѣ въ сторонкѣ стоялъ тщательно-вычищенный самоваръ съ чайнымъ приборомъ.

Подтрунивая надъ персидскимъ пріемомъ, жена Б. помогала мнѣ собирать растенія, когда вдали показался коренастый сертипъ съ перевальцемъ, средняго роста и лѣтъ, съ маленькими черными усами и густою щетиной недавно-выстриженной бороды,—въ меркулушковой шапкѣ среднихъ размѣровъ и мѣшковатомъ *сердари* изъ чернаго сукна, т. е. казакинѣ съ откоснымъ воротникомъ, мѣдными пуговицами по борту и маленькими погончиками полковничьяго ранга (по русскому образцу, только не много меньшаго размѣра); широкія бѣлыя шальвары, чулки и башмаки дополняли костюмъ. Сопровождавшій его сухопарый помощникъ остановился въ сторонкѣ, а самъ онъ подошелъ съ отдышкою къ Б. и застѣнчиво протянулъ руку,—затѣмъ сдѣлалъ ему честь подъ козырекъ и, прижимая руку къ сердцу, справился о нашемъ здоровьѣ; прервавъ обоюдныя привѣтствія, Б. представилъ ему меня.

— Я обязанъ вамъ, что вижу консула у себя, какъ-то насильственно улыбался сертипъ, пожимая мою руку.

Разговоръ шелъ по-персидски—Б. переводилъ.

— Мы съ нимъ незнакомы, обратилась ко мнѣ Б—на подсмѣиваясь надъ его застѣнчивостью и неловкостью въ ея присутствіи.

Б. продолжалъ обоюдныя привѣтствія, пожеланія и самыя утонченныя любезности; его слуги стали въ сторону,—линейцы бродили по близости, а Б—на опять отправилась со мною собирать растенія, не переставая смѣяться. Вскорѣ козакъ позвалъ насъ къ чаю.

Б—на заговорила по-французски; сертипъ отвѣчалъ ей съ неимовѣрнымъ усиліемъ, примѣшивалъ персидскія слова, кра-

снѣлъ и заикался, стараясь быть по возможности любезнымъ съ дамою. Онъ воспитывался въ единственномъ, недавно учрежденномъ, въ Тегеранѣ военномъ училищѣ (Даръ-ел-Фенунъ), для дѣтей знатныхъ лицъ, первымъ начальникомъ котораго былъ австрійскій маіоръ Кржицъ; онъ не смотрѣлъ хищникомъ и даже намѣренъ вскорѣ предпринять путешествіе по Европѣ изъ любознательности; интересовался желѣзными дорогами и телеграфами, бесѣдовалъ о торговлѣ, войскахъ и своихъ полковыхъ музыкантахъ, особенно хорошо выполняющихъ національныя пѣсни, и обѣщалъ при случаѣ доставить намъ высокое наслажденіе послушать ихъ... Тѣмъ временемъ, назиръ разносилъ очень сладкій чай въ маленькихъ чашкахъ на подносикахъ, вмѣсто блюдечекъ; тутъ же, по туземному обычаю, угощались имъ консульскіе козаки и слуги, а намъ подали кальянъ, за которымъ послѣдовало кофе въ рюмкообразныхъ чашечкахъ.

Сдѣлалось сыро; влага покрыла мой наружный костюмъ,— дрожь пробѣжала по тѣлу. Я приподнялся и, подражая цвѣтистымъ выраженіямъ Востока, сказалъ сертипу на прощаньи:

— Природа никогда не соединяетъ всѣхъ даровъ своихъ въ одномъ мѣстѣ! Не хотѣлось бы разставаться съ гостепріимнымъ хозяиномъ и выходить изъ прелестнаго сада съ его великолѣпною чинаровою алеею, но сырость заставляетъ...

— У насъ есть мѣста, куда она никогда не проникаетъ, и я надѣюсь видѣть васъ у себя на дому, отвѣтилъ онъ, сильно пожавъ мнѣ руку.

— Когда персы пріѣзжаютъ къ намъ въ Россію, ихъ принимаютъ съ такимъ радушіемъ, что они неохотно возвращаются на родину къ себѣ...

Онъ опять стиснулъ мою руку и съ волненіемъ что-то проговорилъ консулу.

— Ваши слова сильно тронули его, замѣтилъ тотъ, когда простившись съ нимъ, мы направились домой кратчайшимъ путемъ, мимо губернаторскаго жилья. Но прежде нужно было перейти по импровизированному мостику изъ двухъ бревешекъ, перекинутыхъ черезъ грязный ровъ вблизи уродливой мельницы, затѣмъ площадку, расположенную передъ низенькою глиняною тюрьмою. Завидя насъ, часовой бросился къ ружью и, растопыривъ ноги, отдалъ честь съ такимъ болѣзненнымъ усиліемъ, ну точно два дня голодалъ, что очень могло быть; — караульные сарбазы спали въ растяжку на голой землѣ, животами внизъ. Большая часть изъ нихъ—малорослы, тщедушны, слишкомъ молоды для военной службы, вообще далеко не воинственной наружности и точно стыдились самихъ себя и своего мѣшковатаго форменнаго костюма. Тюремный корридоръ, выходящій на другой дворъ съ губернаторскимъ жильемъ, охранялся дремавшимъ часовымъ—чахлымъ мальчишкою, котораго растолкалъ подошедшій *наибъ-аввель* (поручикъ) и приказалъ сдѣлать честь намъ.

— Какова дисциплина?!.. — замѣтилъ Б. — Не только-что здѣсь, но даже при посольскомъ домѣ, въ Тегеранѣ, часовые не стѣсняются бросать свои ружья и отправляться по сосѣдству выкурить кальянъ; точно также распоряженіе главнокомандующаго войсками, обязывающее сарбазовъ отдавать честь чиновникамъ посольствъ и консульствъ, далеко не выполняется, — продолжалъ сѣтовать онъ.

Но на этотъ разъ нельзя пожаловаться: ему оказывали вездѣ обязательную почесть...

Правая стѣна ветхаго губернаторскаго дворца съ открытою спереди *аудіенцъ-залою* и телеграфною станціей вверху, украшена изразцами старинной работы, съ разрисованными христіанами, между которыми выдается швейцарецъ въ широкополой шляпѣ, предшествуемый собачками... За этимъ дворцомъ—другой, въ которомъ собственно проживаетъ губернаторъ, тоже носитъ печать разрушенія; — само-собою, эти палацы, нѣсколько выдающіеся надъ массою городскихъ глиняныхъ домовъ, далеко не сравнятся по своимъ скромнымъ размѣрамъ и архитектурѣ даже съ послѣднимъ каменнымъ домишкомъ на Петербургской сторонѣ.

Затѣмъ, маленькій плацъ съ нѣсколькими ветхими сарайчиками, и торчащими передъ ними 5-ю—6-ю пушками на покачнувшихся въ сторону зеленыхъ лафетахъ.

— Версты не проѣдутъ — колеса разлетятся въ дребезги, замѣтилъ Б.

На мое желаніе посмотрѣть поближе эти орудія, къ жерламъ которыхъ еще въ прошломъ году безпощадный губернаторъ привязывалъ тюркменъ и разстрѣливалъ, онъ намекнулъ, что «подобное любопытство можетъ уронить наше достоинство передъ персами». Вообще Б. *дипломатически* увертывается отъ моихъ разспросовъ, а скучный Ж. положительно не отвѣчаетъ на нихъ: или онъ стѣсняется имъ, или не желаетъ разговоромъ на улицѣ нарушить персидское приличіе,—не разберу, тѣмъ болѣе, что, воспользовавшись удобною минутою въ глухомъ переулкѣ, прилегающемъ къ консульству, онъ шепнулъ мнѣ: «А въ Рештѣ-то консулъ ходитъ безъ этихъ церемоній!..»

Не успѣли мы подняться въ залу, какъ уже сарбазы доставили консульскія стулья и подносъ съ вышеупомянутыми плодами въ пишкешъ, играющій немаловажную роль въ персидской жизни, составляя доходную статью если не для самихъ господъ, то ихъ слугъ.

Въ половинѣ восьмого часа вечера доносятся къ намъ съ лагеря печальные звуки рожковъ, смѣняемые пискливою флейтой и мелкою дробью барабановъ,—это вечерняя заря. Затѣмъ, гдѣ-то вблизи, раздался выстрѣлъ, другой, третій.

— Въ городѣ можно стрѣлять, вяло замѣтилъ Б...—кругомъ глина: пожаровъ нечего бояться; впрочемъ на моей памяти однажды загорѣлся здѣсь домъ, и пришедшій молла долго молился съ народомъ, но огня никто не тушилъ...

Ружейные выстрѣлы смолкли, въ воздухѣ пронесся протяжный *азанъ*, мальчишки вторятъ ему на всѣ голоса, гдѣ-то оселъ несносно ревѣтъ, а изъ саду откликнулись дружнымъ хоромъ сотни лягушекъ. День кончался для правовѣрныхъ, а мы только-что усѣлись за персидско-аристократическій столъ: обыкновенная закуска—очень вкусный овечій сыръ—*пениръ*, посыпанный травкою *марзе*; впрочемъ, его ѣдятъ и *съ мятой;* обѣдъ состоялъ (кромѣ супу) изъ *помпловъ-истамбули* — это рисъ съ круглишками изъ рубленой баранины, облитый сокомъ; *шишъ-кебабъ* — это изжаренные на вертелѣ кусочки баранины съ саломъ (*шишъ*—вертелъ или желѣзная палочка, *кебабъ* —жаркое); затѣмъ, отличный бифштексъ изъ баранины и пловъ, преимущественно съ кисленькими соусами изъ зелени, а также и съ инбиремъ (не вкусенъ); десертъ: сочная, кисло-сладкая алыча, отъ которой скоро набивается оскомина, и хорошія дыни, стоющія здѣсь по копѣйкѣ за штуку.

— Но ароматическія испаханскія вкуснѣе, а мешхедскія безподобны, замѣчаетъ Б., вытирая губы и руки, по персидскому обычаю, объ исполинскую лепешку (лавашъ), которую персы вмѣстѣ съ тѣмъ и съѣдаютъ, а намъ она только замѣняетъ салфетку.

Вообще консульскій столъ излишне роскошенъ (чего требуетъ, однакожъ, «достоинство Россіи»), но баранина и баранина пріѣдается сильно, а воловье мясо встрѣчается на базарѣ чрезвычайно рѣдко: персы держатъ быковъ исключительно для полевыхъ работъ.

— Недавно прислали мнѣ съ Гязскаго берега нѣсколько дикихъ поросятъ—продолжалъ гастрономическую бесѣду Б.:—поваръ не рѣшился прикоснуться къ нимъ, мнѣ тоже не хотѣлось оскорблять персовъ, т. е. осквернить ихъ землю кровью поганыхъ животныхъ, и я распорядился завернуть ихъ въ мѣшки, вывезти за городъ и пустить на свободу, но на слѣдующій же день персы изловили ихъ для своихъ конюшень, чтобы лошади жирѣли (по этому повѣрью даже губернаторъ держитъ свинью).

— Говорятъ, что сертипъ, послѣ сладкой бесѣды съ нами и горячихъ пожатій, тщательно вымылъ руки, замѣтилъ Б. на другой день, отправляясь со мною въ 5 часовъ пополудни къ мѣстному дипломату — главному чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ *Неджефъ-Кули-аги*, предувѣдомленному о нашемъ визитѣ, согласно обычаю, еще съ утра.

Сегодняшнее шествіе параднѣе вчерашняго: одинъ изъ четырехъ слугъ несъ великолѣпную попону тамбурной работы, за ними выступалъ назиръ, затѣмъ консулъ и я ѣхали вер-

хомъ, за нами шли линейцы, щегольски одѣтые: на одномъ— все вооруженіе блестѣло накладнымъ серебромъ съ золотыми насѣчками; за ними плелся безобразный старый негръ — слуга мирзы, замыкавшаго «церемонію» верхомъ на осликѣ въ своей замѣчательной тегеранкѣ на бекрень и съ канцеляріею въ карманѣ. Вообще забавный видъ, но смѣяться въ торжественныхъ случаяхъ, да еще съ дипломатическими цѣлями, было бы «преступно», и мнѣ приходилось часто прибѣгать къ платку, между тѣмъ, какъ Б., сгорбившись на англійскомъ сѣдлѣ, поддерживалъ достоинство Россіи.

Передъ полуразвалившимся жильемъ персидскаго дипломата расположилось нѣсколько всадниковъ, какъ-бы на бивуакѣ, а у воротъ—вытянулись шесть слугъ его, во главѣ съ унтеръ-офицеромъ въ темно-фіолетовомъ казакинѣ, малиновыхъ шальварахъ, съ медалью на груди и палкою въ рукахъ—разгонять любопытныхъ, но таковыхъ не оказалось. При нашемъ приближеніи, они разомъ сдѣлали движеніе правыми руками къ колѣнямъ, т. е. поклонились намъ, и, присоединившись къ консульскимъ слугамъ, пошли вмѣстѣ. У воротъ мы слѣзли съ коней и уже безъ казаковъ вошли во внутренній дворъ, загаженный глиною и сырцомъ, изъ которыхъ сооружался новый домъ безъ всякаго плана; здѣсь стоялъ караулъ и часовые,—послѣдніе отдали намъ честь, а слуги, ставъ при входѣ въ жилье дипломата по сторонамъ насъ, опять поклонились, и мы безъ нихъ и только съ мирзою сзади поднялись по чрезвычайно крутой, винтообразной лѣстницѣ въ пріемную залу крестообразной формы. Трещины въ стѣнахъ, матовыя стекла въ дверяхъ и огромный хорассанскій коверъ съ кошмами по сторонамъ — на полу; въ одномъ углубленіи стоялъ круглый столикъ съ четырьмя разнокалиберными стульями, въ другомъ—столъ, покрытый сукномъ и тоже два старыхъ стула,—на полу третьяго—лежалъ кожаный ветхій портфель.

Насъ встрѣтилъ съ крайне-утонченными пріемами тощій дипломатъ высокаго роста, съ крашенными въ черный цвѣтъ растрепанными усами и жиденькою бородой,—огромный носъ съ горбомъ, сложенныя въ сахарную улыбочку тонкія губы, большіе желтые зубы и серебряное колечко съ бирюзою *на чистой рукѣ* и только съ выкрашенными *хною* ногтями въ формѣ миндалинъ,—смушковая шапка, —обшитый шалевыми ленточками

свѣтло-гороховый *сердари* съ открытымъ воротомъ, изъ-подъ котораго виднѣлась *коба* изъ лиловаго атласа, — ситцевый архалукъ съ прорѣзами подъ мышками отъ пота (какъ и въ верхнемъ костюмѣ), и наконецъ — полотняная сорочка, нѣсколько обнажавшая мохнатую грудь; черные брюки, изъ-подъ которыхъ снизу бѣлѣлись каленкоровые шальвары, и бѣлые носки довершали костюмъ.

Низко кланяясь, онъ пожималъ намъ руки и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ меня «за удовольствіе видѣть у себя».

— Уже со дня моего пріѣзда я трепещу отъ счастья лицезрѣть многопочтеннаго дипломата, отвѣчалъ я на его душистый букетъ черезъ Б., когда мы чинно усѣлись вокругъ стола, не снимая шапокъ и шляпъ, но жара побудила меня нарушить этотъ священный обычай, само-собою, съ разрѣшенія хозяина.

Б. справился о здоровьѣ губернатора.

— Сильно болѣнъ, отвѣчалъ онъ, придавъ тону и лицу оттѣнокъ грусти,—въ послѣдній разъ онъ едва слѣзъ съ коня: такъ стянуло ему жилы въ ногахъ. Докторъ дѣлалъ операцію— еще хуже, а теперь ногу обернули въ овечью шкуру — сдѣлалось легче.

— А какъ поживаетъ самъ нашъ другъ, докторъ?

— Его ушибла лошадь;— жаловался на нестерпимую боль, но я сказалъ въ утѣшеніе ему: «ты отправилъ на тотъ свѣтъ тысячи людей,—за это постигла тебя кара!»

Оба дипломата разсмѣялись.

— Я буду радъ—обратился онъ ко мнѣ, бесѣдуя съ Б. о предполагаемомъ развитіи русской торговли въ Персіи—рекомендовать пріѣзжихъ гостей губернаторамъ въ Шахрудъ и Мешхедъ; кстати хорассанскій эмиръ—пріятель мнѣ.

— А я—добавилъ Б.—отнесусь къ нему за этими полезными рекомендаціями оффиціально, тѣмъ болѣе, что на вашъ счетъ—какъ извѣстно мнѣ—не существуетъ между персидскими властями никакихъ подозрѣній.

— Спросите, разойдутся ли здѣсь наши товары?

— Къ прискорбію, ваши товары не разойдутся въ нашемъ Астерабадѣ, отвѣтилъ Неджефъ-Кули-ага,—можетъ быть, мы съ губернаторомъ купимъ по 30 фунтовъ чаю, да прочіе—фунтовъ сто,—вотъ и все.

— Чѣмъ же это объяснить?

— Близостью города къ Россіи; наши торговцы сами ѣздятъ за товаромъ къ вамъ и, довольствуясь ничтожнымъ барышемъ, сбываютъ его здѣсь дешево. Если же вы — продолжалъ онъ — доставите дешевыя сукна и ситцы, мѣдную и чугунную посуду прямо съ Гязскаго берега въ Шахрудъ, но только *въ извѣстное время*, то-есть два раза въ годъ, передъ вашими ярмарками, когда запасы нашихъ рынковъ на исходѣ,—ручаюсь за выгодный сбытъ ихъ въ хорассанскихъ городахъ и даже въ Авганистанѣ; въ другое же время они не разойдутся...

— Въ нашемъ караванѣ есть много галантереи, есть часы, цѣпочки...

— Никто не купитъ.

— Есть инструменты для разнаго мастерства.

— Развѣ только въ Тегеранѣ пойдутъ въ ничтожномъ количествѣ.

— Полотно, для бѣлья.

— Если не дороже 3—12 рублей за штуку, немного разойдется.

Хотя Неджефъ-Кули-ага—дипломатъ, но впослѣдствіи личный опытъ убѣдилъ меня въ высокой цѣнности его торговыхъ показаній...

Слуга съ темно-оранжевыми миндалинами на ногтяхъ (въ подражаніе господину) подалъ намъ по полу-чашкѣ душистаго кофе; босой негръ въ тегеранкѣ, желтомъ архалукѣ и синихъ шальварахъ, принесъ кальянъ, съ трубкою и резервуаромъ изъ массивнаго серебра съ золотыми украшеніями, а соединяющая ихъ деревянная трубочка и чубукъ были топорной работы;— подавая его хозяину, онъ предварительно снялъ трубку и выдулъ изъ резервуара свой дымъ послѣ раскурки, что дѣлается изъ вѣжливости всегда и всѣми гостями, при передачѣ кальяна одинъ другому.

Б. предложилъ своему собрату по профессіи папиросу, и тотъ, покуривая ее, оживленно бесѣдовалъ съ мирзою; и оба они, поминутно приговаривая: белю, белю, белю (да, да, совершенно справедливо), смѣялись какимъ-то дѣланнымъ, наружнымъ смѣхомъ...

Затѣмъ подали по стаканчику чаю и опять кальянъ; переждавъ—по требованію персидской вѣжливости — пока хозяинъ

не выкуритъ его, мы простились; онъ проводилъ насъ улыбками и рукопожатіями до дверей залы, а его слуга — до воротъ жилья.

— Въ торжественные дни, Неджефъ-Кули-ага одѣвается шутомъ на военный ладъ, замѣтилъ Б. дорогою.

— А именно?

— Въ шитый золотомъ генеральскій мундиръ съ эполетами и пр. и пр.

— Да вѣдь онъ гражданскій чиновникъ?

— Ничего не значитъ; высокопоставленныя особы при денежныхъ средствахъ могутъ наряжаться такъ — шахъ разрѣшаетъ, а иному это нравится...

На другой день консула извѣстили, что личный секретарь губернатора *мирза Бехрамъ*, облеченный имъ въ званіе вице-губернатора, прибудетъ къ нему съ визитомъ въ 5 часовъ пополудни.

— Любитель тянуть коньякъ и водочку, замѣтилъ онъ.

— Я не выйду, проговорила его жена.

— Почему? спросилъ я.

Она не показывается во время посѣщенія меня властями, исключая только высокоторжественныхъ дней, когда я задаю имъ оффиціальные обѣды съ шампанскимъ.

— А губернаторъ будетъ у васъ?

— Очередь за нимъ, но по болѣзни, вмѣсто него, увидите Бехрама.

— И вы всегда считаетесь визитами?

— Да; притомъ же я вижусь съ нимъ только по важнымъ дипломатическимъ дѣламъ.

— Пойду шербеты готовить дли этого Бехрама, проговорила Б.

— А гдѣ-жъ служанка?

— Отправилась покататься по городу.

— Какъ покататься? заинтересовался я.

— По-мужски, верхомъ на лошади въ сопровожденіи козака...

При этомъ Б. посвятила меня въ искуство приготовлять

самый лучшій шербетъ изъ *тамаринта*, который настаиваютъ, какъ чай и, прибавивъ къ нему сахаръ, дѣлаютъ сиропъ, разбавляемый водою по вкусу; шербетъ изъ померанцеваго и лимоннаго сока тоже не дуренъ...

Бесѣдуя у окна, мы замѣтили на улицѣ ожидаемаго гостя, и торопливо вышли въ виноградную бесѣдку принять его.

Это былъ плотный субъектъ, съ темно-смуглымъ до черноты лицомъ; низкій, морщинистый лобъ, огромный горбатый носъ, толстыя губы и бычачьи глаза на выкатѣ; костюмомъ онъ смахивалъ на почтеннаго торгаша: смушковая шапка, изъ-подъ короткаго коба гороховаго цвѣта выглядывали полы полушелковаго архалука,—распахнувшаяся сорочка обнажала мохнатую грудь,—синія шальвары, бѣлые носки и башмаки.

— Утромъ была свалка на базарѣ между народомъ и сарбазами; губернаторъ поручилъ мнѣ изслѣдовать причины ея, а потому и запоздалъ къ вамъ на цѣлый часъ,—какъ-бы оправдывался мирза передъ Б., послѣ обычныхъ привѣтствій, хотя неаккуратность его истекала изъ ложнаго понятія восточныхъ людей на достоинство человѣка: *точное исполненіе обѣщанія или слова—унизительно*.

— Изъ-за чего же произошелъ безпорядокъ.

— Изъ-за *карапули* (3/4 коп.). Сарбазъ не сошелся въ цѣнѣ съ купцомъ, и подрался съ нимъ; товарищи поддержали сторону его, а торговцы—своего; вышло побоище, и въ результатѣ получилось много разбитыхъ носовъ и головъ, но виновныхъ не оказалось.

— Значитъ, откупились, замѣтилъ Б.

— Нѣтъ ли у васъ игорныхъ картъ и картинокъ? обратился ко мнѣ вице-губернаторъ.

— Какихъ картинокъ?

— Соблазнительныхъ, Наполеоновскаго режима; онъ хочетъ сдѣлать подарокъ губернатору, пояснилъ Б.

— Нѣтъ; а игрушки найдутся.

— Игрушки не разойдутся здѣсь, везите въ Тегеранъ: знатныя особы раскупятъ ихъ для своихъ женъ въ гаремы, посовѣтовалъ Бехрамъ.

— А нѣтъ ли у васъ клистира, слабительныхъ порошковъ, горчицы, хины и кофе, въ которомъ городъ нуждается теперь?—продолжалъ онъ, вынувъ табакерку изъ папье-маше, съ опіумомъ, и откусывая кусочекъ, причемъ на его рукѣ блеснулъ брилліантовый перстень.—Губернаторъ поручилъ узнать, не найдется ли у васъ дешевыхъ суконъ, не дороже полутора рубля за аршинъ, для подарковъ женамъ, а также: ножей, вилокъ, ложекъ, чайныхъ ложечекъ и приборовъ?

— Найдется.

— Не желаете ли купить или промѣнять на товары этотъ брилліантъ? 60 рублей заплатилъ, предложилъ онъ, передавъ мнѣ свой перстень и вынимая изъ вмѣстительнаго кармана *коба*, завернутый въ чехолъ, тридцатикопѣечный перочинный ножикъ тульской работы.

— Нѣтъ ли такихъ ножей?—штукъ пять купимъ.

Затѣмъ вице-губернаторъ безцѣльно выгрузилъ оттуда же свою канцелярію: свертокъ писчей бумаги, пеналъ изъ папье-маше съ чернильницей, тростниковымъ перомъ, ножницами и проч., и ситцевый мѣшочекъ, служащій для храненія связки серебряныхъ колечекъ съ именными и разными форменными печатками изъ сердолика; повертѣлъ-повертѣлъ въ рукахъ и опять спряталъ, а взамѣнъ того вытащилъ изъ-за пазухи серебряные часы на шелковомъ снуркѣ съ миніатюрнымъ компасомъ константинопольской работы, для указанія положенія Мекки, по направленію которой молятся правовѣрные, и крѣпко призадумался...

— Бывали ли вы въ Россіи? обратился я къ нему за чаемъ, когда бесѣда о торговлѣ уже истощилась.

— Нѣтъ, но когда я бываю здѣсь (т. е. у консула) и читаю путешествіе нашего шаха Насръ-ед-дина, то чувствую себя точно въ Европѣ...

За кальяномъ онъ сообщилъ Б. самую послѣднюю новость:

Семь лѣтъ тому назадъ одинъ тюркменинъ убилъ сына богатаго астерабадскаго купца; теперь же родственники убитаго, узнавши, что убійца задумалъ тайкомъ пріѣхать въ городъ, подкараулили его у Мешхедскихъ воротъ и бросились на него, чтобы отмстить кровь за кровь «по праву кровавой мести» (по Шаріату), но тотъ успѣлъ укрыться въ близь-лежащую часовню «Абдулаха», брата Имама Ризы, и тѣмъ оградилъ себя отъ ярости осаждавшей его толпы. — Мечети и прочія «святыя мѣста благочестія» составляютъ *бэстъ*, или священныя пристанища, недоступныя ни для правосудія, ни для насилія; въ нихъ мо-

жетъ безнаказанно укрыться всякаго рода преступленіе, даже шахъ пасуетъ нарушать этотъ, освященный временемъ обычай, ревностно поддерживаемый духовенствомъ. Случалось, что цѣлые полки, недовольные правительствомъ или начальствомъ, укрывались въ бэстѣ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворяли ихъ претензій. Еще недавно русскій бѣглый солдатъ спрятался въ одной мечети, кажется, въ Мазандеранской области, и наши власти не могли вытребовать его отъ персидскихъ. По словамъ Б., консульскій домъ тоже пользуется такою привилегіею.

— Теперь—продолжалъ гость—тюркменина караулятъ трое персовъ, но у этой *собаки* припасено три ружья, что держитъ стражу въ почтительномъ разстояніи отъ него.

— А если онъ умретъ съ голоду, какая же имъ польза отъ того?

— Не умретъ; ему приносятъ пищу. И вѣроятно его не убьютъ, а промѣняютъ на плѣнныхъ персовъ или, вообще, войдутъ въ сдѣлку съ нимъ; можетъ быть, онъ согласится принять нашу вѣру, т.-е. перейти изъ *сюнни* (суннитовъ) въ *шійя* (шииты), тогда получитъ полное помилованіе.

Прощаясь, вице-губернаторъ тихо спросилъ Б., указывая на меня: «Зачѣмъ онъ все записываетъ?» — «Собираетъ торговыя свѣдѣнія». Но едва ли этотъ отвѣтъ успокоитъ персидскую подозрительность.

Соскучившійся Б. ушелъ къ себѣ, а наступившая вскорѣ послѣ того чувствительная сырость и безпокойныя летучія мыши прогнали и меня.

На слѣдующій день вошелъ ко мнѣ просіявшій Ж.; хандры, какъ не бывало: счастливецъ завтра уѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Баку, и теперь, на радостяхъ, приглашаетъ меня объѣхать кругомъ городской стѣны, обѣщаясь показать двѣ мѣстныя диковинки: «каменнаго человѣка» и «ступню пророка Иліи», а вмѣстѣ съ тѣмъ взглянуть на осаждаемаго тюркменина. Консульскіе слуги, подавая мнѣ отличную лошадку, поклонились на лѣвый бокъ, и въ половинѣ шестого часа вечера мы выѣхали въ сопровожденіи двухъ линейцевъ.

Застоявшійся жеребецъ, почуявъ просторъ за городскими стѣнами, понесъ меня по вьющейся тропинкѣ въ чаще колючихъ кустовъ, перепрыгивая рытвины, камни и другія препятствія; прочіе—летѣли въ слѣдъ, но при такой скачкѣ легко было сломать себѣ шею, и я едва сдерживалъ дрожавшаго отъ избытка силъ коня.

Вздымающійся террассами Эльбурсъ то темнѣетъ сплошными лѣсами, то зеленѣетъ травкою лужковъ, а вправо—за кустами терновника и гранаты—разстилается необъятная гладь тюркменской степи; воздухъ переполненъ ароматомъ цвѣтовъ и веселымъ щебетаньемъ пташекъ,—широко дышется здѣсь!..

Намъ не удалось взглянуть на «ступню пророка Иліи», и тщетно искали мы по кустамъ между камнями «окаменѣлаго человѣка».

— Вѣроятно персы увезли его, замѣтилъ запыхавшійся Ж., объясняя мнѣ, что этотъ камень съ весьма грубымъ рельефомъ человѣческой фигуры въ сущности столько же похожъ на человѣка, «сколько свинья на лошадь», но у туземцевъ сложилось объ немъ такое преданіе: «одинъ пастухъ далъ обѣтъ Богу принесть въ жертву овцу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приключилась съ нимъ какая-то бѣда, но вмѣсто того—сходилъ за нуждою, и тутъ же мгновенно окаменѣлъ, или, какъ персы говорятъ: «былъ обращенъ въ камень за поруганіе святыни». Консулъ просилъ мѣстныхъ властей и духовенство дозволить ему отправить этотъ камень въ нашу академію наукъ, но тѣ отказали и, вѣроятно, припрятали его куда-нибудь подальше.

Лѣвѣе мешхедскихъ воротъ стоитъ маленькая часовня «Абдулаха», въ глубинѣ которой изъ открытыхъ дверей виднѣется гробница этого святаго, но тюркменина уже не было здѣсь; по словамъ моллы-сторожа, его недавно увели отсюда, подъ охраною, въ городъ къ высшему духовному лицу: ибо этотъ кяфыръ-суннитъ, изъ разсчета сохранить себѣ жизнь, согласился сдѣлаться правовѣрнымъ шиитомъ.

— Дай нанабатъ (15 к.), обратился къ Ж. здоровый на видъ оборвышъ-нищій.

Ему дали двѣ карапулы—не доволенъ.

— Дай кранъ (30 к.), низко кланялся молла-сторожъ; но но такъ какъ онъ не впустилъ насъ въ часовню, хотя иные

туристы и посѣщали ее, то милосердіе Ж. ограничилось одною карапулой.

Проскакавъ мимо лагеря съ сарбазами, занятыми омовеніемъ въ грязныхъ канавкахъ, мы возвратились домой усталые, но съ добрымъ запасомъ аппетита...

— Завтра ѣдемъ съ г. секретаремъ на берегъ,—не сдѣлаете ли порученій какихъ? спросилъ вошедшій ко мнѣ урядникъ.

— Нужно бы припасти на дорогу въ Шахрудъ двѣ бутылки рому.

— На берегу транзитный ромъ, въ 60 к., будетъ лучше нашего двухрублеваго, продаваемаго на Ашуръ-Аде.

— А Табакъ?

— У армянъ можно достать очень хорошій и не дорого.

Поручивъ ему купить то и другое, я занялся корреспонденціею; въ письмѣ къ повѣренному торговаго каравана Глуховскаго, совѣтую: не везти въ Персію русскаго сахару, дорогого сравнительно съ продаваемымъ здѣсь марсельскимъ, и ѣхать въ Шахрудъ прямымъ путемъ черезъ горы, а не болѣе длиннымъ—черезъ Астерабадъ, какъ то приключилось со мною по недоразумѣнію или заблужденію, въ которое вводитъ общество «Кавказъ и Меркурій» людей, впервые пріѣзжающихъ сюда, называя въ своихъ росписаніяхъ портъ Гязь—Астрабадомъ, отстоящимъ отъ берега еще на добрыхъ 50 верстъ!—Далѣе, я просилъ его немедленно выслать мнѣ ящики съ инструментами и матеріалами, безъ которыхъ я какъ безъ рукъ.

Консулъ тоже занялся приготовленіемъ къ завтрашнему утру почты въ Россію и Тегеранъ.

Послѣ ужина онъ сообщилъ мнѣ, что купеческій старшина Ага-Мамедъ-Касымъ въ гостяхъ у мирзы поджидаетъ меня на бесѣду о торговыхъ дѣлахъ, и я отправился туда съ урядникомъ; темь—непроницаемая.

— Осторожнѣе здѣсь!—Не упадите въ эту яму! поминутно предостерегалъ онъ, освѣщая путь тусклымъ фонарикомъ.

У воротъ насъ встрѣтилъ негръ, доставшійся мирзѣ по наслѣдству отъ отца, и хотя онъ теперь «свободный», но изъ преданности продолжаетъ рабски служить ему.

Послѣ непремѣнныхъ привѣтствій и пожеланій, хозяинъ съ гостемъ усѣлись въ крошечной гостинной на корточки, мы—на сундукъ; подали чай, но сильная усталость и невыносимый

толмачъ-урядникъ ограничили мой дѣловой визитъ только пятью минутами...

По приглашенію Б. утромъ пришелъ въ садъ архитекторъ, въ засусленомъ зеленомъ кобѣ и съ прутикомъ вмѣсто аршина, составлять смѣту постройки новой оранжереи на мѣстѣ старой, представляющей теперь одну яму съ перегнившими деревянными частями отъ постоянной сырости, и съ перебитыми стеклами на ветхой покрышкѣ ея.

— У него и циркуль есть, хвасталъ Б. глубиною знаній своего архитектора, апатично поглядывавшаго на составляемый мною планъ новой оранжереи, въ которомъ не смыслилъ ничего, хотя онъ практикъ—недурной.

Два-три вялыхъ слова о дѣлѣ закончились оживленно переданною гостемъ послѣднею новостью: сегодня глашатай объявилъ обывателямъ о присланномъ шахомъ при фирманѣ (манифестѣ) «сундукѣ правосудія», который завтра будетъ поставленъ въ главной мечети съ подобающею церемоніей въ присутствіи народа, а базаръ на это время закроется.

Такіе сундуки разосланы во всѣ города Персіи съ благою цѣлью дать возможность несправедливо обиженнымъ властями письменно заявлять свои жалобы, которыя и будутъ періодически доставляться курьерами въ Тегеранъ, для разбора ихъ въ высшей инстанціи...

— «Сундукъ правосудія» везутъ! вскрикнулъ Б. на другой день утромъ, бесѣдуя съ женою у окна, и мы отправились на вышку съ флагомъ—издали взглянуть на церемонію. Наискось виднѣлась открытая мечеть съ дворикомъ, доступнымъ каждому правовѣрному во всякое время дня: здѣсь онъ можетъ отдохнуть, предаться созерцанію, выкурить кальянъ и побесѣдовать; на мечетской вышкѣ уже предавались кейфу 5—6 человѣкъ, а на дворикѣ стояло съ десятокъ. Спустя минуту появился губернаторскій полицейскій съ палочкою; за нимъ безпорядочно тянулись гуськомъ: молла, губернаторскій сынъ, замѣнившій больнаго отца, нашъ пріятель вице-губернаторъ и нѣсколько именитыхъ купцовъ, безъ сомнѣнія, каждый—съ своими слугами.

Я прибѣгнулъ было къ подзорной трубкѣ, что видимо встревожило почтеннаго Б.; или подобное любопытство унизительно

для консульскаго достоинства, или его осторожная политика принизилась до трусости, до подобострастія передъ персами, или же онъ не желаетъ, чтобы кто другой помимо него сообщалъ мѣстныя свѣдѣнія.—Не знаю, что именно руководило его отношеніями ко мнѣ, крайне стѣснительными для свободнаго, возможно-полнаго знакомства моего съ городомъ, но фактъ — таковъ! Да, фактъ, ибо, не говоря уже объ его уклончивыхъ отвѣтахъ (свойственныхъ, впрочемъ, всѣмъ дипломатамъ), онъ на отрѣзъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ прочесть торгово-статистическія свѣдѣнія объ Астерабадѣ, и даже выговорилъ Ж—у за то, что тотъ далъ мнѣ просмотрѣть кое-какіе ничтожные матеріалы, касающіеся Гилянской области. Зло отъ подобныхъ канцелярскихъ тайнъ очевидно: Россія, положительно незнакомая съ потребностями своей сосѣдки—Персіи, дала возможность укрѣпиться въ ней заграничной торговлѣ въ ущербъ своей. А на комъ же лежитъ прямая обязанность знакомить насъ съ нею, какъ не на консульствахъ, тѣмъ болѣе, что время-то, время у нихъ некуда и дѣвать!..

Далѣе мы ничего не видѣли. Подоспѣвшій къ завтраку мирза, какъ участникъ церемоніи, сообщилъ, что она ограничилась чтеніемъ фирмана, обдѣланнаго въ рамку подъ стекломъ, а «сундукъ правосудія»—это складной ящикъ изъ краснаго сафьяна, съ прорѣзомъ, для запечатанныхъ писемъ; тотъ и другой повѣсили на стѣнѣ мечети, и приставили къ нимъ часовыхъ.

— То-есть, свидѣтелей тѣхъ, кто бы дерзнулъ заявить жалобу? договорилъ я.

— И вѣроятно ни одинъ обиженный не рѣшится жаловаться, т.-е. не рискнетъ своими пятками и кошелькомъ! прибавила Б.

— А чѣмъ кончилось дѣло съ тюркменомъ? справился ея мужъ у вѣстника базарныхъ новостей.

— Принялъ *шійю* и освобожденъ, но изъ боязни своихъ прежнихъ единовѣрцевъ—не вернется на родуну, а его мать привезутъ къ нему сюда.

— А разрѣшилъ ли мнѣ губернаторъ осмотрѣть монетный дворъ? спросилъ я.

— Хотя губернаторъ соглашается съ большимъ удовольствіемъ дать вамъ въ провожатые туда своего унтеръ-офицера, но арендаторъ говоритъ, что: серебра нѣтъ, а потому и чеканки не будетъ.

— Политичный отказъ!

— Арендаторъ имѣлъ непріятность отъ консульства, и чего-то опасается, успокоивалъ себя Б., очевидно, недоволный безуспѣшностью дипломатическихъ переговоровъ по столь важному дѣлу.

— Не хотите ли въ нашу баню? предложилъ онъ мнѣ вечеромъ.

— А въ персидскую?

— Насъ не пустятъ.

— И даже за хорошій пишкешъ?

— Врядъ-ли; впрочемъ, мнѣ удалось въ г. Казвинѣ пробраться въ баню съ двумя французскими туристами, но какъ?!—Послѣ продолжительныхъ переговоровъ о платѣ, хозяинъ или смотритель кликнулъ голыхъ баньщиковъ, которые и протащили насъ на своихъ плечахъ по ней дабы мы не опоганили ее своимъ прикосновеніемъ,—вотъ и все, а помыться — все-таки не удалось.

— Мнѣ бы цырульника нужно.

— Пожалуй *одинъ* согласится побрить за хорошую плату...

Консульская баня или, вѣрнѣе, ванна расположена въ саду о бокъ дома: низенькая дверь ведетъ въ крошечную переднюю съ ванною и каменными приступками, на которыхъ раздѣваются, а отсюда идутъ темнымъ узенькимъ корридоромъ въ большую комнату, съ полушарнымъ сводомъ, слабо освѣщаемую крошечными круглыми стеклами сверху.—Бритоголовый консульскій баньщикъ усадилъ меня на кирпичную лежанку, смазанную алебастромъ въ смѣси съ золою и саломъ, и вымылъ очень плохо, вѣроятно потому, что располагалъ только своими жесткими желтыми ладонями да кусочкомъ вонючаго мыла мѣстнаго приготовленія, изъ кунжутнаго масла; холодная и горячая вода въ резервуарахъ—мутна; она, какъ и вся баня, нагрѣвается трехдневною топкою подъ поломъ черезъ отверстіе, расположенное внѣ ея.

— Эй, принеси бѣлье! крикнулъ я на другой день утромъ, завидѣвъ въ окно своего перса-прачку.

Черезъ часъ онъ доставилъ мнѣ омерзительно-вымытыя сорочки, а плату запросилъ выше петербургской!...

Сборы въ путь—коротки: купленный войлокъ въ полтора рубля замѣнитъ мнѣ постель подъ открытымъ небомъ, мѣдный чайникъ—самоваръ, а съѣстныхъ припасовъ: хлѣба, мяса, яицъ и огурцовъ—хватитъ до Шахруда.

Затѣмъ я укупорилъ собранные мною матеріалы: образчики ходкихъ русскихъ и транзитныхъ товаровъ, древнія монеты и пр., для отправки ихъ на сохраненіе къ астраханскому губернатору; но веревокъ, для перевязки тюковъ, не оказалось на базарѣ: онѣ замѣняются здѣсь непрочными шерстяными шнурами...

У Б. я засталъ мирзу за рекомендательными письмами для меня. Въ нихъ говорилось о содѣйствіи мнѣ, какъ *высокостепенному купцу*, согласно трактатамъ...

— Кстати—проговорилъ Б.,—я получилъ письмо отъ таможеннаго смотрителя съ гязскаго берега; онъ обѣщаетъ взять пошлину съ товаровъ Глуховскаго по соглашенію съ повѣреннымъ его, какъ то обыкновенно дѣлается съ нашими торговцами; вь свою очередь и мы снисходительны къ персидскимъ купцамъ.

— Сколько же онъ беретъ съ нихъ вмѣсто установленной пошлины въ 5% со стоимости товаровъ?

— Иногда 1%, — это зависитъ отъ условій и подарковъ... А чтобы съ васъ не взяли произвольно вторичной пошлины въ мешхедской таможнѣ—продолжалъ Б.,—я вамъ вышлю своевременно *ярлыкъ*, т. е. свидѣтельство за моею подписью въ томъ, что она уже уплачена вами на гязскомъ берегу;—кромѣ того, упоминаю объ этомъ въ письмѣ къ правителю Хорассана, — иначе—стянутъ, какъ то дѣлаютъ съ персидскими купцами.

— Двѣ пошлины въ предѣлахъ одного государства?!

— Этого мало, — произволъ доходитъ до того, что таможенные пристава, оцѣнивающіе стоимость товаровъ, взимаютъ гораздо больше 5%, хотя съ уплатившихъ ее въ Гязи не слѣдуетъ брать ни копѣйки...

Затѣмъ Б. написалъ письмо въ Шахрудъ къ Баумгартену, на-дняхъ извѣстившаго его, что помѣщеніе для меня уже готово, и въ Мешхедъ—нашему агенту, старшинѣ русскихъ торговцевъ, бухарцу Хаджи-Ибрахиму, «который имѣетъ спутникомъ честь»,—по крайней мѣрѣ, этимъ выраженіемъ начиналось посланіе къ нему.

— Вы непремѣнно подарите ему головку сахара, нѣсколько фунтовъ чаю и на халатъ, посовѣтовалъ онъ мнѣ, и продолжалъ:—я получилъ отъ него вчера интересное для васъ извѣстіе: на-дняхъ правитель Хорассана разбилъ вблизи Мешхеда скопище *тюркменъ-Текке*, а это пораженіе на-долго укротитъ ихъ; много взято въ плѣнъ, еще больше—отрубленныхъ головъ...

— Которыми украсятся ворота Тегерана? спросила Б.

— Теперь уже не дѣлаютъ этого, а въ доказательство побѣды надъ врагомъ ихъ складываютъ въ сараяхъ...

Нашъ знакомый персидскій дипломатъ тоже приготовилъ рекомендаціи къ вышеупомянутымъ властямъ, начинающіяся такъ: «Двѣ блестящія, дружественныя державы, Персія и Россія... etc...»

Послѣ обѣда явился консульскій *чапаръ* (курьеръ) Али-акберъ,—черномазый, мускулистый *тюрки* (т. е. турецкаго происхожденія), и, выслушавъ молча распоряженіе Б., приготовиться къ отъѣзду со мною въ Шахрудъ, удалился съ достоинствомъ, которому могли бы позавидовать даже наши особы, находящіяся въ зависимости отъ службы или капитала.

— Смѣтливый, энергичный и замѣчательно-выносливый человѣкъ! замѣтилъ Б.: — онъ пролетаетъ на своей лошадкѣ 469-верстное разстояніе изъ Астерабада въ Тегеранъ въ 4 сутокъ, а ѣздить туда съ моими депешами ему приходится часто.

— По-русски знаетъ?

— Ни слова.

— А червадаръ?

— Пару словъ.

Въ подобномъ критическомъ положеніи, для путешествующаго съ научными цѣлями, оставалось только составить на клочкѣ бумаги нѣсколько необходимыхъ вопросовъ и фразъ на персидскомъ языкѣ, какъ напримѣръ:

Чи зестъ?—Это что?

Исми ин чи зестъ?—Какъ называется это?

Беде абъ, или, какъ выговаривается: бедехъ.—Дай воды.

Чаи михаемъ.—Чаю хочу.

Ва-истимъ.—Остановимся.

Явашъ.—Тихо.

Зудъ.—Скорѣе.

Боро.—Пошелъ, и т. п.

Было уже поздно. Б. предавался обычному созерцанію въ пространство на своемъ обычномъ мѣстѣ у стѣнки; его жена полудремала, я обшивалъ кисеею свою шляпу.

— Съ вами отправляется сладкая булка, обратилась ко мнѣ она, протирая глаза.

— Какая?

— Для Баумгартена; онъ всегда присылаетъ намъ фрукты —мы приготовили ему куличъ.

— Что-жъ еще передать ему?

— Кланяйтесь...

Я простился.

— Да не уменьшится ваша тѣнь, процѣдилъ Б., провожая меня до дверей залы, и больше мы не видались...

X.

ПЕРЕВАЛЪ ЧЕРЕЗЪ КУЗЛУКЪ.

Сегодня 7 іюля. Ночь провелъ тревожно, а въ 5 часовъ утра уже былъ на ногахъ; термометръ показывалъ +19 R° въ тѣни. Назиръ внесъ шумящій самоваръ, но аппетита у меня положительно не было. Вслѣдъ за нимъ вошли за моими вещами хилый старикъ—чевадаръ и бравый курьеръ въ бараньей шапкѣ, архалукѣ, ватныхъ, снизу стянутыхъ шерстяными тесьмами, штанахъ, башмакахъ, съ винтовкою за плечами и двумя длинными пистолетами, съ раструбами, за кушакомъ.

Не дожидая копотливо-вьючившаго вещи чевадара, я отправился съ нимъ въ путь; базаръ былъ уже въ разгарѣ; часовой, сидя на землѣ передъ караульнымъ домомъ или казармою, дремалъ, а его ружье, вмѣстѣ съ прочими, стояло въ козлахъ...

За городскими воротами встрѣтился намъ верхомъ на ослѣ персъ съ длиннѣйшимъ фитильнымъ ружьемъ, дальше—пѣшій, а за нимъ женщина на лошади кормитъ ребенка, да нѣсколько навьюченныхъ кожами катеровъ съ колокольчиками, за которыми плелся покуривающій изъ мундштучка чевадаръ—значитъ, бывалъ на Аширѣ,—вотъ и вся загородная жизнь!

Курьеръ вынулъ изъ хурджина козырекъ на шнуркѣ и повязалъ его съ боку шапки.

Опять сплошь потянулись тѣнистые лѣса, но далеко не такъ роскошные, какъ съ Гязи до Астерабада. Нашего чевадара еще нѣтъ; мы сбились съ тропинки и блуждали въ чащѣ съ полчаса, пока не наткнулись случайно на телеграфный столбъ.

Невыносимо путешествовать безъ переводчика, даже не задаваясь научными цѣлями!... Когда истощается мой лексиконъ на клочкѣ, приходится объясняться съ курьеромъ знаками, а

тотъ, въ свою очередь, бормочетъ что-то по-персидски, приговаривая на каждый мой вопросъ: бели, — бели, или въ такомъ родѣ:

— Исми ин чи зестъ? спрашиваю я, указывая на встрѣчный ручеекъ.

— Рудханеи (рѣка), отвѣчаетъ онъ.

— Исми ин чи зестъ Рудханеи?

— Рудханеи, опять отвѣчаетъ онъ, — и такъ я не добился отъ него названія ни одного встрѣчнаго на пути ручья.

Въ ожиданіи червадара мы расположились въ десятомъ часу на отдыхъ въ волшебной мѣстности, при въѣздѣ въ глубокое ущелье, на берегу бурнаго потока: далеко разносится гулъ его, а вблизи одиноко поетъ соловей; накрапываетъ дождь, меня клонитъ сонъ...

Мимо прошли четверо нищенски-одѣтыхъ путниковъ и одна босая женщина съ спящимъ ребенкомъ на груди, за ними тащилась на катерѣ старуха въ красномъ платкѣ, вмѣсто чадры, съ быстроглазою дѣвочкою сзади и пѣтухомъ въ одномъ изъ переполненныхъ хурджиновъ; въ сторонѣ подъ деревомъ прохожій закусывалъ чурекомъ и огурцами, запивая ихъ водою изъ кувшина, а курьеръ, озираясь, украдкою ѣлъ полученные отъ меня пирожки.

Наконецъ-то показался нашъ червадаръ на скудоволосомъ осликѣ, съ моимъ зонтикомъ за спиною; его ноги то болтались въ воздухѣ, то волочились по землѣ, въ рукахъ—дымился глиняный кальянъ; за нимъ бодро шагалъ о-бокъ навьюченнаго катера конвойный сарбазъ, въ ветхомъ архалукѣ, синихъ шальварахъ съ краснымъ кантомъ и въ парадной мѣховой шапкѣ съ прицѣпленнымъ съ боку козырькомъ. Можетъ быть, внимательныя власти выслали его охранять меня въ дорогѣ—не знаю: во всякомъ случаѣ, молодой воинъ сильно трусилъ нашихъ клячъ и былъ склоненъ къ наблюденіямъ, что подало мнѣ поводъ построить нашъ караванъ въ боевой порядокъ, безъ сомнѣнія, не съ цѣлью предохранить его отъ вражьихъ нападеній, отъ которыхъ эта мѣстность, кажется, безопасна, но чтобы скрытно вести свой путевой журналъ даже отъ консульскаго курьера и тѣмъ отстранить отъ себя нелѣпыя подозрѣнія: сарбазъ предшествовалъ червадару на осликѣ и вьючному катеру, за которымъ ѣхалъ курьеръ, а я прикрывалъ тылъ, зорко слѣдя за ними и наблюдая мѣстность; въ такомъ порядкѣ мы двинулись по ущелью.

Въ полдень мои спутники сотворили омовеніе въ бурливомъ потокѣ;—затѣмъ началось восхожденіе на заоблачный *Кузлукъ*.

Утомительно въѣзжать на крутизну, да еще послѣ дождя, и мы спѣшились; конямъ легче, но намъ не лучше: ноги подкашиваются, потъ льется градомъ, костюмъ хоть выжимай. Запыхавшійся и весь мокрый вьючный катеръ, еле-двигаясь впередъ, скользитъ, спотыкается и поминутно останавливается перевести духъ, а бѣднаго ослика червадаръ подталкиваетъ въ задъ,—иначе нейдетъ; вообще, понуканій и возни съ ними не мало.

По дорогѣ бѣлѣются кости, вѣроятно, павшей на тяжкомъ подъемѣ заморенной скотины; гдѣ-то вдали грохочетъ потокъ, а жажда мучительна. Мои спутники точно спали съ тѣла.

Встрѣтился путникъ съ лошадью, навьюченною снѣгомъ съ Шах-ку (царскихъ горъ), и всѣ съ жадностью запустили руки въ него, ѣдятъ и предлагаютъ мнѣ, но я не рискнулъ послѣдовать ихъ примѣру, тѣмъ болѣе, что спасительный ромъ подкрѣпляетъ мои силы, а вблизи нашелся родникъ прозрачной, какъ хрусталь, холодной воды, освѣжившей караванъ.

Поднялись выше—прохладныя облака окутали насъ: дрожь пробираетъ и на сто шаговъ вокругъ ничего не видать. Еще выше, и облака очутились подъ ногами у насъ: точно моремъ покрылось ими глубокое ущелье, надъ крутизною котораго вьется дорога, а лѣсъ склонился надъ нимъ...

До зеленѣющей вершины еще далеко, но, изнеможенные, мы въ пятомъ часу расположились на ночлегъ подъ открытымъ небомъ на пестрѣющей цвѣтами изумрудной лужайкѣ.

Развьючиваемся. Курьеръ разостлалъ для меня войлокъ. Замѣнивъ фуфайкою мокрый костюмъ, я съ наслажденіемъ растянулся, вдыхая полною грудью горный воздухъ; легкій вѣтерокъ и разлитый кругомъ тончайшій ароматъ вливаютъ новыя силы, а волшебный видъ кругомъ наполняетъ душу неизъяснимымъ блаженствомъ. Вершина Кузлука, одѣтая, какъ кажется отсюда, въ пестрѣющій цвѣтами зеленый бархатъ, вѣнчается рядомъ отчетливо-рисующихся въ прозрачной синевѣ небесъ телеграфныхъ столбовъ и деревьевъ; правѣе, вдали высятся обнаженныя горы, изборожденныя бѣлыми, желтыми и

темными полосами; еще правѣе и прямо передъ нами — волны и кряжи горъ зеленѣютъ сплошнымъ лѣсомъ; налѣво, по низкимъ и также лѣсистымъ вершинамъ ползутъ, скользятъ и дымятся легкія облака, а внизу — подъ нами они клубятся изъ глубокихъ долинъ и ущельевъ густымъ дымомъ.

Вдали послышался звонъ колокольцовъ и голоса семьи съ пѣтухомъ въ хурджинѣ: мужчины ободряютъ криками отставшихъ женщинъ, эхо откликается имъ глухо въ горахъ, а съ другой стороны несется къ намъ ропотъ скрытаго отъ глазъ горнаго потока.

Усталые путники остановились въ десяти шагахъ отъ насъ; двое изъ нихъ пошли съ нашимъ сарбазомъ въ лѣсокъ ближайшей долины—набрать хворосту для костра; курьеръ отправился съ кувшиномъ за ключевою водой къ чаю; хилый старикъ-червадаръ закутался съ головою въ войлочную *абу* (плащъ съ прорѣзами вмѣсто рукавовъ) и повалился на мокрую землю; женщины лежа кряхтятъ, пѣтухъ ихъ ходитъ тутъ же, а вьючный скотъ пасется вблизи.

Принесли дровъ, курьеръ разложилъ около меня костеръ и кипятитъ въ чайникѣ воду для чаю, прочіе курятъ кальянъ, я собираю растенія...

Но вотъ меня охватилъ влажною свѣжестью легкій, дымчатый слой и прошелъ дальше—это скользнуло облачко; заморосилъ дождь и вскорѣ затѣмъ видъ окрестностей измѣнился: густомолочныя облака слились съ небомъ кругомъ, и только рельефно-рисующаяся на немъ разнотѣнная вершина правой горы и наша покатая полянка, ярко освѣщаемая лучами заходящаго солнца, кажутся оторванными клочками отъ земли между небомъ и моремъ облаковъ.

Термометръ понизился на +10R°., пришлось прибѣгнуть къ пуншу и другой парѣ шерстяныхъ штановъ.

Къ ночи окрестности очистились отъ облаковъ; кругомъ тишь, ароматъ и появилось нѣсколько комаровъ, но они не злы. Сарбазъ торопится спать и, не зная гдѣ Мекка, молится на сѣверъ, пора и мнѣ на покой; не раздѣваясь, не снимая съ себя револьверовъ, я закутался въ отсырѣвшее одѣяло и, подложивъ въ изголовье сѣдло, растянулся на войлокѣ.

Слышу въ полудремотѣ, какъ пропѣлъ путешествующій пѣ-

тухъ... Затѣмъ неясный шумъ и говоръ многихъ голосовъ: это подъѣхали еще путники, и опять все смолкло...

Выстрѣлъ снова разбудилъ меня; открываю глаза—въ моихъ ногахъ, у костра, чернѣется силуэтъ курьера, выстрѣлившаго на воздухъ съ внушительною цѣлью: «берегитесь, молъ, воры-сосѣди, въ запасѣ есть пули!» Послѣ того онъ запѣлъ звучнымъ голосомъ національную пѣсню, и долго долго разносилась она по окрестностямъ въ тиши темной ночи. Оберегая меня, бѣдняга не смыкалъ глазъ цѣлую ночь.

Въ 4 ч. утра чу-у-уть дребезжитъ свѣтъ; западный вѣтерокъ по временамъ потянетъ прохладою къ намъ. Природа просыпается: слышится нѣжное щебетанье пташекъ, — поднялись и мы.

Одни молятся, червадаръ за кальяномъ, курьеръ кипятитъ воду, между женщинами громкій говоръ и дѣтскій плачъ. Ко мнѣ подвели дрожащаго отъ стужи больного мальчика, — далъ ему чаю съ ромомъ, а подсѣвшая къ нашему костру его мать, съ открытымъ лицомъ, молча куритъ кальянъ: какъ изборождено морщинами лицо этой еще не старой женщины!..

Въ 5 час. позолотились верхи горъ, а спустя десять минутъ изъ-за нихъ выплыло блестящее солнце и ярко освѣтило освѣженные ночною росою ихъ склоны,—пора въ путь.

Опять пѣшкомъ и въ разбродъ тяжело поднимаются путники въ гору; старухи стонутъ и часто присѣдаютъ на камни перевести духъ; одна изъ нихъ, опередившая со мною прочихъ, пугливо озираясь по сторонамъ, украдкою протягиваетъ ко мнѣ кусокъ чего-то, съ виду похожаго на пирогъ; я отказываюсь, она настаиваетъ, съ непонятнымъ для меня состраданіемъ и даже мольбою въ лицѣ. Можетъ быть, это мать больного мальчика, получившаго отъ меня помощь.

Не доходя версты до вершины, я оглянулся на мѣсто нашего ночлега: площадка нѣжно зеленѣла подъ утренними лучами солнца, костеръ еще дымился, несло пустыней, а какъ оживлялось она присутствіемъ человѣка нѣсколько минутъ тому назадъ!

Наконецъ-то мы вскарабкались на Кузлукъ, возвышающійся слишкомъ на 8 т. фут. надъ уровнемъ моря; со стороны Астерабада открылась великолѣпная панорама на Тюркменскія степи, а съ противоположной—на обнаженный гребень Шах-ку

съ полосками снѣга въ разсѣлинахъ его; курьеръ звонко запѣлъ...

Дорога пошла по ровной площади, усѣянной мелкимъ камнемъ и изрѣдка колючками; затѣмъ начались крутые спуски по южному склону Эльбурса, замыкающаго съ сѣвера гористую возвышенность Ирана въ 3—4 тысячи футовъ средней высоты. Кругомъ пустынно, и только кое-гдѣ виднѣется единственное, растущее здѣсь, можжевеловое деревцо (Luniperus), да кочкообразные кустики колючихъ растеній,—разбредшееся стадо овецъ, да парящій надъ ними орелъ или ягнятникъ,—не разберу...

— Гдѣ кончился Кузлукъ? спрашиваю червадара при спускѣ въ узкую долину съ ручейкомъ, скудными посѣвами ячменя и пшеницы, рѣдкими мазанками съ плоскими крышами и полуразрушенными башенками, нѣкогда служившими защитою отъ тюркменъ.

— Кузлукъ нѣтъ, Кузлукъ умеръ! замахалъ онъ головою, указавъ рукою назадъ, объясняя тѣмъ, что мы уже перевалили его.

Въ 11 час. остановились переждать зной вблизи родника студеной воды; слѣды костровъ и обожженые камни, для варки пищи, свидѣтельствуютъ, что здѣсь нерѣдко отдыхаютъ путники.

Съ какимъ удовольствіемъ снимаешь большіе сапоги, неудобные для путешествія по Персіи, и растягиваешься на войлокѣ! Правда, мошки, мухи и множество неотвязчивыхъ оводовъ кусали насъ не меньше лошадей, но я прикрылъ лицо кисеею и уснулъ... Не надолго: раскаленный, какъ на пожарищѣ, воздухъ разбудилъ меня въ часъ; термометръ показывалъ 32° R., мухи жужжали на солнцѣ, катеръ и осликъ стояли, понуря голову; люди спали, закутавшись съ головами въ войлочные плащи (аба); а на ближайшей полоскѣ пшеницы все также торчитъ *пугало* съ растопыренными руками и въ шапкѣ, вмѣсто головы.

Мимо протащилось нѣсколько лошаковъ съ огромными вьюками хлопка; сзади — шелъ чарвадаръ и ѣхалъ верхомъ армянинъ въ тегеранкѣ, съ козырькомъ на бокъ; затѣмъ, проѣхалъ молла на ослѣ и прошли бѣдные райеты съ посохами въ рукахъ, съ узлами за спиной—видно богомольцы.

Поѣхали дальше. Дорога круто свернула съ долины въ мрач-

ныя горы, и вскорѣ начался крутой подъемъ; огненный воздухъ, а воды ни капли, и только вѣтерокъ иногда освѣжаетъ изсохшій ротъ и разгоряченное до крайности тѣло; спускъ еще хуже: усѣянная камнями тропинка лѣпится на краю пропасти, въ разсѣлинахъ бѣлѣются кости; при малѣйшей неосторожности легко слетѣть туда, и мы, спѣшившись, осторожно пробираемся гуськомъ, а лошади скользятъ по наклонной плоскости подъ угломъ въ 50°—страшно за нихъ!..

Пройдя дикое ущелье или дефиле *Джилинъ-Билинъ*, сплошь усыпанное глыбами и осколками камней, мы вырвались на просторъ узкой долины съ просачивающимися родниками, маловоднымъ ручьемъ и признаками близкаго жилья: скудными посѣвами пшеницы и разбредшимся по покатостямъ горъ стадомъ овецъ.

Курьеръ торгуетъ козленка у красавца-пастуха съ мужественнымъ, смуглымъ лицомъ, въ мохнатой шапкѣ, синемъ архалукѣ и *въ лаптяхъ*; долго онъ размышлялъ, ощупывая красивое животное, за которое тотъ запросилъ 3 панабата (45 к.), и молча отъѣхалъ прочь, объяснивъ мнѣ, что цѣна дорога.

Далѣе намъ встрѣтились двѣ прелестныя смуглянки-дѣвушки, въ короткихъ сорочкахъ и шальварахъ, съ серпами въ рукахъ и вязанками травы за спинами; жадно озирая насъ, онѣ направились къ едва-выглядывающей изъ-за горъ деревушкѣ *Ташъ*, лежащей на границѣ Астерабадской области съ Бастамо-Шахрудскою губерніею; отсюда начинается *Хорассанъ* или, какъ прозвалъ его кровожадный воитель Надиръ-шахъ: *Мечъ Персіи*, состоящій большей частью изъ безводныхъ пустынь и обнаженныхъ кряжей съ рѣдкими оазисами городовъ и деревень

Курьеръ свернулъ на дорожку къ деревнѣ, но догнавшій его впопыхахъ червадаръ что-то горячо размахиваетъ руками, и тотъ поѣхалъ опять долиною, съ бѣшенствомъ обратившись ко мнѣ:

— Фарсиски (фарси — персы) — не хорошъ! Тюрки хорошъ, о, хорошъ! Фарсиски—не хорошъ!..

Далѣе слѣдовала простонародная россійская брань... Очевидно, что консулъ скрылъ отъ меня столь обширныя познанія своего курьера въ нашемъ языкѣ, а тотъ проговорился.

Въ седьмомъ часу вечера мы остановились на ночлегъ опять

подъ открытымъ небомъ, но далеко не въ поэтической долинѣ между двумя хребтами обнаженныхъ горъ съ полосками песчанаго и краснаго цвѣта,—нѣсколькими можжевеловыми деревцами да кочкообразно-растущими колючками; у подножія праваго изъ нихъ шумитъ мутный ручей, на берегу котораго съ трудомъ отыскалось чистое мѣстечко, для насъ: вездѣ болотина отъ родниковъ, колючки или слѣды костровъ обычныхъ здѣсь приваловъ, вообще—неприглядно, но лучше, чѣмъ въ д. Таши, слывущей недоброю славой и въ особенности ядовитыми клопами «Шебъ-Гезъ», о чемъ меня предупреждали еще въ Астерабадѣ.—Укушенный ими, что обыкновенно случается ночью, испытываетъ сильное лихорадочное состояніе и позывъ къ чему-нибудь особенному: сладкому или жирному, но къ обыденной пищѣ теряетъ аппетитъ;—больного отпаиваютъ молокомъ, закутываютъ въ мѣшокъ съ прорѣзомъ для головы и, закрутивъ его на деревѣ, отходятъ въ стороны съ молитвами; мѣшокъ быстро раскручивается, что вызываетъ у несчастнаго мучительную рвоту, далеко не исцѣляющую его. Туземцы попривыкли къ этимъ рѣдкимъ насѣкомымъ, и убѣждены, что «если проглотить одно изъ нихъ съ хлѣбомъ,—прочіе не будутъ кусать», или: «если проѣзжій, войдя въ домъ на ночлегъ, немедленно возьметъ съ очага землю на палецъ и, положивъ ее въ ротъ, проговоритъ: *и я здѣшній*,—они не тронутъ его»,—но ни то, ни другое въ дѣйствительности не помогаетъ безпомощнымъ персамъ...

Съ разсвѣтомъ отправились дальше. Вправо одиноко стоитъ придорожный караванъ-сарай «Таджеръ», заброшенный, кажется, съ тѣхъ поръ, какъ сарбазы убили, гдѣ-то поблизости тутъ, англичанина Лонгфильда. Поднялись по крутому подъему—открылась ширь безжизненной долины съ извилистымъ ручейкомъ вправо и буграми «Канаутовъ» (водопроводныхъ отдушинъ, вѣрнѣе колодцовъ) въ отдаленіи.

На горизонтѣ зазеленѣли пятнами сады деревушекъ, окрестныхъ съ Шахрудомъ и Бастамомъ... Уже одиннадцатый часъ. Въ раскаленномъ воздухѣ—мертвая тишь: +35 Р°.

Навстрѣчу ѣдутъ райеты съ измятыми лицами, кто въ мѣховой, а кто въ войлочной шапкѣ съ бѣлымъ козырькомъ на сторонѣ; одинъ сидитъ бокомъ на навьюченномъ ослѣ, другой—верхомъ, волоча ноги по землѣ; за спиною у послѣдняго торчитъ

длиннѣйшее ружье съ двузубцемъ или деревянною рогатиной съ желѣзными наконечниками, служащею подставкой во время стрѣльбы,—это милиціонеръ. Далѣе плетется пѣшій въ войлочной шапкѣ, въ формѣ усѣченнаго конуса, и въ кожаныхъ лаптяхъ съ перевязанными онучами по колѣно, а за нимъ ѣдетъ верхомъ на катерѣ закутанная въ чадру его жена, съ вытянутыми ногами на паланѣ, т. е. на широкомъ сидѣньѣ изъ войлока, замѣняющемъ здѣсь сѣдло. Одни привѣтствуютъ меня: «селямъ амалейкюмъ»; — другіе: «здрястай», третьи — прикладываютъ руки къ виску,—значитъ, бывали на гязскомъ берегу.

Повстрѣчался красивый сейидъ въ зеленой чалмѣ:

— Здрястай, проговорилъ онъ, указавъ рукою въ сторону.

— Шахрудъ? спросилъ я.

— Шарюдъ, Шарюдъ, закивалъ онъ головою.

Мы поскакали впередъ и, перегнавъ дремавшаго на ослѣ тщедушнаго перса безъ шапки подъ палящими лучами солнца, круто свернули вправо на гладкую площадку, замкнутую съ трехъ сторонъ обнаженными скалами съ дьявольскимъ проѣздомъ изъ торчащихъ остріями глыбъ; за нимъ, какъ на ладони, открывался обнесенный высокими стѣнами глиняный городъ Шахрудъ, за воротами котораго уже поджидалъ насъ нукеръ Баумгартена...

